

Александр Попов

Полная история ислама и арабских завоеваний

Предисловие

В наши дни интерес к исламу как к культурному и общественному явлению огромен и, видимо, будет развиваться по нарастающей. Этот интерес затрагивает все аспекты этого мультикультурного явления: древнюю историю и великую культуру, структуру общества и государственное устройство, мировоззрение человека и основы религии, истоки великих цивилизаций ислама...

Все эти вопросы актуальны не только для тех, кто называет себя мусульманами и стремится к еще более полной самоидентификации, к постижению фундаментальных критериев своей религии и нации, но и для представителей иной культурной традиции, для нас, европейцев.

Пережив апокалипсические прогнозы конца XX века, многие всерьез заинтересовались экзистенциальными проблемами человеческого существования и в поисках первоисточков обратили свой взор к мистической мудрости древнейших культур и религий. Арабский мир всегда казался европейцам непостижимо загадочным и мудрым, к тому же он ежедневно напоминает о своем существовании в новостных сводках – это и острые экономические и социокультурные проблемы развивающихся стран, и последние исторические открытия, и пути адаптации в европейском сообществе, и, как это ни печально, частые проявления экстремизма.

Все эти вопросы стоят очень остро, проблемы и пути их решения волнуют множество людей, что делает интерес к истокам и традициям исламского мира практически неослабевающим. И если вы один из людей, неравнодушных к мировой истории, это издание поможет вам поближе познакомиться с путями развития исламской цивилизации; вы сможете получить наиболее полную информацию о зарождении и постепенном распространении ислама по всему миру, о влиянии мусульманской цивилизации на мировую историю, – так что, закрыв последнюю страницу этой книги, вы с уверенностью сможете назвать себя настоящим специалистом по исламскому вопросу.

ГЛАВА 1. «ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ»

Феномен Востока: два пути развития

Восток с его тайнами и загадками всегда интересовал европейских (в том числе и российских) историков и социологов.

Одним из основных вопросов востоковедения являлась попытка определения момента, когда пути Востока и Запада разделились. Европа и Азия: почему и при каких условиях возникли две структуры, два пути развития?

Популярна точка зрения, которая гласит, что переломным моментом в разделении двух цивилизаций послужило возникновение античного общества.

В сущности, доантичное общество было близко к типичной древневосточной структуре. Но благоприятные географические условия, развитые торговые связи и мореплавание – все это вкуче с ориентацией на финикийский эталон развития послужило питательной базой для архаической революции (своеобразной социальной мутации, единственной в своем роде), приведшей к созданию античного государства.

В начале четвертого века до нашей эры, после принятия реформ Солона, в античной Греции возникло государство, точнее некая общественная структура, опиравшаяся на частную собственность (эксплуатацию частных рабов, господство частного товарного производства, ориентированного на рынок) плюс слабую централизованную власть и сильное самоуправление общины или полиса.

Такого не было еще нигде в мире.

Это была революция – только не кровавая, а вполне цивилизованная, экономическая.

При этом новые формы общественной жизни – например, то же господство частной собственности, – породили новые политические, общественные и правовые институты. Это время можно считать моментом рождения системы демократического самоуправления, когда обязанностью и правом каждого гражданина становится участие в общественной жизни полиса, в управлении мини-государством, полноправным членом которого он является. Тогда появились и первые правовые гарантии частнособственнических интересов каждого гражданина, а также признание его права на свободу, права на защиту чести и достоинства и права на свободу предпринимательства, которые способствовали невиданному расцвету творческого и делового потенциала личности.

В новом, античном мире были заложены основы гражданского общества, опиравшегося на поддержку частной собственности и свободные рыночные отношения. В других восточных государствах ничего подобного и в помине не было.

Появление античного государства в Древней Греции и стало тем водоразделом, после которого во всем цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская. При всем различии вариантов неевропейского пути развития они были схожи между собой в двух основных моментах – господствующая роль частной собственности и основы гражданского общества государствам с неевропейской социальной структурой были неведомы.

Античное государство пошло по новому, более прогрессивному пути развития и быстро вырвалось вперед, добившись грандиозных успехов в области экономики, политической администрации, культуры. Да, эпоха античности пала вместе с Римом под ударами варварских племен, но ее достижения не пропали во мраке истории. Уже в средневековой Европе начали очень быстро возрождаться античные принципы – в республиканском устройстве Венеции или Генуи, городах, которые существовали по принципам самоуправления и достигли своего нового расцвета в эпоху Возрождения. И капитализм, после эпохи Великих географических открытий и первоначального накопления капитала, стал детищем именно античности, а не феодализма, как некогда твердили нам на уроках истории.

Европейский путь развития, при том что он проходил через различные структурные модификации (феодализм, античность, капитализм), всегда опирался на частнособственническую активность. Без правовой защиты частной

собственности, без господства частнособственнических отношений капитализм не мог бы возникнуть.

По какому же пути со времен античности шел Восток, культура которого не только не была ниже, но даже порой превосходила по глубине и сложности мироосознания западную?

На Востоке, будь то Древний Египет, Вавилон или Персия, всегда существовал принципиально иной миропорядок, основанный на принципиально других социальных схемах.

Следует отметить, что изначально символическое противостояние двух культур отметили именно европейцы, и именно эта позиция со временем легла в основу современного востоковедения.

История изучения Востока

Развитие активного интереса европейцев к изучению Востока вообще и ислама в частности можно отнести к началу четырнадцатого века. Уже тогда в европейской политической мысли четко была сформулирована концепция «азиатского деспотизма». Символом такого политического устройства стали халифаты – отсутствие правовых гарантий личности, абсолютная власть султана, произвол чиновников – вам это ничего не напоминает?

Впрочем, формулу «азиатский деспотизм» вывел еще почти за две тысячи лет до этого Аристотель в своей работе «Политика», описывая политическое устройство Персии.

В Европе, совершившей громадный скачок вперед в своем социальном устройстве благодаря эпохе Возрождения, интерес к Востоку вновь возродился в середине семнадцатого века. Торговцы, проповедники, путешественники стали издавать подробные описания далеких экзотических стран, из которых можно было узнать про экзотическую природу, странные мировоззрения и непривычное среднему европейцу политическое устройство стран Востока.

Описания буддийских, даосских, мусульманских религиозных обрядов чередовались в этой многочисленной популярной литературе с рассказами об абсолюте центральной власти, о преобладании государственной собственности над частной, о раблепии свободных людей перед теми, кто был выше по чину, о медленном, словно замороженном, ритме жизни, так сильно отличающемся от темпов бурлящей Европы...

Среди популярной литературы и записок путешественников попадались и весьма серьезные исследования, например работа Ф. Бернье, который был придворным врачом падишаха, очень точно описывалось устройство государства Великих Моголов.

Можно также упомянуть работы Ш. Л. Монтескье, Д. Дефо, Вольтера, Ф. Кенэ, причем все эти авторы были весьма противоречивы в анализе восточных порядков – одни пели им хвалебные оды, подчеркивая стабильность такого государственного устройства и строгие моральные стандарты, другие ругали за произвол. Но, так или иначе, Восток воспринимался как другой мир, такой же загадочный и непостижимый, как Космос.

До 1917 года русские востоковеды пользовались большим уважением мирового сообщества историков. До сих пор, например, высоко ценятся, как на Востоке так и на Западе, открытия А. Г. Туманского. Но после революции часть специалистов эмигрировала, кто-то умер, кто-то не вписался в идеологические рамки эпохи – только в 30-х годах двадцатого столетия появились специалисты нового поколения. Основной упор в их работах делался на проблемы революционного движения на Востоке и «современный Восток». Дореволюционного уровня отечественное востоковедение достигло лишь к пятидесятым годам двадцатого века, во многом воссоздав науку востоковедения заново, на пустом месте, – в отсутствие школ и патриархов. Во времена хрущевской оттепели советские востоковеды принимали участие в дискуссии с французскими востоковедами-марксистами (Ж. Сюре Каналем, М. Годеле, Ж. Шено), высказав яркие и неординарные тезисы об азиатском методе производства. Однако вскоре советское востоковедение снова было вынуждено вариться исключительно в своем идеологическом котле – изучая Восток в рамках марксизма и на основе марксистской методологии.

Даниэль Дэфо

Шарль де Секонда барон де Монтескье

Вольтер. Бюст работы Гудона (1778)

Многие поколения европейских востоковедов пытались разобраться, в чем же состоит разница между двумя цивилизациями, – поднимая пласты истории и культуры многочисленных восточных государств, в том числе и тех, которые были почти забыты. Археологи выезжали в пустыни на раскопки древних развалин и обнаруживали древние архивы, которые потом расшифровывали лингвисты, заставляя зазвучать слова на давно исчезнувшем языке.

Работа антропологов в заброшенных племенах Африки, Америки и Австралии помогла уточнить имевшиеся теоретические данные об исчезнувших народах.

Политэкономы (например, А. Смит, обративший внимание на отсутствие на Востоке различий между рентой собственника и налогом государства) также внесли свой вклад в анализ многочисленных сведений о Востоке.

Философы также приняли участие в анализе собранных знаний – в трудах Гегеля, например, полно и глубоко описаны механизмы восточного деспотизма, структура азиатских обществ, высшая контролирующая функция государства и административной системы.

Историки создавали концепции развития восточных государств: английский специалист А. Тойнби обосновал концепцию локальных цивилизаций, суть которой в том, что любая из древних и современных цивилизаций развивается по общим законам – возникает, развивается, приходит в упадок, погибает – и каждая имеет равную ценность для развития человечества. Социологи изучали причины, из-за которых страны Востока не могли развиваться так же динамично, как Запад: изучив исламскую, иудейскую, китайскую культуры, немецкий аналитик А. Вебер увидел причину успеха европейского капитализма в основах протестантской этики.

На протяжении девятнадцатого и двадцатого веков европейское востоковедение при участии философского, политэкономического, социологического, антропологического и культурологического анализа добилось потрясающих результатов. Современные государства Востока и давно исчезнувшие с карты мира государства, их религия, культура, история, социальная структура, экономика, администрация, военное дело – все это было тщательно изучено и систематизировано в толстых многотомных научных трудах. Полученные данные были сопоставлены с результатами антропологических исследований, словом, была проделана гигантская работа (возьмем, к примеру, многотомную серию «Кембриджской истории»), охватывающая историю Востока с древности и до сегодняшнего дня.

Адам Смит

Арнольд Дж. Тойнби (фото Джеймса Хансена, 1962)

Памятник Георгу Гегелю (Берлин)

Что такое Восток сегодня, какими стали мусульманские страны, каковы перспективы их развития, как будет развиваться экспансия мусульман на запад – этим вопросом сегодня озабочены не только специалисты-востоковеды.

Развитие большинства стран современного Востока по-прежнему идет весьма самобытным путем. Часть стран страдает от демографического кризиса и нищеты, другие купаются в изобилии, обеспеченном нефтяными сверхприбылями: строят супернебоскребы, насыпают острова в океане и обеспечивают своих граждан пожизненной рентой. Хотя далеко не все бедуины решили переселиться в города, словно по велению джинна выросшие среди безжизненной пустыни, по старинке предпочитая им своих верблюдов и песчаный ветер. Может быть, знакомство с европейской культурой и свойственной ей идеализацией материальных ценностей и ставкой на материальный успех и стало причиной, затормозившей начавшееся сближение двух культур, и вернуло внимание восточного общества к собственным коренным религиозно-культурным традициям, которые были основой великих цивилизаций древности?

И одна из этих цивилизаций, о которой, собственно, и пойдет речь в этой книге, – исламская.

В плане данной цивилизации существует немало внутренних различий между различными странами и народами – в уровне развития, образе жизни, – но при этом за века своего существования создано немало общего и цельного, свойственного только тем народам, культурам и традициям, которые формировались в рамках и традиции мусульманской религиозной доктрины.

Правильная интерпретация фактов зависит от того, насколько большой объем фактического материала вам известен и насколько адекватно и беспристрастно оцениваются эти факты. Изложить полную историю арабо-исламской цивилизации в

беспристрастном фактическом материале – вот цель, стоявшая перед автором этой книги.

ГЛАВА 2. СКОТОВОДЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

«Остров арабов» до принятия ислама

Родиной ислама стал Аравийский полуостров – громадная часть суши, величиной с четверть Европы, находящаяся между Африкой и Азией. Да, это часть Азии, но сами жители любили именовать свой полуостров именно островом, как бы отделяя себя от остального мира и говоря, что они живут на «Острове арабов». И в самом деле, Аравийский полуостров омывается со всех сторон (с запада – Красным морем, с востока – водами Персидского залива, с юга – Индийским океаном) и связан с сушей лишь небольшим, естественно, относительно его величины, перешейком.

Красное море, Индийский океан, Персидский залив, Мертвое море и реки Евфрат и Иордан, как верные стражи, блюдут его независимость.

Аравия, увы, не слишком благодатная земля. Вдоль Красного моря по полуострову тянутся горы Хиджаза, оставляя перед водой лишь узкую полоску суши, называемую Тихамой. В северной области полуострова находится каменистое плоскогорье Неджд, – тянущееся до берегов Персидского залива и долины Евфрата, – со степями и полупустынями, которых не касались ни мотыга, ни плуг. Условия для сбора обильных урожаев были только на юге, в гористом Йемене, который тогда назывался Счастливой Аравией, и на юго-востоке полуострова, вдоль побережья Индийского океана, где климат становится более-менее пригодным для жизни. Здесь зелень появлялась не только зимой, в сезон дождей, и именно здесь и зародилась земледельческая цивилизация. Обосновавшись в этих местах, предки современных арабов постепенно потекли на север, заселяя редкие оазисы и создавая поселки вокруг колодцев в центральной части полуострова.

Скорее всего, первые жители «Острова арабов» были кочевниками (ведь и одна из расшифровок слова «араб» означает «кочевник»), которые пришли сюда из Африки, покорив мирное население, занимающееся земледелием. Кочевая жизнь требует не только большей организации и агрессивности, но и гораздо более продуктивна, чем земледелие.

Древние арабские легенды говорят, что предки симистов жили сначала в Двуречье, и часть их двинулась оттуда на северо-запад, а часть на полуостров. Первые колонисты полуострова заслужили прозвище «потерянные арабы» –

считалось, что они растворились среди более поздних колонистов, и часть их вовсе была за грехи уничтожена Богом.

Тринадцать сыновей Иоктана, дяди библейского Авраама, за полторы-две тысячи лет до рождения Христа пройдя вдоль Иордана и Мертвого моря, расселились по полуострову. Их потомков, Иоктан (по-арабски Кахтпан), называют «истинными арабами», йеменитами.

Северные жители полуострова, «натурализовавшиеся арабы», считаются потомками Исмаила, сына Ибрахима от рабыни, египтянки Агарь, как ее называют в Библии, или Хаджар, как ее знают последователи Корана. (Это, кстати, не слишком дальнее родство: Исмаил – двоюродный внук Кахтана.)

Впрочем, переселялись на остров и другие их родственники: сыновья Ибрахима от Кетуры, потомки брата Ибрахима Нахора, а также потомки внука Ибрахима Исава. Сын Ибрахима от Сары, Исаак по-библейски, или Исхак, положил начало еврейским племенам.

Все это, естественно, древние мифы, но и реальная история, думается, где-то не очень далеко от них. Таков Восток: сказка перемешивается с былью, и потом уже никак их не различить. Северные и южные арабы, и в самом деле, абсолютно разные, но в чем-то они все-таки похожи...

Возвращаясь же к проверенным фактам, можно сказать вот что: Аравия располагалась в очень удобном месте. Древний Египет, Вавилонское царство, Палестина, страна Хеттов, эллинские государства и Персия окружали полуостров, давая ему великолепные возможности для торговли. Видимо, еще тогда зародился этот прирожденный талант арабов к торговле. Впрочем, на этом удобства заканчивались: близкое соседство с развитыми государствами постоянно искушало тех «прирезать» Остров арабов к своим владениям. В основном, правда, оккупации подвергались окраинные районы Аравии; в центре «острова» привыкшие к минимальной цивилизации и изобильным дарам природы захватчики долго удержаться не могли. Только в первые столетия нашей эры полуостров успел поочередно побывать под Эфиопией, сателлитом, как нынче принято выражаться, Византии, и под Персией.

Арабы, впрочем, в долгу не оставались и помимо искусства торговли великолепно освоили искусство владения оружием, и регулярно то захватывали какие-нибудь соседние территории, то просто потрошили купцов и набирали себе новых рабов на не слишком уютных пустынных тропах.

Византия и Персия, две мощнейших империи того времени, постоянно спорили, кто из них главный, арабы же в этом конфликте занимали то одну, то другую сторону. Впрочем, выполняли они и еще одну важную функцию: служили буфером между цивилизованным миром западных и восточных империй и своим таким же братом арабом, только кочевым. В центральную Аравию, как мы уже сказали, так никто и не добрался, и тамошние племена сохраняли не только полную независимость, но и еще весьма суровый нрав. Кочуя и питаясь в дороге молоком верблюдиц, а в оазисах сея пшеницу и ячмень, эти племена внушали вполне здоровые опасения хозяевам империй. Тем хватало и налогов, что взымали кочевники с торговых караванов за проход по «их территории».

Аравию пересекали торговые пути, связывающие Индию, Иран, Палестину, Сирию и Эфиопию, в том числе и легендарный Великий шелковый путь. Стоило войнам затихнуть, и тут же караванные пути оживали. Из Африки везли рабов, золото и слоновую кость, из Сирии – оружие, зерно и масла, из Китая – шелк, из Южной Аравии – благовония и ткани...

Караванные пути понемногу обустроивались: купцам надо было что-то есть, и изредка хотелось поспать в кровати, а не на песке, или, тем паче, меж горбов верблюда. Практически весь этот бизнес контролировали кочевники, постепенно оседая у караванных путей. Они торговали верблюдами и давали их в аренду; предоставляли вооруженную охрану; а вскоре и сами стали поставщиками товара: кожу, шерсть и скот они могли предоставить в изобилии.

Жизнь кочевых арабов нельзя было назвать легкой – каждое племя было против всех. Источники воды, оазисы и караванные тропы были причиной постоянных междоусобных войн. Договоры о мире действовали лишь до тех пор, пока силы были равны, а сохранить их в таких условиях равными было не слишком просто.

Племена делились на кланы – роды, и глава самого многочисленного, а значит и могущественного, клана был шейхом племени. Шейх, в совете со старейшинами, решал все вопросы, возникавшие в повседневной жизни, а если племя вступало в войну, то он лично получал четверть военных трофеев.

Обычаи кровной мести и гостеприимства блюлись свято. Вы удивитесь, но даже «кровник», которого ждала неминуемая смерть, прикоснувшись к шатру хозяев, уже считался гостем, и ради него забивали последнего барана.

Мелкие племена часто, старясь усилиться, сливались друг с другом, а мощные, наоборот, дробились и расходились: большой толпе трудно найти пропитание в пустыне. Несмотря на то, что в племени царили весьма жестокие законы первобытного строя, в чем-то это была настоящая демократия. Ни шейх, и никто другой не мог ничего приказать арабу лично: любой араб был абсолютно свободен. Налогов так же, естественно, никаких не было: их – в понимании араба тех лет – платят только побежденные, свободный же человек может отстаивать свою свободу с оружием в руках, даже если оно обращено против членов своего же клана. Другое дело, что клан мог изгнать слишком самостоятельного и свободолюбивого соплеменника, и хуже этого ничего не было: такой субъект становился «хали» и переставал быть человеком. Любой, кто сильнее, мог его ограбить, убить или просто забрать в рабство...

Именно этот родоплеменной устав, сочетание бескрайней свободы и полной зависимости, пожалуй, и сформировал характер и мировоззрение арабов. По нашему мнению, пришедший позднее ислам лишь дал им толчок, вывел на орбиту, но не более того.

Пожалуй, тут стоит объяснить и еще несколько немаловажных моментов.

Во-первых, происхождение и родственные связи. При традиции кровной мести начинаешь ценить каждого своего родственника, нравится он тебе или не нравится, понимая, что – в случае чего – твоя кровь не останется безнаказанной, а сам ты лично отвечаешь своей головой за их жизнь и смерть. Вероятно, отсюда идет и другое убеждение арабов, что благородный человек может произрасти лишь от благородных корней. От подонка рождается лишь подонок. Уже в те годы арабы были очень внимательны к своей родословной и помнили ее до восьмого колена как минимум. «Слава и позор наследуются прежде нищеты или богатства», – говорит древняя поговорка. И потому поведение каждого члена племени определялось еще и заботой о детях: ты можешь умереть, но поколениям твоих потомков еще только предстоит носить твой позор.

Второе, требующее пояснения, – отношение к женщине.

Как и в любом кочевом племени, у арабов роль женщины в общине и семье была ничтожна. В скотоводстве нет таких обязанностей, которые бы могла исполнять дама. Дом – всего лишь кибитка; про создание уюта и говорить не приходится; нет и домашних промыслов, где мог бы проявить себя слабый пол. Воспитание детей также было не слишком важно: ведь новых женщин без проблем можно было отбить у соседнего племени, а сын, рожденный от рабыни, считался полноценным членом племени и даже получал часть имущества своего отца. При этом его мать все так же продолжала оставаться в рабстве. Учитывая еще и то, что и воин из женщины никудышный, – ее можно только пожалеть. Ее жизнью, – и не в переносном смысле, как мы привыкли говорить, а в буквальном, – сначала распоряжался отец, затем муж, потом, если он умирал или погибал в бою, женщина переходила по наследству к ближайшему его родственнику. Жен, благо, разрешалось иметь неограниченное количество. Впрочем, по причине бедности большинство арабов могло позволить себе лишь по одной жене.

Рождение женою мальчиков считалось благословением, девочек – проклятием. Проблема, как уже сказано, была в войнах, а раздобыть женщин вовсе не было проблемой. Зачастую новорожденных девочек просто закапывали в землю, и виной этому не столько религиозные предрассудки, сколько та же бедность...

Чтобы развестись, мужчине было достаточно просто объявить об этом публично. При этом даже приданое оставалось у мужа. Впрочем, эта возможность использовалась не очень часто: у жены ведь тоже были родственники, и они могли сильно обидеться, если доводы мужа им казались несущественными. Но в некоторых племенах, правда, все еще царили остатки матриархата, и женщины в «юридических» аспектах жизни, как-то наследование, имели гораздо больше прав, чем мужчины. Да и род считался по женской, а не по мужской линии. А это было, как мы помним, весьма важно.

Естественно, до брака женщины должны были сохранять чистоту, чего не требовалось от мужчин, но вот ходить с закрытыми лицами их тогда никто не заставлял.

Политеизм и другие верования древних арабов

Понятно, что арабы были язычниками. Но вера не занимала в их жизни слишком много места: при кочевой жизни, когда главное – выжить, было порой не до этого. Арабы поклонялись множеству богов, у каждого племени был целый «набор» своих. Одни боги жили в степи, охраняя территории племени, другие, в виде каменных символов (по форме напоминавших лингамы, на арабском «бейт ил» – жилище бога), путешествовали вместе с племенем, качаясь меж горбов верблюдов. В принципе, бетилы не были уж совсем обезличенными, как символы Вишну, и, присмотревшись, можно было разглядеть в них признаки человека.

Вернее, бога.

Обычно эти камни были созданы ветровой эрозией в степи и имели весьма замысловатый вид.

Свой бог не мог подвести племя, а если оно все-таки проигрывало войну, то что же поделаешь: значит, бог соседнего племени оказался сильнее...

Божествами считались и небесные светила. Луна была божеством мужского пола, Солнце – женского, а звезды вперемежку.

Но, впрочем, все это не мешало арабам почитать и верховного бога. В отличие от богов земных и небесных, персонифицированных, имеющих имена и характеры, верховный бог был без личности, и называли его то «Милосердный», то «Повелитель Богов», то «Повелитель Людей». Впрочем, хотя и существуя в представлениях и верованиях, верховный бог не пользовался особой популярностью: ведь он не сочувствовал конкретному племени, а был «за всех». Понятно, что к «своему» богу молитва доходила гораздо быстрее.

Впрочем, секта ханифов почитала как раз верховного бога. Эти люди считали, что после смерти наступает другая жизнь, и потому в этой необходимо вести себя хорошо и совершать добрые поступки: за гробом наступает воздаяние.

Появились и первые аскеты, так же соблюдающие ритуальную чистоту и отвергающие мелких богов. Мелкие боги не выдерживали конкуренции со стороны развитых в соседних землях монотеистических религий:

иудаизма и христианства. Количество христиан в Аравии так же возрастало, и их называли «насара». Но все это были, если так можно выразиться, «городские» религии, которые исповедовали жители оазисов и мегаполисов, другой уклад жизни, наверное, диктовал и других богов.

Богатый язык древней Аравии

Пророк Мухаммед впоследствии утверждал, что арабы ничуть не хуже высокоразвитых соседских народов, просто «запоздали с раскрытием». Стоит признать, что это действительно так: уровень народа, уровень его мышления и культуры очень во многом определяет язык, его выразительность и словарный запас, а арабский тех времен был очень богатым языком.

Письменность в Южной Аравии была известна примерно за тысячу лет до рождения Христа (!) и сложилась на основе арамейского алфавита. Самые первые найденные надписи были сделаны на диалектах южных племен, но литературный язык, немного позже, сложился уже из диалектов северных. Литература была представлена в Аравии только поэзией, но весьма многообразной, с множеством стихотворных размеров, и весьма богатым языком. Стихотворения пользовались большой популярностью, публично читались на площадях, заучивались наизусть, их образные сравнения входили в пословицы и поговорки.

Помимо традиционного восхваления стати и мужества араба, мы находим в поэзии и любовную лирику, и описание прекрасных пейзажей, и философские раздумья... Религиозной лирики практически нет, хотя и встречаются намеки на высшего бога, но, скорее, как аспект философский, нежели религиозный.

Так же высоко ценилось у арабов и красноречие, благо богатый язык позволял развиваться этому искусству. Пророк Мухаммед был прав: нация просто почему-то запоздала с раскрытием. Есть предположение, что виною тому неподходящий для развития городов жесткий климат. Существует версия, что примерно в IV – VI веках нашей эры климат Аравийского полуострова немного смягчился. Что и дало толчок стремительному развитию городов и оседлого земледелия.

Первые упоминания и легенды о Мекке. Кааба

До появления первых сведений о Мухаммеде мы не встречаем в исторических источниках достоверных сведений о Мекке. Возможно, правда, именно о ней рассказывает в своей «географии» Птолемей (II в. н. э.), называя ее Макораба.

Но уже в V веке Мекка считается важным перекрестком торговых путей. В конце VI века, когда отношения между Ираном и Византией обострились, и купцы, не желая случайно оказаться в центре военных действий, стали искать новые маршруты для своих караванов, значение Мекки выросло еще больше. Фактически она стала почти единственной точкой, связывающей континентальные районы Азии с югом Аравии и африканским побережьем.

Помимо центра торговли, благодаря своему положению в очень крупном оазисе, Мекка стала еще и центром земледелия.

Согласно многочисленным легендам, сначала Меккой владело племя джурхум, затем с юга пришло племя хузаа, которое позже было вытеснено племенем курайш (корейш).

Ко времени рождения Мухаммеда курайшиты уже плотно обосновались в этом городе. Основным их бизнесом были верблюды и охрана караванов. Также они взяли на себя и организацию ярмарок, которые проходили здесь дважды в год, весной и осенью. Во время торговых дней, как и во время олимпийских игр в соседней Греции, войны племен прекращались.

Курайшиты взяли под свою охрану и языческих идолов, установленных неподалеку от Каабы. Паломничество в это место охранялось «мирным» законом и приносило мекканцам неплохую прибыль.

Кааба, или «Дом Бога», храм кубической формы, считается древнейшим храмом на Земле.

Его высота 12,5 метров, общая площадь 191 кв. м, а площадь внутреннего пространства составляет 13 X 9 метров. Стены Каабы шириной в один метр. Слово «кааба» в арабском языке означает «высокое место, окруженное почетом и уважением».

Кааба неоднократно перестраивалась, предположительно от 5 до 12 раз, в том числе и до рождения Мухаммеда. Происхождение Каабы не ясно. Согласно мусульманским преданиям, это Пророк Адам, первый человек на Земле, построил данное святилище в знак своего воссоединения с Богом вокруг посланного ему с архангелом Гавриилом «камня прощения».

Сначала этот камень был белого цвета, но, впитывая людские грехи, он почернел, как безлунная ночь. Сейчас Черный камень вделан в стену Каабы на высоте полутора метров и заключен в оправу из серебра. Его видимая поверхность составляет 16,5 на 20 сантиметров.

Черный камень Каабы, или, по-арабски, аль-Хаджар аль-Эсвад, – самый известный священный метеорит. Впрочем, некоторые ученые считают, что это расплавленный песок, смешанный с метеоритным веществом, взятый из кратера Вабар, расположенного в 1080 км к востоку от Мекки в «пустом квартале» Саудовской Аравии. Эту версию подтверждает то, что Черный камень не тонет, о

чем неоднократно упоминается в различных священных текстах, и даже так его однажды опознали, вернув после похищения карматами в 930 году.

Сын Адама Шис (Сиф) сменил деревянное святилище на каменную Каабу. Во времена Пророка Нуха (Ноя), на время потопа, Кааба была вознесена на небеса и потом возвращена. Но место ее было забыто, а Кааба разрушена. Позже Пророк Ибрахим (Авраам) по приказу Аллаха вновь возвел Каабу на этом же самом месте. Его последователи совершали паломничество к Каабе, поклоняясь небесной Каабе, вокруг которой совершают таваф (ритуальные обходы святилища) ангелы.

Постройкой Каабы Ибрахим руководил, стоя на плоском камне, который парил над землей. Камень был принесен архангелом Гавриилом для облегчения строительства и служил чем-то вроде лесов. Этот камень, с отпечатком ступни Ибрахима, называется Макам Ибрахим («место стояния Ибрахима», в переводе на русский) и находится в нескольких метрах от Каабы.

Известно, что уже в III веке до нашей эры Кааба была пантеоном арабских племен: внутри нее было размещено до 360 изображений богов. По некоторым данным, в центре Каабы находился идол Хубала – божества племени курайш в образе человека с золотой рукой, который считался повелителем небес, властелином грозы и дождя. Жители Мекки не препятствовали, подобно римлянам, внесению чужих богов в свой храм, а наоборот, всячески поощряли это, делая свой город центром различных верований.

Около изображений богов арабы приносили жертвы и гадали.

Возможно, в мусульманских преданиях и преувеличивается значение Каабы для тогдашнего арабского мира, но, тем не менее, мекканский календарь был принят по всей территории Аравии задолго до пришествия ислама. Это говорит о том, что Мекка была не только самым крупным городом на полуострове, но и еще городом-законодателем культуры и религии.

Считается, что основал Мекку сын Ибрахима от рабыни Хаджар (Агарь в Библии) – Исмаил. Когда Сарра начала просить Ибрахима избавиться от рабыни и ее сына, он долго не соглашался, но потом получил повеление от Бога и отвез их на указанное Богом место и оставил там. Агарь была удостоена видения ангела, который сказал ей: «Умножая умножу семя твое и не сочтется от множества: се ты во чреве имаши и родиши сына и наречеши имя ему Исмаил (Ишма-эль значит „услышал Бога“): яко услыша Господь смирение твое. Сей будет селный человек, и руце его на всехъ и руки вспехъ на него, и пред лицомъ всея братии своя вселится» (Бытия XVI, 10-12). «О Исмаиле же се послушах тебе: и се благословихъ его, и возвращу его, и умножу его зело: дванадесять языки родит и дам его в язык велий» (Бытия XVII, 20; см. также XXI, 13, 18).

Через некоторое время у Исмаила и Хаджар закончилась вода, и напрасно Хаджар искала колодец или источник: среди голых скал не было даже намека на воду. Тогда Хаджар удалилась от Исмаила, чтобы не видеть предсмертных мучений своего сына. Тот, в отчаянии, начал ударять землю ногой, и вдруг на этом месте забил источник. Хаджар, услышав его крики и думая, что на него напали дикие звери, в великом горе устремилась к сыну. Увидев воду, она напоила его и напилась сама, а чудесный источник бережно огородила камнями, и ныне он называется Замзам.

Ибрахим очень переживал, что оставил сына в пустыне, но Бог утешил его, говоря, что тот не только не умрет, но и станет родоначальником нового народа, весьма многочисленного и воинствующего: «рука его будет на всех».

Ибрахим постоянно навещал Исмаила, наставляя его в религиозных и житейских вопросах, правда, по просьбе Сарры, не сходя с коня. В очередной свой приезд он обнаружил, что Исмаила нет дома, а вышедшая из шатра женщина сказала, что она

его жена, и начала поносить свою бедность и Исмаила. Ибрахим велел, когда Исмаил вернется, описать себя и сказать, что «порог в его шатре весьма плох и требует замены». Исмаил, вернувшись и услышав рассказ, понял, что отец не одобряет его брака, и отослал жену к ее родителям. Второй раз он женился на дочери джурхумита Мадада, местного вождя.

Ибрахим, в очередной свой приезд, снова не застал сына дома, но новая жена обходилась с ним почтительно, предложила ему молока, мяса, фиников и хлеба и, не смотря на все расспросы Ибрахима, говорила, что жизнью она очень довольна. Тот повелел описать себя и сказать, что «новый порог в шатре превосходен». После смерти Хаджар Ибрахим стал часто гостить у сына и по повелению Бога построил Каабу.

От старшего сына Исмаила руководство Каабой перешло к племени джурхумитов, находящемуся под покровительством вавилонян. Но в третьем веке нашей эры другое арабское племя, Бену-Хузаа, осадило Мекку, и джурхумиты, покидая город, разрушили Каабу и засыпали Замзам. Хузаиты восстановили Каабу. Один из потомков Исмаила, Аднан, женившись на дочери вождя хузаитов, поселился в Мекке, а его праправнук Фир, по прозвищу Курайш, стал родоначальником нового племени – курайшитов. Уже через двести лет курайшиты стали настолько мощны, что выгнали хузаитов и из Мекки, и из ее окрестностей. Возглавил это изгнание потомок Фира в седьмом колене Кусай. Это произошло за 150 лет до рождения Мухаммеда.

История этого изгнания вполне напоминает продажу первородства за чечевичную похлебку. Кусай вырос в Ястрибе (Медине), куда был в детстве увезен из Мекки овдовевшей матерью. Вернувшись уже в зрелом возрасте на родину, он женился на дочери Хoleyлы, старейшины вождя племени хузаитов, владевших Каабой. Кусай надеялся, что тесть усыновит его и передаст ему ключи от Каабы. Но тот, хотя и позволял Кусая время от времени замещать себя на должности ключаря, опасаясь обидеть соплеменников, умирая, передал ключи старейшему из рода Бену-Хузаа – Абу-Губшану.

Но Кусай умел ждать. И однажды, напоив Абу-Губшана допьяна, потребовал за очередной мех вина ключи от Каабы. Тот, ничтоже сумняшеся, согласился. До сих пор среди арабов существует выражение «торг Абу-Губшана», означающее крайне невыгодную сделку, а о последней степени глупости говорят: «Он глупее, чем Абу-Губшан».

Но хузаиты не захотели спустить этого просто так и в защиту своих прав подняли оружие. Сил курайшитов для полноценного сражения не хватало, и Кусай вызвал своих родственников из Ястриба, обратившись к своему сводному брату Ризаху, сыну его матери от второго мужа. Так хузаиты были изгнаны из Мекки. А Кусай благоустроил святилище, учредил священное знамя (лива), священный налог (рифаде) и множество должностей, связанных с организацией празднеств: распределением воды, распоряжением процессиями и другими подобными обязанностями.

Внук Кусая Хашим также многое сделал для процветания города. Он, в частности, ввел практику раздачи еды самым бедным слоям населения. Умер Хашим в Сирии, куда отправился с караваном за продовольствием.

Его сын, Шейбу, вырос в Ясрибе, на родине матери. В Мекку его привез младший брат отца, Мутталиб, когда тот уже был юношей. Светловолосого и голубоглазого Шейбу сначала приняли за раба Мутталиба. Вскоре, правда, все выяснилось, но Шейба так и носил до конца жизни прозвище «Абд аль-Мутталиб» – «Раб Мутталиба». Братья Хашима один за другим умирали, что интересно, находясь по торговым делам: Мутталиб в Йемене, а Науфал в Ираке. Только четвертый брат, Абд Шамс, скончался в Мекке.

Шейбу стал старейшиной племени. Впрочем, все видные посты в Мекке занимали потомки Кусая, они же хранили и ключи от Каабы, то есть исполняли почетную обязанность сторожей. Замок на святыню пришлось поставить после нескольких попыток ограбления.

Как-то Шейбу, когда пришла его очередь сторожить, лег спать в ограде храма и во сне увидел духа в человеческом облике. Тот приказал ему:

– Раскопай Тибу!

– Что такое Тиба? – спросил у него Шейба, но тот, не отвечая, удалился.

Наутро Шейба рассказал про этот сон старейшинам, и те решили, что сон этот вещий и имеет какое-то важное значение. По их совету на следующую ночь Шейба лег спать в том же самом месте.

Дух снова явился, но приказал уже раскопать Барру. И, не отвечая на вопросы, которые ему пытался задать Шейба, удалился.

В третью ночь дух велел раскопать Замзам. Но, что удивительно, Шейба не знал и этого названия. В том ли дело, что он был не местный, или в том, что легендарный источник был уже основательно позабыт жителями Мекки, – неизвестно. Дух, потеряв терпение, все-таки пустился в некие туманные объяснения, из которых стало ясно, что речь идет о воде, которая должна утолять жажду паломников, и о месте в ограде Каабы, где «течет кровь, кишат мухи и вороны вьют гнезда».

Этих намеков оказалось достаточно: утром, позвав сына, Шейба отправился к той части ограды Каабы, куда выбрасывались внутренности жертвенных животных, и где и в самом деле было в изобилии мух и воронов, не говоря уже про свернувшуюся кровь.

Убрав скопившийся за многие годы мусор, Шейба с сыном начали копать землю и весьма скоро натолкнулись на камни, которыми был раньше обложен источник. Пришедшие поглазеть городские жители следили за этими действиями с большим интересом, некоторые, правда, считали, что рытье ям в ограде Каабы кощунственно. Впрочем, через пару дней все сомневавшиеся прикусили язык, поскольку на дне ямы появилась вода и были найдены золотые изображения двух газелей и несколько мечей и колец производства сирийских мастеров.

Сразу же возник спор, кому должны принадлежать находки. Шейба считал, что они его по праву, но жители города возражали. В итоге было решено положиться на волю Всевышнего. Было изготовлено шесть гадательных стрел: две золотых, символизирующих антилоп, две черных, символизирующих мечи и доспехи, и две белых – «пустышки». Стрелы были вложены в руку статуи Хубала, самого большого и самого почитаемого бога Каабы, покровителя, в том числе, и гадания. Было решено, что в жеребьевке примут участие три стороны: Кааба, Шейба и горожане. Храмовому гадателю, по традиции, завязали глаза, и он стал вытаскивать из руки идола стрелы, предварительно говоря, для кого он это делает. В итоге золото досталось Каабе, доспехи и оружие – Шейбе, а горожане не получили ничего.

Довольный Шейба прибил и золотых газелей, и свои мечи к дверям Каабы.

Затем стали решать, что же делать с источником. Он не только оказался самым полноводным в Мекке и ее окрестностях, но и вода в нем была отменного качества, гораздо вкуснее, чем где бы то ни было. Из этого спора, кстати, очень четко становится понятно социальное устройство тогдашней Мекки. Жители не только спорят со своим, так сказать, «мэром», но и без их одобрения он не имеет права принять никакого решения. В итоге постановили, что за источником будет все-таки приглядывать Шейба. Про частную собственность на источник воды, естественно, и речи не могло быть; но и такое «беспокойство» приносило приглядывающему за родником неплохой доход.

Источник, видимо, послужил благословением Шейбы не только в материальном плане. Он и так был весьма богат, так что это не слишком его интересовало. Угнетало же Шейбу другое: жены родили ему только одного сына, что по тем временам было не то что мало, а чудовищно мало. Во-первых, один сын вряд ли бы смог достойно содержать отца в старости, да и тому бы пришлось от него зависеть полностью, а во-вторых, люди, которые имели мало сыновей, не пользовались в Аравии никаким авторитетом. Было ясно, что такого человека Аллах не благословляет. Все рождающиеся и рождающиеся дочери лишь вводили Шейбу в еще большую печаль.

Шейба дошел до такого отчаяния, что даже публично пообещал, что если Всевышний подарит ему десять сыновей, то одного из них он принесет в жертву Аллаху.

Но вскоре после открытия Замзама жены Шейбы начали рожать мальчиков и подарили счастливому отцу целых одиннадцать сыновей. При распространенной в те годы младенческой и детской смертности было чудом, что все младенцы остались живы.

Шейба понял, что обещание необходимо исполнять. Собрав сыновей, он объяснил им, что происходит, и те согласились с волей отца: нельзя обижать Всевышнего. Было изготовлено 12 гадательных стрел, на них написаны имена сыновей, и вся мужская часть семьи отправилась в Каабу, к известному нам уже Хубалу.

Гадатель вытащил стрелу с именем Абдаллаха, самого младшего и самого любимого сына. Шейба смирился и с этим. Вынув подготовленный нож для жертвоприношений, он повел Абдаллаха к камням Исафа и Найлы, традиционному месту жертвоприношений, около которого и был найден святой источник. Камни эти, кстати, считались обращенными в камни людьми, наказанными за то, что они решили заняться в Каабе сексом. Не совсем ясно, сделали они это из «хулиганских» побуждений или творя свои религиозные обряды: в то время сакральный секс в храмах был весьма распространенной практикой.

Между тем мекканцы, с интересом наблюдавшие за гаданием, стали отговаривать Шейбу от такого решения, говоря, что подобная жертва может стать плохой традицией, и, к тому же, не ясны ее последствия. Никакое наказание Шейбе за убийство сына не грозило, в те времена каждый мог распоряжаться своим ребенком как ему заблагорассудится, его могло осудить лишь общественное мнение. Больше всех настаивал на неправильности такого решения Шейды Аль-Мугир, родственник его жены, матери Абдаллаха. Он предложил обратиться к прорицательнице, устами которой, считалось, вещал Всевышний. Женщина жила в нескольких сотнях километров от Мекки, в селении Хиджаз, неподалеку от Ясриба.

– Возможно, Аллах захочет другой жертвы, более ценной в его глазах, – говорил Аль-Мугир.

Шейда немедленно, вместе с Абдаллахом, отправился к прорицательнице. Прорицатели древней Аравии мало отличались от своих коллег в остальном мире.

Употребляя психостимулирующие средства, они впадали в транс и начинали вещать, оглашая волю пришедших к ним или вселившихся в них духов.

Но в этот раз что-то пошло не так: предсказательница никак не могла войти в транс. После многих попыток она, уже на следующий день, призвала к себе Шейбу и спросила, объяснив ситуацию, какова в Мекке цена за пролитую кровь.

Шейба рассказал, что в случае пролития крови за прекращение кровной мести берут десять верблюдов.

– Предложи Всевышнему эту цену, – сказала женщина, – а если он откажется, то постепенно увеличивай число верблюдов...

Отец с сыном вернулись в Мекку и снова пришли в ограду Каабы с десятью верблюдами и приготовленными гадательными стрелами.

Девять раз подряд жребий выпадал на Абдаллаха, и каждый раз Шейба пригонял еще десяток верблюдов. Когда верблюдов стало сто, то стрела выпала им. Шейба, опасаясь, не было ли это случайностью, еще дважды просил предсказателя бросить жребий, и он каждый раз указывал на животных.

Верблюды были принесены в жертву, и жители Мекки долго праздновали спасение любимого сына хранителя Каабы, благо мяса жертвенных животных было более чем достаточно.

В 569 году Шейба женил своего любимого сына на девушке из небогатой, но благородной семьи – Амине. Легенды приписывают Абдаллаху невероятную красоту и утверждают, что 200 девушек умерли в Мекке от разрыва сердца, узнав о назначении даты его свадьбы. Этот факт, пожалуй, мы оставим без комментариев.

Через год в браке Абдаллаха и Амины родился мальчик. Ему дали имя – Мухаммед.

ГЛАВА 3. ПРОРОК МУХАММЕД И ЗАРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА (570-632 ГГ.)

Осада Мекки в «год слона»

Пятьсот семидесятый год по Р. Х., в арабских летописях обозначенный как «год слона», выдался для тогдашнего мира непростым. Про «год слона» немного ниже, пока же предыстория.

Курайшиты, как уже сказано, фактически монополизировали окрестную торговлю, и йеменские купцы несли большие убытки. Они не могли торговать сами и были вынуждены пользоваться посредничеством мекканцев. В итоге курайшиты получали основную прибыль от торговли, и в 569 – 570 годах правитель Саны Абрахи отправился в поход на Мекку. Он собирался не просто приструнить курайшитов, но еще и разрушить Каабу, а ее святыни перевезти к себе, сделав свою столицу центром паломничества из окрестных земель. В армии Абрахи даже присутствовали

боевые слоны, что произвело на арабов очень сильное впечатление, ведь такое животное они видели впервые, и год нашествия абиссинцев вошел в летописи как «год слона». Ужас, вызванный появлением этих животных, стал надолго образом стихов и поэм.

Войско Абрахи выглядело очень внушительно и без боевых слонов: большинство курайшитов, не дожидаясь захватчиков, собрали свой скарб и покинули Мекку. Оставшиеся приготовились к осаде. Но, как это ни удивительно, город так и не был захвачен. Легенда говорит, что над войском Абрахи, как только оно стало под стенами города, появились стаи маленьких птичек, которых было настолько много, что они затмили солнце. Каждая птичка держала в лапках небольшой камушек и, оказавшись над войском, бросала его вниз. Захватчики получали раны, гибли тысячами и были вынуждены повернуть назад. Вскоре после этого пошли сильнейшие ливни, и остатки воинства были смыты в Красное море.

Историки, впрочем, настаивают, что разгромили войско Абрахи не птички, а эпидемия оспы, которая как раз в это время впервые пришла на Аравийский полуостров.

Также в этот год Персия наконец-то решила разобраться с Йеменом, и большой военный десант, вышедший из трюмов боевых кораблей, на несколько десятилетий оставил Южную Аравию под владычеством Персии.

Абд аль-Мутталиб (уже знакомый нам хранитель Шейбу), глава клана, кстати, пытался наладить отношения с Абрахи, воспользовавшись его помощью в межклановой борьбе. Его двоюродные братья, сыновья Абд Шамса, мешали ему вести бизнес, который, как вы понимаете, состоял как раз в перепродаже товаров. Но природа или Всевышний пока этого не хотели. Очень любопытно то, что, благодаря развитию рыночных отношений, кланы, до этого единые, стали дробиться из-за внутренней конкуренции, и дела уже велись не по признаку крови или родства, а во многом руководствуясь материальной выгодой.

Рождение Пророка

Летом 570 года сын Шейба Абдаллах отправился в Сирию по торговым делам. Хотел ли он вернуться к рождению ребенка – неизвестно. Но как бы то ни было, его жена 29 августа родила мальчика. Мальчика назвали Мухаммедом. (Небольшой домик на тогдашней окраине Мекки, где произошло это событие, всего метрах в четырехстах от Каабы, уже через сто лет был перестроен, и вместо него воздвигнута мечеть.)

Маленький Мухаммед так и не дождался возвращения своего отца: тот умер, стремясь в Мекку через два месяца после его рождения. Некоторые историки считают, что Абдаллах не дожил даже и до рождения сына и тот стал сиротой, еще находясь в утробе. Какая из версий более правильна – сказать сложно, ясно одно: Мухаммед никогда не видел своего отца и стал сиротой если и не в утробе матери, то в самые первые месяцы своей жизни.

Дед Мухаммеда, Шейба, собрав всю знать города, устроил роскошный многолюдный пир по поводу рождения внука.

В традициях курайшитов было воспитание детей в пустыне, среди кочевников, подальше от зноя, пыли и антисанитарии большого города. Давно было подмечено,

что детская смертность вдали от Мекки значительно меньше. Зимой дети жили в городе, а весной отправлялись в «деревню». Женщины-кочевницы приезжали в Мекку и предлагали свои услуги в качестве няни. Но маленького Мухаммеда никто не хотел брать: «няньки» опасались, что плата за сироту может вноситься несвоевременно, а в случае нового замужества матери может и вовсе прекратиться.

Но одна из женщин, которой то ли не повезло, то ли она была менее расторопна, и ей так и не досталось ребенка из «полной семьи» на воспитание, посоветовавшись с мужем, решила взять «хотя бы этого сироту». Так Мухаммед в шестимесячном возрасте оказался у Халимы, кочевницы из рода Бану Саад, рода, который пас свои стада в двухстах километрах к юго-востоку от Мекки, неподалеку от оазиса Таиф. Таиф, кстати, был чем-то вроде курорта, и семьи многих состоятельных мекканцев переживали здесь летнюю жару.

У Халимы и ее мужа Аль-Хариса было две дочери и сын. Дела их шли совсем плохо, но плата за воспитание Мухаммеда немного стабилизировала их материальное положение. Семья круглый год жила в шатре. Длинные, заостренные с одного конца деревянные колья вбивались в землю и затем тщательно связывались веревками, что позволяло шатру устоять даже в самый сильный ветер. Сверху он покрывался черным войлоком из шерсти коз. Вокруг шатра выкапывался неглубокий ров, чтобы было где скапливаться дождевой воде и она не затекала в шатер. Внутри шатер был разделен войлочной занавесью на две половины: мужскую и женскую, на которой жили еще и дети. Отапливался он обыкновенным костром, дым от которого уходил через дыру в потолке, а топливом служили сухой верблюжий помет и хворост, нарубленный на склонах гор.

Основной пищей кочевников служило верблюжье молоко и различные его производные: сыр, творог, кумыс... Место хлеба в рационе занимали финики, покупаемые или вымениваемые у жителей оазисов.

Весной, когда степь покрывалась зеленью, кочевники съезжались и вместе ставили десятки шатров. Но по мере наступления лета, а с ним и засухи, сочной зелени становилось меньше, и каждая семья отправлялась искать корм для своих животных самостоятельно.

Сведений о жизни Мухаммеда в племени Бану Саад история до нас не донесла. Сам он всегда хорошо отзывался о своей приемной семье и даже гордился этими годами, говоря: «Я араб больше, чем кто-либо из вас, я не только курайшит, но меня еще вскормило племя Бану Саад».

Пребывание Мухаммеда в племени резко оборвалось. Как-то он играл со своим молочным братом неподалеку от шатра, присматривая заодно за ягнятами. К мальчишкам подошли двое мужчин в белом. Один из них держал в руках широкий золотой сосуд, наполненный снегом. Дети были удивлены подобным визитом: в степи не часто увидишь пешего человека, тем более так необычно одетого. Но то, что произошло дальше, вообще выходило за границы реальности и скорее напоминало фильм ужасов.

Один из мужчин уложил Мухаммеда на спину и... раскрыв его грудную клетку, вынул сердце. Из сердца незнакомцы извлекли черную капелюку и выкинули ее. Промыв и сердце, и внутренности ребенка снегом из золотого сосуда, они вернули сердце в грудь и, закрыв грудную клетку, удалились. Брат Мухаммеда в смертельном ужасе бросился в шатер, но когда Халима и родные вышли, то они увидели, что Мухаммед, абсолютно здоровый, только очень бледный, стоит около входа.

Он повторил приемным родителям ту же самую невероятную историю, что только что рассказал его молочный брат. Это событие очень испугало опекунов, и они решили немедленно вернуть мальчика в Мекку.

Халима не стала рассказывать о произошедшем событии Абд аль-Мутталибу, не поведал о нем и Мухаммед. До поры эта история оставалась под спудом.

О величине Мекки, помимо того, что летописцы утверждают, что длиною она была около трех километров, говорит еще и то, что Халима и ее муж потеряли Мухаммеда в сутолоке, приехав в город. Впрочем, через несколько часов он был найден и возвращен деду. Мекка за время его непродолжительного отсутствия сильно выросла.

Впрочем, стиль застройки изменился не особо: город состоял из одноэтажных домиков с плоскими крышами, обычно глинобитных, реже из камней, который добывались тут же, неподалеку от городской заставы. Главная улица, она же караванный путь, проходила через весь город, и по ней почти круглосуточно шли караваны. Дома в два-три этажа были только у главной площади. Обычно это были или гостиницы, или лавки, или мастерские, с нижним «техническим» этажом и жильем хозяев наверху.

Раньше главы кланов курайшитов жили весьма скученно, строя свои дома поближе к Каабе. Но к этому времени наиболее бедные члены кланов стали застраивать окраины, где также селились различные приезжие.

Кстати, чтобы поселиться в Мекке, необходимо было иметь поддержку одного из населявших ее кланов, чужаки здесь были вне закона. Торговля все больше разлагала первобытнообщинное общество, и множество из снискавших покровительство для поселения в Мекке не только уже не были родственниками местных жителей, но и не были арабами: все больше поселялось здесь греков, персов, евреев.

Но в этом богатом городе, несмотря на свое знатное происхождение и принадлежность к могущественному роду, жизнь Мухаммеда складывалась не очень гладко. Отец оставил ему с матерью в наследство всего лишь пять верблюдов, несколько овец и рабыню-абиссинку Баракат.

Круглый сирота

Когда Мухаммеду было шесть лет, мать отправилась вместе с ним и рабыней к родственникам в Ясриб. На обратном пути она тяжело заболела и в пути умерла. Она была похоронена близ дороги под местечком Абва.

Рабыня привезла мальчика в Мекку, где его воспитанием сначала занимался Абд аль-Мутталиб (Шейба). Впрочем, у главы клана было не слишком много времени, и вся его забота состояла в том, что он препоручал Мухаммеда кому-нибудь из менее знатных родственников, для того чтобы те приглядывали за тем, как сирота одет и обут, и следили за тем, всегда ли он сыт. Но, тем не менее, дед искренне любил своего внука, ведь он напоминал ему потерянного сына. Целые дни и ночи Шейба проводил в Каабе, и Мухаммед месте с ним. Дед даже позволял мальчишке сидеть на своей койке, на которой он и ночевал в ограде святилища. Больше никто из внуков и правнуков Шейбы такой чести удостоен не был, а из взрослых родственников – только несколько избранных.

Скорее всего, именно такое времяпрепровождение породило в мальчишке интерес к религии, и он познал ее возможности.

Однако судьба продолжала бить маленького Мухаммеда. Когда ему исполнилось восемь лет, его любимый дед Абд аль-Мутталиб умер. Он отправился с дипломатической поездкой в Сану, столицу Йемена, пытаясь наладить отношения с новым персидским правительством. В дороге он заболел и, возвратившись в Мекку, начал готовиться к смерти. Все свои дела он передал старшему сыну Абу Талибу и попросил его заботиться о Мухаммеде. Также он призвал дочерей и попросил их исполнить те плачи, что они подготовили для его похорон. Эти тексты дошли до нас, и, что интересно, ни в одном из них нет никакой религиозности. Дочери оплакивали «благородного человека без пятна позора», «опору и защиту семьи», храброго, доброго и щедрого... Восточных сладкоречивых эпитетов было более чем достаточно, но слово «бог» не встречалось ни разу.

Стоит, наверное, рассказать о тогдашней традиции похорон.

Когда хоронили хранителя Шейбу, то женщины клана курайшитов сняли все свои украшения, смыли белила и румяна и, облачившись в траурные платья, покрашенные в темно-синий цвет, стали причитать, разрывая на себе одежду и расцарапывая свои лица. Некоторые в цвет траура – темно-синий – выкрасили себе руки и лица. Мужчины, также одетые в цвет траура, посыпали свои головы пеплом. Нанимались на похороны и профессиональные плакальщицы. Что-то подобное тем плачам, наверное, кто-то из нас слышал в старых русских деревнях. Но в древней Мекке это было вполне прибыльной профессией, и в деле оплакивания существовали свои «звезды», чьи «выступления» ценились особенно дорого и которые могли «завести» аудиторию и просто заставить плакать даже самых бесчувственных. Эти женщины так же раздирали ногтями свои лица, умело смешивая свою кровь с алым соком дерева саккура.

Тело деда Мухаммеда отнесли на край города, где уложили в могилу, нишу в боковой стене, высотой примерно метр. Это делалось для того, чтобы, если на могилу прилетят ангелы, то покойный мог бы спокойно сесть, не сгибаясь, и побеседовать с ними. Вместе с ним закопали его лук, меч и стрелы. Создав небольшой холмик, на нем разбили множество глиняной посуды и полили водой, чтобы лучше росла трава. К вбитому в могилу колышку была привязана верблюдица. Ее голова с помощью уздечки была повернута назад, в таком положении животное оставалось умирать от голода и жажды, чтобы еще больше подчеркнуть скорбь живых по покойнику. Таким образом, Шейба был обеспечен всем, что могло ему понадобиться на том свете: оружием, посудой и транспортным средством, которое к тому же дает пропитание.

Какое впечатление произвели эти похороны на маленького Мухаммеда, можно судить уже по тому, что он, вырастая, запретил профессиональных плакальщиц и самоистязания на похоронах.

Но это будет еще не скоро. Пока же ему предстояло осваиваться в семье дяди, Абу Талиба.

Абу Талибу перешло по наследству от Шейбы распределение налога среди неимущих паломников. Распоряжение источником Замзам перешло к его брату Аббасу. Такие особенности распределения должностей по завещанию Шейбы говорят, по всей видимости, о том, что Абу Талиб не был особо религиозным человеком. В истории он остался как мощный предприниматель, лично руководивший своими многочисленными делами и порою даже сам возглавлявший караваны. Деньги клана, в данном случае «сынов Хашима», работали как общий капитал, и бизнес древних арабов можно сравнить с нынешним акционерным обществом, главой которого и был Абу Талиб. Впрочем, помимо чисто коммерческих дел он был обязан решать еще множество и других вопросов, возникающих в клане. То есть быть кем-то вроде мирового судьи.

Мухаммед никогда не отзывался о своем дяде плохо, так что воспитание и содержание, которое ему было дано, он считал достаточным. Мухаммед не знал грамоты, но обучать бедного сироту было бы расточительством. Это понимали все, начиная с дяди и заканчивая и самим малолетним племянником. Так что у него было детство, обычное для бедного ребенка той эпохи и того места.

Целыми днями он или помогал взрослым вести хозяйство, или играл со сверстниками. Игра была одна: в войну. Мальчики должны были готовиться к взрослой жизни, и поэтому эта игра всячески поощрялась. Дети обладали полными наборами игрушечного оружия: это были и луки, и стрелы, и мечи, и копья. Игрушки были очень похожи на настоящее оружие, только меньше и, естественно, не такие острые.

Но, как известно, кто хочет знаний, тот получает их. Несмотря на отсутствие официального обучения и на то, что Пророк так до конца жизни и не умел подписываться, все, чему было можно научиться, он узнавал с охотой. Жизнь взрослых тогда не была отделена от жизни детей, как это происходит в наше время, и дети, соблюдая, естественно, почтение, присутствовали при взрослых разговорах, слушая, как решаются важнейшие проблемы рода, и обучаясь искусству дипломатии и чувству справедливости. Помогая своему дяде в торговле, мальчик весьма быстро стал разбираться в товарах, ловко отличая качественный от бракованного, хотя несведущему человеку между ними было не увидеть порою никакой разницы. Верблюды, важная вещь в жизни купца и караванщика, также были под присмотром Мухаммеда, и, увидев в нем талант обращения с животными, Абу Талиб очень скоро направил маленького Мухаммеда пасти скот. Дети весьма рано приступали тогда к «взрослым» обязанностям. Ставшему пастухом Мухаммеду было всего десять лет.

Несмотря на теплое отношение к нему в семье дяди, на вопросы, как он рос, Мухаммед позже отвечал почти односложно: «Я был сиротой, и этим все сказано».

Но, тем не менее, об отношении к нему дяди говорит тот факт, что тот взял 12-летнего мальчишку с собой в путешествие к Сирии. Мухаммед очень хотел отправиться куда-нибудь с караваном и неоднократно просил об этом Абу Талиба, но тот лишь пожимал плечами:

– Ты еще слишком мал для этого...

И, в самом деле, путешествие по знойной пустыне тяжело и для взрослого человека, тем более что все в караване заняты своим делом и на счету каждый глоток воды и каждый финик.

Но как-то Абу Талиб решил отправиться через Ясриб и Табук в Южную Сирию. Мухаммед дождался отправления каравана – дядя уже сел в седло, – и подлетел к нему с просьбой взять его с собой, обещая, что будет исполнять всю работу, которая от него потребуется. Абу Талиб, человек, и просчитывающий любые последствия, и понимающий, что это для него лишняя забота и лишняя ответственность, все-таки согласился.

Верблюды идут не слишком быстро, примерно со скоростью пешехода, пять-шесть километров в час, и в день караван в среднем проходил около 30 – 40 километров, в зависимости от рельефа и еще нескольких определяющих факторов. Днем, в самую жару, караван всегда останавливался. Путь его был не прямым, а от колодца к колодцу. Стоит учитывать и то, что трава и кустарник отнюдь не всегда располагались там, где колодец, но каждую ночь верблюдов надо было отправлять пастись, так что зачастую это был еще один крюк. Путешествие до Сирии занимало, со всеми остановками, около двух месяцев. Прибавляем обратную дорогу и еще время, необходимое для продажи товаров, и получается, что на один караван уходило около полугода.

Безусловно, это путешествие обогатило мальчика бесценным опытом. Он не только увидел природу своей страны, то, как живут ее люди, но и как живут жители соседних государств, так что, обладая, несмотря на юность, значительным умом, он мог сделать множество выводов.

Ко времени этого путешествия относится одна из легенд, подчеркивающая избранность Мухаммеда.

Когда караван дошел до Басры, то один из живущих там православных монахов, который хотя и знал Абу Талиба в лицо, но никогда с ним не здоровался, неожиданно пригласил караванчиков разделить трапезу. Те, удивленные и польщенные таким приемом, отправились к нему в монастырь, а Мухаммеда оставили присматривать за вещами. Однако монах велел позвать и мальчика. Оказалось, что он прочитал в христианских книгах о том, что грядет новый Пророк, и по приметам, данным в этих книгах, узнал будущего Пророка в Мухаммеде. Указал он и на знак «пророчества» – родимое пятно между лопаток сироты. Сам Мухаммед, кстати, считал это пятно и впрямь божественным знаком и показывал его любопытным. У человека христианской культуры эта история, безусловно, вызывает улыбку: мы-то с детства знаем, что все тайные книги с пророчествами были как раз у восточных мудрецов, и они пришли, следуя за звездой, к колыбели Христа.

Впрочем, был ли этот разговор или нет – ничего он в жизни Мухаммеда не изменил. Будущий Пророк все так же продолжал пастушествовать, и, думается, главным событием тех лет, кроме путешествия, стало для него участие в небольшой войне.

Ему было около пятнадцати лет, когда закончилась война Фиджар, носящая имя «нечестивой». Племя кинана, в священные месяцы, напало на караван, идущий из Йемена к берегам Евфрата в обход Мекки. Охраняли караван люди из племени Кайс Айлан. Курайшиты, верные союзники кинанитов, тут же выступили им на подмогу. Вскоре под Таифом произошла решающая битва, в которой принимал участие и 15-летний Мухаммед. Он был всего лишь оруженосцем своих дядей и, собирая, подавал им стрелы. Но, тем не менее, бой он видел вблизи, и, думается, это сильно повлияло на его мировоззрение.

Арабская война, безусловно, история отдельная. Не было, во-первых, никакого строя, и бой сразу же переходил в личные схватки, потому всем всегда было хорошо известно, кто дрался геройски, а кто струсил. Во-вторых, это была все-таки пешая война. Денег, чтобы содержать лошадь, у большинства арабов не было, и потому бойцы были в основном пешими. Обладатели же лошадей получали трофеев раза в три больше, чем обыкновенные воины. А дележ трофеев без ссор и споров практически никогда не обходился. Зачастую воины бросали битву, поняв, что победа уже близко, и отправлялись захватывать трофеи. Бывали случаи, что поле битвы, почти полностью оставленное предполагаемыми победителями, случалось занято теми, чье имущество уже неосмотрительно поделили.

Битва, при которой присутствовал Мухаммед, была не из легких. Она продолжалась весь день, и сначала успех был на стороне кайситов. Но к вечеру мекканцы все-таки одержали победу. Трофеи были поделены, пленные уведены в Мекку в предвкушении уплаты за них выкупа, и через несколько дней с йеменцами был подписан договор о запрете прохода через земли Кайс Айлан, а те подписали договор о сотрудничестве с Меккой, которая теперь монополизировала торговлю с Ираком.

Но, впрочем, несмотря на победы над «внешним конкурентом», торговые распри в самой Мекке продолжались. Несколько кланов, объединившись, запретили йеменским караванам входить в город и фактически ввели монополию на торговлю с Йеменом. Те, кто не мог снаряжать собственные караваны, а пробавлялся скупкой товаров, фактически оказались не у дел, в том числе и клан хашим, к которому

принадлежал Мухаммед. Все обделенные добычей кланы также объединились и организовали «Конфедерацию добродетельных» (Фудул). В конфедерацию входили кланы хашим, аль-Мутталиб (потомки двоюродного деда Мухаммеда), зухра, тайм, аль-Харис и Асад.

Мухаммед вспоминал, что был свидетелем заключения договора в доме Абдаллаха, сына Джувана, и очень ценил этот договор, говоря, что это прекрасный пример справедливости, и подчеркивал, что, будучи уже Пророком, все равно бы подписал такой документ.

Этот договор сыграл в дальнейшем большую роль в жизни Мухаммеда.

Самостоятельная жизнь

Когда Мухаммеду исполнилось двадцать и он вместе с совершеннолетием получил независимость от дяди, то начать собственное дело он не мог. Но Мухаммед был профессионалом во всех отраслях торговли: и в обращении с верблюдами, и в закупке товаров, и поэтому он легко находил работодателей. Человеку, работающему в этой отрасли, необходима безупречная репутация, и Мухаммед даже заслужил прозвище «Правдивый», что, безусловно, поднимало его ценность в глазах купцов.

В 595 году на талантливого и честного молодого человека обратила внимание богатая вдова Хадиджа. Пережив двух мужей, она вела торговлю не самостоятельно, что было бы сложно в те времена, а с помощью наемных управляющих, которые получали не оклад, а долю от прибыли. Через своего раба Майсура она предложила Мухаммеду отвезти караван со своими товарами в Сирию и, закупив там греческие и персидские товары, вернуться. Это было очень серьезное предложение, и, прежде чем его принять, Мухаммед посоветовался с Абу Талибом. Тот был знаком с Хадиджей и посоветовал Мухаммеду предложение принять. Так он второй раз в своей жизни отправился с караваном. Впрочем, Майсур пошел с ним, и было кому помочь молодому караванщику в случае возникновения трудностей. Караван Мухаммед остановил под Дамаском – у курайшитов не было права беспопытной торговли на территории империи. Тщательно разузнав положение со спросом и цены в различных городах, Мухаммед успешно, по выгодной цене, продал товар Хадиджи и закупил требуемое.

Пребывание в течение месяца в Сирии показалось Мухаммеду очень интересным. Он, продолжая исполнять все религиозные обряды курайшитов, уже давно числил себя ханифом. Эти люди, причудливо совмещая древние арабские легенды и культы с верой в единого бога и бессмертие души, были весьма близки по своему воззрению к иудеям и христианам. Ханифы так же соблюдали традиционные посты: три раза в год, с течение сорока, девяти и семи дней они не ели и не пили до заката. Мухаммед пытался держать пост полностью, не вкушая ничего круглые сутки, но быстро пришел к выводу, что это не угодно богу: вместо душевного подъема он испытал лишь слабость и плохое настроение. Так же ханифы, считая, что грешно предстать пред лицом бога грязным, ввели практику религиозных омовений перед молитвой. Мухаммеду эта традиция нравилась: он внимательно следил за собой, а свою роскошную прическу и бороду умащивал маслом и постоянно расчесывал.

Мухаммед был поражен тем, как благополучно живут и достойно ведут себя ханифы, и, пытаясь осмыслить увиденное, сравнивая их жизнь с собственным бытом, пришел к выводу, что всему причиной единобожие этого клана.

Переполненный новыми впечатлениями и мыслями Мухаммед вернулся в Мекку и отчитался Хадидже о проделанной работе, передав ей привезенный товар. Он оказался высокого качества и поэтому был продан в Мекке по необычно высокой цене. Хадиджа, пораженная талантами Мухаммеда, заплатила ему вдвое больший процент, чем было договорено. С этих пор она регулярно поручала Мухаммеду вести свои дела.

Чем больше Хадиджа общалась с молодым управляющим, тем он ей больше нравился. Его честность, недюжинный ум и торговый талант произвели на женщину изрядное впечатление.

В Мекке женщине было сложно вести самые торговые дела, впрочем, Хадиджа успешно обходила это неудобство. Ее проблема была в ином: родственники, пользуясь тем, что она женщина, постоянно хотели поделить ее состояние. Хадиджа не поддавалась уговорам и, обдумав все, решила, что так понравившийся ей Мухаммед сможет стать не только управляющим, но еще и прекрасным мужем. Бедность будущего супруга ее не смущала, она была сама весьма богата, а он же, наоборот, благодаря этому попадал в зависимое положение и не смог бы привести в дом других жен, которых Хадиджа терпеть не собиралась.

Все это, конечно, чисто бытовые нюансы, а была ли там любовь или все строилось на деловом расчете – судить не нам.

Вопрос о свадьбе решился очень быстро. Как-то верный раб Хадиджи Мансур пришел к Мухаммеду в гости «с важным разговором». Мухаммед пригласил того в дом.

– Ты молодой парень, – начал Мансур, – и, наверное, подумываешь о женитьбе...

Что Мухаммед и в самом деле об этом подумывает, секретом ни для кого не было. Он даже сватался к дочери Абу Талиба Фахите, но получил отказ из-за своей бедности. Мухаммеда вряд ли было можно назвать совсем уж бедным человеком, и он без труда мог найти себе жену среди дочерей кочевников, которые охотно отдавали их за мекканцев, или даже среди дочерей не очень богатых горожан. Но он прекрасно понимал, что его женитьба может или послужить толчком к дальнейшему приобретению богатства и власти, либо поставит на его, пока еще туманных, мечтах крест.

– Я могу подумывать о чем угодно, – ответил Мухаммед, – но я еще не скопил средств для свадьбы...

– Порою этот вопрос не очень важен...

– Когда это он не очень важен?

– Ну, например, тогда, когда тебе делает предложение богатая женщина, к тому же красивая и знатная...

– Кто же это?

– Хадиджа!

Услышав имя своей работодательницы, Мухаммед очень обрадовался. Жизнь поворачивалась к сироте другой своей стороной.

Мансур доложил хозяйке о реакции потенциального жениха, и та решила поговорить с Мухаммедом лично:

– Мы из одного рода, ты сын моего дяди. И о твоём таланте и твоём уме можно говорить долго. Упомянуть твою красоту также не будет лишним. Я хотела бы видеть тебя своим мужем. Что ты можешь ответить?

Мухаммед подтвердил свое горячее желание. Это был смелый поступок: в те времена в Мекке девочек отдавали замуж в возрасте десяти-двенадцати лет, и

Хадиджа вполне годилась ему в матери. Мухаммед подозревал, что услышит в свой адрес много насмешек, но это его не остановило.

Дело было лишь за формальностями. Мухаммед рассказал о состоявшемся разговоре дядям и получил их благословение. После этого вместе с ними же он отправился к отцу Хадиджи Хувайлиду просить руки дочери. Нельзя сказать, что тот был рад тому, что богатство уплывает из семьи, но, во-первых, родство с хашимитами было почетным, а во-вторых, решала в семье все-таки дочь, обеспечивающая все денежные поступления.

За Хадиджей было дано богатое приданое: все, что она заработала за эти годы. За Мухаммедом дядья дали двадцать укийа золота, это примерная стоимость двадцати верблюдов.

Свадьба была сыграна в доме Хадиджи, и на ней присутствовали все достойные люди клана хашимитов. Это и Абу Талиб, их глава, большой дипломат, но не очень успешный купец, и Абу аль-Узза, первый богач Мекки, дядя Мухаммеда Аббас, присматривающий за священным колодцем Замзам и за снабжением паломников водой...

Была приглашена на свадьбу и кормилица Мухаммеда Халима – из города она вернулась с подаренными ей Мухаммедом сорока овцами – роскошным подарком.

Со стороны Хадиджи тоже было несколько заметных в городе людей, но в нашей истории заметную роль сыграет ее двоюродный брат Варака. Жены у него не было, и фактически, если он не отправлялся в паломничество, то жил он у Хадиджи. Он, как и Мухаммед, был ханифом, только – в отличие от своего зятя – весьма образованным, знавшим множество языков и прекрасно разбирающимся во всех религиях. Он, кстати, безоговорочно одобрил выбор своей двоюродной сестры и даже сказал на свадьбе речь, которую обычно произносит отец невесты.

Были, естественно, на празднестве и традиционные пожелания детей:

– Чтобы ваша семья увеличивалась сыновьями, но не дочерьми!

Но вряд ли кто-то рассчитывал, что Хадиджа в своем возрасте сможет иметь детей и в третьем браке. Но вышло то, чего никто не ожидал: Аллах благословил семью Мухаммеда и Хадиджи множеством детей.

Первым родился мальчик, которому дали имя аль-Касим, а Мухаммед получил почетное прозвище – Абуль-Касим, что означает отец Касима. Но, увы, радость была недолгой: в два года аль-Касим умер.

Затем Хадиджа родила, одну за другой, четырех дочерей – Рукайю, Зайнаб, Умм Кульсум и Фатиму. Вряд ли стоит рассказывать о чувствах Мухаммеда и о том, как он был расстроен рождением девочек. Но наконец Хадиджа порадовала его и родила сына, которого назвали в честь отца Мухаммеда Абдаллахом. Но тот прожил еще меньше первого сына. Третий сын был назван ат-Тахиром, но умер он еще в младенчестве. Больше детей у Хадиджи не было.

К дочерям Мухаммед относился очень тепло, и они отвечали ему взаимностью, а когда выросли, были ему духовно близки. Младшая дочь, Фатима, названная так в честь бабки Мухаммеда, матери его отца, была рядом с Мухаммедом до его последних дней.

Семейному спокойствию и взаимопониманию двух этих людей могли позавидовать многие. Мухаммед был верен Хадидже, считая, что даже похотливый взгляд, брошенный на другую женщину, уже грешен. Хадиджа очень беспокоилась о своем молодом муже и, если тот долго отсутствовал, посылала служанок его искать. Вряд ли это была ревность: Хадиджа не просила, чтобы они вернули его домой, а лишь желала убедиться, что с ним все в порядке. Любовь к Мухаммеду изменила ее, и это привело к тому, что она, желавшая раньше быть главной в семье, беспрекословно ему подчинялась.

Жили молодые в доме Хадиджи, расположенном к северо-востоку от Каабы, в нижней части Мекки. При доме был даже сад – символ богатства, в котором росло большое абрикосовое дерево, под которым стояла беседка. Здесь Мухаммед часто беседовал о боге с двоюродным братом Хадиджи ханифом аскетом Варакой.

Когда дочери подросли, то Рукайя и Умм Кульсум были выданы за сыновей Абу аль-Уззы, весьма к тому времени разбогатевшего и даже претендовавшего на роль главы клана хашимитов. Сам он был женат на сестре Абу Суфиана, главе клана Абд Шамс, враждебного хашимитам и «Конфедерации добродетельных». Деда Абу Суфиана звали Омейя, и его потомство носило еще и прозвище Омейядов.

Зайнаб выдали замуж за родственника Хадиджи, преуспевающего в делах представителя клана Абд Шамс.

В семье осталась лишь Фатима.

Дела, впрочем, у Мухаммеда шли не слишком гладко – богатые жители Мекки все сильнее монополизировали торговлю, и вскоре семья Мухаммеда уже не имела возможности снаряжать караваны, перебиваясь лишь продажей-перекупкой в границах города.

Но и с этим становилось все сложнее. Своей лавки у Мухаммеда не было, и он был вынужден работать на рынке, который порою, из-за отсутствия товаров, на корню уже скупленных богачами, и вовсе замирал то на несколько дней, то на несколько недель.

Мухаммед, скупая по возможности товар, продавал его на ярмарках, которые, увы, случались не слишком часто: три-четыре раза в год. Это приносило неплохую прибыль, но за периоды бездействия эти деньги просто проедались.

Черный камень в стене Каабы

В 605 году, через десять лет после женитьбы Мухаммеда, Каабу обокрали.

Хотя святыня и стояла запертой, кражи все-таки были очень большой редкостью, и замок висел не столько от воров, сколько от искушения. Мекка была шокирована. Но вскоре горожане, зарабатывавшие себе на жизнь подобно современным частным детективам (полиции в городе не было), вычислили вора. Им оказался некий Дувейк. Его судили, постановили, что он вор, и, как вору, отрубили кисть правой руки, а потом, как осквернителя святыни, на десять лет изгнали из Мекки. Подозревали также в соучастии в краже и троих курайшитов, в том числе и Абу аль-Узза, дядю Мухаммеда. Но улики против них не было, а поскольку тогда истина: «не пойман – не вор», действовала не только в «уголовном праве», но и в общественном мнении, репутации этих людей остались чистыми.

Грабители, кстати, не взламывали дверь, а просто перелезли через стену – крыши на тогдашней Каабе не было. Снова возник разговор о необходимости перестройки святыни, которая пришла в весьма ветхое состояние из-за частых наводнений и регулярно случавшихся в ней пожаров. Разговоры эти шли давно, и был даже готов проект новой Каабы – крытой, но мекканцев останавливала необходимость разрушить старый храм – никто не был готов ломать святыню.

В это же время неподалеку от Джидды на берег был выброшен потерпевший крушение византийский торговый корабль. Вернее, это был уже не столько корабль, сколько набор отличных досок. Это было принято за мистический знак, ставящий

окончательную точку в споре, и было однозначно решено перестраивать храм. Был найден даже плотник (редкая профессия в Арабии), житель Мекки родом из Египта, согласный взяться за установку крыши. Смущало курайшитов лишь одно: в Каабе уже много лет жила ядовитая змея, почитавшаяся как священная. К людям она относилась очень агрессивно, и о том, чтобы просто вынести ее оттуда, не могло быть и речи. Но в один из дней, когда решалась судьба Каабы, внезапно спустившийся с небес орел схватил змею когтями и унесся под облака. Это было воспринято как выражение воли богов, и необходимость строительства новой крытой Каабы уже никем не ставилась под сомнение.

Было решено, чтобы никто не мог впоследствии гордиться своей особой ролью в возведении святилища, выделить каждому клану работу над частью стены, а крышу возвести совместно. Хашимиты, кстати, в числе строителей Каабы не упоминаются. По всей видимости, их роль в общественной жизни Мекки к этому времени уже стремилась к нулю, и они были вынуждены примкнуть к более сильному клану.

Было заготовлено необходимое количество каменных блоков, и перестройка началась. Но когда дело дошло до водворения на место Черного камня, случилась ссора. Каждый клан хотел участвовать в этом ритуале, а люди из рода Абд ад-Дар и Ади даже принесли в Каабу сосуд с кровью и вымыли в ней свои руки, поклявшись умереть, но не допустить, чтобы установка Черного камня прошла без их участия.

Старейшина, к которому обратились за советом, принял решение, что мекканцы должны выбрать тот клан, который посоветует первый человек, вошедший в двери Каабы. Первым человеком, вошедшим после этого решения в Каабу, оказался Мухаммед. И он принял решение, устроившее всех; можно лишь позавидовать его дипломатическому дару. Он сказал, что камень необходимо положить на кусок ткани и совместными усилиями всех кланов поднять до нужного уровня, а он сам уже поставит в одиночку его на место. Таким образом, Мухаммед, не принимавший участия в перестройке Каабы, сыграл в ней фактически главную роль.

Впрочем, достоверность этой истории под вопросом: сам Мухаммед никогда об этом не упоминал, и есть подозрение, что это лишь легенда.

Приемные сыновья

Прошло еще несколько лет. Как говорится, судьба играет человеком, и неизвестно, что изменит вашу жизнь к лучшему. Поэтому последовавшие далее события, которые принесли разорение множеству мекканцев, помогли семье Мухаммеда значительно улучшить свое материальное положение.

Разразившаяся засуха погубила все посевы в окрестностях Мекки и Хиджаза. Скот не мог найти себе места для пастбища, кочевники разорялись сотнями, в стране начался голод. Многие из мекканцев держали свои капиталы в верблюдах, и отсутствие пастбищ – это был очень сильный удар по их благополучию. Относительно небогатый Мухаммед не мог собрать денег на приличное стадо, и поэтому все сбережения их семьи держались в драгоценностях. Выяснилось, что в засуху это самая стабильная валюта, и дела Мухаммеда пошли значительно лучше.

Абу Талиб, важный человек в жизни Мухаммеда, был практически разорен. Сговорившись с другим дядей, Аббасом, Мухаммед предложил Абу Талибу, что они возьмут некоторых из его детей на воспитание. Тот, осознавая безвыходность

своего положения, согласился, попросив оставить ему только Акила, старшего сына. В итоге Аббас приютил Джафара, второго сына Абу Талиба, а Мухаммед – семилетнего Али, младшего.

Сначала все думали, что это будет временная мера, но Абу Талиб так и не смог достичь прежнего благосостояния, и Али остался жить в семье Мухаммеда. Он считал своего двоюродного брата практически отцом и нежно его любил, Мухаммед отвечал ему тем же.

Не забывая в эти тяжелые дни Мухаммед и про других своих родственников, он помог и семье своей кормилицы Халимы, племя которой оказалось на краю голодной смерти, а ее дочь к этому времени оказалась в рабстве. Мухаммед выкупил дочь из рабства и дал Халиме денег, которые позволили ей благополучно пережить время засухи.

Появился в это же время у Мухаммеда и еще один приемный сын. Молодой араб-кочевник Зайд, попавший в плен к курайшитам, при дележе добычи достался Хадидже. Заметив, что новый раб находит с Мухаммедом общий язык и они часто беседуют, Хадиджа подарила его мужу.

Мухаммед скоро стал относиться к Зайду не как к рабу, а как к свободному человеку, а когда через пару лет в Мекку приехал отец Зайда, желая его выкупить, то Мухаммед предложил Зайду или уйти в родное племя без выкупа, или остаться в Мекке в доме Мухаммеда. Зайд выбрал Мухаммеда, извинившись перед отцом. После этого растроганный Мухаммед не только официально освободил Зайда из рабства, но и усыновил его.

Так, не имея родных сыновей, Мухаммед получил двух приемных.

Благодаря засухе, как мы уже сказали, материальное положение семьи Мухаммеда и Хадиджи немного укрепилось, и Мухаммеда это вполне устраивало. Он уже не был катастрофически беден, а набирать большое богатство ему казалось уже ни к чему, он считал, что «излишняя пища и питье умерщвляют сердце». Ему было 38 лет, и он все больше желал посвятить остаток своих дней служению богу.

Обращение

Мухаммед как человек, настроенный мистически, придавал большое значение своим снам. Тем более что они были у него исключительно конкретные и несущие, как казалось и ему, и окружающим, особый мистический смысл. Он неоднократно обсуждал свои вещие сны и с Хадиджей, а особенно с ее двоюродным братом Варакой, стараясь понять, о чем же хотят сказать и о чем предупреждают его боги в таинственных снах.

Через несколько лет свадьбы, после смерти старшего сына, Мухаммеда стали посещать и странные припадки, во время которых его тело била дрожь, а лицо бледнело. После этого он чувствовал невыразимую тоску и не хотел ни с кем общаться. Несмотря на уговоры Хадиджи, ни к врачам, ни к заклинателям он обращаться не хотел, считая, что эти припадки не болезнь, а знак чего-то большего, что он пока не может понять.

Мухаммед часто молился, используя для этого пустую комнату в своем доме, что для тех времен было несколько странно. Тогда молитвы в основном возносились или перед иконой, или, в Аравии, перед изображением Бога.

Но Мухаммед утверждал, что Бог есть везде, и поэтому не важно, где Ему молиться и в какую сторону обращать лицо. Молился он громко, в полный голос, считая, что это позволяет лучше сосредотачиваться на произносимых словах. Пытаясь полностью концентрироваться на молитве, Мухаммед с этой целью часто уходил за город, и особенно ему полюбилась гора Хира, находящаяся в нескольких часах ходьбы от Мекки. Вряд ли это даже можно было назвать горой, скорее всего это просто был холм, мало чем отличающийся от таких же пустынных холмов, которых много в этой местности. Зато здесь не было караванных троп, а из-за весьма скудной растительности кочевники не гоняли туда свои стада, и Мухаммеду здесь никто не мог помешать. Часто он, взяв еду и воду, останавливался там на несколько дней, пережидая плохую погоду в пещере на склоне горы. Порою с ним отправлялась и Хадиджа, и они молились вместе. Много времени Мухаммед отдавал здесь самосозерцанию, или медитации, говоря современным языком, считая, что «час созерцания лучше, чем год благоговения».

Здесь же он привык проводить и весь месяц рамадан, время традиционного поста у арабов.

Именно в месяц рамадан 920 года эры Селевкидов, или 610 года от рождества Христова, в ночь на 24-е число, когда Мухаммед спал в пещере, к нему явился некто в человеческом облике, со сверкающим свитком в руке.

– Читай! – сказал ему дух.

– Я не умею, – ответил Мухаммед.

Тогда явившийся положил свиток Мухаммеду на грудь, и тот почувствовал небывалую тяжесть, такую, что едва мог дышать. Затем дух снял свиток и снова приказал Мухаммеду читать, но тот повторил, что не умеет этого делать. И снова явившийся положил ему свиток на грудь. Было настолько тяжело, что Мухаммед подумал, что сейчас он умрет. Но свиток был снят, и Мухаммеду снова было приказано читать.

– Что мне читать? – спросил Мухаммед, боясь, что свиток снова ляжет ему на грудь.

– Читай! Во имя Господа твоего, который Сотворил человека из сгустка.

Читай! И Господь твой щедрейший,

Который научил каламом (письму),

Научил человека тому, чего он не знал.

Мухаммед повторил сказанное, и дух удалился. После чего Мухаммед проснулся, а мы помним, что он придавал большое значение снам, и почувствовал, что все услышанное будто записано в его сердце.

Эту историю Мухаммед рассказывал много раз всем желающим, и те, в итоге, решили записать ее на бумаге в назидание потомкам. В разных списках слова, сказанные явившимся духом, разнятся, совпадают лишь сам факт явления и его дата. Кстати, слово в арабском языке, традиционно переводимое на русский как «читай», имеет в арабском несколько значений, в том числе «провозглашай» и «говори».

Проснувшись, Мухаммед, потрясенный сном, устремился домой. Там он бросился к Хадидже с криком:

– Горе мне! Я или поэт, или одержимый!

Хадиджа попыталась утешить его, говоря, что демоны вряд ли могли завладеть душой человека, который столько времени проводит, пытаясь познать Бога. Был разбужен и Варака, который как раз в то время пытался перевести на арабский Тору, Пятикнижие Моисея. Он посчитал, что на Мухаммеда снизошел, говоря языком христианства, Святой Дух, некогда являвшийся и Пророку Моисею.

Но эти слова не принесли спокойствия Мухаммеду. Принять явление Бога за явление дьявола или, наоборот, визит дьявола за явление Бога – и то, и другое грешно. Мухаммед долго обдумывал то, что он увидел в пещере, и в конце концов понял, что явившийся к нему не Бог, так как тот вездесущ и не имеет облика, а или ангел, или дьявол. Но кто именно, Мухаммед так и не мог решить. Дух же стал являться ему уже и в Мекке, даже более того, не во сне, а в реальности, однажды прямо в семейной спальне, когда Хадиджа спала.

Дух, молча стоявший в дверях, не произнося ни звука, исчез. Мухаммед рассказал об этом Хадидже, и она попросила разбудить ее, если молчаливый дух появится еще раз. Но когда во время очередного визита духа Мухаммед разбудил жену, то она никого не увидела, сколько ни вглядывалась во тьму.

– Поднимись, – сказала Хадиджа мужу, – и сядь около моего левого бедра.

Когда Мухаммед сделал это, она спросила его:

– Видишь ли ты его теперь?

Мухаммед ответил, что да, видит.

– Тогда обойди вокруг постели, – сказала Хадиджа, – и сядь у моего правого бедра.

Мухаммед сделал и это, но продолжал видеть духа. Тогда Хадиджа сказала Мухаммеду сесть меж ее колен.

Когда его жена раздвинула колени, то Мухаммед сказал, что дух сразу же исчез.

– О, сын моего дяди, – обрадовалась Хадиджа, – успокойся и благослови Бога! Это был ангел, а не дьявол!

Она справедливо решила, что дьявол вряд ли мог бы устыдиться наготы. Мухаммеда же это не убедило, и он еще долго размышлял о сущности явления. Склоняться к его божественной природе он стал только еще после нескольких визитов духа, во время которых тот объявлял ему: «Ты, Мухаммед, Пророк Бога, а я его посланник, Джабраил!» и продолжил диктовать слова из свитка.

Мухаммед знал, что многим народам Бог явил священные книги, а чем хуже арабы? Он был уверен, что ангел диктует ему стихи из священной книги, хранящейся на небесах. Впоследствии исламскими учеными было установлено, что ангел Джабраил двенадцать раз являлся Адаму, четыре раза – Еноху, сорок два раза – Ибрахиму, четыреста раз – Мусе (Моисею), десять раз – Исе (Иисусу) и Мухаммеду – двадцать четыре тысячи раз.

Порою отрывки из небесной книги Мухаммед слышал во сне, без всяких видений, надиктованные голосом. Все слова абсолютно точно впечатывались в его память, и он по-прежнему помнил их, даже проснувшись. Близость видения Мухаммед начинал ощущать во время бодрствования: его тело начинало дрожать, лицо покрывалось потом, голова тяжелела, а сознание практически отключалось.

По воспоминаниям современников, во время этих приступов Мухаммед «ревел, как молодой верблюд».

Ощущая близость откровения, Мухаммед, где бы он ни был, ложился на землю, завернувшись в плащ. Это состояние, как описывал сам Мухаммед, сопровождалось звоном в его ушах, похожим на звон нескольких серебряных колокольчиков. Никаких слов он при этом не слышал, но, когда звон прекращался, то он знал продиктованные ему слова, которые были для Мухаммеда полной неожиданностью.

О полученных им откровениях Мухаммед долго никому, кроме Хадиджи и Вараки, не рассказывал. Сначала, по его словам, он хотел убедиться в святости явлений, а затем решил испытать провозвещаемую ему религию на самых близких ему людях.

Первой ислам, который в переводе означает «предание себя Богу», приняла жена Мухаммеда Хадиджа: «И уверовала в него Хадиджа, дочь Хувайлида, и поверила в то, что снизошло к нему от Бога, и помогла ему в делах его...»

В исламе и Бог, и его посланник неразрывно связаны. Если ты веришь в Бога, то принимаешь и то, что Мухаммед является его Пророком. От Мухаммеда не только поступали все строки новой священной книги, но лишь один он мог, по дару свыше, толковать их, объясняя остальным людям все темные и непонятные места.

Вскоре после Хадиджи новую веру приняли двоюродный брат и воспитанник Мухаммеда Али, которому тогда было пятнадцать лет, а затем и второй его приемный сын Зайд, который уже был взрослым и самостоятельным мужчиной.

Али перед принятием новой веры хотел посоветоваться с отцом, но Мухаммед, державший свою религию в тайне, запретил ему это делать:

– Или ты принимаешь ислам, или нет, но оставь все это в тайне...

Уже на следующую ночь Али поверил в Мухаммеда как в Пророка и пришел к нему с вопросом, что же необходимо делать.

– Свидетельствуй, что нет других богов, кроме Аллаха, – ответил Мухаммед, – единственного, без всяких помощников, отвергай аль-Лат и аль-Уззу и отрекись от всех богов, кроме Аллаха.

Живущую в его доме младшую дочь Фатиму, которой было всего пять лет и которая была мала для таких разговоров, и проживавшего с ним брата жены Вараку Мухаммед обращать не стал. Варака к этому времени близко сошелся с арианами, одной из христианских сект, которые хотя и были давно осуждены, но продолжали существовать. Мухаммед поэтому считал Вараку, как христианина, тем же «Человеком Книги» и не видел смысла в обращении того, кто молится тому же главному Богу, хотя и немного по-другому. Мухаммед уверовал, что он такой же Пророк, как и Христос, но посланный для просвещения арабских язычников. Несмотря на тайну, в которой принималась родными Пророка новая религия, о новой вере, распространяемой Мухаммедом, узнавало все больше людей. А виной тому стал случай.

Как-то раз Абу Талиб, занимаясь торговыми делами, случайно наткнулся в пустыне на своего сына и племянника, которые громко произносили слова молитвы. Удивившись, он спросил, кому же они здесь, в пустынном месте, поклоняются.

Мухаммед честно рассказал все, что нам уже известно, и страстно призвал главу хашимитов признать единого Бога. Тот был не готов отречься от веры отцов, но ничего плохого в новой религии не увидел и разрешил сыну следовать за новым Пророком, пообещав, что если из-за новой веры возникнут какие-либо конфликты, то хашимиты заступятся за Мухаммеда.

Такая защита подтолкнула Мухаммеда к решению впервые провести публичную проповедь в Мекке, и результатом этого поступка стали новые приверженцы: одним из первых принявших новую веру стал видный представитель клана Тайм Абу Бакр. Он был прекрасным знатоком преданий и родословных, весьма любил умные беседы и славился еще как безупречно честный купец. Абу Бакр, вдохновленный проповедью Мухаммеда, самостоятельно понес ее в массы, начав пропагандировать ислам как среди друзей, так и среди тех, кому он покровительствовал. Вскоре решил принять ислам и его друг, Осман ибн аль-Аффан из мощного клана Абд Шамс, в клане, впрочем, видного положения не занимавший.

Через некоторое время, агитируя новых приверженцев, Абу Бакр привел к Мухаммеду тридцатилетних Аз-Зубайра из клана Асад и Абд ар-Рахмана,

влиятельного человека из клана Зухра. Спустя некоторое время энергичный Абу Бакр привел к Мухаммеду еще двух, на этот раз уже юных, сторонников.

Впрочем, хотя ислам и вышел за пределы дома Мухаммеда, его проповедь все равно велась тайно, и за три года число исламистов увеличилось всего до сорока или пятидесяти, по разным данным, человек.

В основном это были молодые, хорошо обеспеченные жители Мекки, не добившиеся успехов ни в торговле, ни в общественной деятельности. Рабы и вольноотпущенники были тоже, но в очень малом количестве, и обычно они вступали в ислам вместе со своим господином. Примерно так же обстояло дело и с женщинами: они приходили лишь вместе с отцами или мужьями. Даже своих старших дочерей, к тому времени замужних женщин, Мухаммед вовлечь в ислам не стал.

Что привлекало этих людей к Мухаммеду – точно сказать сложно. Но, скорее всего, его проповедь была воплощением некоей мечты о Золотом Веке, о возвращении былых времен, где все равны и несут перед Богом равную ответственность, поддерживая друг друга. Социальное расслоение в Мекке в те времена достигло своего апогея, а религия оставалась прежней, и готовящийся социальный взрыв искал себе и нового Пророка и новой веры, которая бы всех уравнила.

В отличие от Христа, который провозглашал, что он принес «не мир, но меч» и предлагал отречься от этого мира, Мухаммед желал всего лишь сделать жизнь своих последователей максимально счастливой и комфортной именно на земле, его вера должна была объединять людей, а не разобщать их.

– После поклонения Богу самое лучшее дело – любить друг друга, – говорил Мухаммед, – но вы не исполните обязанностей своих перед Богом до тех пор, пока не будете любить друг друга...

Любовь должна, по словам Мухаммеда, начинаться с семьи, в которой муж любит и заботится о жене, а та благочестива и предана своему мужу. Родители обязаны любить детей, а дети – родителей. Нам трудно себе представить жестокие нравы того времени, но именно Мухаммед осудил арабский обычай убивать новорожденных девочек, и всего через несколько десятилетий об этом варварском обряде практически забыли.

Говоря о порядках в семье, Мухаммед утверждал, что дети не должны, даже мысленно, попрекать родителей за их поведение, достаток или внешность, – не должны их упрекать ни за что.

Рабство Мухаммед не осуждал, хотя и говорил, что мусульманин не может быть в рабстве у мусульманина, а отпустить на волю своих рабов другой веры будет богоугодное деяние, так как все люди, даже другой национальности и веры, созданы Богом. И, не разделяя слово и дело, первый подал пример, освободив своих рабов, которые впоследствии приняли ислам и стали верными сторонниками своего бывшего хозяина.

Отменил Мухаммед и обычай кровной мести, запрещая убивать «всякую живую душу, которую Бог запретил убивать, если только не по праву».

Выдвинутый Мухаммедом принцип милостыни, которая должна была «очищать» подающего, должен был сгладить социальное неравенство в общине. Кто не подавал милостыни, тот не мог считаться исламистом. Размер милостыни не был регламентирован, но сам Мухаммед подавал пример, тратя свое с Хадиджей имущество на поддержку бедных участников общины. Некоторые исламисты подавали милостыню сами, другие же жертвовали деньги Мухаммеду, чтобы творить добро в тайне от других. Все эти деньги распределялись весьма справедливо, и Мухаммед никак не выделял ни своих близких, ни родственников. В итоге из одного из богатых исламистов он стал чуть ли не самым бедным членом

общины. Но это его не расстраивало – уже давно он проповедовал принцип умеренности, даже еще до прихода к нему Джабраила.

Проповедь отказа от богатства и роскоши Мухаммед дополнял примерами из жизни, утверждая, что власть находится «в руках злых». Это вызывало в его сторонниках, так и не добившихся, в основном, ни богатства, ни должностей, живейший отклик.

Своим последователям Мухаммед велел делать то, чем и сам занимался уже много лет: молиться, поститься, размышлять о Боге и совершать добрые дела.

Религия только создавалась, и верующие очень часто обращались к Мухаммеду за уточнениями по множеству вопросов. Не удивительно: мир, с точки зрения Мухаммеда, был гораздо сложнее, чем казалось простым людям: его населяли ангелы и демоны, пронизывала божественная энергия, а чтобы в нем ужиться, приходилось принимать множество непростых решений.

Мухаммед порою не мог, видимо, даже и предположить, какие вопросы ему будут заданы, однако на правах Пророка всегда находил верный ответ. Он указывал, например, что физическая чистота перед Богом есть одно из условий веры, и настаивал, чтобы его последователи чистили зубы палочкой из акации – мисуаком (который не только чистит рот, но и угоден Господу, усиливает действенность молитвы, радует ангелов, просветляет глаза, придает блеск зубам, укрепляя их и отгоняя боль, а еще способствует пищеварению).

Ангел Джабраил, – утверждал Мухаммед, – велел ему употреблять для очищения рта именно мисуак. И после еды мисуак лучше двух служанок.

Также он велел своим последователям промывать по утрам нос, процедура эта, как мы понимаем, важна для здоровья, о чем Мухаммед, видимо, знал по собственному опыту, а к тому же во время сна в носу, как он утверждал, поселяются духи.

Такие же подробные разъяснения следовали и о том, почему по утрам необходимо не только помолиться, но еще и умыться, причем в чистой воде, а не из тазика.

Все эти гигиенические правила были хорошо известны и до Мухаммеда, но он систематизировал эти нормы и провозгласил их обязательными для каждого верующего.

Община собиралась почти каждый день по очереди в домах исламистов. Мухаммед произносил для начала небольшую проповедь, а затем верующие приступали к молитве. Пророк громко произносил небольшой фрагмент молитвы, а собравшиеся хором повторяли его слова. В положенных местах Мухаммед совершал поясные или земные поклоны, и вся община повторяла их за ним. Но, однако, в тесно населенной Мекке, не привлекая чужого внимания, молиться становилось все сложнее, и община стала уходить по ночам в пустыню. За это время она сильно сплотилась и стала настоящим братством, связанным узами как духовными, так и материальными.

Но Мухаммеда, хоть он и радовался подобному успеху, не покидало беспокойство. С самого начала создания общины видения ангела прекратились. Даже глядя на энтузиазм и преданность новообращенных, на укрепляющуюся общину, Мухаммед не радовался, как прежде, а все чаще и чаще впадал в глубокое уныние, даже депрессию, и согласно легенде порою даже размышлял о самоубийстве. Ислам осуждает самоубийц, а также людей, впавших в уныние, но, видимо, состояние Мухаммеда было таково, что он, не получая новых откровений, порою разочаровывался не только в той общине, что создал, но переставал верить в Бога и загробную жизнь.

Опасался он, по всей видимости, и того, что его община так и останется не слишком значительной сектой, каких было вокруг множество: знатные люди Мекки

не хотели становиться исламистами, и приток верующих в общину, и так слабый, остановился окончательно.

Мухаммед стал в одиночку уходить в пустыню и целыми днями там ходил, не зная, что ему делать, и всматривался в пропасти, раздумывая, не стоит ли ему туда прыгнуть. Как-то, в минуту полного отчаяния, Мухаммед, давно присмотревший себе высокий и смертельно опасный обрыв, решил свести счеты с жизнью, но как только он дошел до обрыва и стал на самый край перед бездной, как ему явился Джабраил и произнес:

– Не забывай, ты Пророк Бога!

Это видение помогло Мухаммеду избавиться от острых приступов депрессии, но радикально его настроение не улучшило. Причина его, видимо, была в том, что он не мог донести свою веру до множества людей, а не только в отсутствии видений.

Свои блуждания по пустыням вокруг Мекки Мухаммед не бросил, и однажды, подняв голову, он увидел ангела, посещавшего его на горе Хира. Тот восседал на огромном троне, и выглядело это все устрашающе.

Известный арабист, академик В. В. Бартольд, считал, что Мухаммед и в самом деле мог видеть фигуру во все небо, но это было лишь отражение его самого. В науке этот эффект носит название «Броккенского призрака». Это явление часто наблюдается в Германии, в районе горного массива Гарц. Именно на горе Броккен, согласно поверьям, нечисть празднует Вальпургиеву ночь, отпугивая с помощью призрака случайных посетителей. Во многих книгах по оптике есть вполне удачные фотографии этого эффекта, когда увеличенная в сотни раз тень человека падает на утренний туман, и складывается впечатление, за счет того что тень простирается в глубь тумана, что изображение находится очень далеко.

Мухаммед, как только ангел исчез, устремился домой и, пожаловавшись на видение жене, отправился в любимую беседку, где лег, завернувшись по привычке в плащ. И тут же услышал голос, который был настолько мощен, что мог принадлежать только Богу:

– О завернувшийся!

Встань и увещевай!

И Господа твоего возвеличивай!

И одежды свои очисти!

И скверны беги!

И не оказывай милость, стремясь к большему!

И ради Господа твоего терпи!

Мухаммед понял, что это, фактически, приказ начинать публичные проповеди, ему повелевают выйти из тени на свет.

Начало публичных проповедей

Несмотря на то что Мухаммед и его сторонники всячески скрывали новую религию и факт существования своей общины, понятно, что в таком городе как Мекка вряд ли что возможно утаить долгое время. Горожане давно уже догадывались о том, что эти люди, хотя и похожи на ханифов, исповедуют все-таки

какую-то свою веру. Поэтому обращение Мухаммеда к публичной проповеди не стало ни для кого откровением.

В Мекке не было ни правительства, ни человека, который бы исполнял какие-либо подобные функции. Все необходимые для жизни города вопросы решались на общем собрании глав и старейшин кланов, которые проходили в Доме собраний.

В случае какого-либо важного события, требующего вмешательства горожан, собрать мекканцев мог любой человек. Этим и воспользовался Мухаммед. Рано утром он поднялся на холм ас-Сафа, расположенный в центре Мекки, и, перечислив поименно представителей всех кланов, увещевал их прийти в Дом собраний.

Это обращение вызвало панику – обычно общий сбор объявлялся при нашествии кочевников из других племен или в подобных же не слишком приятных случаях. Многие мекканцы явились на собрание уже с оружием. Но Мухаммед стал говорить о едином Боге, жизни после смерти и необходимости молитвы и добрых дел. Мекканцы молчали. Настроенные на то, что случилось что-то страшное, они ожидали чего угодно, но только не религиозной проповеди. Когда же Мухаммед объявил, что он Пророк, то тревога сменилась смехом, и собравшиеся, смеясь в голос, стали свистеть и улюлюкать.

Дядя Мухаммеда Абу аль-Узза один из первых начал выкрикивать ругательства, и Мухаммед, пока еще всеобщий шум не заглушил его голос, начал полемизировать с дядей, предрекая тому, что он будет гореть в аду, а его жена Ум Джамиль будет подкладывать дрова. Абд аль-Уззу с тех пор получил на остром мекканском языке новое прозвище Абу Лахабом («Тот, кому уготовано место в аду»), и это, собственно, был единственный результат проповеди. Мухаммед не ожидал многого, но полное фиаско его потрясло и снова вогнало в депрессию.

Но Аллах не позволял ему больше лежать, завернувшись в плащ:

– Встань и проповедуй! – снова говорил ему голос. – Советую начать со своей родни.

Мухаммед разослал приглашения клану хашимитов, который уже давно утратил свое значение в Мекке и вполне подходил для «целевой группы». Дома у Мухаммеда собралось около сорока человек из клана. Пришли и дяди Мухаммеда: Абу Талиб, Аббас, Хамза и даже свежепереименованный Абу Лахаб решил не пропускать новой проповеди.

Сначала поговорили о делах, затем сели пировать. После щедрого угощения Мухаммед попытался проповедовать, но Абу Лахаб воскликнул:

– Наш хозяин околдует нас! – И, испуганные этой глупой угрозой, хашимиты тут же разошлись.

Но через некоторое время Мухаммед собрал всех еще раз и уже смог рассказать им то, что хотел донести, упирая на то, что роду хашимитов несказанно повезло, что Пророк вышел именно из их колена.

Для рода, который с вершины жизни и благоденствия оказался на периферии, эти слова были слаще меда. Мало кто поверил, что Мухаммед и в самом деле является Пророком, но они начали осознавать, что новая религия может принести их клану некие выгоды. Впрочем, официально принимать ислам хашимиты не спешили: если религия потерпит поражение, то на будущем их клана можно будет и вовсе поставить крест.

– Кто же последует за мной, станет моим братом, моим душеприказчиком и моим наследником? – закончил Мухаммед свою проповедь, но ответом ему было молчание. Тогда его приемный сын Али, прислуживавший за столом, ответил:

– О, Пророк Бога! Я буду твоим помощником!

Мухаммед обнял мальчика и сказал:

– Вот мой брат! Слушайте его и повинуйтесь ему!

После чего гости, посмеиваясь над Абу Талибом, которому теперь предназначено повиноваться собственному сыну, разошлись.

Как религиозная проповедь две этих встречи клана в принципе не имели успеха, но зато хашимиты, увидев в исламе некий шанс обрести былое могущество, пообещали Мухаммеду, что не дадут его в обиду и, при критическом развитии событий, будут выступать на его стороне.

Между тем Мухаммед, который в молодости хоть и общался с поэтами, но поэтом себя никогда не считал, понял, что ему необходимо развивать дар красноречия. Он начал изучать с помощью грамотных и успешных в дискуссиях единоверцев арабские предания, христианские и ветхозаветные легенды, персидские сказания. Теперь его проповеди стали гораздо более грамотными и разнообразными с литературной точки зрения, и он уже не только говорил словами, данными ему в видениях, но и добавлял туда множество цветистых поэтических выражений.

Мухаммед не устал показывать, что новая религия рассчитана на арабов и должна принести им благополучие: «За союз курайшитов, союз их в путешествии зимой и летом... Пусть же они поклоняются Господу этого дома, который накормил их после голода и обезопасил после страха!» В сурах, которые он читал, указывалось, что именно Бог, а не боги, справился с «владельцами слонов» и послал на них стаи птиц с камнями из обожженной глины. Настолько интенсивная пропаганда стала задевать курайшитов, и они стали спорить с Мухаммедом, доказывая ему, что он не прав. Это уже был шаг вперед. Впрочем, очень популярным аргументом в споре среди неверующих в избранность Мухаммеда стала просьба совершить чудо: явить новый чистый источник, отодвинуть от города горы или хотя бы воскресить Курайшу, – и тут бы Пророку «сразу все поверили».

Мухаммед же отвечал, что просить Бога о чуде он никогда не осмелится, а сам он послан сюда для совсем других целей. Но явления чудес просили и сторонники Мухаммеда, терпящие всеобщие насмешки, но и им Пророк отвечал то же самое.

Впрочем, за год открытой проповеди число сторонников Мухаммеда увеличилось вдвое, и их стало около сотни. Нельзя сказать, что это был значительный прирост общины, но, тем не менее, какой-то успех проповедь имела.

Мухаммед понял, что надо менять тактику, и вместо мирного прославления Бога занялся нападками на языческих богов, почитаемых в Каабе. Но ему показалось, что и этого мало, и он ввел запрет для исламистов молиться за своих предков, которые были язычниками. При традиционном почитании в арабской среде своих корней это, конечно же, было очень смелое, даже радикальное решение. Не уставая, Мухаммед повторял день за днем, что все почитаемые предки курайшитов ныне горят в аду, и просить Бога за язычников – большой грех.

Новые постулаты ислама вызвали в Мекке большой шум. Как известно, город во многом был обязан своим благополучием именно богам Каабы, которые приводили сюда паломников и торговцев, а также делали Мекку центром притяжения всех кочевых племен.

Главам курайшитов стало ясно, что Мухаммед не столько создает новую религию, сколько созидает новый клан, не связанный никаким узами со старыми кланами. Понятно, что в явление ангелов своему соплеменнику, который рос среди них и которого они помнили еще мальчишкой-пастухом, они не верили, а считали, что вся эта проповедь вызвана жаждой власти и наживы.

Также было ясно, что Мекка и социальные отношения в ней уже созрели до введения некоей власти и перехода от статуса «вольного города» к формам правления, которые уже были приняты в соседних странах. Курайшиты понимали, что в сложившейся ситуации Мухаммед сможет легко претендовать на власть в Мекке. Но его воззрения отнюдь не устраивали сложившуюся властную верхушку: например, законы исламистов о милостыне и обязательном аскетизме.

Властная верхушка Мекки решила пойти на переговоры с Мухаммедом, пытаясь ограничить его пропаганду и влияние на простых граждан. Была назначена встреча у задней стены Каабы. Видные горожане, при большом стечении народа, спросили у Мухаммеда, что же он все-таки хочет. Чтобы он перестать хулить веру предков и богов, они искушали его, предлагая Пророку на выбор богатство, почет или власть. Скорее всего предложения эти были лишь попыткой показать собравшимся мекканцам, что ислам для Мухаммеда не так уж и важен. Но он отказался от всех соблазнов, заявив, что ему необходимо лишь одно: чтобы арабы признали всемогущего и милосердного Аллаха единым Богом и порвали с богами из Каабы, а также начали молиться и подавать милостыню.

Понятно, что публичные переговоры вряд ли могли привести к каким-либо результатам, перед народом никто не будет идти на компромисс в своих убеждениях. Но, по всей видимости, проводились с Мухаммедом и тайные встречи, которые также ничего не дали. Тогда было решено воздействовать на нового Пророка через его клан, и главы курайшитов отправились к Абу Талибу.

– Сын твоего брата хулит наших богов, – заявили они, – нашу веру и порицает наших отцов. Нет ни одного народа, у которого было бы меньше земли и источников воды, а существование – тяжелее, чем у нас, а он сеет смуту и подрывает благосостояние всего города. Потому или приструни его сам, или не мешай это сделать нам! Фактически это было предложение исключить Мухаммеда из клана и из обычаев кровной мести. Абу Талиб заверил старейшин, что он ни в коем случае не одобряет поведения племянника и даже считает, что тот либо болен, либо одержим демонами. Но сам он на него воздействовать не может, а что же касается их просьбы не мешать им, то никто и никогда не объявлял людей вне закона из-за болезни или одержимости, и позволить такого он тоже не может.

Через некоторое время делегация старейшин вновь повторила свой визит к Абу Талибу, выдвигая те же требования, но говоря, что если хашимиты не отрекутся от Мухаммеда, то те из них, кто его поддерживают, будут истреблены вместе с ним.

Абу Талиба, чье влияние в клане, несмотря на старшинство, из-за бедности становилось все меньше, такая перспектива отнюдь не порадовала. Это, как минимум, могло лишить его власти в клане, а как максимум и поставить под удар весь клан. Абу Талиб призвал к себе Мухаммеда и, объяснив ему ситуацию, попросил не «возлагать ношу, которую я не смогу нести».

Мухаммед сказал дяде, что даже если бы ему предложили взамен его проповеди Солнце и Луну, он бы все равно отказался. После этого Мухаммед, считая разговор оконченным, встал и, заплакав, попытался уйти, но Абу Талиб остановил его:

– Ты знаешь мое отношение к твоей проповеди, но я не выдам тебя...

Впрочем, открыто развязывать противостояние между кланами никто не спешил. Просто сначала исламистам запретили молиться у Каабы: ведь там находятся боги, которых они поносят, и это выглядело кощунством. Исламисты, впрочем, продолжали посещать Каабу даже под градом насмешек и ругани, показывая свою принципиальность. Такая же встреча ожидала их и на улицах Мекки, подзуживаемые богачами мекканцы начали относиться к исламистам все хуже.

– Вот идет внук Абд аль-Мутталиба, знающий все, что происходит на небесах, – смеялись язычники при появлении Мухаммеда, называя его одержимым обманщиком и колдуном. Приняли участие в травле и мекканские поэты: количество эпиграмм на Мухаммеда и его последователей исчислялось сотнями, исламисты стали любимыми персонажами анекдотов, и это, как считают многие исследователи, серьезно затрудняло нахождение новых сторонников.

Вспоминали Мухаммеду и то, что все его сыновья умерли в малом возрасте (подлый удар в спину), и, значит, боги его презирают. Кто-то даже вспомнил его старое прозвище «Куцый».

Стоит сказать, что по тем временам насмешки эти были не просто оскорбительны для человека, который понимал, что такое отношение не только позорит его предков, но и осложняет жизнь всего его потомства, но просто непереносимы. «Мы издревле не допускали обид, а когда при нас складывают презрительную морщину на щеках, мы ее выправляем», – писал гордящийся своим родом Абу Талиб в одном стихотворении. То, что Мухаммед оставлял подобные горькие укоры и насмешки без ответа, было, мягко говоря, очень необычным поведением и вызывало к нему вполне определенное отношение – как к человеку, не умеющему постоять ни за себя, ни за честь своего рода. Дочь Мухаммеда Рукайя, принявшая ислам, даже была возвращена мужем, сыном Абу Лахаба, в дом отца. Но вскоре Мухаммед выдал ее за Османа ибн аль-Аффана, одного из первых курайшитов, принявших ислам.

Как-то неподалеку от мусульман, собравшихся на тайную молитву в одном из ущелий, появились несколько язычников, начавших издеваться над их верой. Слово за слово, и вспыхнула драка. Саад, сын Абу Ваккаса, схватил оказавшуюся поблизости челюсть верблюда и, ударив ею одного из язычников, рассек тому лицо. Саад стал первым, кто пролил кровь за ислам.

После этой истории отношение к мусульманам в Мекке стало еще хуже, в воздухе уже витала тень приближающихся гонений. В идущего по улицам Мухаммеда летела уже не только ругань, но и комки грязи, а на порог его дома соседи по ночам выливали помои. Положение мусульман, а тем более Мухаммеда в Мекке стало настолько тяжелым, что в начале 614 года он был вынужден перебраться в дом своего сторонника, аль-Акрам, молодого человека из клана Махзум. Аль-Акрам имел дом в центре Мекки, был весьма богат, и это позволяло ему не всегда соглашаться с позицией собственного клана. В его доме Мухаммед жил под охраной преданных ему людей, и здесь же проходили собрания общины. Фактически это была уже осада, начинался период гонений на ислам. Впрочем, не стоит думать, что Мухаммед оставил свой дом и Хадиджу с дочерьми. Он наносил сюда регулярные визиты, но все-таки основное его пребывание в то время было в доме у аль-Акрама. Так было безопасней и для него, и для семьи. Стоит сказать, что Хадиджу никто врагом не считал, было понятно, что она следует за мужем, и никаких претензий к ней не было. Она вела спокойную жизнь и не участвовала в политике мекканских кланов. Никто из родственников не претендовал и на ее богатство, ведь все состояние Хадиджи было потрачено – частью на поддержку общины, частью на приданое для дочерей.

ГЛАВА 4. ГОНЕНИЯ НА ВЕРУ

Как-то Мухаммед отправился молиться в Каабу. В «заповедном месте», между Каабой и северо-западной стороной ее ограды, стояли видные курайшиты, понося исламистов. Это место служило в городе чем-то вроде клуба, где собирались обсудить последние новости и просто поговорить. Зрелище Мухаммеда,

совершающего ритуальные обходы вокруг святыни, лишь прибавило им злости, и они стали кричать в его сторону обидные слова. Мухаммед спокойно прошел мимо них раз, затем второй, а на третий остановился и спросил:

– Зачем вы говорите такие вещи? Ведь я пришел сюда с жертвой!

Это смутило курайшитов, и они извинились перед Мухаммедом. Когда он пришел помолиться на следующий день, то воспоминание о вчерашнем фиаско еще больше распалило собравшихся, и они уже сразу бросились к Мухаммеду, обвиняя его в поношении богов и неуважении предков. Тот спокойно подтвердил:

– Да, я говорю все это!

Это было последней каплей, кто-то из собравшихся схватил его за воротник, и началась потасовка. Охранявший Мухаммеда Абу Бакр бросился в толпу и, заслоняя Пророка своим телом, стал кричать:

– Почему вы хотите убить человека, который говорит, что Аллах его господин?!

Курайшиты отступили, но дочь Абу Бакра вспоминала, что в это день он вернулся домой с наполовину выдранной бородой.

Как-то к Мухаммеду, когда он был один, подошел Абу Джахль и стал ругать и ислам, и самого Пророка. Мухаммед молча сносил все оскорбления, и Абу Джахль, поняв, что все бесполезно, удалился, обругав напоследок Мухаммеда последними словами. Это услышала некая вольноотпущенница и, увидев через несколько минут возвращавшегося с охоты дядю Мухаммеда Хамзу, отличавшегося весьма богатырским телосложением, рассказала ему и про все оскорбления, и про то, что Мухаммед их безропотно проглотил. Тот в бешенстве отправился к Каабе и, найдя там Абу Джахля, подошел к нему и, ударив луком, рассек ему голову.

– Если ты оскорбишь моего племянника еще раз, то я снова сделаю то же самое! Я разделяю его точку зрения, и можешь сказать это мне! А если в силах, то верни мне удар!

Родственники Абу Джахля вскочили, готовые броситься на Хамзу, но Абу Джахль остановил их:

– Абу Омар прав, я, и в самом деле, грубо оскорбил его племянника.

Хамза, поняв, что, к полной своей неожиданности, признал себя исламом, решил, что это была рука Господа, и принял ислам. Таким образом у мусульман появился надежный защитник, пользующийся в городе большим уважением, и насмешек, может, пока меньше и не стало, но совершать прямые оскорбления или нападки на Мухаммеда и его сторонников уже боялись.

От более серьезных последствий «кощунства» исламистов уберегала традиция кровной мести, ведь вся Мекка понимала, что убийство Пророка хашимиты не простят. Старейшины кланов даже пытались «выменять» Мухаммеда, предлагая Абу Талибу взамен отречения от племянника усыновить сына аль-Валида, одного из самых сильных и красивых мекканцев. Но тот не согласился:

– Вы хотите убить моего человека, а я должен буду взамен кормить вашего?

Впрочем, Мухаммед не всегда оставлял преследующие его насмешки без ответа, обещая своим врагам вечный огонь ада и проклятие всех их потомков. Некоторые, видимо, наиболее упорные, сумели даже попасть в суры Корана в качестве отрицательных примеров.

Гонения были настолько велики, что несколько мусульманских семей даже перебрались в Эфиопию. Понятно, что эта ситуация Мухаммеда не радовала: он терял верных ему людей.

В такой обстановке гонений неожиданно были опубликованы Мухаммедом пришедшие ему новые суры Корана, в которых богини из Каабы аль-Лат, аль-Узза и аль-Манат, пользовавшиеся особой любовью арабов, были названы ангелами, «дочерьми бога», и Аллах разрешал им поклоняться и обращаться к ним с просьбами. Эти богини обширно почитались в Аравии, например, храм аль-Лат

находился в Таифе, храм аль-Уззы в Нахле, под Меккой, а храм аль-Манат – в Ясрибе.

Когда мекканцы услышали эту суру, то их ликование не было предела: наконец-то сплотились исламисты и язычники! Главам курайшитов подобная уступка была тоже приятна: многие из них владели недвижимостью и держали торговлю и в Таифе, и в Ясрибе. В Таифе, кстати, имел большой бизнес дядя Мухаммеда Аббас.

Отношения между религиозными общинами Мекки нормализовались, и в город даже вернулись семьи, бежавшие в Эфиопию.

Впрочем, полноценного мира с мекканцами все равно не вышло: если раньше Мухаммед признавал Каабу единственной святыней, то теперь он стал славить и другие, «конкурирующие» храмы. В среде мусульман первоначальная радость также сменилась разочарованием: их исключительность была поставлена под сомнение, и они, поклонники единого бога, должны были признавать теперь и каких-то богинь, благоволящих к язычникам.

Мухаммед оказался в трудном положении: совершенную ошибку нельзя было исправить, ведь это слова Бога!

Но, Впрочем, не зря в Мекке всегда ценили его ум. Через некоторое время выяснилось, что Бог говорил своему Пророку прямо противоположное: «Видели ли вы аль-Лат, и аль-Уззу, и аль-Манат – третью, иную? Неужели у вас – мужчины, а у Него – женщины? Это тогда – разделение обидное! Они – только имена, которыми вы сами назвали, – вы и родители ваши. Аллах не посылал с ними никакого знамения». Но Иблис (дьявол), после того как Мухаммед очнулся от священного сна, забрался к нему под язык и заставил произнести кощунственную фразу, причем так ловко, что Пророк, несмотря на то что слова Аллаха были запечатлены в его сердце, ничего не заметил. Подобные вещи Иблис, по словам Мухаммеда, проделывал и с другими Пророками, никто от этого не был застрахован. Но отныне Аллах пообещал Мухаммеду, что приструнит дьявола и тот больше не сможет вмешиваться в Его откровения. Война с язычеством вспыхнула с новой силой.

Курайшиты, понимая, что физически с мусульманами они сделать ничего не могут, решили взять их в экономическую блокаду. Это решение было принято на одном из «антимусульманских» советов, которые регулярно проходили в доме аль-Валида. Было решено предупреждать всех проходящих в Мекку за покупками кочевников о том, что Мухаммед и его последователи – богохульники и враги племени курайшитов, и потому не стоит у них ничего покупать и не надо им ничего продавать. Объяснения должны были быть мягкими и с намеком на то, что, послушавшись сего доброго совета, кочевник обидит многих видных горожан. На всех караванных тропах, идущих в город, было установлено дежурство курайшитов, которые проводили беседы со всеми приезжающими. Также были выставлены посты и на рынке, которые отмечали тех, кто имеет дело с мусульманами, и брали их на заметку для повторной беседы.

Решение это было, безусловно, весьма умное и сулило исламистам море неприятностей. Среди них было очень мало ремесленников и слуг, фактически все первые мусульмане происходили из одного социального класса – мелких торговцев. Но этот удар смягчили, как обычно, разногласия среди кланов. Бойкот продвигали, в первую очередь, Абд Шамсам, Махзумам и другие главенствующие кланы, а остальным кланам он был отчасти и не выгоден, а отчасти они не хотели увеличивать «богатство богатых», понимая, что от бойкота выгода будет только тем, кто его объявил.

Но, тем не менее, бойкот ударил по общине весьма болезненно: купцы, не могущие полноценно торговать, начали покидать Мухаммеда и начинали почитать божеств из Каабы. Мухаммед, понимая всю сложность их положения, не осуждал этих людей, а наоборот, судя по Корану, обратил весь гнев Бога на гонителей.

Положение становилось все хуже, и Мухаммед понял: необходим исход.

Исход

Необходима была страна, в которой возможно было бы торговать, то есть заниматься традиционным для мусульман видом деятельности, и в то же время не было язычества, которое бы было, как уже понял Мухаммед, для членов его общины постоянным соблазном. Тщательно все обдумав, он выбрал весьма развитую и к тому же населенную христианами, так же почитающими единого Бога, Эфиопию.

Курайшиты, пользовавшиеся покровительством негуса, заинтересованного в торговле с Аравией, плотно занимали места на рынках Эфиопии, но Мухаммед надеялся, что негус (правитель) – христианин и не даст почти единоверцев в обиду.

Были ли у Мухаммеда более грандиозные планы: вернуться, подобно Абд аль-Мутталибу, в Мекку с помощью Эфиопии? Или поставить под контроль всю торговлю Аравии с Эфиопией, лишив тем самым врагов заработка? Сказать об этом с уверенностью сложно, но Мухаммед, как человек больших планов, наверняка просчитывал и эти возможности, несмотря на то, что они вряд ли могли быть воплощены в то время. Но оно, как известно, не стоит на месте.

В начале 615 года небольшая группа мусульман, десять мужчин, четыре женщины и малолетние дети во главе с Османом ибн аль-Аффаном и его женой Рукайей, дочерью Мухаммеда, покинули Мекку и, прибыв к побережью Красного моря близ Джидды, сели на корабль и отбыли в Эфиопию.

Через некоторое время по их пути последовала вторая группа, затем и третья... Не считая детей, в Эфиопию переселилось 83 человека. Это была первая хиджра – переселение мусульман.

Город покинули только те, кто не мог рассчитывать на поддержку своих кланов, мусульмане же из родов Хашим, аль-Мутталиб, Зухра, Тайм и Ади остались вместе с Мухаммедом в городе. Между тем убившие обосновались в Эфиопии, легко отыскав общий язык с негусом, и занялись торговлей. Уже очень скоро в Аравию, к мусульманам, потекли караваны товаров из Эфиопии, подрывающие с таким трудом достигнутую монополию курайшитов. О серьезных ударах, понятно, говорить было еще рано, но, как говорится, лиха беда начало, и главы курайшитов это прекрасно понимали. Мухаммед был великолепным торговцем, и он делал все, чтобы товар брали именно у него, а не у язычников. Товаров пока было мало, но курайшиты сочли нужным отправить к негусу посольство с богатыми дарами, прося выдать «предателей родов» назад в Аравию.

Первобытнообщинные законы, когда человеком владеет род, в Эфиопии не признавались, и посольство вернулось в Мекку ни с чем. Это вызвало еще большее давление на мусульман, оставшихся в Мекке.

Впрочем, существуют версии, что бойкот, объявленный курайшитами, был отнюдь не единственной причиной отъезда. По всей видимости внутри общины тоже были какие-то разногласия. Это подтверждает и легкая путаница с количеством принявших к этому времени ислам, и то, что даже после укрепления Мухаммеда в Мекке эта часть мусульман так и не вернулась назад.

Омар, сын Хаттаба: «Так прими же Господа в сердце свое!»

И вот среди этой блокады и гонений племянник Абу Джахля, главного, наверное, врага Мухаммеда, принял ислам.

Омар, сын Хаттаба, был не очень богатым человеком, но недюжинной силы и весьма простых и честных нравов. Как это произошло – точно не известно, ученые выдвигают две версии. По одной Омар, сын Хаттаба, нещадно преследовал мусульман и как-то даже, подпоясавшись мечом, отправился искать Мухаммеда с целью его убить. От кого-то он услышал, что Пророк со своими сторонниками собрался в доме неподалеку от ас-Сафы, в доме аль-Акрама. Там должно было быть около сорока человек, но Омара это не пугало.

Нуайм, один из его дальних родственников, тайно принявший ислам, встретил его и поинтересовался, куда он идет, такой воинственный. Омар ответил:

– Хочу найти и убить Мухаммеда, изменника, посеявшего раздор среди курайшитов, человека, презирающего нашу веру и издевающегося над нашими предками!

Нуайм попытался его образумить:

– Неужели ты считаешь, что хашимиты оставят тебя после этого в живых? Сначала отправься домой, приведи в порядок свои дела, а после уже иди убивать Мухаммеда!

Но Омар не слушал его. Тогда Нуайм сказал ему, что сначала надо разобраться с близкими по крови людьми, а потом уже искать смерти проповедника.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Омар. – Или ты хочешь сказать, что изменники появились и в моем роду?

– А как же твой зять Зайд и твоя сестра Фатима? Они давно уже исповедуют ислам!

Омар в гневе, и в самом деле позабыв про Мухаммеда, отправился в дом к сестре. В это время у нее в гостях находился мусульманин Хаббаб со списком одной из сур Корана, которую он пришел прочесть своим неграмотным единоверцам.

Услышав голос гонителя мусульман в прихожей, Хаббаб очень испугался и укрылся в кладовке, а Фатима, спрятав листок с сурами, села на сундук. Не успела она еще этого сделать, как Омар уже ворвался в комнату:

– Что за молитву я здесь слышал?!

Фатима с Зайдом стали убеждать его, что он ослышался, и они просто разговаривали. Взбешенный Омар набросился на Зайда:

– Ты, говорят, совратил мою сестру на поклонение этому прохиндею!

Завязалась потасовка, и Фатима бросилась разнимать мужчин. Омар оттолкнул ее, и она, упав, рассекла себе до крови лицо. Кровь любимой сестры охладила пыл Омара. Заметив, что он успокоился, Зайд с Фатимой признались:

– Да, мы мусульмане и верим в единого Бога...

Но Омар устыдился, что пролил родную кровь, и уже не мог ругаться.

– Дай мне посмотреть, что ты спрятала, – сказал он, – хочу узнать, что за слова распространяет этот проходимец.

Фатима, заставив Омара поклясться, что он ничего не сделает с бумагой, протянула ему листок. Омар прочитал: «Не ниспослали Мы тебе Коран, чтобы ты был несчастен, а только как напоминание для того, кто боязлив».

– Как прекрасны и благородны эти слова! – воскликнул Омар, а прятавшийся Хаббаб, осмелев, сказал из кладовки:

– Омар! Клянусь Всевышним, что Он, по молитве Пророка, отличит тебя! Прошлой ночью я сам слышал, как Мухаммед взывал: «Боже! Укрепи силы ислама Абу аль-Хакимом или Омаром, сыном Хаттаба!» Так прими же Господа в сердце свое!

И что-то перевернулось в душе Омара.

– Веди меня к Мухаммеду, – приказал он вышедшему из кладовки Хаббабу, – клянусь, я готов принять ислам!

Хаббаб объяснил, где найти собравшуюся общину, и Омар отправился туда. Когда он постучал в дверь, то в доме аль-Акрама началась паника:

– Стучит Омар, препоясанный мечом, – доложили Мухаммеду.

– Открой ему, – сказал Хамза. – Если он пришел с миром, то мы будем рады, а если нет – он погибнет от собственного же меча!

Когда Омар вошел, Мухаммед, поднявшись ему навстречу, схватил его за воротник и сказал:

– Зачем ты пришел к нам, сын Хаттаба? Клянусь Всевышним, коли ты не угомонишься, тебя ждет суровое наказание!

Но Омар упал на колени:

– О, Пророк! Я пришел принять твою веру и воспринять все, что ты получил от Бога!

И Мухаммед, и все присутствующие тут же возблагодарили Аллаха за столь чудесное обращение.

Вторая версия этой истории осталась в летописях как рассказ якобы самого Омара: «Я был далек от ислама. Я был пьяницей во времена невежества, я любил вино и изрядно попивал его. Обычно наша компания собиралась неподалеку от рынка аль-Хазвар. Однажды ночью отправился я туда в надежде застать своих собутыльников, но там никого не было. Тогда я решил, что неплохо было бы пойти к виноторговцу и достать у него чего-нибудь выпить. Пошел я к известному мне человеку, который торговал вином в Мекке, но не застал его дома и нигде не мог найти его. Тогда я решил, что неплохо было бы сходить к Каабе и обойти ее семь, а то и дважды семь раз. Итак, пришел я к храму, намереваясь совершить обхождения, и вдруг вижу – посланник Бога стоит и молится. Когда он молился, он поворачивался лицом к Сирии, так что Кааба располагалась между ним и Сирией. Место же, где он обыкновенно молился, приходилось между восточным углом – углом Черного камня – и южным, йеменским. И тут я подумал: а ведь было бы неплохо подслушать, что говорит Мухаммед, когда он молится! Если бы я прямо подошел к нему, я бы вспугнул его. Поэтому я подошел к Каабе со стороны „заповедного места“, подлез под занавес и стал осторожно подкрадываться.

Тем временем посланник продолжал молиться на том же месте, читая Коран, а я остановился прямо перед ним, и между мной и посланником не было ничего, кроме покрывала Каабы. Когда я стоял и слушал Коран, мое сердце смягчилось, я расплакался, и ислам проник в меня; но я все продолжал стоять на том же месте, пока посланник не окончил молитвы. Затем он удалился, а я последовал за ним. Когда он направлялся от Каабы домой, то обычно проходил мимо дома, принадлежащего сыну Абу Хусейна, а затем пересекал дорогу, по которой паломники совершали свой бег между холмами ас-Сафа и аль-Марва. Потом он шел между дворами Аббаса и Ибн Азхара, затем мимо двора Ахнаса и входил в дом свой. Жилище его находилось в квартале ад-Дар ар-Рактаа, которым владел Муавия, сын Абу Суфиана. Я продолжал следовать за Мухаммедом, пока он не оказался между дворами Аббаса и Ибн Азхара, и тут я стал нагонять его. Посланник услышал мои шаги, оглянулся и узнал меня. Думая, что я преследую его со злым

умыслом, он остановился и оттолкнул меня со словами: «Что привело тебя в такой час, сын Хаттаба?» Я отвечал, что пришел уверовать в Бога и его посланника и в то, что нисходит к посланнику от Бога. И возблагодарил посланник Аллаха, и сказал: «Бог направил тебя на путь истинный». Затем коснулся он рукой моей груди и помолился, чтобы я был стоек. Потом я расстался с ним, а он вошел в свой дом».

Но как бы то ни было, Омар принял ислам и стал, как многие считают, одним из настоящих его основателей. Мухаммед был лишь религиозным проповедником, а сила и решительность Омара смогли сделать из ислама самую многочисленную мировую религию. Впрочем, это будет еще не скоро. Пока же впереди и у Мухаммеда, и у Омара были лишь трудности.

Омар, как уже сказано, был человеком весьма простых нравов и ничего не боящийся, уже утром, остановив мекканца, который слыл «разносчиком новостей», сообщил ему, что принял ислам и отрекся от язычества.

Тот сразу же устремился к Каабе, где собирались горожане.

– Слушайте, слушайте, – кричал он, – Омар, сын Хаттаба, совращенный Мухаммедом, впал в сабейство!

Следовавший сюда же Омар услышал эти слова и покачал головой:

– Это ложь! Я исповедую единого Бога и принадлежу к исламу!

Стоявшие у Каабы курайшиты в ярости набросились на Омара, но взять того было не так-то просто. Драка продолжалась несколько часов, до полудня. Наконец курайшиты, несущие тяжелые потери, сумели повалить Омара на землю.

– Вы можете сделать со мной что хотите, – сказал он им. – Жаль, что нас здесь не сотни три, хотя бы. Ох, тогда бы мы поговорили с вами по-другому...

Курайшиты, видя, что Омар и не думает раскаиваться, решили его убить. Но присутствовавший здесь Ас, сын Ваиля, остановил их, напомнив, что Омар происходит из рода Ади, мощного и не любящего, когда кто-то проливает кровь их соплеменников. Курайшиты отступили, а Омар встал и направился к своему дяде, Абу Джахлю. Дядя известию тоже не обрадовался и захлопнул пред лицом Омара дверь своего дома, прокричав, что Бог покроет его бесчестьем за такие поступки.

Омар тут же начал ходить молиться к Каабе, откуда мусульмане были давно уже изгнаны. Помня минувшую драку, курайшиты опасались прогнать этого человека. Понемногу к Омару стали присоединяться и остальные мусульмане, и вскоре традиция молиться в Каабе была возобновлена. Курайшиты со злостью глядели на Мухаммеда, совершающего традиционные обходы, но молчали. И что тут скажешь – когда с одной стороны Пророка шел Хамза, а с другой Омар.

Клану хашимитов объявлен бойкот

Между тем, за всеми передрыгами, количество священных текстов разрасталось. Мухаммед, которому исполнилось сорок пять лет, порою забывал их тексты, многие из них повторялись и, бывало, не совпадали друг с другом по смыслу. Это уже стало слишком заметно, и мусульмане подступали к своему Пророку с вопросами. Впрочем, и здесь был найден выход. В очередной сутре, ниспосланной Аллахом, говорилось: «Если кто-нибудь попрекнет тебя: „Разве ты не помнишь, что ты говорил раньше?“ – не смущайся. Раз забыл, – значит, то, что говорилось раньше, отменено Богом, а не тобой. И тот, кто настаивает на устаревшем, отмененном, идет

не только против тебя – дерзает идти наперекор Богу, впадает в непростительный грех, ему нет места среди правоверных».

Также Аллах обещал заменить отмененные стихи Корана новыми, на этот раз теми, что пребудут уже вечно. Мухаммед понял, что пора нанять секретаря, так как стихи уже не удерживаются в его памяти. Это был вопрос непростой: секретарь был должен не только записать откровения, пришедшие к Пророку, но и потом исправлять их, если вдруг Пророк неточно запомнил текст, а потом Аллах оживил его память. Понятно, что записывать за Пророком мог только очень преданный делу ислама человек.

Мухаммед обычно пользовался услугами Абдаллаха, сына Саада, молочного брата Османа ибн аль-Аффана, зятя Мухаммеда. Но тот, хотя и был весьма грамотен и держался по отношению к Пророку очень почтительно, рвения в вопросах веры не проявлял, а наоборот, любил проводить время со своими друзьями-поэтами за бочонком-другим вина. Вино не лучшим образом воздействует на веру, и Абдаллах, хотя и ничего порочащего про Мухаммеда не говорил, но по его гримасам можно было понять, что он не просто записывает текст, а, возможно, даже немного участвует в его создании. Так что вопрос о поиске секретаря оставался открытым.

Во времена первой общины Мухаммед вел очень скромную жизнь, хотя у него и был свой раб, который его обслуживал. Эти обязанности добровольно взял на себя абиссинец Билаль, отпущенный на свободу Абу Бакром, но принявший ислам и оставшийся с Пророком.

Мухаммед все так же носил один плащ, имел одну перемену полотняного белья, на голове у него всегда была чалма или наголовный четырехугольный платок.

Обут он был в сапоги или сандалии. Мухаммед очень бережно относился к своим длинным вьющимся волосам и красивой бороде. Он собственноручно их расчесывал и умащивал благовониями – это, пожалуй, единственная роскошь, которую он себе позволял. У него не осталось ни шелков, ни драгоценностей. Сам же он чинил и чистил свою одежду, а питался в основном финиками, ячменными лепешками, кашами, сыром и фруктами. Вина Пророк не пил, а мясо вкушал не чаще, чем раз в неделю.

Община жила бедно, и это выглядело, наверное, вполне естественно для членов общины, но отпугивало тех же кочевников, в голове которых не могли совместиться такая простота быта и звание посланца Аллаха. (Недаром курайшиты, склоняя Мухаммеда на компромисс, говорили ему, что тогда они «сядут по сторонам от него», и привлечение новых членов пойдет гораздо успешнее.)

В этот период Мухаммед становится не только духовным лидером мусульман, но и светским лидером общины, которая превратилась уже в небольшой клан. Он целыми днями или решал духовные проблемы исламистов, цитируя им строки Корана, либо вел переговоры с курайшитами, стараясь оперативно решать возникающие проблемы. Активно помогал ему в этом Абу Бакр, чье состояние стремительно таяло от раздаваемой милостыни, но который стал фактически вторым человеком в общине, и Хамза. Хамза родной дядя Мухаммеда, и это уже многое говорит человеку, понимающему, что такое для араба родная кровь. Абу Бакр, старый друг Мухаммеда, человек гораздо более тонкий и мудрый, нежели Хамза, происходит с Пророком из разных кланов.

Все больше влияния в общине набирал и Омар, человек в исламе хотя и новый, но горячо верующий и очень волевой. А в тех условиях воля и смелость были отнюдь не последними качествами. Преследование общины со стороны курайшитов не прекращалось ни на день. Несмотря на то что «Конфедерация добродетельных» и не поддерживала бойкот, временами материальное положение членов общины становилось совсем печальным, и до нас даже дошли легенды про то, как

сочувствующие как-то перекинули через забор дома общины мешок пшена. Также легенды говорят и о голодной смерти кого-то из мусульман в тот период, но, скорее всего, речь идет не об общине, а об отношении к мусульманам в их семьях. В попытках перевоспитать родственников, предавших отеческих богов, члены клана сажали их на цепь, морили голодом и использовали другие жестокие методы убеждения. Особенно сложно приходилось принявшим ислам рабам, хозяева которых так же старательно подыскивали им самую тяжелую работу, которая могла помочь возвращению к традиционным ценностям.

В начале 616 года главой клана махзумитов, весьма богатого и влиятельного, становится Абу Джахль. Он направляет массу усилий на то, чтобы разрушить поддерживающую исламистов «Конфедерацию добродетельных», и весьма быстро, путем предложений о выгодном торговом партнерстве, ему удается перетянуть на свою сторону кланы Зухра, Тайм и Ади. Фактически впервые в истории Мекки была создана коалиция, в которую могли войти практически все кланы курайшитов. На стороне хашимитов остался только слабый и малочисленный клан аль-Мутталиб.

После этого к Абу Талибу снова пришли старейшины и потребовали либо «успокоить», либо выдать Мухаммеда, говоря, что тут уже выбора нет: иначе клану хашимитов будет объявлена война. Выбор, и в самом деле, был сложным. С одной стороны, было понятно, что война хашимитов против всех кланов – дело заведомо проигрышное, а с другой, если выдать курайшитам Мухаммеда и его последователей, среди которых были близкие Абу Талибу люди, то клан, лишившийся своих лучших людей, сгинет окончательно. Абу Талиб принял сложное решение – он решил никого не выдавать, и племени хашимитов в конце 616 года был объявлен бойкот. Всем остальным жителям Мекки было запрещено что-либо продавать им, покупать у них, брать в жены их дочерей или отдавать своих дочерей за хашимитов.

Бежать Мухаммеду было некуда – тот же эфиопский негус, терпящий его соратников, вряд ли бы потерпел самого Мухаммеда. Лжепророков христианские цари казнили весьма быстро – как своих, так и приезжих. К тому же, не зная языка, Мухаммеду пришлось бы при бегстве забыть о своей пророческой миссии и, фактически, стать обыкновенным главой небольшой общины.

Мухаммед решает остаться в Мекке и перебирается в дом к Абу Талибу, находящийся в хорошо укрепленном квартале хашимитов в узкой долине на восточной окраине Мекки. Вместе с ним сюда же переезжают и многие мусульманские семьи.

Настало по-настоящему тяжелое время. Эта блокада тяжело отразилась на мусульманской общине и клане хашимитов. Порою есть было совсем нечего, и спасала лишь помощь родственников, оставшихся в городе и рисковавших собственным благополучием за доставлявшуюся за стену крепости хашимитов еду.

Но, впрочем, и тут языческие законы играли на руку мусульманам. В священные месяцы, когда объявлялся всеобщий мир и прекращалось даже действие закона кровной мести, хашимиты выходили из осады и безбоязненно торговали с паломниками на рынках, создавая себе стратегические запасы продовольствия. Впрочем, бойкот не мешал хашимитам отправлять караваны в Сирию, где они торговали вполне свободно. Также эти месяцы становились для Пророка месяцами активной проповеди. Это было необходимо, так как приток новообращенных уменьшился, а несколько мусульман, испуганных бойкотом, покинули общину.

Поддержать братьев по вере в сложное время вернулось из Эфиопии тридцать три мусульманина, в том числе и зять Мухаммеда Осман ибн аль-Аффан с Рукайей. Мусульмане, возвращающиеся в Мекку, заручались поддержкой кого-либо из близких родственников, которые вели вернувшихся к Каабе и во всеуслышание объявляли, что этот человек находится под его покровительством. Забавно, что за

некоторых мусульман ручались злейшие враги Мухаммеда – законы крови, что поделаешь.

За шесть лет бойкота Мухаммед надиктовал около сорока рахманских и пророческих сур, некоторые из которых содержали более двухсот стихов. Причина такой активности понятна: в исламе значение загробной жизни было не слишком и велико. Мухаммед обещал своим сторонникам благоденствие уже в этой, земной жизни, но, как мы знаем, все пришедшие в ислам вместо богатства испытывали одни лишения. В общине начался шепоток смущения, и Пророк был вынужден объяснять, почему язычники преследуют верных Аллаха, и как Всевышний к этому относится. Продолжалась, естественно, и дискуссия с курайшитами: Мухаммед не оставлял надежды их обратить. Обличение язычества было рассчитано и на внутреннюю аудиторию: некоторые из мусульман, под давлением, думается, как общественного мнения, так и бойкота, стали идти на компромисс с воззрениями язычников, воздавая честь и «вашим, и нашим» богам.

Именно ко времени блокады относится и повеление Аллаха о том, что Мухаммед не должен заниматься человеческими делами: «Мы не требуем, чтобы ты заботился о житейских нуждах. Мы будем наделять тебя потребным для жизни: благочестию – успех!» Мухаммед, до этого не бросавший и своих купеческих дел, полностью сосредоточился на делах общины.

Длившийся три года бойкот подошел к своему логическому завершению. Курайшиты так и не смогли сломить хашимитов и мусульман, а Мекка, раздираемая межклановыми противоречиями, теряла и в торговле, и в общей прибыли. Клань, объединившиеся против хашимитов, были раздираемы противоречиями, и было ясно, что кто-то должен положить бойкоту конец. Этим человеком стал Зухейр – сын Атики, дочери Абд аль-Мутталиба, родной племянник Абу Талиба и двоюродный брат Мухаммеда. На собрании курайшитов он предложил прекратить бойкот. Его поддержали несколько человек из кланов, которые раньше были союзниками хашимитов по «Конфедерации добродетельных». В начале 619 года бойкот был прекращен. Однако, несмотря на это радостное событие, 619 год получил в мусульманских летописях название «Год Траура».

Год Траура

Абу Талиб, глава хашимитов, которому уже исполнилось 90 лет, стал очень слаб, и было понятно, что счет его жизни идет уже не на месяцы, а на дни. Заступник мусульман на протяжении долгих лет так и не принял перед смертью ислам, хотя Мухаммед очень настаивал на этом. Но Абу Талиб был избавлен от адских мук – перед самой смертью он начал что-то шептать, и Аббас, наклонившийся к его губам, утверждал, что это было признание Аллаха единым богом. Поэтому сегодня Абу Талиб считается небесным покровителем Мекки.

Вскоре после смерти Абу Талиба мусульмане понесли и еще одну потерю: умерла жена Мухаммеда Хадиджа. Горе Пророка было безутешным, даже несмотря на то, что явившийся к нему ангел Джабраил известил, что на небе ей уготовлен дом из полной жемчужины.

После смерти вождя клана главой хашимитов стал брат Абу Талиба, Абу Лахаб, ярый враг Мухаммеда. Он был настолько знаменит своим негативным отношением к

мусульманам, что на него даже не распространялся бойкот. Но, тем не менее, сразу выдать Мухаммеда он не мог: это было бы предательство законов крови, и Абу Лахаба ждало бы осуждение общества, причем не только хашимитов. Поэтому он решил дождаться удобного случая и, придравшись к какому-нибудь поступку Пророка, снять с него защиту клана.

Скоро повод нашелся. По совету Абу Джахля Абу Лахаб возбудил «дело об оскорблении чести хашимитов». При свидетелях у Мухаммеда было спрошено, куда попадет Абд аль-Мутталиб – в рай или ад? Отвечая на каверзный вопрос, Мухаммед ни на йоту не отступил от того, что он утверждал и раньше:

– Безусловно в ад.

Оскорбление было зафиксировано, и Абу Лахаб без труда убедил хашимитов исключить Мухаммеда из клана. Вскоре об этом было объявлено у стен Каабы, и Мухаммед стал хали – человеком без рода, без племени. Ни полиции, ни каких-либо государственных структур в Мекке не было, и любой мог безнаказанно оскорбить Мухаммеда, избить его или ограбить. Убивать, безусловно, не рекомендовалось – кровная месть, лежащая на ближайших родственниках, продолжала действовать.

В Мекке началась травля Мухаммеда. В него кидали камнями и грязью, выливали помои на то место, где он молится, и вряд ли можно описать все те унижения, через которые пришлось пройти Пророку и его общине. Мухаммеду стало ясно, что в этом городе оставаться нет больше смысла: дело ислама здесь продолжать невозможно. Нет Пророка в своем отечестве... В одиночку, никому не говоря, Мухаммед отправился в принадлежащий племени сакифитов оазис Таиф, расположенный примерно в двух днях пути на восток от Мекки. Впрочем, частью собственности здесь владели мекканцы, в частности Аббас. Когда-то сакифиты контролировали торговлю между Йеменом и жителями берегов Персидского залива, но после одной из клановых войн они были вынуждены отдать все под контроль курайшитов. Хотя у власти в оазисе и была партия, враждебная курайшам, с Меккой поддерживалась видимость мира. Мухаммед, видимо, хотел сыграть на этом противоречии.

В Таифе он поселился в доме местного влиятельного человека Абд Джалайла ибн Амра. Несколько дней он беседовал с ним и с его братьями, во многом контролирующими жизнь в оазисе, и убеждал их принять исламистов.

Но пока шли переговоры, весть о пребывании Мухаммеда, несмотря на секретность, как-то ушла в народ, и вскоре перед домом Абд Джалайла стояли толпы сакифитов, требуя изгнать Мухаммеда. Сыновья Амра были вынуждены попросить Мухаммеда покинуть их дом, и улюлюкающая толпа гналась за ним, выкрикивая проклятия и кидая камни. Уже на выходе из оазиса за Мухаммеда заступились два курайшита, братья Утба и Шейба, владевшие здесь садом. Были они из клана Абд Шамс, враждебного и Мухаммеду, и мусульманам, но их сердца не позволили продолжать травлю беззащитного человека.

В их саду Мухаммед передохнул, смыл кровь с лица и подкрепился фруктами. Необходимо было отправляться в Мекку. Слухи бежали впереди него, и Мухаммед понимал, что ему предстоит возвращение в город, где все будут знать, что он этот город хотел предать, объединившись с его врагами. Потому в Мекку Мухаммед входить не стал, а, послав весточку своим сторонникам, укрылся на горе Хира. Отсюда он начал переговоры с видными язычниками, чтобы те предоставили ему покровительство. Понятно, что сделать это было весьма сложно. Наконец аль-Мутим, глава клана Науфал, согласился взять Мухаммеда под свою защиту, и тот вошел в город. Для этого понадобилась охрана всего клана аль-Мутим, вооруженного до зубов!

Между тем, единобожие проигрывало по всем фронтам. В 614 году персы заняли Иерусалим, а затем вошли в Египет. Мухаммед и его сторонники болезненно воспринимали известия о поражениях. Впрочем, как раз в это время Мухаммед

записал в Коране, что победы персов носят временный характер и скоро единобожники разгромят язычников. Это показывает, что, в сущности, Мухаммед был хорошим военным и политическим аналитиком.

Всю вторую половину 619 года Мухаммед вел переговоры с кочевниками о возможности их принять мусульманскую общину. Однако никто не хотел идти на такой шаг. Впрочем, переговоры не проходили даром – некоторые из кочевников принимали ислам и разносили весть о своем Пророке по бескрайней пустыне. Мухаммед позиционировал ислам уже не как религию курайшитов, а как религию всех арабов.

Через несколько месяцев после смерти Хадиджи Мухаммед женился на тридцатилетней вдове мусульманина, умершего в Эфиопии, Савде. Сосватала его Хавла, жена Османа ибн Махзума. Вряд ли в Савде можно было найти какие-либо достоинства кроме благочестия, и поступок Мухаммеда был некоей демонстрацией солидарности мусульман: Савда, не имея ни состояния, ни богатых родственников, вряд ли смогла бы выжить в Мекке. Трудно сказать, как отнеслись к этому браку язычники, но в общине он вызвал одобрение, и авторитет Мухаммеда поднялся. Мухаммед очень томился этим браком и через несколько лет предложил Савде развод, обещая обеспечивать ее. Но она, отказавшись от всяких супружеских прав, уговорила его не объявлять о разводе открыто: Савде хотелось оставаться женой Пророка.

Хавла, чувствуя, видимо, свою вину за неудачное устройство жизни Мухаммеда, подыскала ему еще одну жену, Айшу, дочь Абу Бакра. Абу Бакр был счастлив породниться с Пророком, мы уже говорили, что его тяготило то, что они из разных кланов, но Айша была помолвлена с мусульманином Ибн Мутимом. Впрочем, помолвка была быстро расторгнута, и жених стал ждать, когда семилетняя девочка достигнет возраста зрелости. В арабском понимании той эпохи возраст супружеской зрелости для женщины – это десять-одиннадцать лет. Абу Бакр стал готовить для Пророка достойную жену: он дал своей дочери лучшее образование, которое тогда можно было получить в Мекке. Не знаю, стоит ли уточнять, но никто из людей той эпохи не видел в браке пятидесятилетнего мужчины и десятилетней девочки ничего страшного, это была абсолютная норма.

Вскоре после обручения Мухаммеда с Айшей его приемный сын Али был помолвлен с младшей дочерью Мухаммеда Фатимой. Это были уже двойные кровные узы. Из лидеров мусульманской общины лишь Омар и Осман ибн Махзун оставались не связанными с Пророком узами родства.

Ясриб: «клятва женщин» и «клятва войны»

Беседуя с язычниками, посещающими мекканские ярмарки, Мухаммед как-то разговорился и с купцами из Ясриба. Шесть хазраджитов представляли пять кланов Ясриба, где всего было около ста родов. Эти люди были потрясены духовной мощью Мухаммеда, и им очень понравилась идея уммы – сообщества верующих, в котором нет места распрям. К тому же Мухаммед был не совсем чужим для Ясриба человеком – его прабабка, мать Абд аль-Мутталиба, а также предки его матери происходили из этого оазиса.

Вернувшись в Ясриб, купцы развернули мощную пропаганду, уговаривая земляков принять ислам и стать ансарами – помощниками Пророка, пока его «не перехватило» какое-нибудь другое племя. Через год после этого разговора, в 621 году, в Мекку на паломничество к Каабе уже прибыло двенадцать ясрибцев, желающих вести с Мухаммедом серьезные переговоры. В итоге на склонах холма Акаба эти люди торжественно поклялись Мухаммеду выполнять заповеди Аллаха, то есть приняли ислам. Это событие получило название Первой клятвы при Акабе.

Впрочем, в этой клятве, еще получившей наименование «клятва женщин», нет ни слова о готовности защищать ислам и Пророка с оружием в руках. Эти понятия появятся позже, пока же в положении Мухаммеда и мусульманской общины заключать военные союзы было бы, мягко говоря, неосмотрительно.

Вместе с двенадцатью новопосвященными мусульманами Мухаммед отправил в Ясриб, в качестве учителя веры, своего дальнего родственника Мусаба ибн Умайра. Тот прекрасно справился с заданием, и вскоре практически во всех кланах Ясриба были мусульмане. Исключение составил только клан Аус-Манат. Но местным мусульманам не особо нравилось, что их молитвами руководит чужак, и через некоторое время Мусаб передал свои полномочия Азад ибн Зурату.

Также в задачи Мусаба входила и тайная задача подготовить Ясриб к переселению туда главной мусульманской общины.

Несмотря на то что характер гонений в Мекке был уже не столь острым, Мухаммед понимал, что для своего развития мусульмане должны покинуть город, и подспудно внушал эту мысль в общине. Сложность была еще и в том, что основная часть исламистов занималась торговлей, а в Ясрибе, кроме сельского хозяйства, заниматься было практически нечем. К тому же и Кааба всегда воспринималась мусульманами как некий центр мира, Мухаммед же был должен приучить их к мысли, что они должны покинуть его. Вскоре после второго визита ясрибцев после многочасовой молитвы Мухаммеду приснился пророческий сон: он увидел себя спящим в Каабе. Разбудивший его Джабраил приказал ему выйти из храма, и Мухаммед увидел Бурака, наполовину мула, наполовину осла белого цвета, с человеческим лицом и огромными крыльями. Ангел посадил Мухаммеда на спину Бурака, и вскоре они оказались в иерусалимском храме, где их уже ждали Ибрахим, Муса, Иса и другие Пророки. Мухаммед возглавил молитву Пророков, а после нее ему поднесли чашу с водой, чашу с молоком и чашу с вином. Мухаммед выбрал молоко, и Джабраил воскликнул: «Поистине ты на правом пути – ты и твой народ! Вино запрещено для вас». После этого по лестнице, спущенной к дверям иерусалимского храма, Мухаммед поднялся на небо, где его, на первом небе, приветствовал Исмаил, Пророк и предок арабов. Мухаммед постепенно прошел все семь небес, и на последнем обнаружил восседающего на великолепном троне Ибрахима. Тот провел его в рай, а затем Мухаммед предстал и пред очами Аллаха. Тот повелел Мухаммеду, чтобы его паства молилась пятьдесят раз в день, но после долгих переговоров с участием Пророка Исы, то есть Христа, число было уменьшено до пяти. Затем Мухаммед спустился назад к храму и был перенесен обратно в Мекку. Путешествие было совершено мгновенно: Джабраил опрокинул кувшин у постели Мухаммеда, а когда тот вернулся, он успел этот кувшин подхватить, и вода из кувшина не пролилась.

Известие о мистическом откровении мгновенно распространилось по Мекке, вызвав неверие и смешки не только у язычников, но и у преданных мусульман. Даже Абу Бакр, услышав от кого-то эту историю, воскликнул, что Пророк не мог этого рассказывать и это клевета. Впрочем, узнав, что это правда, Абу Бакр переменял точку зрения и стал горячим защитником правдивости путешествия и даже заслужил от Мухаммеда прозвище Сиддик – «Свидетель Истины».

После таинственного путешествия Мухаммед изменил киблу, то есть направление молитвы, и обращать лицо теперь надо было не в сторону Каабы, а в сторону Иерусалима.

В начале 622 года на хадж в Мекку прибыли ясрибцы, как мусульмане, так и язычники. Мусульман было семьдесят пять человек, и такой быстрый рост общины, в отличие от мекканской, видимо, еще раз убедил Мухаммеда в необходимости переезда. В первую же ночь их пребывания в Мекке, в глубоком овраге на склоне горы Акаба, состоялись очередные их переговоры с Мухаммедом. Был заключен договор о переселении Мухаммеда и всех желающих мусульман в Ясриб. В этом договоре уже было сказано о необходимости защищать ислам силой оружия, и поэтому он получил название Второй клятвы при Акабе, или «клятвы войны». Некоторые историки считают, что этот договор был скреплен кровью, и Мухаммед причислил себя к умме Ясриба, обещав не покидать ее даже ради своего племени.

Переговоры были абсолютно секретными, но об их факте узнал шпион курайшитов, следивший за Мухаммедом. Но результаты переговоров ясны не были, и ничего не дали даже допросы схваченного ясрибца. Между тем, Мухаммед стал готовиться к хиджре – исходу, желая организовать в Ясрибе единый народ – умму Пророка и Посланника божьего.

Хиджра Пророка

Началом хиджры считается 16 июля 622 года. Именно этот день, семнадцать лет спустя, стал точкой отсчета нового мусульманского календаря. Сама хиджра, впрочем, началась раньше – еще до заключения второго договора многие мусульмане переселялись в Ясриб. Впрочем, это не очень сильно волновало курайшитов – их, в основном, заботило поведение самого Пророка. Собственно, был уже факт переселения мусульман в Эфиопию, и они не смогли принести никакого вреда курайшитам. Спыхватились старейшины Мекки только тогда, когда целые кварталы города, традиционно мусульманские, уже опустели. К тому же Ясриб был всего в трехстах километрах, и мимо него проходили некоторые караванные тропы.

В доме Кусая ибн Кулаба было созвано срочное совещание курайшитов. Они понимали, что дело пахнет войной, и поступавшие предложения о том, что делать с Мухаммедом, были весьма жесткими. Кто-то предлагал заковать его в цепи, но это было отвергнуто – ясрибцы могли попытаться отбить своего Пророка, и это было уже не ожидание войны, а сама война. Абу Джахль предложил Мухаммеда убить, говоря, что другого выхода в этой ситуации просто нет. После долгой дискуссии это предложение было принято. Чтобы избежать кровной мести, были выбраны семеро молодых людей из разных мекканских родов, которые должны были одновременно вонзить свои мечи в Мухаммеда. Про месть тут уже трудно было вести разговор, а «цену крови» собравшиеся старейшины родов решили выплатить сообща.

Палачи отправились к дому Мухаммеда и, заглянув в щель, убедились, что он, обернувшись в плащ, лежит на своем ложе. Они остались поджидать, пока он, по своему обыкновению, выйдет ночевать в сад. Но Мухаммед в эту ночь в сад не вышел. Утром наемные убийцы вышибли дверь и с удивлением вместо Мухаммеда обнаружили завернутого в его плащ приемного сына Али. Тот спокойно вышел из дома и отправился в Ясриб. Мухаммед же, предупрежденный друзьями, еще

вечером перелез через забор и вместе с Абу Бакром покинул Мекку. Направились они, впрочем, не в Ясриб, а в противоположном направлении, на юг, где укрылись в пещере на склоне горы Саур. Решение было мудрым: курайшиты назначили за голову Мухаммеда награду в сто верблюдов. Это была в те времена баснословная сумма. Жизнь человека, напомним, стоила всего двадцать верблюдов, но мало кто имел возможность заплатить такой штраф. Дочь Абу Бакра Асма и его сын Абдаллах, бывший язычником, извещали беглецов о действиях курайшитов. Когда через три дня поиски ослабли, Мухаммед с Абу Бакром, минуя караванные тропы, отправились в Ясриб.

24 сентября 622 года Мухаммед прибыл в местечко Куба, на южной окраине оазиса. Хиджра Пророка была завершена.

Оазис находился в долине, окруженной холмами и скалами вулканического происхождения. Несмотря на обилие мест, покрытых черной лавой, делавших землю непригодной для земледелия, эти вулканы отлично удобрили остальные земли, и оазис имел примерно пять с половиной тысяч гектаров земли, прекрасно подходящей для земледелия. Земля была общей собственностью, и постоянно вспыхивали локальные войны между племенами, желающими отхватить себе куски получше. Издавна здесь жили три племени, исповедующие иудаизм, но за сто лет до хиджры сюда переселилось из Йемена небольшое племя Бану Кайла, которое постепенно ассимилировало бывших хозяев оазиса и впоследствии разделилось на два основных племени: Аус и Хазрадж, между которыми началась нескончаемая междоусобная кровавая борьба.

В Ясрибе находился, как мы помним, и храм богини аль-Манат, который, впрочем, считался меньшей святыней, нежели Кааба. Последняя междоусобица случилась в Ясрибе в 617 году, но ни одно из племен так и не одержало убедительной победы, и был заключен мир. Поэтому многие ясрибцы надеялись, что Мухаммед сможет объединить народ оазиса в единую нацию. Религиозные верования тут были также весьма различны: хотя основная часть населения и была язычниками, многие еще исповедовали доставшийся от предков иудаизм, было там и значительное количество христиан. Впрочем, все единобожники не гнушались и языческих обрядов, принося жертвы в храме аль-Манат и посещая Каабу.

С прибытием сюда Мухаммеда город получил новое название, став городом Пророка – Мадинат ан-наби, или сокращенно аль-Мадина, Медина.

Вскоре Мухаммед заложил здесь, в Кубе, первую в мире мечеть – «Место поклонения». Она представляла собой квадратную площадку, обнесенную стеной без крыши. Интересно, что молились в ней уже не в сторону Иерусалима, который находился к северу, а на восток, сказалось, видимо, присутствие в Ясрибе христиан.

Вскоре Мухаммед перебрался в центр Ясриба, и началось строительство уже основной мечети и домов мусульман вокруг нее на заранее выкупленной земле. Мухаммед принимал участие в строительстве наравне со всеми.

Через несколько месяцев была построена мечеть, а примерно через год, в 623 году, и дом Мухаммеда. Уже в нем отпраздновали его свадьбу с десятилетней Айшей. Она, согласно традиции, еще несколько месяцев оставалась в доме отца, а затем переселилась к Савде, прихватив с собой свои игрушки, в том числе и деревянную лошадку, которую называла лошадью Сулеймана. Айша вспоминала, что Мухаммед с радостью принимал участие в ее играх, а ее любимая лошадка его очень умиляла. Айша стала верной женой Пророка, теплые отношения связывали их до самой смерти, и Айша даже однажды спросила, заменила ли она ему Хадиджу. Но Мухаммед ответил, что Хадиджу заменить невозможно.

Почти сразу после свадьбы Мухаммеда отпраздновали и женитьбу Али на Фатиме. Жили мусульмане очень бедно, и на этих свадебных пирах не было ничего, кроме фиников, оливок и молока. Даже некогда богатый Абу Бакр был почти нищим:

свое состояние он растратил на поддержку общины и выкуп у язычников рабов-мусульман, которых он отпускал на волю. О том, как жилось мусульманам в перенаселенном оазисе, рассказать сложно. Понятно, что никто не давал им землю, кроме той, что они сумели выкупить, и никто не спешил отдавать им торговлю, которой здесь и так было не слишком много. Али, например, зарабатывал тем, что носил из колодца воду для приготовления кирпичей. Получая финик за каждую принесенную бадью, за весь день он зарабатывал только шестнадцать плодов, которые делил с Мухаммедом, и это был весь их дневной рацион.

Вскоре у Али родились сыновья: Хасан и Хусейн – первые и единственные внуки Пророка.

Мухаммед же посвящал все свое время подготовке захвата власти в Медине. В одном из откровений ему было сказано, что религия без власти существовать не может, и если бы Аллах одних людей не сдерживал с помощью других, то и храмы, и синагоги, и мечети были бы разрушены. В Медину начали переселяться и те мусульмане, кто жил до той поры в Эфиопии, правда, опять не все. Также не все мусульмане покинули и Мекку: кто-то не подчинился приказу Пророка, кто-то был остановлен курайшитами.

Всего в Медине собралось около нескольких сотен человек, из них около сотни мужчин, готовых «встать под копье». Не стоит, думаю, даже объяснять, что это были отборные люди, прошедшие с Мухаммедом все испытания и готовые без лишних вопросов отдать за него жизнь.

Продолжала община и традиционный выкуп рабов-мусульман. Был выкуплен, в частности, Сальман Персиянин (Сальман аль-Фариси), давно уже пребывавший в рабстве в Медине и решивший принять ислам. Когда его владельцу были принесены требуемые деньги, тот отказался отпустить Сальмана, пока раб не выполнит до конца свою работу и не посадит нужное количество финиковых пальм. Вся община взяла лопаты, и через несколько дней работа была сделана. Сальман же стал преданным другом Мухаммеда и его соратником до конца дней.

Вообще, ислам в Медине принимали легко: здесь не было мекканских гонений, и ислам был не столько религией, сколько «политическим движением», которое должно было объединить ясрибцев. Теперь в общине был несколько иной социальный состав, ведь если в Мекке мусульманами, в основном, становились «маленькие» люди, то здесь в новую религию «вступали» все – от бедняков до богачей.

Оставалось, впрочем, в оазисе и достаточно язычников, несколько племен не приняли ислам целиком, но они поддерживали нейтралитет – не приносили неудобств Мухаммеду, а он им, объявив еще при входе в город: «Нет принуждения в вере».

Так что борьба велась не на внешнем, а на внутреннем фронте, против партии ансаров, возглавляемой ибн Убайей, которых Мухаммед назвал мунафикун – «лицемерами». Эти люди, в основном из местной знати, принявшие ислам, пытались остаться у власти, но Мухаммед настаивал, что принимать решения должен только он. До прямых конфликтов дело не доходило, но некоторые наиболее фанатичные молодые мусульмане из «верных» вытаскивали «лицемеров» из мечети за бороды, не давая молиться, и тем пришлось построить собственную мечеть – аль-Дирар, которую Мухаммед обличал как «нечестивую». Впрочем, это не помешало ей простоять долгие годы.

Безусловно, эта история показала Мухаммеду то, что, во-первых, не все постулаты, выработанные в Мекке, хороши для богатых мусульман, а, во-вторых, что ислам, оказывается, может существовать и без Пророка. Впрочем, чтобы осознать это полностью, Пророку потребовалось несколько лет. К тому же он фактически развязал духовную войну с иудеями и христианами. Сначала, признав

их за «людей книги», он рассчитывал на взаимность, но, поняв, что не найдет с ними точек соприкосновения, стал обличать другие религии единобожия, доказывая, что их книги искажены, молятся они неверно и нарушают другие законы Аллаха. В итоге местные поэты, как когда-то и в Мекке, начали писать на Мухаммеда эпиграммы, которые пользовались большой популярностью у «лицемеров».

Через полтора года бесплодных дискуссий Мухаммед снова изменил направление киблы – отныне снова необходимо было молиться в сторону Каабы, то есть Мекки.

Примерно в это же время, то есть в начале 624 года, была принята «Конституция Медины»: «письменное соглашение между верующими из племени Курайш (мухаджирами, то есть „переселившимися“) и верующими Ясриба (ансарями), а также теми, кто последует за ними или примкнет к ним».

В этом документе впервые письменно было признано то, что Мухаммед является Пророком, там же были тщательно расписаны обязанности и права как мусульман всех вместе, так и отдельных племен. Единой уммы, к сожалению Мухаммеда, пока не получалось, хотя и так уже было сделано немало.

Мухаммед, согласно этому документу, хотя и был признан главой Медины, но не имел права решать вопросы войны и мира, собирать налоги или распоряжаться денежными средствами уммы – власть его все равно была значительна. Основную же власть Мухаммеду предстояло завоевать. Сделать это было непросто: против мусульман ополчились и христиане с иудеями, и язычники, и даже «лицемеры», исповедующие ту же религию. Не было спокойствия и в мусульманском лагере – межплеменные разборки происходили и здесь. Росло недовольство и вопиющей бедностью, в которой существовала мусульманская община, хотя Мухаммед уже на этом свете обещал им богатство. И он был вынужден принять единственно верное решение.

ГЛАВА 5. ВОЙНА С МЕККОЙ

Бой в долине Бадр

В марте 623 года отряд из мухаджиров перекрыл караванную тропу курайшитов в ста километрах от Медины и в двухстах пятидесяти от Мекки. Но вместо каравана там оказался отряд курайшитов во главе с Абу Джахлем, и от неминуемой стычки спасло только вмешательство племени Джухайн, держащего мир и с Меккой, и с Мединой, на чьей земле это и произошло.

Попытку повторили через несколько недель, восемьдесят мухаджиров под предводительством Убайды ибн Хариса снова наткнулись на отряд мекканцев, под командованием сына Абу Джахла – Икрима. Отряды съехались на расстояние

полета стрелы, но стычки снова не произошло. Правда, Саад ибн Ваккас, который десять лет назад пролил первую кровь за веру, разбив верблюжьей челюстью голову язычнику, выпустил в сторону курайшитов стрелу, которая, однако, никого не задела. Но, тем не менее, эта стрела считается первой стрелой, выпущенной по язычникам.

В мае под руководством Саада отправился на поиски третий отряд, но на этот раз он просто не смог отыскать курайшитов.

Мухаммед, всегда проповедовавший мир, получил от Аллаха новые слова откровения, которые позволяли отомстить за изгнание из Мекки.

В августе он сам становится во главе четвертой экспедиции, но она, как и предыдущая, оканчивается ничем. Осенью Мухаммед предпринимает еще два выезда, но также бесплодных. Впрочем, походя Мухаммед решил другую проблему: кочевое племя Курз аль-фихрм, угнавшее несколько стад, принадлежавших меддинцам, от встречи с армией Пророка хотя и уклонилось, но красть скот перестало. Согласно легендам, армия Пророка составляла несколько сотен человек, так что, скорее всего, в ней принимали участие уже и коренные жители Медины.

Настали священные месяцы, и Мухаммед прекратил походы. Несмотря на то, что они не дали плодов материальных, бывшие торговцы и земледельцы получили уроки верховой езды в почти боевых условиях, и это стало хорошей школой.

Не дожидаясь истечения священных месяцев, Мухаммед отправляет небольшой отряд, в составе всего восьми человек под командованием Абдаллаха ибн Джахша, как обычно, в сторону Красного моря. Со временем стало понятно, что курайшиты имеют в Медине свои глаза и уши, потому что вместо караванов мусульмане встречали в пустыне лишь вооруженные отряды. У Ибн Джахша было с собой письмо Мухаммеда, которое он должен был вскрыть в двух днях пути от Медины. Из него отряд узнал, что им предстоит отправиться в долину Нахла и напасть на караван курайшитов, идущий из Таифа в Мекку. Это, кстати, также любопытный нюанс: у Мухаммеда, по всей видимости, также появились свои тайные «глаза и уши», извещающие его о действиях курайшитов.

Мухаммед велел взять в отряд только тех, кто был готов беспрекословно выполнить любой приказ. После того как письмо было зачитано, желающих вернуться в Медину не нашлось, но через пару дней у легендарного Саада ибн Ваккаса сбежал верблюд, на котором тот передвигался вдвоем еще с одним исламитом, и они отправились его искать. Вряд ли можно обвинить этого человека в трусости, что он, впрочем, доказал и в дальнейшем, но тут его, видимо, выросшего на проповеди мира, смутила необходимость проливать кровь без всякого на то веского повода. Нападение на караван, к тому же, считалось в те годы среди «цивилизованных» мусульман позором и низким поступком.

Нападение на караван произошло в последний день священного месяца, и, видимо, поэтому, чтобы не оставлять свидетелей, было решено убить всех караванщиков. Впрочем, только один был поражен стрелой, еще один сбежал, а двоих, сразу сдавшихся в плен, убивать не стали.

Возвращение отряда в Медину вызвало бурю негодования. Возмущались и святотатством, и тем, что последствия нападения могут быть непредсказуемыми, – конечно же, никто не хотел войны. Мухаммед же отмежевался от действий отряда, сказав, что приказа проливать кровь в святые месяцы он не давал. И даже, по некоторым источникам, отрицал сам факт приказа нападения на караван, утверждая, что велел просто следить за ним. Впрочем, весьма быстро воины, привезшие богатую добычу, стали вызывать зависть, причем не только материального, но и религиозного плана: множество молодых мусульман рвалось бить язычников.

Аллах в своем очередном послании Мухаммеду открыл, что хотя и нехорошо нарушать заповедь святых месяцев, когда запрещаются войны и походы, но быть язычником еще хуже. Помянул Аллах и то, как курайшиты изгоняли мусульман из Каабы. Приоритеты были расставлены. После этого Мухаммед смог принять пятую часть добычи. Один из пленных перешел в ислам и остался в Медине, за второго заплатили выкуп, тысячу шестьсот дирхемов, равную стоимости четырех рабов. Добыча, кстати, была разделена еще в ночь нападения, но почему Мухаммеду выделили только пятую, а не четвертую, как главе клана, осталось неизвестным. По традиции эта часть шла не только на жизнь главы клана, но и на всяческие общественные нужды. В какой пропорции – каждый глава клана решал сам. Мухаммед все награбленное воинами раздал бедным, причем не только членам общины, но и ансарам, не принимавшим участие в походе. Этим Мухаммед подчеркнул то, что весь народ Медины является единой уммой.

Воинственность мединцев росла, и когда через три недели Мухаммеду стало известно что из Сирии в Мекку идет огромный караван курайшитов – более тысячи верблюдов, – в поход во главе с самим Пророком выступило более трехсот человек. «Лицемеры» участия в походе не принимали. Белый флаг, который подняли воины еще в первом походе и который получил имя «Знамя Ислама», вез Мусаб, первым когда-то отправившийся в Медину. Остальные воины ехали под черными флагами. Полумесяц на знамени появился уже гораздо позже, через несколько столетий, под персидским влиянием. Караван возглавлял Абу Суфиан. Недоброжелатели Мухаммеда отправили к нему гонца с плохим известием, и тот, понимая, что семидесяти человек его охраны явно недостаточно, попросил в Мекке подмоги. Продолжая с осторожностью продвигаться к родному городу, он обнаружил свежий верблюжий помет с косточками особого сорта фиников, которые росли только в Медине, и повернул на запад, к берегу Красного моря.

Между тем, из Мекки выступил отряд курайшитов, около девятистот человек. Такая большая численность отряда объясняется тем, что в подобных караванах долю обычно имели очень многие горожане. Вместе с курайшитами отправился и отряд эфиопов-наемников, которые жили неподалеку от Мекки. Возглавлял это ополчение Абу Джахль. Скоро разведка доложила, что отряд избежал войска Мухаммеда и двигается по берегу моря к Мекке. В лагере Абу Джахля началось брожение – далеко не все были готовы проливать кровь мусульман просто так, а не защищая свое имущество. Треть воинов развернулась и уехала в Мекку. Абу Джахль с отрядом уже только в шестьсот человек отправился искать Мухаммеда.

Мухаммед обо всем этом не подозревал и спокойно шел с отрядом к долине Бадр. Впрочем, вскоре его разведка захватила двух человек из отряда Абу Джахля, и Мухаммеду пришлось решать, все ли в его отряде готовы к такой большой битве. Был собран военный совет, и ансары, в верности которых как раз и сомневались, высказали свою полную готовность.

Было решено разбить лагерь в долине Бадр и уничтожить все источники воды. 12 – 16 марта 624 года лагерь был разбит, все колодцы в окрестностях засыпаны, а на пути ручьев возведена земляная плотина, которая, не давая воды курайштам, предоставила в распоряжение мусульман небольшое озеро.

Страдающие от жажды курайшиты вошли в долину и, увидев мусульман, поняли, что напиться самим и напоить своих верблюдов можно будет только после боя. Верблюды были стреножены, и курайшиты пошли в пешую атаку. Как обычно, бой велся хотя и под общим руководством Абу Джахля, но абсолютно бестолково, каждым кланом в отдельности. Мухаммед же настоял, чтобы мусульмане дрались ровным строем, и даже собственноручно начертил на песке линию, которую нельзя переступать. Участия в бое он в тот раз не принимал: по настоянию воинства,

осознающего, кто составляет главную ценность отряда, он укрылся в палатке из пальм, рядом с которой стояли верблюды для спешной эвакуации в Медину.

Сражение началось с поединка. Курайшитов представляли братья Утба и Шайба, владельцы сада на окраине Таифа, и сын Утбы. Против них вышли Хамза, Али и Убайда ибн Харис. Убайда встал против Утбы, Хамза против Шайбы, а Али напротив сына Утбы. Хамза и Али почти одновременно прикончили противников и поспешили на помощь ибн Харису, которому Утба отрубил мечом ногу. Прикончив Утбу, под восторженные крики мусульман, они покинули поле боя, унося с собой ибн Хариса. Тот перед смертью спросил у Мухаммеда, является ли его смерть мученической? Пророк облегчил его предсмертные муки, сказав, что он мученик Аллаха и заслужил вечное блаженство.

После боя один на один последовал обмен стрелами, а затем и сама схватка. Строй мусульман быстро смешался, и в начале поединка курайшиты добились значительного преимущества, некоторые из них даже прорвались к источнику. Но мухаджир Муад ибн Амр, прорвавшись к Абу Джахлю, перебил ему мечом голень. Сын Абу Джахля почти отрубил ибн Амру руку, но тот продолжил сражение, а чтобы рука не мешала, наступил на нее ногой и оторвал ее. Вскоре к Абу Джахлю пробился еще кто-то из мусульман и прикончил его. Курайшиты, увидев ярость этих воинов, в панике бросились к своим верблюдам и позорно бежали. Всего было убито около пятидесяти курайшитов, многие из которых занимали не последние места в мекканской иерархии. Еще множество курайшитов было захвачено в плен. Как мы уже знаем, пленных выкупали очень дорого, и это была ценная добыча. Но Биляль и другие бывшие рабы, отыскав среди пленных своих обидчиков, устроили кровавую резню, которую даже Мухаммед смог прекратить с большим трудом.

Мусульманами в этом бою были потеряны четырнадцать человек – шесть мухаджиров и восемь ансаров. После этого боя Хамза получил прозвище «Лев Ислама», а Али – «Меч Ислама».

Богатая добыча – сто пятнадцать верблюдов, четырнадцать лошадей, а также оружие, утварь и припасы – вызвала в войске яростные споры. Но Мухаммед приказал разделить все по повелению Аллаха: пятую часть Пророку, остальное все в равных частях между участниками битвы.

Пленных Мухаммед запретил убивать (среди них был и его зять Абуль Ас), но лично приказал казнить Утбу, некогда покушавшегося на него в ограде Каабы. Такая же участь постигла и ан-Надра, когда-то утверждавшего, что Мухаммед не получает слов от Аллаха, а лишь пересказывает старые персидские сказки.

Когда Мухаммед вернулся в Медину с радостной вестью о победе, то он узнал о том, что его дочь Рукайя умерла. Но радость победы затмила в глазах мединцев эту весть, тем более что у них не было сомнения в том, что дочь Пророка наверняка отправилась прямо в рай. Свою долю добычи расстроенный потерей Мухаммед почти целиком отдал на дела веры. Деньги, полученные за пленников, во много раз превысили военную добычу. За Аббаса было выплачено двенадцать укийа золотом – двенадцать тысяч дирхемов. За остальных пленников брали по четыре-пять тысяч дирхемов. За зятя Мухаммеда, Абуль Аса, Зайнаб прислала отцу ожерелье Хадиджи, подаренное ей в день свадьбы. Это растрогало Мухаммеда, и он отпустил Абуль Аса без выкупа, но с условием, что тот вернет ему Зайнаб. Курайшиты хотели оставить дочь Пророка у себя в качестве заложницы, а курайшит Хаббар даже угрожал пронзить Зайнаб копьем, если та соберется покинуть Мекку. После угроз он перешел к рукоприкладству и так избил дочь Пророка, что та, бывши на сносях, родила мертвого ребенка. Мухаммед, узнав об этом, приказал сжечь Хаббара живьем, но позднее отменил приказ, сказав, что казнить огнем имеет право только Аллах, а Хаббару следует отрубить голову. Впоследствии мусульмане никогда не жгли своих врагов.

Абуль Ас тайно вывез Зайнаб из Мекки и передал ее в условленном месте Зайду, который и доставил ее в Медину. Зайнаб так и не вышла вновь замуж, хотя многие добивались ее руки. Спустя шесть лет Абуль Ас снова попал в плен к мусульманам и на этот раз, приняв ислам, во второй раз женился на своей жене. Мухаммед относился к этому человеку, несмотря на его упорство в язычестве, тепло: во времена гонений в Мекке он не отказался от своей жены, хотя многие и понуждали его к этому.

Но жизнь шла своим чередом. Осман ибн аль-Аффан, вдовец Рукайи, утратил родственную связь с Пророком. А в долине Бадр был убит муж Хафсы, дочери Омара, и тот предложил ее в жены Абу Бакру. Тот, мотивируя тем, что характером восемнадцатилетняя девушка вся в отца, а ему уже шестьдесят и он с ней не справится, отказался от брака. Вслед за ним отказался от такой жены и Осман ибн аль-Аффан. Омар, чувствуя, что его оттесняют от Пророка, отправился к нему самому с жалобой на соратников, Мухаммед же предложил идеальный выход: он сам взял Хафсу в жены. Бежавшие от этой дамы как от огня мусульмане были правы: именно Хафса, как говорят, была зачинщицей всех скандалов в гареме Мухаммеда, и его это очень огорчало. Но именно ей, как ни странно, он впоследствии оставил в наследство сундук со священными текстами Корана. За Османа ибн аль-Аффана Мухаммед выдал свою дочь Умм Кульсум, и тот снова стал зятем Пророка. В итоге соратники Мухаммеда снова уравнили свои шансы в борьбе за власть.

Победы Мухаммеда, впрочем, устраивали далеко не всех. В среде «лицемеров» и иудеев они вызвали сильное противостояние, выразившееся в написании эпиграмм и распускании слухов о том, что скоро курайшиты соберутся с силами и разорят Медину.

Мекканцы, которым путь в Сирию и Палестину вдоль побережья Красного моря был закрыт, попытались отправить караван с серебром в Ирак, обогнув Медину с востока, но и он был захвачен отрядом во главе с Зайдом. И мекканцы решили отомстить; дело было не только в материальных потерях, взывала к отмщению и кровь родных. Хинда, жена Абу Суфиана, потерявшая в битве при Бадре отца, сына и дядю, так наседала на мужа, взывая к отмщению, что тот поклялся, что не будет пользоваться благовониями и совершать омовений (и, значит, не прикасаться к женам), пока не отомстит мусульманам за смерть сына. Собрав отряд из двухсот человек, он отправился в окрестности Медины, где был принят у шейхов племени ан-Надир, придерживающихся иудаизма. Курайшиты убили одного мусульманина и нескольких его родственников-язычников, сожгли много финиковых пальм и, вытоптав поля, отбыли в Мекку. Мухаммед устремился в погоню, но не смог их догнать. Подобные «партизанские» вылазки время от времени повторялись, но пока оба города были не готовы к решающей битве и копили силы. Мекка решила обороняться, а Медина собиралась нападать. Впрочем, далеко не все в Медине разделяли завоевательные планы Мухаммеда. Например, несколько поэтов, с которыми у Мухаммеда была давняя вражда, своими творениями сбивали с пути Пророка множество людей. Услышав, что столетний, весьма популярный в Медине поэт Абу Афак осудил убийство Мухаммедом одного из своих врагов, Пророк спросил:

– Кто убьет негодяя ради меня?

Вызвался один из родственников пожилого стихотворца и, отправившись к старику домой, заколол его мечом. Вскоре была убита еще одна известная мединская поэтесса Асму, дочь Марвана. Это также сделал ее родственник-мусульманин, и поэтому о кровной мести внутри семьи не заговаривали.

В Медине, фактически, таким жестоким способом была введена цензура.

Вскоре золотых дел мастер из племени Кайнука неудачно подшутил над замужней мусульманкой, приколов шипами акаций подол ее платья к воротнику. В прежние времена такие шутки наказывались штрафами или палочными ударами, но в тот раз один из мусульман достал меч и убил шутника. Род Кайнуки убил мусульманина, и вся умма выступила против племени Кайнука. Они, оказавшись осажденными в своем замке, запросили помощи у «лицемеров» и иудеев, и те, хотя и вели переговоры с Мухаммедом, обещая выступить на стороне племени, сделать этого не осмелились, и племя было изгнано из Медины, оставив мусульманам свои дома и большую часть накоплений. Ибн Убайя в результате этого инцидента лишился семисот своих потенциальных союзников, а мусульмане получили богатую добычу, в том числе и в виде жилья, с которым в Медине, после переселения мекканцев, были большие проблемы.

Впрочем, несогласные все равно выступали с протестами. Поэт Кааб ибн Ашраф, вдохновлявший курайшитов на войну против мусульман, вернулся в Медину, рассчитывая на покровительство друзей и родственников. Мухаммед приказал его убить, и сделать это вызвалось семь мусульман. Но Кааб вел себя осторожно, без охраны из дома не выходил, и мусульмане вернулись ни с чем. Мухаммед благословил их солгать и предать, но убить врага ислама. После чего те, войдя к Каабу в доверие, выманили его из дома и убили.

Продолжалась охота за караванами. Обычно ее возглавлял лично Мухаммед, оставляя кого-нибудь на «хозяйстве», собирая войско численностью до 450 человек. Такое количество вооруженных до зубов профессиональных воинов устрашало всех вокруг, и вскоре у мекканцев не осталось союзников среди кочевых племен, живших в окрестностях Медины.

Война с Мединой

11 марта 625 года, понимая, что дальше откладывать уже нельзя, курайшиты во главе с Абу Суфианом и при поддержке Кинана, Тихана и еще нескольких кочевых племен вышли на Медину. По тем временам это была колоссальная армия: три тысячи воинов, из них семьсот в полных боевых доспехах, двести всадников, три тысячи верблюдов. Не забыли вожди и про боевой дух своих бойцов: отряд сопровождали пятьдесят женщин, чьи родственники погибли при Бадре; они неустанно рыдали и требовали от воинов отмщения нечестивым мусульманам.

21 марта курайшиты разбили лагерь на северной окраине Медины. В город они не вошли, понимая, что там они потеряют преимущество, а неспешно начали вытаптывать поля и выжигать пальмовые плантации, надеясь, что Мухаммед выйдет к ним сам.

Мухаммед собрал военный совет, предлагая дожидаться курайшитов в городе. Опытные бойцы его поддерживали, но молодежь рвалась в бой. И Мухаммед принял решение выступить.

Обойдя в темноте курайшитов, он разбил лагерь на склонах горы Оход, в трех милях к северу от города.

;В итоге мощное войско оказалось зажато между двумя отрядами мединцев.

Утром 23 марта Мухаммед поставил на левом фланге пятьдесят лучников для защиты от конницы курайшитов. Правый фланг был защищен оврагами, и коннице

сюда было не прорваться. У мусульман коней не было, и они стали ждать начала атаки курайшитов. Войско возглавлял лично Мухаммед, одетый в две кольчуги.

Абу Суфиан развернул свое войско выгнутым в сторону мусульман полумесяцем. В первых его рядах шли тяжеловооруженные воины, в кольчугах и шлемах, неуязвимые для стрел, за ними воинство без доспехов, а потом ряд верблюдов с раскрашенными и наряженными идолами из Каабы и отряд женщин, подбадривавших курайшитов боем в барабаны и криками. Кавалерия осталась на фланге, подальше от мусульманских лучников.

Мусульмане успешно отразили атаку и даже начали теснить курайштов по центру. Тут лучники, несмотря на приказ Мухаммеда, тоже ринулись в атаку, надеясь на богатую добычу. Курайшитская конница тем времен перестроилась и, нанеся удар по левому флангу Мухаммеда, вышла в тыл мусульман. Мусульмане начали отступать, кто-то крикнул, что Пророк убит, и отступление немедленно превратилось в паническое бегство. Но ужасная весть оказалась ложной – был убит не Пророк, а знаменосец, похожий на него. Сам же Мухаммед был сбит с ног камнем из пращи, и у него было разбито лицо, выбит зуб, придавлена нога, а в щеку попала стрела, – но серьезных ран у него не было. Вскоре Пророк, который из-за тяжелых доспехов, ранений и возраста не мог подняться, был найден мусульманами в гряде тел и на руках отнесен на вершину горы Оход.

В битве было потеряно семьдесят человек убитыми и около двухсот ранеными. Погиб и «Лев ислама» – Хамза. Курайшиты потеряли всего двадцать четыре человека.

Курайшиты отпраздновали победу, но, ожидая удара с тыла, не осмелились ни напасть на город, ни дальше преследовать Мухаммеда, почему и отправились в итоге обратно в Мекку.

Тогда мусульмане спустились с горы и похоронили своих товарищей. Могилы их, украшенные кусками гранита и разноцветного порфира, сохранились до сих пор. Известны и имена тех, кто лежит под этими надгробьями.

Бой был проигран, и авторитет Мухаммеда в Медине серьезно поколебался. «Лицемеры» чуть ли не в открытую праздновали его проигрыш, и уже на утро, 24 марта, Мухаммед издал указ, чтобы все воины, участвовавшие в битве, собирались в поход на Мекку. И тут же, по одним сведениям девятьсот, по другим двести пятьдесят человек отправились по следам курайшитов. Впрочем, отойдя от города на двадцать километров, Мухаммед разбил лагерь у колодца Хамра аль-Асад. В случае внезапного возвращения курайшитов он успел бы вернуться под прикрытие стен Медины. Но те возвращаться не захотели, и через три дня Мухаммед прибыл в город, провозгласив состоявшийся поход религиозным подвигом и объяснив всем, что поскольку «лицемеры» в нем не участвовали, то Аллах лишил их заслуги в своих глазах. В это время Мухаммеду были ниспослано более шестидесяти коранических стихов, снимающих с него личную вину за проигранную битву.

Между тем, окрестные племена, ранее боявшиеся Мухаммеда и мусульман, узнав о проигранной битве, стали относиться к ним, скажем так, не совсем по-дружески. Известна история, когда представители одного племени, прибыв в Медину, сказали, что приняли ислам, но им необходимы учителя. Когда же шесть мусульман поехали с ними, то у колодца ар-Раджи те просто передали их другому племени, которое продало их в Мекку. Двое мусульман погибли, обнажив мечи, у колодца, один в дороге, а оставшиеся были торжественно казнены в Мекке.

Практически одновременно шейх племени Амир попросил Мухаммеда послать проповедников к амиритам. Мухаммед не мог отказать и послал хорошо вооруженный отряд молодых мусульман, но те были на привале застигнуты врасплох и полностью перебиты кочевниками из племени Сулайм. Сами амириты побоялись вступить в конфликт с Мединой. Выжили из отряда двое: один был

тяжело ранен, и сначала его приняли за мертвого, но потом не стали добивать, а второй оставался с верблюдами, и его отпустили, отрезав прядь волос, это был знак освобождения из рабства. По дороге в Медину он встретил двоих амиритов и убил их. Когда позже выяснилось, что амириты не участвовали в резне и формально на их руках не было крови мусульман, то необходимо было или заплатить за кровь их соплеменников, или воевать. Мухаммед предпочел уплатить штраф, а не терять своих людей, что не вернуло к нему уважения ни в общине, не в соседних племенах.

Племя Амир было в союзе с проживавшим в Медине племенем ан-Надир. Вместе с Абу Бакром и Али Мухаммед отправился к надиритам, пытаясь использовать их как посредников в решении конфликта. Те просили его немного обождать, пока приготовят достойное угощение. Пророк со спутниками сел на скамью под стеной, но через некоторое время резко поднялся и ушел. Дома он заявил, что надириты хотели сбросить на него каменный жернов с крыши, о чем ему сказал Аллах. После этого он выдвинул этому племени ультиматум: покинуть в течение десяти дней оазис или быть истребленными. Принадлежащие племени финиковые пальмы Мухаммед гуманно позволил оставить в их собственности. Ибн Убайя, к которому племя пошло за советом, заверил их, что Мухаммед не осмелится воевать, а если и осмелится, то и «лицемеры», и союзные им кочевники станут на сторону племени и изгонят Мухаммеда из оазиса. Но через десять дней Мухаммед осадил дома племени, а Ибн Убайя не смог поднять для противостояния ему ни «лицемеров», ни кочевые племена. Через неделю мусульмане стали вырубать пальмы, и надириты согласились покинуть Медину, поняв, что будут разорены в любом случае. Но Мухаммед, который сначала готов был отпустить их с миром, теперь потребовал оставить ему и пальмы, и дома, и оружие. Выбирать не приходилось, и надириты покинули Медину на условиях Мухаммеда, отправившись после поражения в Сирию и войдя в тесный союз с курайшитами.

Все трофеи Мухаммед не стал делить в умме, сказав, что кровь не пролилась, верблюды не были утруждены, и поэтому все переходит ему. Но себе он трофеи не оставил – всю добычу Мухаммед тут же раздал членам мусульманской общины, в основном тем, кто прибыл из Мекки и до сих пор ютился, на правах братской помощи, в домах местных представителей общины. Теперь этим людям было где жить, и, возделывая финиковые пальмы они могли кормить себя.

Это поддержало пошатнувшийся авторитет Мухаммеда, и показательно, что в следующем походе в долину Бадра с ним выступило уже около полутора тысяч человек. Абу Суфиан привел около двух тысяч курайшитов, но в бой войска так и не вступили, а, постояв некоторое время друг напротив друга, разъехались по своим городам. Но, тем не менее, поход был не совсем бесполезен: Мухаммед заставил отказаться от союза с курайшитами некоторые кочевые племена. В этом же году Мухаммед совершил еще несколько походов против кочевых племен, объединившихся с курайшитами. В одном случае бой начать никто не решился, а в двух других мусульмане победили и была захвачена богатая добыча. Захваченную пленницу, дочь главы племени Бану Мусталик, Джуварийю, с ее согласия Мухаммед выкупил у своих соратников, и она стала его очередной женой. Этот брак был в определенной степени удачным дипломатическим ходом – племя Бану Мусталик держало под контролем один из важнейших торговых путей к побережью Средиземного моря, и мусульмане, став их союзниками – в силу родственных связей Пророка, – много выиграли экономически.

По возвращении в Медину произошли две неприятные для Пророка истории. Недовольные тем, что пришлось отпустить пленных, которые внезапно стали «родственниками Пророка», «лицемеры» говорили, что им надо только собраться и доехать до Медины, и Пророк с подручными будет изгнан. Мухаммед, узнав об этом, повел назад войско практически без отдыха, и в Медине всем стало уже не до

разборок. Ибн Убайя пришел к Пророку каяться, что не призывал народ выступить против него, а слова его несли другой смысл. Мухаммед простил его, хотя сын Ибн Убайи и предлагал ему убить отца и завершить все дело без кровной мести.

Вторая история касалась его любимой жены.

Внезапно в дороге пропала Айша. Нашлась она только утром, когда один из воинов привез ее на верблюде. Выяснилось, что, собираясь и уже сев в паланкин, она вспомнила, что забыла в шатре жемчужное ожерелье, и тут же вернулась за ним. А носильщики, которые стояли в стороне, пока жена Пророка садилась в паланкин, не заметили, что она вышла, и уехали. Айшу случайно подобрал проезжавший неподалеку воин Савфан.

Вся Медина перешептывалась, обвиняя жену Пророка в измене, поэты строчили стихи про любовное ожерелье. Никто не верил в версию с ожерельем, считая, что это было тщательно спланированное любовное свидание. Мухаммед очень любил Айшу и не верил в ее измену. Но, в то же время, простить такой поступок жене значило окончательно потерять авторитет в глазах мединцев. Мухаммед долго просил Аллаха открыть ему глаза на этот случай, и наконец ему было сказано, что Айша – чиста, а обвинять жену в измене можно только при наличии четырех свидетелей. Кто же делает это голословно, подлежит наказанию плетью. Мединцы, распускающие слухи, были наказаны, и семейное счастье в доме Мухаммеда восстановилось.

Надо сказать, что Мухаммед за это время взял себе еще несколько жен. Он женился на вдове-мусульманке Хинде, курайшитке из мощного клана Махзум, дальней родственнице Абу Суфиана, которая стала четвертой женой Пророка. Семейная жизнь Мухаммеда была строго регламентирована: каждой жене он посвящал по очереди один день, причем очередь не могла быть сдвинута или переменена. Если же Пророк отправлялся в поход, то с помощью жребия решалось, какая из жен последует за ним в закрытом паланкине.

Несмотря на такое справедливое распределение расположения меж всеми женами, Аллах справедливо заметил в одной из сур, ниспосланных как откровение: «И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого». Мухаммед, следуя повелению Аллаха, озвучил новую регламентацию семейной жизни мусульман: запретил родственные браки и, по некоторым данным, запретил так называемые временные браки, когда торговец, отправляясь в путешествие, заводил себе жену на несколько месяцев. Но самому Пророку Аллах ниспослал особые законы: «О, Пророк! Мы разрешили тебе стать твоими женами тех, которым ты дал их награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей теток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих теток со стороны матери, которые выселились вместе с тобой, и верующую женщину, если она отдала самое себя Пророку, если Пророк пожелает жениться на ней, – исключительно для тебя, помимо верующих». Мухаммеду разрешалось иметь неограниченное число жен, не говоря уже о наложницах и тех, кто «сами себя отдали Пророку». Для Мухаммеда допускались и браки, в которых жена проживала отдельно от мужа. Весной 626 года Мухаммед взял себе пятую жену – тридцатилетнюю вдову мусульманина – Зайнаб, дочь Кузаймы. Но она умерла через несколько месяцев после свадьбы. Сколько всего было жен у Мухаммеда – сказать сложно; позже такое количество жен и наложниц начало считаться недопустимым, и все данные из летописей начали исчезать.

«Битва у рва»

Между тем, разборки с племенами, союзниками курайшитов, продолжались. Абдаллах ибн Убайя с несколькими преданными бойцами поехал в Хайбар и, выманив хитростью шейха надиритов, убил его. Затем он же убил одного из шейхов сулаймитов. Но эти акции не испугали мощные племена, и они не стали разрывать свой союз с курайшитами.

В середине марта 627 года курайшиты смогли собрать десятитысячную армию и двинулись на Медину. Трудно описать, что такое по тем временам десять тысяч человек под копьем, скажем лишь, что все население Медины, включая женщин и детей, составляло около десяти тысяч человек. Войска двигались к Медине колоннами с разных сторон, и Мухаммед, понимая, что при отсутствии конницы его ожидает поражение, решил держать осаду. До срока был собран весь урожай, а вокруг города был вырыт глубокий защитный ров. В этом принимали участие все жители, несмотря на политические и религиозные разногласия, лишь племя Бану Курайза, исповедовавшее иудаизм, объявило о своем нейтралитете в грядущей битве.

Холмы и скалы защищали Медину со всех сторон, и поэтому ров был вырыт только вдоль северной границы города. Мухаммед понимал, что в пешем бою его люди одолеют любое войско, и поэтому главной задачей было отсечь конницу. Он сам лично принимал участие в создании рва, и ко времени, когда враг подошел к стенам города (31 марта), четырехкилометровое укрепление большой глубины было готово. Увидев ров и зная о хорошо организованном войске Мухаммеда, курайшиты не решились штурмовать город, а осадили его. Время от времени происходили перестрелки, отдельные храбрецы пересекали ров и устраивали короткие стычки с мусульманами, но до открытого боя дело не доходило. Фанатичных мусульман боялись и курайшиты, которые, собственно, воевали лишь за свои торговые интересы, и кочевые племена, отправившиеся в поход лишь в надежде на легкую добычу.

Абу Суфиан, убедившись, что сражаться без поддержки кавалерии никто не хочет, решил активизировать «пятую колонну» в тылу врага, племя Бану Курайза, с которым он уже давно вел переговоры. Один из шейхов изгнанного из Медины племени проник в город и начал вести переговоры с иудеями. Мухаммед, узнав об этом, также послал к ним своего переговорщика, бывшего кочевника и тайного мусульманина. Тот стал уговаривать иудеев, убеждая тех, что курайшиты просто воспользуются ими и бросят их на произвол судьбы в этом городе, и уж тогда им не сносить головы, и предложил, чтобы курайшиты в знак серьезных намерений дали бы им своих людей в заложники. Затем он отправился к курайшитам и тем уже стал говорить, что иудеи требуют шейхов в заложники лишь для того, чтобы выдать их Мухаммеду и доказать свою лояльность.

Мухаммед же вел переговоры с племенем Гатафан и предложил им в качестве награды за союзничество, несмотря на возмущение мединцев, треть урожая фиников. Но отдавать эту треть Мухаммед не собирался – он с помощью преданных ему людей сделал так, что об этих переговорах стало известно курайшитами.

В итоге курайшиты находились в полной растерянности, не зная, откуда им ждать атаки, и все дальше оттягивали решительный штурм. Между тем, громадной армии надо было чем-то питаться и чем-то кормить стада верблюдов. Поля же были сжаты. К тому же внезапно, несмотря на апрель, похолодало, и пошли сильные дожди. Курайшитами и вовсе стало неуютно в открытом поле. Изменения погоды

Мухаммед отнес на счет поддержки ангелов, и это прибавило его войску уверенности в благополучном исходе битвы.

В итоге войска курайшитов были вынуждены отойти. Несмотря на то что за все время осады с обеих сторон погибло всего девять человек, «битву у рва» стоит признать одним из величайших сражений, выигранных Мухаммедом. Фактически, курайшиты были разбиты, и их союзничество с кочевниками потерпело сильнейший удар.

Буквально через несколько дней после отступления курайшитов Мухаммеду явился Джабраил и повелел, от имени Аллаха, разобраться с изменником Бану Курайза. Его племя заперлось в своей крепости, и Мухаммед послал к ним переговорщика, надеясь, что те сдадутся без боя, и вся добыча достанется ему. Но переговорщик, преднамеренно или нет, намекнул курайшитами, что их ждет, проведя рукой по горлу. Осада длилась несколько месяцев. В стане мусульман также было неспокойно: коренные мединцы считали, что никто не вправе распоряжаться «их» племенами, а Мухаммед объяснял, что они находятся в единой умме, где приказы отдает он. Но в итоге Пророк был вынужден уступить, и курайшиты сдавались не ему, а главе авситов – Сааду ибн Муаду. Он же должен был и судить предателей. Но Мухаммед снова оказался мудрее своих противников: судья был тяжело болен и умирал от ран, полученных в битве у рва. Виновными в своей смерти он считал как раз внутренних предателей. Но курайшиты не знали об этом, и вердикт суда стал для них шокирующей неожиданностью. Он был прост: всех мужчин казнить, женщин и детей обратить в рабов, имущество поделить между мусульманами.

Слух о жестоком решении судьи облетел всю Аравию, и племена, помнящие о том, что сдавшиеся на милость Пророка Бану Кайнука и Бану Надир практически не пострадали, решили, если что, сдаваться на милость мусульман.

Мухаммед, получив пятую часть добычи, захотел взять себе в жены Райхану – вдову шейха курайшитов. Но она отказалась принять ислам, и потому стала всего лишь наложницей, и жила отдельно от других жен. Через несколько месяцев Мухаммед зашел в гости к Заду и увидел его жену Зайнаб в легкой домашней одежде. Смутьившись, он воздал хвалу Аллаху и тут же вышел. Но Зайнаб заметила, как вспыхнули глаза Пророка, и рассказала об этом Зайду. Тот отправился к Мухаммеду и попросил благословения на развод, чтобы Пророк мог взять Зайнаб себе в жены. Пророк запретил ему это делать, но Зайд все равно развелся, а Мухаммед женился на Зайнаб. Однако по Медине пошли разговоры, что Пророк сам нарушает заповеди, поскольку женился на невестке. Сколько Мухаммед ни объяснял, что Зайд не родной, а приемный сын, все было бесполезно. Пророку пришлось публично расторгнуть договор об усыновлении. Это хотя и успокоило массы, но не слишком – разговоры о нарушении заповедей продолжались еще долго. Эта ситуация испугала приближенных Пророка, и они стали уговаривать его, что с «демократией» пора кончать, и, что было хорошо в Мекке, плохо в Медине. Мухаммед дал себя уговорить, и вскоре было объявлено, что с этих пор мусульмане не должны входить без дела в дом Пророка, что утварь у его жен следует просить только через занавеску; были введены и другие ограничения. Также был возведен в ранг закона обычай, чтобы жены Пророка прикрывали лицо в присутствии посторонних. До этого арабские женщины закрывали лицо, прячась от палящих солнечных лучей, теперь же жены Пророка обязаны были прятать лицо от всех посторонних мужчин. Постепенно этот обычай распространился на всех женщин-мусульманок.

Мухаммед начал посылать во все стороны отряды, заставляя кочевников принимать ислам, и только за восемь месяцев после осады Медины было

предпринято двенадцать походов. Одновременно Мухаммед стал налаживать собственную караванную торговлю, убеждая вождей племен, что участь курайшитов, их прежних партнеров, практически решена. Вскоре кочевники поняли, кто в пустыне хозяин, и в Медину потянулись караваны с дарами и посольства из старейшин племен, старавшихся выбить себе наиболее выгодные условия нахождения под власть мусульман.

Таким образом, в 627 году была создана конфедерация между кочевниками-язычниками, кочевниками, принявшими ислам, и мединцами.

В феврале 628 года Мухаммед сообщил, что испытал новое откровение, в котором Аллах велел ему двинуться на поклонение к Каабе.

Несмотря на то, что это был всего лишь хадж, многие воспротивились. «Они думали, что посланник и верующие никогда не вернуться к их семьям», – было позже записано в Коране. В итоге вместе с Пророком отправилось, по одним данным, семьсот, по другим – полторы тысячи человек.

Отъезжали из Медины в полном вооружении, но на первом же привале Мухаммед снял латы и надел белую одежду паломника, правда, подпоясавшись мечом. Так же поступили и все остальные. Вскоре разведка донесла, что курайшиты выслали конный отряд и клянутся не пустить мусульман в город. Мухаммед же нашел проводников и вышел к Мекке, следуя по горным тропам. Там, за городом, он разбил лагерь и передал просьбу через посредников, местных кочевников и союзников курайшитов, чтобы ему и его людям мекканцы позволили поклониться святыне.

В Мекке кипели страсти: было понятно, что пускать Мухаммеда нельзя, это означало бы поражение, но и не пускать нельзя, это было бы кощунство. Дело в том, что в Мекке была сильна и промусульманская партия тайных исламистов. Но ожидания Пророка не сбылись, и переворота в городе не случилось. Вход мекканцам в лагерь Мухаммеда был закрыт, а лагерь фактически блокирован. Мухаммед отправил в Мекку своего зятя Османа ибн аль-Аффана, но через несколько дней кочевники принесли весть, что парламентар убит. Мухаммед сказал, что не уйдет от Мекки, не поразив врагов, и все мусульмане, по одному подходя к Пророку, поклялись ему, что будут биться насмерть.

Однако вскоре слух об убийстве парламентаря был опровергнут, и стало известно, что парламентар был всего лишь взят в заложники, а чуть позже в лагерь пришла делегация курайшитов, готовая заключить с Мухаммедом мирный договор на десять лет. В следующем году, обещали курайшиты, они на три дня покинут Мекку и мусульмане смогут прийти к Каабе. Мухаммед, обдумав предложение, решил подписать этот мирный договор, что вызвало ропот в его войске, которое уже было готово к кровопролитному бою и надеялось на крупную добычу. Воины считали, что ни в коем случае нельзя подписывать договор с язычниками, к тому же этот договор был не слишком выгоден для мусульман, но Мухаммед все равно его подписал, несмотря на протесты соратников. После этого он объявил, что молитва и жертвоприношения будут совершены прямо здесь, в лагере. Это также вызвало недовольство, но спорить с Пророком или возражать ему никто не решился.

После молитвы стали собираться в Медину. Пошли разговоры, что те, кто не отправился в поход, в частности «лицемеры», поступили мудро, ведь все равно воины не получили никакой добычи, лишь устали и загнали верблюдов. Мухаммед, поняв, что в войске идет брожение, объявил, что ехать в Мекку и сейчас отступать от нее – было велено Аллахом, а он лишь следовал его воле. Всемогущий Аллах всегда награждает тех, кто верно исполняет его волю, и потому отряд впереди ждет богатая добыча. Как выяснилось, курайшиты, уговаривая Мухаммеда уйти, отдали ему на откуп своих союзников, богатый оазис Хайбар. Отдохнув в Медине, в мае 628 года, Мухаммед собрал отряд и отправился в Хайбар. С ним пошли только те, кто побывал у стен Мекки. Это была награда за верность. Мелкие крепости оазиса пали

одна за другой, а земледельцы, составляющие основное население, даже и не сопротивлялись «ужасному Мухаммеду». Правда, запершиеся и укрепившиеся в центральной крепости оазиса воины оказали нешуточное сопротивление, и в том бою погибло 25 мусульман, остальные же проявили легендарное героísmo. Затем войско Мухаммеда отправилось в близлежащий оазис Фудак, но тот сдался без боя, согласившись отдавать Мухаммеду половину своего урожая.

Трофеи из Хайбара были сказочными: золото, серебро, множество рабов, а сам Хайбар Мухаммед разделил на тысячу восемьсот долей, и каждый воин получил по одной доле, а всадник по две. Себе Мухаммед оставил лишь Сафийю, семнадцатилетнюю вдову недавно казненного надирита.

Но перед отъездом из оазиса одна рабыня, мстя Мухаммеду за убитых родных, подала к его столу отравленного барана. Мухаммед взял лопатку и, надкусив ее, почувствовал странный вкус.

– Лопатка сказала мне, что она отравлена, – сообщил он, выплюнув мясо. Сидевший же рядом с ним воин проглотил крупный кусок сочного мяса и вскоре умер в мучениях. Коварная рабыня была отдана его родным для кровной мести.

Несмотря на то, что Пророк выплюнул отравленную еду, часть яда все равно успела попасть в кровь Мухаммеда, и с тех пор в его теле поселилась коварная болезнь. Это была неподдающаяся лечению форма плеврита.

Когда войско вернулось, то «лицемеры» были прощены, и им было разрешено принимать участие в следующих походах. При виде богатой добычи войска Мухаммеда их сердца преисполнились завистью, и рядовые члены ветви мусульманства кляли своих бестолковых начальников. Стоит сказать, что за четыре года непрерывных вооруженных походов мусульмане не только стали одной из лучших армий мира, но забыли про свое основное ремесло, ведь никакой труд, ни даже торговля не могли принести такую прибыль, которую приносили военные походы.

Между тем, пока Пророк был в походе, из Эфиопии, по его жесткому приказанию, вернулись остававшиеся там мусульмане во главе с двоюродным братом Мухаммеда Джафаром ибн Абу Талибом. Среди них была и родная дочь Абу Суфиана – Умм Хабиба, которая вскоре была выдана за Мухаммеда. Через этот брак Пророк связал себя с богатым и влиятельным родом Омейядов.

Новые походы

Приступив к установлению торговых связей с окрестными государствами, Мухаммед начал рассылать письма их правителям, начиная их словами: «От Мухаммеда, посланника Аллаха...» Далее в своих посланиях он призывал всех принять ислам как единственную истинную религию и подписать мирный договор с Мединой. У тогдашних властителей мира эти письма вызывали неоднозначную реакцию. Правитель Египта, например, в ответ прислал Мухаммеду богатые дары, а глава Персии, Хосрой, написал наместнику в Йемене: «...в Ясрибе появился сумасшедший, возомнивший себя Пророком. Пришли мне его самого или его голову».

Впрочем, к мелким князьям Мухаммед и обращался соответственно: «...если вы станете мусульманами и будете выполнять обряды (...) и повиноваться Аллаху и Его

посланнику, и давать пятую часть добычи и долю Пророка; если вы провозгласите ислам открыто и отойдете от многобожников – безопасность ваша под покровительством Аллаха и под покровительством Мухаммеда. Размер милостыни, причитающейся с вас, – десятая часть урожая и приплода от стад...»

Вторую половину 628 года и начало 629 года Мухаммед продолжает подчинять себе все новые и новые кочевые племена, посылая отряд за отрядом в пустыню. Впрочем, как и было договорено, он не трогает ни караваны, ни союзников курайшитов. В марте около двух тысяч мусульман во главе с Пророком двинулись в Мекку для поклонения. Но курайшиты нарушили договоренности, они не покинули, как обещали, город, а толпились у ворот и на крышах своих домов, желая поближе рассмотреть необычное войско Мухаммеда.

Мухаммед намеревался в Мекке взять себе новую жену, Маймуну, вдову-мусульманку, свояченицу Аббаса, который к этому времени уже был тайным мусульманином. Женщина была связана родственными связями с множеством видных семейств Мекки, но мекканцы не приняли приглашения Мухаммеда на брачный пир, который мог бы примирить врагов, и попросили его оставить город, так как три дня уже минуло. Свадьбу Мухаммеду пришлось отмечать за городскими стенами.

Мухаммед вернулся в Медину, а вместе с ним, втайне, еще одна группа мекканцев, принявших ислам. Это был рубеж – дни Мекки были сочтены: самые активные и состоятельные горожане массово принимали ислам и бежали в Медину. В договоре, подписанном с курайшитами, Мухаммед обещал не принимать у себя беглецов и сначала это исполнял. Но беглецы, которых не допустили в Медину, сбились в небольшое войско и стали громить курайшитские караваны. Курайшиты обратились к Мухаммеду с просьбой урезонить этих мусульман, но он ответил, что в своем городе он их не принял, в согласии с договором, а дальше с него спроса нет. В итоге Мухаммеду было позволено принимать беглецов из Мекки, и поток новообращенных усилился.

Халида ибн Валида и Амра ибн аль-Аса, недавних язычников, Мухаммед назначил предводителями мусульманских дружин. Хотя это и вызвало некоторое недовольство среди «старых» мусульман, зато многие язычники в Мекке, увидев такое, поспешили принять ислам. Впрочем, это не был только дипломатический шаг: Мухаммед прозрел в этих людях полководческие таланты и не ошибся, военным победам этих полководцев в будущем не будет числа. Но об этом рассказ пойдет позже.

Пока же, по возвращении из Мекки, Мухаммед начинает готовить новый поход, на север, к границам Византии. Поводом к военному походу послужило то, что гассаниды, союзники Византии, убили посла Пророка. Мухаммед уже давно отдавал пятую часть бюджета уммы на закупку нового вооружения, но в предвкушении нового похода на военные нужды была брошена вся добыча последних кампаний, и к осени было подготовлено и вооружено трехтысячное войско!

Но, увы, тяжело больной Мухаммед не смог уже сам возглавить это могучее войско. Он остался в Медине, назначив главным в походе Зайда, а его заместителями своего двоюродного брата Джафара ибн Абу Талиба и Абдаллаха ибн Раваха. Только эти трое знали об истинных целях и основной задаче похода.

Около реки Иордан, в долине Мута, мусульмане сталкиваются с регулярными войсками Византии и их союзниками – арабами-гассанидами. Мусульманские предания утверждают, что в армии врагов было около ста тысяч человек. Историки сомневаются в этой цифре, но бой был суровым и жестоким, и в первой же стычке погибли все три руководителя мусульманского войска и еще пять влиятельных мусульман. Армия Пророка была рассеяна, и лишь Халид ибн Валид сумел их снова объединить и привести в Медину. Жители города встретили воинов оскорблениями

– те не отомстили за пролитую кровь, но Мухаммед проявил истинное благородство и поблагодарил Халида за спасение армии. Сам же Мухаммед публично поклялся отомстить за кровь своих ближних.

Падение Мекки

Заключенный с Меккой договор, хотя и был выгоден Мухаммеду (он мог спокойно обращать или просто брать «милостыню» с племен), все равно не давал ему покоя. Пророк желал вернуть свой народ в Мекку, и нужен был только повод, чтобы нарушить перемирие. И случилось так, что союзники курайшитов из племени Бану Бакр убили несколько человек из племени Бану Хузаа, дружественного Мухаммеду. Это было расплатой по счетам кровной мести, нападение было совершено ночью, и в нем принимали участие несколько курайшитов.

Абу Суфиан, узнав об этом, немедленно отправился в Медину – конфликт ему был не нужен. Но Мухаммед отказался даже принять его. Не стали разговаривать с ним и другие влиятельные лица в иерархии мусульман. К Медине начали подтягиваться отряды кочевников в полном боевом вооружении, но понять, что затевает Мухаммед, было никому не дано. Время шло, наступил месяц рамадан и великий пост. Многие были уверены, что Мухаммед будет дожидаться окончания поста, но на десятый день рамадана войско выступило в поход. Десятый день рамадана (то есть 1 января 630 года по христианскому летосчислению) был не только днем начала похода, но и годовщиной смерти первой жены Пророка Хадиджи.

Мухаммед сам возглавил поход, и в пути его армия соблюдала пост (все воины ничего не ели от восхода до заката солнца). В местечке Марр аз-Захран Мухаммед разбил лагерь (до Мекки оставалось два дня пути) и отдал приказ воинам прекратить пост. Слухи летят быстро, и в Мекке, где вскоре узнали об этом, началась паника. Многие тайные мусульмане, в том числе Аббас, покинули город и пришли в лагерь Мухаммеда.

Абу Суфиан посетил лагерь Мухаммеда, взяв с собой, в знак искренности визита, сына-подростка. Пройдя через лагерь мусульман, где многие готовы были его убить за одно неверное движение, Абу Суфиан встал на колени перед Мухаммедом и произнес символ веры, говоря, что все курайшиты также готовы принять ислам.

Мухаммед так ответил посланнику:

– Возвращаясь в Мекку и передай курайшитам, что те, кто покорятся, будут прощены. Укрывшимся в твоём доме гарантирую безопасность, укрывшимся в Каабе дарую безопасность, как и укрывшимся за дверьми своих домов. Но враги Аллаха будут истреблены даже в Каабе!

Оставив в заложниках сына, Абу Суфиан вернулся в город.

Войска Мухаммеда окружили Мекку, и Пророк выделил кочевников, на дисциплину которых он мало надеялся, в отдельное войско, поставив во главе его Халида ибн Валида. Главой ансаров и мухаджиров он поставил Саада ибн Убайду, но когда тот провозгласил: «Нет святынь в день битвы!» – Пророк заменил его Али; Мухаммед не хотел кровопролития.

Девятнадцатого числа месяца рамадан в восьмой год хиджры (или 11 января 630 года от рождения Христова) Мекка пала.

Дисциплинированная армия Мухаммеда не стала грабить мирное население великого города, произошло только несколько стычек, устроенных кочевниками. Горожане в едином порыве приняли ислам. Мухаммед свято чтит слова Аллаха, повторенные им при входе в Медину: «Нет принуждения в вере!» – и поэтому несколько богатых курайшитов, отказавшихся принять ислам, не получили никакого наказания и были отпущены с миром.

Мекканцы, зная о честности Пророка, охотно дали ему деньги в долг, и эта сумма, поделенная среди войска, успокоила военный пыл бойцов.

Вскоре Мухаммед приказывает очистить Каабу от идолов, и его повеление тут же исполняется: каменных идолов разбивают в крошку, а деревянных – сжигают. Али очень хотел получить ключи от Каабы, но Пророк оставил их в руках клана Абд ад-Дар, а снабжение паломников водой по-прежнему в руках Аббаса и его рода.

Враги ислама, несмотря на угрозу Мухаммеда, не были истреблены. Устроив публичный суд, он великодушно простил их. Подверглись наказанию только два мусульманина, бежавшие в Мекку из Медины. Один убил своего раба и, бежав в Мекку, отрекся от ислама, второй, получив выкуп за убийство своего брата, все равно пролил кровь обидчика и, сбежав в Мекку, также отрекся от веры и даже сочинял про нее унижительные стихи, которые его рабыни распевали по улицам. Оба отступника были казнены.

Также были приговорены к смерти Аль-Хувайрис и Хаббар ибн аль-Асвад, мужчины, которые когда-то избили дочерей Мухаммеда.

Не пощадили и Саада, секретаря Мухаммеда, который, бежав в Мекку, всем рассказывал, как «писал» Коран. Когда к Пророку привели Саада, он слезно просил у Мухаммеда прощения за свои наветы. Тот, почернев лицом, вроде бы принял его униженные извинения; однако когда Саад ушел, он сказал своим соратникам следующее:

– Как Пророк я не мог его не простить, но почему никто из вас не отрубил ему голову?!

Получил прощение и Вахши, убивший Хамзу, но Мухаммед велел тому никогда больше не попадаться ему на глаза. Вахши, действительно, стал очень ценным бойцом в армии Мухаммеда, но, помня о предупреждении, до конца жизни Пророка старался не показываться ему на глаза.

Через двадцать дней после падения Мекки прошел слух, что племена Хавазин объединились с кочевниками Хиджаза, с сакифитами, жителями оазиса Таиф, и еще несколькими племенами. Эти люди были давними врагами Мекки, а некоторые из них находились в давнем противостоянии еще и с Мединой. Воспользовавшись слабостью Мекки, они хотели восстановить свою независимость. Была собрана двадцатитысячная армия, причем кочевники, по настоянию жителей оазисов, пришли с семьями и скотом, служившими гарантией того, что воины не сбегут.

Мухаммед, узнав об этом, собрал войско в новый поход.

В ряды его армии влились две тысячи курайшитов. Через три дня двенадцатитысячная армия Пророка достигла предгорий Хиджаза и, следуя по долине Хунайн, стала приближаться к вражескому лагерю. На подходе к войску язычников отряд кочевников, возглавляемый Халидом и идущий в арьергарде, попал в засаду. Недисциплинированные кочевники ударились в бегство, смятая идущих за ними анасаров и мухаджиров. Паника охватила проверенное войско, которое, смятая ряды, бросилось бежать, несмотря на все призывы Мухаммеда. Около Пророка осталось только десять верных, в том числе и Аббас. Возвысив свой голос, он сумел вернуть часть войска, и подскакавшие почти вплотную к Мухаммеду воины хавазинитов повернули назад. Приведя войско в порядок, Мухаммед уже через час был у вражеского лагеря. Хавазиниты и другие кочевники, поняв, что с этой огромной силой им не справиться, бросились врассыпную, позабыв про свои

семьи и скот. Сакифиты сражались храбрее и, понеся большие потери, отошли к Таифу.

Добыча мусульман была колоссальной: в лагере осталось более шести тысяч женщин и детей, без счета верблюдов, отары овец, горы оружия и драгоценностей. Мухаммед, оставив трофеи под охраной, отправился преследовать сакифитов. Те же, бросив свои дома, поспешили укрыться в крепости. Крепость была заранее подготовлена к штурму, и войска мусульман несли большие потери.

Мухаммед во всеуслышание объявил, что всем рабам Таифа, принявшим ислам, будет дарована свобода. Пообещал он щедрые дары и тем из шейхов, кто перейдет под его покровительство. Часть сторонников Мухаммеда тайно сбежала из города, тут же присоединившись к войску мусульман, но остальные были заключены под стражу. Противостояние продолжалось. Кочевники, рассеявшиеся по горам, поняв, что Мухаммед может проиграть битву, снова стали собираться в армию, а кочевники, бившиеся на стороне Мухаммеда, стали требовать дележа добычи. Мухаммед, осознав шаткость положения, предложил вернуть без выкупа пленных женщин и детей в обмен на мир, а возмущенным этим решением кочевникам, бившимся на его стороне, пообещал отдать по шесть верблюдов за каждого человека.

На двадцатый день Мухаммед приказал снять осаду. В войске началось брожение, и с Мухаммеда кто-то даже сорвал плащ (!). Трофеи были наполовину расхищены. Мухаммед сумел призвать воинов к порядку, лишь посулив каждому, не вернувшему трофеи, адское пламя, а вернувшему добычу – честный дележ. В итоге все участвовавшие в сражении воины получили эквивалент четырех верблюдов, а каждый всадник – двенадцати. Оружие, доспехи и одежду выдали как награду наиболее смелым воинам. Стоимость этих вещей была весьма высока – обменяв данные ему доспехи, один мусульманин получил за них участок земли с финиковыми пальмами, первую в своей жизни недвижимость, которая его безмерно обрадовала.

Сам Мухаммед получил в качестве трофеев долю, которая оценивалась в десять тысяч верблюдов. Это было сказочное богатство, которое большинство из воинов даже не могли вообразить, но Мухаммед тут же, практически без остатка, раздал свою долю верным союзникам.

Армия вернулась в Медину, и тут Мухаммеда ждало радостное известие: его наложница – коптянка Мириам, когда-то преподнесенная в дар Пророку правителем Египта, родила ему сына. Мухаммед назвал сына Ибрахимом, в честь великого Пророка, потомком сына которого (Исмаила) он себя считал. Отныне никто не мог назвать его «куцым», и всем было ясно, что Аллах благословляет действия своего Пророка. Но рождение сына, кроме самого Пророка, мало кого обрадовало – оно нарушало установившееся равновесие в борьбе за власть среди ближайших приближенных Мухаммеда.

Год deputаций

Следующий, 630 год, получил в истории ислама название «год deputаций». Со всех концов Аравии стекались к Мухаммеду представители кочевников и оазисов, желающих принять ислам. Только Таиф продолжал противостояние, весь же

остальной полуостров был обложен налогами в пользу Мухаммеда и общины. Мусульмане платили только закат, то есть налог в пользу бедных, язычники же вносили подушную подать. Обычно она устанавливалась в момент заключения договора о мире и была в среднем равна одному дирхему в год. Налог этот можно было платить натурой: зерном, финиками, скотом или изделиями различных промыслов. Большинство кочевников, впрочем, налога не платили, так как не делали этого никогда, и потому Мухаммед просто принимал от их шейхов «подарки».

Окруженный врагами и постоянно терпящий их набеги, сдался к концу года и Таиф. Неожиданно стало ясно, что подобный мир не принес мусульманам никакой прибыли: поля не стали щедрее плодоносить, а торговля не пошла быстрее. Зажиточные мусульмане Медины, привыкшие ни в чем себе не отказывать, поняли, что налоги не покрывают их нужд. С одной стороны, к Мухаммеду притекали недавно принявшие ислам бедняки с жадной сражаться, только ему было нечем их вооружить, да и верблюдов на всех не хватало, с другой стороны, ему приходилось вводить все новые налоги на военный бюджет, а это служило поводом для растущего недовольства. В очередной суре, ниспосланной Пророку, было сказано, что Аллах требует более почтительного отношения к своему посланнику. По велению Аллаха всем надлежало уступать Пророку дорогу, не называть его по имени и расходиться по домам, когда проповедь окончена.

Между тем произошла и еще одна неприятность: в «свой» день жена Мухаммеда Хафса застала его с Мириам и подняла жуткий скандал. Пророк сам нарушал повеления Аллаха! Мухаммед заставил ее молчать только с тем условием, что пообещал ей удалить от себя Мириам навсегда. Но Хафса не успокоилась и рассказала об этом другим женам. Воздействовать на них через своих дочерей смогли только Абу Бакр и Омар, но за это Мухаммеду пришлось дать им обещание, что он не будет больше брать себе новых жен.

В сентябре Пророк призвал верующих выступить на север против Византии. Это воззвание испугало многих мусульман, и некоторые даже стали отказываться от участия в походе, ссылаясь то на чересчур жаркое лето, то на созревшие уже финики, которые надо собирать, то на болезнь, то на бедность... Один мусульманин сослался даже на свою неумеренную страсть к женскому полу, дескать, как только он увидит женщин Византии, тут же падет, и потому ему лучше остаться дома. Мухаммед принимал эти причины, не стараясь разобраться в их достоверности, объясняя остальным, что лучше пускай эти мужчины остаются в городе, чем потом предадут в бою. Войско вышло далеко не в полном составе, а уже в пути начали происходить случаи дезертирства. Развернули своих верблюдов на первом же привале «лицемеры», а потом это стало и вовсе массовым явлением.

Мухаммед и его войско прошли триста пятьдесят километров и остановились у Табука. И Табук, и его окрестности признали власть Мухаммеда и обязались платить дань. Дальше начинались земли Гассанидов, союзников Византии.

Идти дальше с таким разбродом в войсках Мухаммед не решился, и в декабре армия вернулась в Медину. Добычи не хватило даже на то, чтобы покрыть расходы. Оставшимся в Медине трусам был объявлен бойкот, и те, перепугавшись, стали молить о пощаде. Аллах в откровении, явленном Пророку, возвестил, что прощение можно заслужить милостыней. Оставшиеся каялись и платили милостыню, иногда составлявшую до трети их имущества. Абдаллах ибн Убайя, впрочем, избежал наказания – в пути он тяжело заболел и к возвращению Мухаммеда был практически на грани смерти. Вскоре глава «лицемеров» умер, и, потеряв лидера, они перестали быть организованной силой, а мечеть аль-Дирар, где «творились беззакония», люди Мухаммеда вскоре сровняли с землей.

В марте 631 года мусульмане под предводительством Абу Бакра отправились в паломничество к Каабе. Мухаммед, ослабленный болезнью, остался в Медине и получил от Аллаха новые откровения. Они были столь важны, что Мухаммед отправил вслед паломникам Али, который должен был после жертвоприношений обнародовать новую волю Аллаха. Аллах отрекся от многобожников и велел, как только окончатся священные месяцы, истреблять их, где только можно найти. Многобожники должны или принять ислам, или принять смерть – другого выбора у них нет. Джихад, священная война, должен закончиться только тогда, когда неверие будет вырвано с корнем и не останется на земле никаких соблазнов.

«Люди книги», по велению Аллаха, открытому Пророку, тоже подлежат джихаду – до тех пор, пока «не дадут откупа своей рукой, будучи униженными».

Свобода в вере, проповедуемая прежде Пророком, отменялась. Впереди было еще четыре священных месяца, и это явилось временем принятия решения для язычников и «людей книги». Но даже этого срока оказалось достаточно для большинства покоренных племен: их шейхи приезжали к Мухаммеду, покорно принимая ислам.

Мухаммед же готовился к новому походу на Византию: Аллах хотел, чтобы «люди книги» были унижены и платили дань.

Между тем, все больше и больше происходило скандалов и разборок среди ближайших сподвижников Мухаммеда. Причиной была власть. Вельможи ревниво наблюдали друг за другом, обижаясь, что полномочия или поручения Пророка даны кому-то другому, а не им, и Мухаммед все меньше и меньше мог на них воздействовать. Он к тому же начал осознавать, что все эти люди прекрасно знают Коран, великолепно его толкуют, и его миссия Пророка уже подходит к концу.

Смерть Мухаммеда

В январе 632 года внезапно заболел Ибрахим. Крепкий мальчик подхватил где-то лихорадку, и каких только врачей ни приглашал Мухаммед и как только ни молил Аллаха о его выздоровлении, но 27 января 632 года его единственный сын умер. Мухаммед плакал так, что мусульмане начали его осуждать, напоминая ему, что и жизнь, и смерть – все в руках Аллаха. Смерть сына сильно изменила Пророка. Когда он прекратил плакать, то стал абсолютно спокоен. Через какое-то время, без всякого на то повода, он спокойно сказал дочери Фатиме, что скоро умрет. Та начала плакать, но Мухаммед улыбнулся:

– Не плачь. Мне был предложен выбор, и я выбрал смерть...

Не только горестный настрой, но и непрекращающаяся болезнь одолевали Мухаммеда. Головные боли приходили к нему все чаще, и он все чаще укрывался от людей за стенами своего дома.

Когда в марте наступило время паломничества, Мухаммед отправился в Мекку. Это вызвало большой энтузиазм среди верующих, и, по словам арабских историков, вместе с ним отправились в хадж около шестидесяти тысяч верующих. У Мухаммеда уже не было сил исполнить в точности старинные обряды, и потому вокруг Каабы он объезжал на верблюдице, прикасаясь к священному камню тросточкой.

Отдохнув, Мухаммед решил очистить от языческой скверны долины Мина и Муздалифа и гору Арафат. Тысячи верующих шли за ним и сносили начисто всех языческих идолов в этом традиционном для поклонения кочевников месте. После этого Мухаммед обратился к своему народу с речью, которую можно назвать прощальной. Он еще раз повторил им заповеди Аллаха и сказал, чтобы мусульмане из года в год совершали хадж.

Вернувшись в Медину, Пророк начал готовить мусульман к новому походу на север, в Византию. Возглавить его он поручил Осаме – сыну Зайда. Тому было всего двадцать лет, но Мухаммед поклялся, что именно сын отомстит за смерть своего отца. Когда Мухаммед провожал армию, всем стало ясно, что дни его сочтены. Войско, отойдя на день пути, разбило лагерь и стало ждать известий о здоровье Мухаммеда, а точнее, извещения о его смерти. Вожди хотели вернуться в Медину и поделить власть.

Этой же ночью Мухаммед проснулся от голосов: какие-то мертвецы просили его помолиться за них. Мухаммед понял, что он всегда молился за всех умиравших в его умме, но позабыл тех, кто умер в городе во время его походов. Прямо ночью он отправился на кладбище, а утром был уже совсем плох. Он с трудом доходил даже до мечети и вскоре попросил избавить его от переходов из дома в дом и оставить в доме Айши. Али и сын Аббаса перенесли Пророка через двор: ходить он уже не мог. На следующий день он не смог даже встать на молитву. Его подняли, и он потерял сознание. Когда он очнулся, его попытались снова поставить, но он опять впал в беспамятство и вновь упал...

Большую часть отведенного ему времени Мухаммед пребывал или без сознания, или в бреду. Как-то, очнувшись, он попросил принести ему бумагу и перо, чтобы он мог отдать последние распоряжения. Просьба, однако, не была исполнена: никому не был нужен назначенный преемник; близкий круг соратников, путем компромиссов, хотел сам найти того, кто станет главным после смерти Пророка. Человек, рекомендованный лично Пророком, никому не был нужен, и даже более того – никто не хотел этим человеком становиться. Было ясно, что этого избранника ждет смерть. Между тем по Медине шли слухи, что Пророк уже умер, а от жителей это просто скрывают. Сподвижники Мухаммеда уверяли, что это не так, и болезнь скоро отступит, но им никто не верил. Когда 8 июня верующие собрались в мечети, то двери дома Айши открылись, она отдернула занавес, и на пороге показался Мухаммед. Его поддерживали, но стоял он сам и даже помахал верующим рукой. Мединцы успокоились, но буквально через несколько часов Мухаммед умер. Айша позвала других жен, и они начали рыдать, оглашая пронзительными криками окрестности. Сбежался народ, но преданный Омар и тут пытался всех успокоить, объясняя, что Пророк не умер, а просто отошел к Аллаху и скоро вернется, а тому, кто в этом усомнится, грозил отрубить голову.

Появившийся вскоре Абу Бакр, заглянув в дом Айши, одернул Омара и объявил о смерти Мухаммеда. В мусульманской верхушке начался лихорадочный дележ власти. Али, которого поддерживали аз-Зубайр и Тальха, собрал сторонников в доме Фатимы. Саад ибн Убайда вместе с анасарамы засел в квартале Бану Саида. Мухаджире раскололись на сторонников Абу Бакра и Омара. Омар, когда понял это, немедленно отправился к Абу Бакру, и они объединились. После этого они двинулись в Бану Саида, и Омар, чуть ли не силой, заставил всех присягнуть Абу Бакру. Али, узнав об этом союзе, понял, что не может ему противостоять, и тоже присягнул Абу Бакру.

Утром первому халифу присягнули и все мусульмане.

Пророк, создавший одну из величайших мировых религий, был похоронен в том же месте, что и умер: ложе было сдвинуто, и под ним выкопана могила.

Дело же Мухаммеда продолжалось.

ГЛАВА 6. ПРАВЕДНЫЕ ХАЛИФЫ

Абу Бакр – первый из праведных халифов (632-634)

Абу Бакр ас-Сиддик, заняв ответственный пост, сначала даже не изменил свои привычки и уклад жизни: он так же продолжал пасти своих овец и торговать одеждами на базаре. Впрочем, весьма быстро Абу Бакр понял, что совмещать бизнес и решение насущных вопросов общины невозможно, и сосредоточился целиком на занятиях халифа.

Первый человек не из семьи Мухаммеда, принявший ислам, Абу Бакр всегда был образцом веры: как уже было сказано, свой капитал в 40 000 дирхемов он направил на помощь бедным и на нужды мусульманской общины. Впрочем, не стоит считать его нищим аскетом, каким Абу Бакра иногда преподносят востоковеды. Перестав заниматься торговлей, он попросил у общины компенсацию, и ему было выделено на содержание две тысячи дирхемов в год. Абу Бакр решил, что это недостаточно покрывает его потери, и ему было добавлено еще пятьсот. Квалифицированный ремесленник в те времена зарабатывал около 250 – 300 дирхемов в год, так что у халифа был вполне достойный оклад. Не стоит забывать и про пятую часть, получаемую с военных трофеев, хотя есть сведения, что эти деньги Абу Бакр без остатка раздавал общине.

Первое, что сделал Абу Бакр ас-Сиддик на своем посту, это постарался собрать воедино все откровения, посланные Пророку. Так как аяты (высказывания, стихи) Корана Аллах посылал на протяжении всей жизни Пророка, то Священная Книга была собрана в одно целое уже после смерти Мухаммеда. Впервые этим занялся Абу Бакр, который призвал лучших знатоков Корана, и те по его указу собирали все переписанные и заученные наизусть тексты в единую Священную Книгу – Коран (аяты, собранные в единое целое, еще называют «Мусхаф»). Первое издание Корана хранилось у Абу Бакра. (Есть и другая версия, что окончательный вариант Корана был составлен значительно позже, по приказу третьего праведного халифа Османа (Усмана) ибн Аффана.)

Второе, что пришлось сделать Абу Бакру на посту халифа, применяя свой дипломатический талант, – это сгладить трения между мухаджирами и ансарами. В результате он остановился (так как не имел, естественно, авторитета, подобного тому, что был у Мухаммеда) на консультативном стиле правления. Стоит сказать, что ему весьма быстро удалось преодолеть внутреннее расслоение в общине. Впрочем, он пришел к власти в крайне нелегкое время, опасное не только внутренними распрями.

После смерти Мухаммеда многие язычники решили, что позиция Медины сейчас ослаблена, и стали отказываться платить налоги. Это время получило название «войн ридда», то есть борьбы с вероотступниками. Почти вся Аравия, кроме Мекки, Медины и Таифа, узнав о смерти Пророка, отпала от ислама; лишь при мощной военной и финансовой поддержке верующих мединцев и мекканцев Абу Бакр сумел вернуть разъединенную Аравию назад к исламу.

По всей Аравии появилось множество Пророков или, учитывая то, что от большинства этих людей остались их имена, а от некоторых даже обрывки учений, будет вернее сказать – лжепророков. Эти люди, подражая Мухаммеду, стали создавать свои общины, перетягивать в них мусульман и активно пытаться обращать в свою веру язычников. Племена, открестившиеся от последователей Мухаммеда, потерпели сокрушительное поражение в битве при Аль-Акабе; также были разгромлены и последователи одного из влиятельнейших, пожалуй, лжепророков – Мосейлимы [Халид разбил многотысячную армию последователей лжеПророка Мосейлимы в так называемой «ограде смерти» при Акрабе (633)]. Контроль над Аравией был восстановлен, и Абу Бакр стал раздумывать о воплощении планов Мухаммеда, мечтавшего о походе на север.

Поход на Византию

Время для похода была выбрано верное: война с персами ослабила Византию и сильно истощила ее материальные ресурсы. Пограничные византийские крепости находились в очень плохом состоянии, а приграничные арабские племена, которые традиционно получали какие-то деньги из имперской казны, сидели на полуголодном пайке и не собирались биться с мусульманами даром. Мысли о войне были не слишком восторженно встречены арабскими старейшинами, но зато получили горячую поддержку Омара и Али. Заметим, что поддержка Али была в то время весьма важна. В мусульманской среде уже возникло течение шиизма, приверженцы которого считают, что преемственность Пророка должна переходить по мужской линии. Али еще в детстве был назван Мухаммедом самым главным после себя. Это течение появилось еще при жизни Пророка, а после его смерти все большее количество мусульман признавали только решения Али, и ничьи больше.

В итоге было решено, что, как решит заместитель Пророка, так и будет, последнее слово останется за ним. Но когда вопрос был вынесен на общее обсуждение, то противников похода оказалось неожиданно много. Дискуссия почти превратилась в межличностную склоку, но Абу Бакра внезапно поддержал Халид ибн Саид, сказав, что подчинится любым решениям халифа. Абу Бакр назначил Халида командующим (амиром) и велел дать ему знамя, символ власти. Вернее, это было еще не знамя, а отрез белой ткани, который привязывался на древко копья.

Халид вместе со своими людьми разбил лагерь в Джурфе и стал собирать добровольцев для похода. Только Омар был не согласен с выбором полководца, он считал, что этот человек не подходит на роль командующего, и не уставал твердить Абу Бакру, что Халид слишком высокомерен для работы с людьми. В итоге Халида сместили, а его место заняли трое воинов: Йазид ибн Абу Суфийан, Шурахбила ибн Хасан и Абу Убайда ибн аль-Джарраха. Сложно сказать, почему во главе войска были поставлены именно эти люди. Шурахбила совсем недавно потерпел разгром

от Мусайлимы, Абу Убайда принимал участие в походах Мухаммеда, но лично руководил только тремя набегами, которые прошли мирно, а о полководческих талантах Йазида и вовсе нет никаких данных.

Вскоре численность войска достигла девяти тысяч человек, и Абу Талиб дал приказ отправляться в поход. Первым отправился Йазид, через три дня Шурахбила, а Абу Убайда еще некоторое время дожидался добровольцев из Йемена. После отхода основной армии прибытие добровольцев из разных племен продолжалось, и Абу Талиб, формируя отряды, посылал их вслед основному войску. В итоге общая численность мусульманской армии достигла пятнадцати тысяч воинов, примерно по пять тысяч у каждого амира.

Отряд Йазида встретил византийские войска в Гамрат аль-Арабе и, разгромив их, пошел к Газзе. Там, у селения Дасин, на мусульманскую армию вышел подошедший из Кесареи трехтысячный отряд под командованием патриция Сергия. Византийцы были снова разгромлены, потеряв около трехсот человек убитыми, в том числе и самого Сергия. После этого мусульмане разграбили всю округу и убили, по византийским данным, около четырех тысяч человек.

Газзу Йазиду взять уже не удалось, и он вернулся на арабские территории. Абу Убайда заключил мирный договор с жителями Мааба, но перед Зиза встретил объединенные силы арабов-христиан Заиорданья. Подробности боя и последующих событий досконально не известны, но мусульмане потерпели поражение и через пару месяцев объявились в Южной Сирии.

Абу Бакр, видя бедственное положение своих войск, выслал в Сирию уже зарекомендовавшего себя хорошим воином Халида ибн аль-Валида, с приказом принять командование. Тот находился в Хире и воспринял это назначение с огорчением, подозревая в нем интриги Омара. Но, отобрав 850 лучших воинов, он совершил за пять дней марш-бросок через Сирийскую пустыню. Это был поступок великого полководца: пятидневный участок пути между Куракиром и Сувой не имел источников воды, поэтому в качестве запасов продовольствия были взяты верблюды; на каждом суточном привале пятую часть стада резали, водой из их желудков (как гласит легенда) поили лошадей, а мясо шло в пищу воинам. Однако даже источник в Суве оказался засыпан, и войско чуть не погибло, но общими усилиями колодезь удалось раскопать. Сегодня сложно сказать, где именно в Сирийской пустыне был этот участок, потому разнятся и версии историков, как именно шел Халид. Скорее всего, в итоге, он вышел к Сохне и, подписав мирный договор с ее жителями, прошел через Арак и завоевал Тадмур, а затем через Мардж ар-Рахит направился к Басре, где находились основные войска.

Прибытие Халида и объединение мусульманских войск под одним началом сразу же дало результаты: войска, которые не позволяли осадить Басру, были разгромлены, город сдался и обещал платить мусульманам по динару с взрослого мужчины и зерновой налог, зависящий от количества обработанной земли. Соседние города, испугавшись падения мощной Басры, сразу же подписали на таких же условиях договора о мире с Халидом.

Затем Халид вместе Абу Убайдой, оставив Шурахбилу под Басрой, дошли до Дамаска и осадили его.

Император Византии Ираклий на начало мусульманского похода находился в Эдессе и не придавал агрессии большого значения. Но падение Басры и осада Дамаска заставили его осознать серьезность положения, и под руководством его брата Феодора в Эдессе начинает формироваться большая армия. Отправилась она, впрочем, не к Дамаску, а стала обходить мусульман с юга, пытаясь отрезать их от Аравии. Узнав об этом, Халид уже через двадцать дней снял осаду Дамаска и двинулся на Джабийу, пытаясь объединиться с остальными войсками. Дамасцы начали преследовать войско и даже напали на его обоз, но были разгромлены.

Халид обогнул с юга Мертвое море и 30 июля 634 года, у Аджнадайна, в 10 километрах севернее Бейт Джибрина столкнулся с византийской армией. Против двадцати тысяч мусульман встали сорок тысяч византийцев (по некоторым данным, их численность доходила до пятидесяти тысяч). Последняя цифра, возможно, несколько преувеличена мусульманскими историками, но данные византийских историков на этот счет крайне расплывчаты. Тем не менее, судя по некоторым источникам, византийцы по количеству воинов значительно превосходили мусульман.

Халид распределил армию так: в центре стояла, под командованием Абу Убайды, пехота, по две группы охраняли фланги, кавалерия была выведена в отдельное подразделение. Был и засадный отряд, который, впрочем, не понадобился. После обстрела византийцами мусульмане понесли значительные потери и тут же были атакованы с флангов, сначала с правого, потом с левого, но сумели выстоять. После этого была предпринята контратака, завершившаяся успехом: почти сразу же был убит командующий византийским войском, имперцы обратились в паническое бегство. Халид выслал для их преследования конницу, и, рассеяв и так бегущее войско, мусульмане перебили множество воинов.

Император Ираклий в противоборстве с Сасанидом Хосровом (эмблема на кресте, Лувр)

Византийцы потеряли в бою около 1700 человек, и еще около 1300 было убито при преследовании. В плен попало около 800 византийцев, которых тут же казнили. Мусульмане потеряли 475 человек.

Эта победа не только принесла материальную выгоду, но и серьезно укрепила дух войска: мусульмане убедились, что могут меньшим числом обращать в бегство армию легендарной империи, против которой так боялись выступать многие в Медине.

Сумев хорошо перевооружить свою армию с помощью трофеев, Халид вернулся к Дамаску и снова взял его в осаду. Произошло это примерно в двадцатых числах августа.

Новости в те годы приходили медленно, и Халид не знал, что 22 августа халиф Абу Бакр скончался. Это не было внезапной смертью: 8 августа Абу Бакр совершил омовение, и его просквозило. С каждым днем его состояние становилось все хуже, и он, понимая, к чему идет, успел отдать последние распоряжения.

На свое место он назначил Омара (или Умара, в иной транскрипции) ибн аль-Хаттаба, который был его ближайшим советником и еще со времен болезни Мухаммеда руководил общей молитвой. Один из приближенных Абу Бахра засомневался в правильности выбора преемника, говоря, что Омар весьма грубо обращается с людьми. На что Абу Бакар мудро ответил: «Просто ему кажется, что я слишком мягок, а когда все ляжет на него, то он оставит эти привычки». Власть опять осталась у мухаджиров, но возражать было некому: все видные и влиятельные ансары находились в действующей армии. Абу Бакуру было 63 года, точно так же как и Мухаммеду, и мусульмане усмотрели в этом особый знак Аллаха, говорящий о величии и праведности первого халифа. Похоронили Абу Бахра скромно, без всяких почестей, закопав рядом с Мухаммедом. Его жены и еще другие родственницы попытались устроить оплакивание по старой традиции, но Омар быстро это пресек, выполнив старый наказ Мухаммеда о запрещении языческого оплакивания.

Под волей халифа Омара (634-644): взятие Дамаска

Наутро Омар ибн аль-Хаттаб принял в мечети присягу и сказал «тронную речь». Доподлинно ее текст неизвестен, но из фраз, которые приписывались Омару, стоит процитировать одну: «Воистину, арабы похожи на верблюда с проколотым носом, который следует за своим поводырем, а его поводырь не видит, куда вести, а уж я, клянусь Господом Каабы, выведу их на истинную дорогу». Говорил он это или нет – неизвестно, но сама по себе легенда, приписывающая второму, фактически, патриарху ислама такие слова, весьма характерна.

Омар, как мы помним, был одним из самых искренних и преданных сторонников Мухаммеда и новой веры. Именно он не верил в то, что Пророк мог умереть, и все ждал его воскресения. О его истовой религиозности можно рассказать многое. Мухаммед, в частности, негативно относясь к поэтам (еще бы – сколько против него было написано эпиграмм!), любил слушать духовные стихи. Но как только поблизости показывался Омар, Пророк просил поэта замолчать, кивая головой на своего помощника: «Не поймет!»

Омар, думается, и в самом деле был грозен: на голову выше остальных мусульман, весьма широкий в плечах, с лысой головой, окруженной седым венчиком волос и красивой рыжей, выкрашенной хной бородой. Он был моложе Абу Бакра, и ему лишь недавно минуло пятьдесят.

Несмотря на то, что мусульманская армия выиграла уже множество сражений, опыта взятия хорошо укрепленных городов у нее не было. Обычно, осаждая город, мусульмане блокировали все пути к нему и в итоге брали защитников крепости измором. В Дамаске, видимо, были хорошие запасы продовольствия, и город не сдавался. Бои с переменным успехом продолжались несколько месяцев, пока не стало известно, что в районе Байсана и Фихля появилась большая византийская армия.

Мусульмане выступили ей навстречу по дороге на Иордан. Часть войска около Тивериадского озера отделилась и осадила Тивериаду, заодно прикрывая основные силы с севера. В январе 635 года армии сталкиваются под Байсаном, и после победы мусульман начинается противостояние под Фихлем. Долгое время армии лишь обмениваются небольшими конными атаками, но в генеральном сражении византийцы были побеждены и сумели оторваться от мусульман, лишь уйдя в болотистую местность, где мусульманская конница завязла и с большим трудом смогла оттуда выбраться. Потери византийцев во время этой эпопеи явно преувеличены, но, тем не менее, они были колоссальными.

Фихль подписал с исламистами мирный договор, обязуясь платить дань. Сдались и Тивериада, и небольшие окрестные города. Мусульманская армия вновь возвращается под Дамаск, но в пути сталкивается с новым византийским войском, состоящим из остатков армии, разбитой под Фихлем, подкрепления, присланного из Химса, и гарнизона Дамаска. Еще одна тяжелая битва завершилась победой мусульман, правда, достоверных сведений о ней очень мало как в византийских, так и в мусульманских источниках. Они противоречат друг другу во всем, включая потери сторон. Точно известно одно: в этом сражении погиб Халид ибн Саид,

человек, начавший когда-то собирать в Медине эту армию и воевавший в ней под началом Абу Убайды.

Новая осада Дамаска, начавшаяся в марте, идет по трем направлениям: у западных и восточных ворот города ею руководят Абу Убайда и Халид ибн аль-Валид, у северных – Шурахбила и Амра ибн аль-Аса, а на южных границах отражает врага Йазид ибн Абу Суфийан. Дамасцы за это время успели пополнить запас продовольствия и боевого снаряжения и потому стойко держат осаду. На пытающихся подойти к стенам города мусульман сыплется град стрел и камней. Мусульмане, в поисках продовольствия, громят соседние области, одновременно расширяя сферу своего влияния и подписывая с некоторыми городами мирные договоры.

За время осады византийская армия неоднократно пыталась деблокировать Дамаск, но терпела одно поражение за другим. В итоге, поняв, что новый урожай так и не собран, а припасов с каждым днем остается все меньше и меньше, руководители Дамаска в августе 635 года соглашаются на переговоры.

По результатам переговоров 3 сентября стороны подписывают мирный договор, по которому Дамаск обязан выплатить контрибуцию в размере 100 000 динаров и джизью с каждого взрослого мужчины, по разным данным, в 1, 2 или 4 динара плюс джериб пшеницы.

Победители отнеслись к побежденному городу очень милостиво: Дамаску были предоставлены обширные права. Арабский историк Аль-Балазури, автор «Книги завоевания стран», приводит отрывок из этого договора:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это то, что даровал Халид ибн аль-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него. Даровал неприкосновенность им самим, их имуществу, их церквям; их городская стена не будет разрушена, и ни в одном из домов не будут селиться. Им в этом покровительство (зимма) Аллаха и покровительство его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует и халифов, и верующих. Не окажут им ничего, кроме добра, если они платят джизью».

Не совсем, правда, ясно, как происходила сдача самого города. Несколько арабских источников, противореча в некоторых существенных деталях, указывают на то, что когда с одной стороны были открыты городские ворота для входа победителей, то с другой стороны один из командующих амиров, не зная о сдаче города, ворвался в него штурмом.

Падение Дамаска открыло мусульманам путь в районы к югу от него, а также показало и им, и всему остальному миру, что эта армия способна взять и хорошо укрепленный город.

Поход на Ирак и другие завоевания

Вскоре Амр ибн аль-Ас и Йазид ибн Абу Суфийан вернулись с войсками в Палестину, а Халид ибн аль-Валид и Абу Убайда, оставив в Дамаске пятьсот воинов, через долину Бекаа отправились в северную Сирию, к городу Баальбек. Весьма быстро город был взят, и мусульмане продолжили поход, направляясь к городу Химс. Дважды в пути, один раз у Джусии, второй уже непосредственно под Химсом, их атаковала византийская армия. В первый раз арабы легко отбились от

уже сломленных духом и потрепанных в боях имперцев, второй раз хитростью увели их подальше от города, куда вслед за своей армией устремились и жители Химсы, желающие поучаствовать в дележе добычи. Но вместо дележа византийцы попали в окружение и были почти полностью истреблены. В ходе этой небольшой операции погибло около 1600 византийцев, потери мусульман были почти в семь раз меньше (235 погибших).

Жители Химса, также из-за своей жадности понесшие потери, тем не менее, хотели держать осаду, надеясь, что мусульмане не выдержат непривычной для них холодной погоды, но город был уже сломлен и на восемнадцатый день сдался. Вскоре сдались Эпифания (Хама), Ларисса (Шайзар) и еще несколько городов.

Император Ираклий снова объявил сбор армии, который на этот раз возглавили сакелларий (казначей) Феодор и армянский военачальник Ваган. Отряд Вагана формировался в Эдессе, а Феодора – в Антиохии. По наиболее достоверным оценкам, весьма быстро ее численность достигла 40 – 50 тысяч воинов.

Численность мусульманской армии составляла не более пятнадцати тысяч, и значительная часть ее была рассеяна по просторам Сирии, штурмуя и обкладывая данью маленькие города, пытаясь добывать себе пропитание.

Абу Убайда от Химса решил отступить к Дамаску, приказав возвратить жителям Химса собранную с них дань, поскольку мусульмане не в состоянии были сейчас обеспечить безопасность города. Мусульманская армия собрала уже довольно много дани и имела возможность расстаться с некоторой ее частью.

Византийские полководцы, уже столкнувшиеся с мусульманами, решили судьбу не искушать, а двигаться медленно, как можно реже вступая в активные боевые действия, а в основном «пугая» противника многочисленностью войска. Эта тактика вполне себя оправдала, и к маю войска Убайды подошли к Дамаску, став лагерем на Бараде. Абу Убайда опасался держать осаду в городе с недружественным населением и решил отступить еще дальше, к Джабии. Халид был против этого решения: «Когда ты будешь в Джабии, у тебя станет больше [людей], чем их есть у тебя здесь, в этом месте?!» Но решение об отступлении уже было принято. Сдача Дамаска византийскую армию вполне устроила, и они не помчались вдогонку за войсками мусульман, решив использовать ту же тактику медленного продвижения и постепенно вытеснить их с покоренных территорий. С одной стороны, это позволяло сберечь жизни и боевой дух солдат Византии, но с другой – это решение дало мусульманам значительный временной зазор, чтобы подготовить свои войска к контрудару.

После того как Халид с лучшими воинами ушел в Сирию, аль-Мусанна провел еще несколько операций, но, поняв, что преимущество не на его стороне, отправился в Медину за подмогой. Дело было в том, что хотя Халид и увел всего 850 человек, армия состояла в основном из кочевников-добровольцев, мечтающих о наживе. И если побед с богатыми трофеями долго не было, эти люди начинали возвращаться к своим племенам.

Халид достиг Медины за день до смерти Абу Бакра, так что решать такую насущную проблему, как сбор нового ополчения, пришлось уже Омару. Он объявил сбор добровольцев, но, видимо, кто хотел воевать, уже воевал, и первый воин явился только на четвертый день. Его же во время формирования войска Омар, несмотря на противостояние элиты, и назначил полководцем, сказав, что командовать должен тот, кто решился первым, а не тот, кто раздумывал, сидя дома. Это был доселе неизвестный Абу Убайд ибн Масууд из племени сакиф.

Аль-Мусанна, не став ждать формирования отряда, возвратился в Хиру, проскакав тысячу километров за десять дней. Положение здесь было весьма печальное.

После периода дворцовых переворотов и в Персии, наконец, стабилизировалось положение и фактическая власть перешла к Рустаму из Хорсана (покровителю десятилетнего царя Иездигерда), который стал главнокомандующим. Через некоторое время, подтвердив свою власть над большей частью Ирана, Рустам, поддерживаемый крупными землевладельцами, решил все-таки заняться аравийским пограничьем и разослал людей, которые сообщили в захваченных арабами районах день общего выступления против оккупантов.

Из Аль-Медайна выступили две воинские колонны, которыми руководили Джабан (его войско двинулось на Аль-Хиру) и Наср (его воины заняли Каскар), подбирая на своем пути примыкавшие к ним отряды добровольцев. Джабан не стал дожидаться объявления организованного выступления и начал действия сам.

Аль-Мусанна, трезво оценивая свои силы, уже через пару недель после возвращения оставил Хиру и, отступив к Хаффану, разбил лагерь. Расчеты оказались верны: Джабан побоялся преследовать мусульман по их землям и встал лагерем около крепости ан-Намарик.

Вскоре с войском подошел Абу Убайда, и через несколько дней был нанесен удар по лагерю Джабана. Его войско было разгромлено, а сам он оказался в плену. Но весьма быстро выкупился, и при этом весьма за скромную сумму: пленивший его мусульманин и не подозревал, что за птица попала в его силки. Оставшиеся в живых после устроенной мусульманами бойни поспешили присоединиться к Насру, вокруг которого уже собирались повстанцы из округов Барусма, Заваби и Джубар. Они ожидали армии Джалинуса, но Абу Убайда опередил врага и, переправившись через Евфрат, нанес мощный внезапный удар. Потерпев поражение, Наср бежал, оставив лагерь со всем имуществом и большими запасами зерна, которое тут же было роздано местным крестьянам. Кроме зерна и военных трофеев войску досталось и изысканное лакомство – редкий сорт фиников, поставлявшийся к царскому двору. Часть из них роздали солдатам, а часть плодов с пятой долей добычи Абу Убайда отправил Омару, сопроводив этот дар письмом: «Вот фрукты, которыми Господь кормит нас, ими питались только персидские цари; ты можешь посмотреть на них своими собственными глазами, попробовать их своими собственными устами и возблагодарить Господа за Его великодушие, даровавшего нам королевскую пищу».

Когда Рустаму сообщили о поражении, он собрал еще две большие армии – под руководством Джалинуса и другого прославленного воина, Бахмана.

Армию Джалинуса Абу Убайд встретил у Бакусиаса в округе Барусма (между Хирой и Вавилоном) и обратил в бегство. Навстречу мусульманам отправилась двенадцатитысячная армия во главе с Бахманом Джазавайхом (Джадуйе), которому Рустам, фактический правитель страны при несовершеннолетнем царе Иездигерде III, даже вручил национальную реликвию Ирана – «знамя Кавиев», сделанное из шкур пантер. Войско Бахмана было усилено мощью боевых слонов.

Персы подошли к наплавному мосту через Евфрат под Хирой и, осознавая свое преимущество, благородно, согласно тогдашнему кодексу воинской чести, предложили Абу Убайду выбрать место для сражения. Он, уверенный в своей победе, стал переправляться. Ему даже дали время для построения армии в боевой порядок, после чего 26 ноября началась битва. Ошибкой Абу Убайды стала переправа – из-за нее он не мог маневрировать и, будучи прижат к реке, после долгой битвы стал терять в инициативе. Много потерь у мусульман было от персидских слонов (их дико боялись арабские скакуны, которые, вставая на дыбы, сбрасывали всадников), и полководец лично, уже в отчаянии, прорвался к самому крупному, белому, слону и отрубил ему хобот. Слон упал, но при падении всей своей массой придавил Абу Убайду. Увидев гибель полководца, арабы запаниковали и, не слушая окриков полководцев, бросились к мосту. Один из

воинов, желая перекрыть собратьям путь к отступлению и воодушевить их на смертельную битву, перерубил канат, и корабли, из которых был сделан мост, разошлись. Но такой поступок, вместо того чтобы подбодрить войско и заставить его биться до победного конца, вызвал среди воинов панику, и даже арабские историки расходятся в том, когда погибло больше арабов – на переправе, пытаясь перебраться вплавь, или в бою, пав под мечами персов.

Войско спасло от окончательного разгрома то, что аль-Мусанн с небольшой горсткой храбрецов сумел сдержать наступление, пока мост не был восстановлен. Погибло и потонуло, по разным оценкам, от 1800 до 4000 человек. Количество раненых не поддавалось счету, и около двух тысяч воинов, не желая больше в этом участвовать, отправились в Медину. Аль-Мусанн, принявший на себя командование, с оставшимся войском ушел в родные места, но персы его и не преследовали: сначала они хотели отдохнуть после битвы, в которой тоже понесли значительные потери, а потом вынуждены были вернуться в Иран (до них дошли вести о восстании в Аль-Медайне).

Омар, чувствуя общее настроение, не стал принимать никаких карательных мер, а наоборот, начал утешать дезертиров: «Поистине я защитник каждого верующего, лицом к лицу встретившегося с врагом, даже если его постигла неудача». Новое войско для войны в Иране собрать пока не удавалось, хотя для Сирии, где победы шли одна за другой, добровольцы всегда находились.

Примерно в это же время Омар издал указ об изгнании иудеев и христиан из Аравии. Он считал их «пятой колонной» и хотел на своей территории иметь мусульманскую умму, без всяких иноверцев. На оккупированных же территориях отношение к веротерпимости не изменилось, и иудеи с христианами спокойно могли признаваться в своей вере, а в некоторых городах храмы даже использовались по очереди для проведения христианских и мусульманских богослужений. Собственно, насильственное обращение в ислам не было выгодно Медине: мусульмане не платили налогов.

Через некоторое время Омар сумел договориться с Джариром ибн Абдаллахом, вождем племени баджила, которые хотя и приняли ислам незадолго до смерти Пророка, но не отреклись от него и даже помогали мединцам во время ридды, и тот отправился в Ирак с войсками аль-Мусанна. Новое появление арабов весьма удивило персов, которые уже были уверены, что проблема с кочевниками решена. Двенадцатитысячная армия под командованием Михрана, подкрепленная тремя боевыми слонами, снова встретилась с мусульманами на берегу Евфрата. Но, наученные горьким опытом, переправляться мусульмане не стали и приняли персов на своем берегу.

Дав персам переправиться и выстроиться в боевой порядок, мусульмане нанесли первый удар, но вскоре персы обратили в бегство центральную часть мусульманского войска. Аль-Мусанн, стоя среди бегущих, размахивал мечом и кричал: «Остановитесь! Я – аль-Мусанн!» Как ни удивительно, воины остановились, пошли в контратаку и вскоре сумели распустить вражеский мост, отрезав персам путь к отступлению. Впоследствии аль-Мусанн сожалел о том, что отдал такой приказ, потому что персы, не сумев переправиться, повернули на противника, и началась жестокая битва, в которой погибло множество солдат, кости которых долгие годы белели на этих полях.

Впрочем, последним ударом стала гибель Михрана, и персы побежали. Но оставшиеся в живых полководцы сумели организовать армию и превратить бегство и упорядоченное отступление. На следующий день мусульмане, отдохнув, начали

преследование, и в пятидесяти километрах от Евфрата персы были окончательно разгромлены.

Между тем в Сирии Халид Ибн Валид осаждают Алеппо и Антиохию. На юге Абу Убайда основывает арабские города на территориях, которые сегодня известны как Иордания, Ливан и Палестина. Персы все больше начинают волноваться по поводу действий арабов. Собственно, есть почему – Вавилонское царство уже большей своей частью находится под арабским контролем.

Принимается попытка выбить арабов с территории, но войска под управлением Сада ибн Аби Ваккаса наносят персам поражения сначала в трехдневной битве при Аль-Кадисийе, а потом и при Улалуле. Сад, вдохновленный победами, идет на персидскую столицу Ктесифон, и десятилетний король Йездигерд III оставляет ее. Фактически это стало знаком полной власти мусульман над Ираном.

Омар отдает приказ заложить на берегах Евфрата исламские военные города. Сейчас мы знаем эти поселения как города Куфа и Басра.

В этом же году происходит битва при Ярмуке, притоке Иордана, где византийцы снова терпят поражение. Влияние империи в Палестине к этому времени ограничивается морскими портами, например, Кессарией, но и здесь не все гладко: мусульмане блокируют сухопутные пути, и порты во многом теряют свое значение.

Омар вводит исламский календарь, в котором начало летосчисления, как уже сказано выше, относится к 622 году, и 637 год становится пятнадцатым годом хиджры.

В следующем, 638 году (по христианскому летоисчислению) мусульманская армия под командованием Абу Убайды захватывает Иерусалим. Именно отсюда, согласно мусульманской вере, Мухаммед в 620 году совершил «ночное путешествие» к Аллаху. Халиф Омар выезжает в Иерусалим и торжественно молится на Храмовой горе, или, по-арабски, Аль-Харам аль-Шариф. Некогда это было культовое место иудеев, но в 670 году иудейский храм, стоявший здесь, был разрушен.

Эта поездка Омара в Иерусалим осталась во множестве мусульманских легенд, основная суть которых в небывалом аскетизме халифа, совершавшего хадж в истлевшей от пота единственной рубашке. С одной стороны, в это не очень верится, но по некоторым данным можно предположить, что Омар, ощущая себя в роскошном по тем временам Иерусалиме провинциалом, занял оборонительную позицию и попытался шокировать «столичных» жителей своим аскетизмом. Корил он и многих мусульман, которые слишком быстро восприняли привычки «барственного Иерусалима».

Увидев на встречавших его соратниках шелковые и парчовые одежды, золотые украшения и украшенную драгоценными металлами сбрую коней, Омар спустился с верблюда, и, подняв с дороги камень, бросил его в соратников:

– Быстро же вы забыли свои взгляды! Встречать меня в такой одежде! Ишь, отъелись за два года. Быстро же вас совратило чревоугодие...

Испуганные соратники смогли оправдаться только тем, что находятся, помимо прочего, в полном боевом снаряжении и, значит, не забыли своего долга. Йазид ибн Абу Суфийан же сказал Омару:

– ...Жизнь у нас легкая, а цены у нас низкие, оставь мусульман жить, как хотят. Да и тебе хорошо бы надеть эти белые одежды и поехать на таком же скакуне – это возвеличило бы тебя в глазах чужаков...

Местные военачальники стали наперебой приглашать Омара к себе в гости, стараясь принять его как можно роскошнее, что не добавляло халифу радости. Но, обнаружив в доме Абу Убайды лишь войлочную подстилку, Омар был очень обрадован такой верой. Впрочем, радость его была преждевременной. Билал, бывший раб, человек смелый, подошел к халифу и сказал без обиняков:

– Предводители войск едят только птичье мясо и белейший хлеб, а у простых воинов нет ничего...

Это стало последней каплей, и Омар начал наводить порядок в войсках. Были введены диваны, то есть списки воинов, которым положены жалование и пайки, гарантирующие прожиточный минимум, в которые входили хлеб и оливковое масло.

В заключенном Омаром договоре с жителями Илии (Иерусалима) обещалась неприкосновенность для них самих, и то, что «в их церквах не будут селиться и не будут они разрушены, не будут умалены они, ни их ограды, ни их кресты, ни их достояние, и не будут притеснять их за их веру и не нанесут вреда никому из них...» Был и один интересный пункт: «и не будет жить с ними в Илии ни один еврей». Евреи были выселены из города еще Ираклием за пособничество персам, и, видимо, горожане не слишком желали их возвращения, так что о преследовании здесь разговора нет.

После заключения договора Иерусалимский патриарх Софроний вместе с комендантом города показали Омару местные святыни. После лицезрения христианских храмов Омара привели на развалины ветхозаветного храма, и он лично стал расчищать от мусора и обломков небольшой участок, говоря, что здесь необходимо построить мечеть. Совершив здесь молитву, Омар убыл в Медину.

«Пепельный год»

Иездигерд III, продолжая отступление, попросил помощи у китайского императора, но тот оставил его просьбу без внимания.

Еще через год, в 639-м, мусульмане на севере вошли в Армению, а на юге завоевали Александрию. Встал вопрос о том, что делать с Александрийской библиотекой, и Омар произносит легендарную фразу, что ее необходимо уничтожить, так как книги, согласные с Кораном, излишни, а противоречащие ему – не имеют права на существование.

Копты, и раньше сотрудничавшие с мусульманами, активно помогают им в завоевании Египта. Дело в том, что хотя копты и христиане, но монофизитского толка, и они были недовольны политикой Византийской империи, которая пыталась им навязать «греческую» веру.

Но следующий год, 640-й, получает в исламских летописях название «Пепельный год». Территории Ирака и Сирии, а особенно Палестины охватила эпидемия чумы. Мусульманские войска с севера Сирии на зиму, когда военные действия затихали, перемещались в Южную Сирию и Палестину. Поэтому удар был весьма сильным. В этом году армия зимовала в районе Амваса, местечке между Луддом и Иерусалимом, и чума, поразившая исламистов, получила название «амвасской».

Жертвы были таковы, что бесхозное имущество, оставшееся после умерших от болезни мусульман, лежало горами, и Омар даже выехал в Иерусалим, чтобы на месте попытаться уменьшить хотя бы материальные потери. Но уже по дороге его встретили амиры и уговорили вернуться, чтобы не подцепить заразу.

Абу Убайда, поняв, что эпидемия разгулялась не на шутку, попытался вывести армию из Амваса, но в итоге заболел сам и в дороге умер, оставив заместителем Муаза ибн Джабалу. Муаз также вскоре заболел и скончался, такая же участь

постигла и его преемника Йазида ибн Абу Суфиана. Лишь его брат Муавийя сумел избежать болезни. За несколько месяцев от чумы умерло около 25 000 мусульман.

Годом же пепла 640-й был назван из-за мощной засухи. Дождей в Аравии не было так долго, что трава в пустыне под палящими лучами солнца превратилась в пепел. Кочевники были вынуждены резать умирающий без пищи скот, и лишенные традиционного молочного питания устремились за спасением в Медину. Согласно некоторым источникам, туда прибыло около 60 000 человек. Город выдерживал это нашествие с трудом. Омар отдал приказ, чтобы каждый горожанин кормил определенное число беженцев, но еды все равно не хватало, а наместники Сирии, Палестины и Ирака не могли присылать продовольствие в нужном количестве в силу эпидемии.

Омар, едва дождавшись зимних дождей, чуть ли не насильно выпроводил кочевников из города. Бедствие было такое, что в «пепельном году» закят (дань хлебом) не собирался, а в следующем он уже вообще мало что мог дать.

Становление империи

В 641 году Византия предприняла ряд попыток отвоевать Сирию, но потерпела поражение. Мусульмане же овладели Кессарией и Триполи. Мусульмане хотели продвинуться дальше, пересечь горы Тавр и войти в Анатолию (ныне это территория Турции), но им это пока не удалось. Зато византийский правитель Египта единоличным решением отдал всю власть над провинцией халифату.

В 642 году остатки персидской армии Сасанидов окончательно разгромлены в битве при Нехаванде.

Омар, которого некоторые историки арабского мира считают едва ли не истинным основателем ислама, проводил тем временем в халифате значительные реформы. Но их требовала и сама жизнь: из мононационального объединения единоверцев мусульманский халифат превратился в империю, где население собственно Аравии составляло не более четверти. При этом провинции зачастую были гораздо более развиты, нежели сама метрополия. Происходило постоянно и переселение мусульман на захваченные земли. Несмотря на то, что мухаджире и сансире поддерживали связь с родиной, йеменских арабов, например, не особо заботило, что происходит в Медине. Возникла опасность раздробления, военачальники хотели все больше и больше независимости. Именно поэтому два года назад был отправлен на покой выдающийся Халид ибн аль-Валид. Арабские историки пишут об Омаре как о некоем, чтобы читателю было ясно, подобии дедушки Ленина, который не спит, а лишь принимает ходяков и решает проблемы государства. И в самом деле, Омар первым в мире провел национализацию земли, воду сделал общим достоянием, снизил налоги по сравнению с тем, что были в провинциях при византийцах, и сумел добиться равного распределения государственных прибылей среди арабов. Другое дело, что он вряд ли мог, что бы там ни утверждали историки ислама, напрямую руководить боевыми действиями и обеспечивать победы: войска находились весьма далеко, и амиры были вынуждены принимать решения самостоятельно.

Впрочем, благодаря «ходякам» Омар был в курсе всего происходящего на окраинах, и часто его решения были весьма уместны и точны с политической точки

зрения. Не боялся он иногда и нарушать заветы Мухаммеда: он выселил, например, в 641 году евреев из Хайбара, Фадака, Тайма и Вади-л-Кура, раздав земли оазисов мусульманам.

Еще одно нарушение Омаром воли Пророка – конфискация земельных участков, подаренных Мухаммедом, если хозяин участка переставал обрабатывать землю. При Омаре это стало большой проблемой: значительная часть войск перешла в гарнизонную службу на захваченных территориях и лишилась традиционной части добычи. Наместники, естественно, обеспечивали это воинство из получаемых налогов, но часто случались злоупотребления и возникали проблемы.

Омар оптимизировал и систему налогового обложения. Дело в том, что на территории халифата ходило несколько валют, и каждая из них в определенном месте ценилась весьма по-разному. Ни в Коране, ни в практике Мухаммеда четких установлений по налогообложению иноверцев не существовало. При завоевании обычно полководец подписывал договор, в котором решалось, сколько будет платить данный город. Соседние города обычно платили одинаковые налоги, и также во многом налог зависел от того, сколько брала прежняя власть, византийская или персидская.

С 640 года налоги стали поступать в казну халифата более равномерно, и возник вопрос, как их тратить. Ранее учрежденные диваны, во-первых, предусматривали для воинов весьма маленькие суммы и, во-вторых, использовались далеко не везде. Омар занялся составлением новых списков, в которых величина жалованья зависела не столько от места службы и поста в иерархии, сколько от близости к Пророку, времени принятия ислама и участия в сражениях. Была введена пенсия для вдов Пророка, значительно превосходящая содержание полководцев. Кроме денежного содержания воины ежемесячно получали продуктовый паек, и благодаря этому воины и переселенцы в завоеванных областях были защищены от голода.

Начал Омар и активное градостроительство. Медина, став столицей империи, уже не могла обойтись старыми постройками, население увеличивалось, и город должен был отвечать своему новому статусу. Была расширена мечеть и построены продуктовые склады, не только в Медине, но и в порту Джадд.

Паводок 638 года разрушил множество зданий и привел почти в негодность святыню Каабу. Омар велел расчистить территорию вокруг нее от наносов грязи и снести плотно прилегающие к ней строения, в которых, в основном, жила мусульманская знать. За снесенные строения он выплачивал компенсацию, которой, впрочем, почти никто не воспользовался, и Омар положил деньги в казну, «пока собственники не одумаются».

Были сооружены две дамбы, закрывающие мечеть от ливневых потоков, стекающих с окрестных гор.

Также началось благоустройство дорог, связывающих Медину и Мекку, появились стоянки для караванов с водой и навесами.

В основанных по его приказу городах, той же Куфе, было регламентировано градостроительство и узаконена ширина дорог и улиц. Она, впрочем, совпадала с византийскими нормативами, но, скорее всего, потому, что распоряжались этим специалисты из ромеев.

Но каковы бы ни были дальнейшие планы Омара – он не сумел воплотить их в жизнь.

Убийство Омара

Мастер на все руки из Ирана – столяр, резчик и кузнец, – перс Абу Лулуа Файруз в битве при Нихавенде был взят в плен арабами и достался Мугире ибн Шубе. Тот позволил ему брать заказы на работу, обязав платить в день по два дирхема. Файруз жил с женой и дочерью, и, уплачивая подобный налог, он не смог бы прокормить и себя.

Как-то, увидев Омара, совершающего традиционный обход базара, он подошел к нему и попросил:

– О, амир верующих, спаси меня от Мугиры – слишком большой оброк на мне.

– Каков же твой оброк? – спросил Омар.

– Два дирхема в день.

– А что ты делаешь?

– Я столяр, резчик и кузнец...

– При хорошем владении этими ремеслами подать с тебя не слишком велика... – ответил Омар.

Файруз ничего не возразил халифу, да и что тут было сказать. Через некоторое время Омар, сидевший на улице, спросил у проходящего мимо Файруза:

– Я слышал, ты можешь сделать мельницу, которая мелет ветром?

– Могу, – ответил Файруз.

– Ну так сделай мне такую мельницу.

– Если мне доведется еще пожить, сделаю такую мельницу, о которой заговорят на востоке и на западе... – угрюмо сказал Файруз и продолжил свой путь.

Но произнесено это было так, что Омар сказал сидящим с ним:

– Никак этот раб угрожал мне?

Файруз же ходил по улицам Медины, плакал и говорил, что Омар погубил его жизнь. 3 ноября, вооружившись обоюдоострым кинжалом, Файруз раньше всех пришел в мечеть и, закутав лицо, чтобы его не узнали, встал около места Омара. Когда тот начал молитву и, провозгласив «Аллах велик!», простерся ниц, Файруз шесть раз ударил его кинжалом.

– Эта собака убила меня, – крикнул из последних сил Омар. В мечети была полутьма, и пока мусульмане разобрались, что происходит, и стали ловить убийцу, он успел ранить еще двенадцать человек. Наконец на него кто-то накинул плащ, и Файруз, поняв, что оказался в ловушке, заколол себя.

Омар велел, чтобы Абдаррахман ибн Ауф продолжил молитву, а его отнесли домой. Вызванный врач сказал, что Омар уже не жилец, и повелитель Аравии, Сирии, Месопотамии, Египта, Вавилонии и половины Персии стал отдавать последние распоряжения.

Кто-то посоветовал на роль следующего халифа сына Омара Абдаллаха, но тот ответил, что «хватит в нашем роду одного человека на этом посту», и попросил шуру, старейших спутников Мухаммеда, выбрать из своего круга нового халифа. Это было пять человек: Абдаррахман ибн Ауф, богатейший мединец, родственник Османа через одну из жен; бывший приемный сын Мухаммеда – Али; муж двух дочерей Мухаммеда Усмана, аз-Зубайр, племянник Хадиджи (по отцу) и двоюродный брат Мухаммеда по матери, также весьма богатый человек; богач Талха, отсутствовавший в это время в Медине, и Сад Абу Ваккас, победитель при Кадисии и завоеватель Ирака, внук Абу Суфиана и, следовательно, троюродный племянник Османа. Также в совет включили, без права быть избранным, сына Омара Абдаллаха. Через трое суток, 7 ноября 644 года, Омар умер и был похоронен в бывшей комнате Айши, которой она продолжала распоряжаться, рядом с усыпальницами Мухаммеда и Абу Бакра.

Три дня длились переговоры шурь, и был избран Осман (в иной транскрипции Усман). Али был недоволен этим выбором, что в позднейшие времена неоднократно подчеркивал.

В первый же день после избрания Осман сел не на нижнюю ступеньку минбара, как его предшественники, а на самый верх, где сидел Пророк. Населением это было воспринято так, словно он ставит себя с Мухаммедом на один уровень, и это вызвало недовольство среди народа.

Третий халиф – Осман (644-656)

Осман ибн Аффан постоянно, как и предыдущие халифы, консультировался с шурь, стараясь поддерживать хорошие отношения с Али, но, по общему мнению, уже не был столь мощным администратором, как два предыдущих халифа.

Взрывоопасная проблема по выделению наделов на завоеванных землях не удостоилась его пристального внимания, и в итоге случился раскол внутри уммы. Второй его ошибкой стало то, что мухаджир Осман назначал все руководство также из мухаджиров, обходя ансаров, и высокий пост получил даже Муавийя, сын легендарного врага Пророка Абу Суфиана, что тоже вызвало массовое недовольство. Еще одна проблема в том, что Осман стал первым халифом, которого начали обвинять в наслаждении властью и отделении себя от простого населения.

Осман был не только одним из первых, кто принял ислам, он был родственником Пророка – мужем дочери Мухаммеда Рукайи, по некоторым данным, еще до начала пророческой миссии Мухаммеда. В период гонений он эмигрировал в Эфиопию, затем пытался вернуться в Мекку и вместе с другими совершил хиджру в Медину. Позже принимал участие во всех сражениях, кроме битвы при Бадре (из-за смерти жены). Позже женился на другой дочери Пророка Мухаммеда – Умм Кульсум и получил прозвище Зун-Нурайн («обладатель двух светил»).

Именно он ходил как переговорщик в Мекку во время малого паломничества, и слух о его смерти привел к обострению ситуации.

Хотя многие и обвиняли Османа в мягкости, твердость в его правление была не то чтобы не нужна, но просто Омар оставил Осману хорошо смазанную государственную машину, управлять которой было не слишком сложно. К тому же курайшиты поддерживали Османа, как писал один из арабских историков, «он был милее курайшам, ибо Умар был суров, а Усман мягок и добр по отношению к ним». Разгадка такой любви весьма простая: Омар брал на себя роль вождя и духовного лидера, запрещая, например, курайшам ходить в походы и предоставляя эту привилегию лишь мухаджирам. Осман же позволял делать людям то, что они хотели. В определенных рамках, безусловно.

А у такой свободы были и другие последствия: «Не прошло и года правления Османа, как курайшиты обзавелись собственностью в гарнизонных городах и привязались к ней».

Скорее всего, Осман подспудно руководствовался принципом «живи сам и дай жить другим». Первым из халифов он выстроил для себя большой каменный дом. Осман скупал недвижимость и за пределами Аравии.

Его примеру последовала и прочая знать: в Медине стали появляться роскошные дома – настоящие дворцы. Начали их строить выборщики, члены шуры, назначенной Омаром, а потом присоединились к ним и остальные, из тех, кто мог себе это позволить. Медина начала приобретать вид роскошного города, выглядевшего почти как крупнейшие города в колониях.

Как мы уже упоминали, до начала правления халифов поведенные Мухаммеду откровения существовали во множестве списков. Известно, что за ним записывали два секретаря, многие из ближайшего окружения: Али, Абдаллах ибн Масуд и еще несколько человек. Все эти списки хранились весьма разрозненно, частью у жен, частью еще у кого-то. Впрочем, мусульмане передавали священные строки изустно, иногда записывая их для памяти на любом подручном материале: коже, черепках и еще бог знает на чем.

Свести все проповеди в единое целое попытался еще Абу Бакр, и у него лично хранилось первое издание Корана. Но в разросшейся с тех пор империи каждый из крупных городов имел, так скажем, свой вариант Корана, который зачастую в одних и тех же местах не слишком совпадал с остальными вариантами Священной Книги. Спорные случаи решались просто: достаточно было слова уважаемого мусульманина, что он слышал, как Пророк сказал именно так, а не иначе.

Впрочем, чем дальше от метрополии, тем меньше было авторитетов, и, например, в Куфе действовали две мечети, прихожане которых друг с другом не общались, в которых молились по разным Коранам.

Осман, собрав все имеющиеся записи и ориентируясь на списки Зайда и Хафсы, составил сводный «правильный» текст. Его копии были разосланы в крупные центры с приказанием принять их за истинный Коран и уничтожить все имевшиеся ранее экземпляры.

Нововведение приняли далеко не все мусульмане. Ибн Масуд, например, возмущался, говоря: «Да я читал [слышанные] из уст посланника, да благословит его Аллах и да приветствует, семьдесят сур, когда Зайд ибн Сабит с двумя косичками еще играл с мальчишками». Не все позднейшие исследователи посчитали вариант Османа удачным: суры были расположены не в хронологическом порядке, а от больших к меньшим. Но, тем не менее, постепенно, со временем, индивидуальные списки стали утрачивать свою «каноничность».

На пороге гражданской войны

Первые шесть лет правления Османа прошли под знаком накопления роскоши, а потом в умме стали назревать внутренние конфликты. Древние историки мотивируют это неисполнением обещаний, данных Османом при избрании. Но, скорее всего, источником этого внутреннего конфликта были экономические причины: империя, построенная на военных принципах, не могла функционировать на тех же принципах в мирное время. Собственно, обязанности в ней распределялись просто: поработанные народы были обязаны платить, а мусульмане были обязаны собирать.

Именитые мусульмане получали огромное жалование и, скупая в провинциях у местных земледельцев землю, богатели день ото дня. Между тем рядовые воины, как мы помним еще по визиту Омара в Иерусалим, вели полуголодное

существование. Это, несомненно, вносило раскол в когда-то единую умму. К тому же часть армии, с каждым днем все более значительную, составляли мусульмане-инородцы, которым доставалось еще меньше, и их настроения также были далеки от мирных. Но, однако, будучи пришельцами, они не были объединены между собой и в случае возникновения трений были готовы поддержать любую сторону, которая предложит им более выгодные условия.

Множество раскаленных, как металл в горне, вопросов ждали своего решения: когда их искусно охладят или дадут им взорваться...

Но Осман, однако, играл в свои игры и, казалось, вовсе не замечал назревших проблем. Он приблизил к себе двоюродного брата, Марвана ибн аль-Хакама, одного из ярких гонителей Мухаммеда, который вместе со всей семьей был сослан, после завоевания Мекки Мухаммедом, в Таиф. Осман пытался вернуть его и раньше, прося об этом Абу Бакра и Омара, но те отвечали, что не они его сослали, не им его и возвращать. Став халифом, Осман весьма скоро вернул Марвана и его отца в Медину. В мусульманской среде, особенно у мухаджиров, это вызвало большое недовольство, но Осман отвечал, что еще Мухаммед хотел их вернуть, но не успел. С каждым днем Осман все удалялся и от мухаджиров, которые ожидали, что будут принимать непосредственное участие в управлении империей. Места ближайших советчиков вместо них занимали родные Османа, множество из которых были запятнаны гонениями на Мухаммеда.

Впрочем, Осман, понимая это, время от времени делал своим выборщикам весьма щедрые подарки. Весь вопрос в том, что недовольство стало перевешивать дары. Брожение, видимо, шло долго, но первые упоминания в летописях об открытых разговорах, осуждающих халифа, мы встречаем только на шестой год его правления.

Не добавляло халифу уважения и поведение его родственников. Особое возмущение вызывал в Медине роскошествующий Марван ибн аль-Хакам, которого множество людей называли, само мягкое, «наглецом». Брат Марвана, аль-Харис, стал надзирать за рынком и ввел плату за место, хотя еще при Мухаммеде все это было отменено. Также аль-Харис скупал у приезжих торговцев товары по «фиксированной» стоимости, а продавал уже по рыночной. Жители Медины, терпящие убытки, стали просить Халифа снять аль-Хариса с этой должности, но тот просто не обращал на это внимания.

Говорят, что выборщики пытались образумить Османа, убеждая его, что Абу Бакр и Омар не приближали к себе родственников и не награждали их роскошными дарами.

– Абу Бакр и Омар проявляли благочестие, – ответил Осман, – отстраняя своих родственников, а я проявляю благочестие, награждая их.

– Их поведение нам милее, чем твое, – ответили якобы выборщики, на что Осман произнес:

– Ничего не поделаешь.

В последней фразе так и чувствуется ухмылка. Нет, правда, свидетельств, что рассказанная история подлинна, но, тем не менее, она весьма хорошо отражает отношение народа к новому халифу.

Вскоре у Османа возник конфликт с Абу Зарром, одним из первых мусульман, который яростно проповедовал аскетизм и грозил богатым муками ада. Его слова вызывали в бедняках возбуждение, и Осман выслал его в Ар-Рабазу, дав для пропитания несколько верблюдов и стадо овец. Абу Зарр, собственно, не пытался как-то открыто этому противиться, но поступок халифа вызвал в обществе осуждение: гонители Мухаммеда приближены, первые мусульмане высылаются и высылаются, причем за проповедь ислама.

Затем последовал конфликт между Османом и Абдаллахом ибн Масудом, одним из главных хранителей Корана и многолетним казначеем Куфы. Сложно сказать, в чем была первопричина, но, по всей видимости, сыграло роль уничтожение «неправильных» списков Корана. Абдаллах сказал Осману все, что о нем думает, а тот запретил ему выезжать из Медины и лишил жалованья. Вскоре Абдаллах умер, а Осман получил еще одну галочку в черном списке «гонителя мусульман».

Затем последовал конфликт с Али ибн Абу Талибом, весьма почитаемым в городе, и еще несколькими старыми и почтенными мусульманами.

Но недовольство росло не только в Медине. Провинции так же бурлили, и особенно этим прославилась Куфа. Оттуда даже, по просьбе тамошнего наместника, было выслано в различные части империи несколько групп «смутьянов». Нельзя сказать, что это ослабило напряжение: эти люди были не столько бунтовщиками, сколько просто выразителями общих настроений.

Во время хаджа 655 года многие недовольные из Куфы, Басры и Египта, встретившись в Мекке, решили в следующем году совместить хадж с визитом в Медину, где потребовать от Османа исполнить обещания, данные им после выборов. А если их слова будут оставлены без внимания, уже на месте решить, что делать дальше.

Об этом собрании стало известно Осману, и многие особо активные несогласные отправились в различные длительные назначения, подальше и от Медины, и от Куфы, которая практически стала их столицей. После чего Осман созвал наместников главных провинций на совет. Некоторые предлагали ему делать больше походов, чтобы население «было занято», другие советовали или самому уехать в войска, или ввести войска в Медину. Но Осман отказался от всех вариантов, попросив наместников навести порядок в своих провинциях.

Пока наместник Куфы Саид ибн аль-Ас был в Медине, Йазид ибн Кайс, один из несогласных, призвал в местной мечети к свержению Османа. Но, как уже сказано, основные лидеры оппозиции были рассеяны, и зажечь народ было некому, идея не встретила поддержки. Но Йазид выслал гонца в Джезиру, где находились многие из сосланных. Первым откликнулся аль-Аштар, а за ним вернулись в родной город и остальные. В первую же пятницу аль-Аштар заявил в мечети, что наместник хочет убавить выплаты женам на 100 дирхемов, а ветеранам завоеваний – на 500 дирхемов. Помощник наместника, ведший молитву, попытался это отрицать, но его мало кто послушал.

Йазид и аль-Аштар разослали во все стороны отряды по пятьсот человек, надеясь перехватить наместника Саида. Тот, узнав об этом, решил вернуться в Медину. Осман был вынужден принять условия бунтовщиков: Абу Муса аль-Ашари и Хузайфу ибн аль-Йамана были назначены управлять Куфой.

Но, увы, это не означало успокоения: причиной волнений были все-таки не Осман или наместники, хотя бунтовщики вряд ли это осознавали, а общественный перелом: социально единая ранее умма расслаивалась на бедных и богатых.

Осман, понимая, что это только начало, обратился за поддержкой к мухаджирам. Но совещание, собственно, не принесло никаких сдвигов.

В январе 656 года 500 египтян отправились в Медину, прикрываясь тем, что совершают малый хадж. Однако об их истинных намерениях – высказать Осману свои претензии, стало известно наместнику Египта, и он выслал к халифу гонца. Несмотря на то что гонец достиг Медины всего за 11 дней и Осман располагал временем подготовиться к нежелательной встрече, никаких действий он не предпринял и не попытался, в частности, убедить население города встать на свою сторону. В дне пути от Медины, в Зу-Хушуб, к египтянам присоединились недовольные из Куфы и еще нескольких городов. Тут уж Осман забеспокоился и вступил в длительные переговоры, подробностей которых история до нас не

донесла. Известно, что претензии халифу предъявлялись весьма разнообразные: и уничтожение старых списков Корана, и введение третьего призыва на молитву, и выдача общественных денег родственникам.

В мае 656 года Осман при свидетелях подписал обязательства, в которых халиф обещал действовать по букве закона, и несогласные отправились домой. Но вскоре отряд египтян обогнал гонец Османа. Он был задержан, и при обыске у него обнаружили письмо к наместнику Египта с повелением наказать главарей отряда. Египтяне вернулись в Медину и попросили Али и Мухаммада ибн Масламу потребовать от халифа ответа. Али попытался говорить с Османом, но тот попросил, чтобы Али лично объяснил египтянам, что вышла ошибка. Али отказался, и халиф принял несогласных, говоря, что письмо без его ведома написал его секретарь, Марван ибн аль-Хакам, но выдать секретаря отказался. Тогда египтяне потребовали, чтобы халиф сложил с себя полномочия, и тоже получили отказ. Египтяне окружили дом халифа, и ему пришлось выслать гонца в действующую армию с просьбой о помощи. Мединцы, и мухаджиры, и ансары, предложили халифу свою помощь, но он отказался, недооценивая масштабы угрозы. Вскоре его дом был окончательно блокирован, и египтяне не позволяли доставлять туда воду и продовольствие. Между тем, в доме было около ста человек, и им надо было чем-то питаться и что-то пить. Осман обратился с крыши к восставшим, прося воды, но ему было отказано. Не пустили с водой к нему даже Али и Умм Хабибу, вдову Пророка.

В доме был источник плохой соленой воды, и осажденные кое-как перебивались. Осада продолжалась около сорока дней, при полном равнодушии к происходящему как жителей Медины, так и множества приезжих. Кто-то из недовольных, утомленный долгим ожиданием, попытался пробраться в дом Османа и был застрелен одним из его помощников. Убитый оказался близким Мухаммеда, и когда Осман отказался выдать убийцу, разъяренная толпа ворвалась в дом и убила его самого. Кто конкретно заколол третьего халифа в озверевшей толпе – никто не понял, рукописи называют несколько имен, но в вине ни одного из этих персонажей нет полной уверенности.

Но кто бы ни был в этом виноват и каким бы халифом ни был Осман, после его смерти единая умма, – включавшая в себя новые завоеванные земли Персии [до Амударьи (Оксуса)], остров Кипр, область Карфагена, но потерявшая некоторые пограничные области из-за внутренней междоусобицы, – оказалась практически на пороге гражданской войны.

Халиф Али (656-661)

Следующим халифом стал приемный сын Мухаммеда Али – Али ибн Абу Талиб. Последующие мусульманские историки рисуют картину его избрания благостной, но, скорее всего, состоялось оно не в день убийства Османа, и даже не на утро следующего дня, а примерно через неделю. Всю эту неделю Медина кипела, никто не выходил на улицу без оружия, и даже убитого халифа похоронили с большими проблемами: несогласные, утверждая, что Осман отправится прямо в ад, не давали читать над ним молитвы, пинали его труп ногами, и в итоге Осман был похоронен не по правилам, а просто засыпан землей.

Многие видные люди Медины, в том числе и старые сподвижники Пророка, отказались присягать Али. Впрочем, после присяги они не оказывали никакого противодействия новому халифу, хотя и оказались через несколько лет в стане его врагов.

Внешность Али ибн Абу Талиба, многократно описанная, была весьма примечательной. Четвертому халифу на момент принятия присяги было около 57 лет, он был очень смугл, весьма толст и обладал роскошной бородой, закрывавшей его грудь от плеча до плеча. Большую лысину окаймляли седые волосы, свисавшие на спину подобно львиной гриве. Али имел от восьми жен девять сыновей, а также в его семье было еще и три приемных сына. Количество дочерей обозначить сложнее, но, по всей видимости, их было около пятнадцати.

Былая его воинственность сошла на нет, и он был весьма мирным семейным человеком. Али не принимал многие перемены в мусульманском обществе, появившиеся после смерти Пророка. Это добавляло ему популярности среди несогласных и беднейших слоев, как и то, что он никогда не занимал никаких административных должностей.

Кое-как Али удалось навести порядок в городе: он заставил удалиться большинство кочевников и провел расследование убийства Османа. Но найти его реальных убийц вряд ли было возможно, и к тому же опасно. Часть негодующих египтян, возглавляемая Муавией ибн Худайджем, все равно Али не признала, отказалась присягать и ушла в район Аль-Бахнаса. Из Медины был выслан отряд для «усмирения», но он потерпел неудачу. Возглавляемые же Муавией отошли дальше и через некоторое время нашли пристанище в Харбите (округ восточнее Александрии, примерно в дне пути).

Затем Али занялся налаживанием отношений с провинциями, особенно с Куфой, и даже назначил туда нового наместника. Однако с половины пути тот вернулся в Медину: Куфа хотела остаться под старым управляющим. Между тем было не все спокойно и в самой Медине: Али раздал поровну деньги, найденные в доме у Османа, и многим видным мухаджирам показалось обидно, что их сравнивали с бывшими рабами. Особенно возмущались Талха и аз-Зубайр, и Али их вызвал к себе, напомнив про присягу. Те попытались получить какие-либо наместничества, но Али опасался, что вдали от него они станут слишком самостоятельными. Разговор так ничем и не кончился.

Еще одним источником смуты стал Абдаллах ибн Омар, отказавшийся от присяги, считая, что выборы Али были проведены неправильно. После ссоры с новым халифом сын старого счел за благо уехать из города и осесть в Мекке. Вскоре Мекка стала некоей столицей оппозиции, и туда начали стекаться все недовольные правлением Али и оставшимся неотмщенным убийством Османа. Видной фигурой среди них оказалась Айша, вдова Пророка, которая издавна недолюбливала приемного сына своего мужа. Еще одним противником Али стал Муавийя, который не только не спешил принимать присягу, несмотря на призывы нового халифа, но и выставил в мечети Дамаска окровавленную одежду Османа, присланную ему вдовой Наилей. Проповедники говорили о необходимости отмщения вероломного убийства, и Сирия готовилась к походу на Медину. В августе, в ответ на призывы принять присягу, Муавийя отправил Али письмо, велел гонцу, по прибытии в Медину, держать свиток так, чтобы любой разглядел надпись на нем: «От Муавийи ибн Абу Суфийяна Али ибн Абу Талибу». Уже в этом содержалось оскорбление: вынесенное в начало имя Муавийи говорило о том, что он ставит себя выше Али, и к тому же, судя по обращению, халифом он его не считал. Когда посланец прошел с письмом по улицам Медины и Али сломал печать, то внутри вместо текста обнаружил лишь традиционную фразу начала записей: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного».

Это было уже третьим оскорблением, и Али хотел немедленно послать в Сирию войска, но видные мусульмане его не поддержали, хотя Али и говорил, что «смута как огонь» и уничтожить ее надо в самом начале. Вскоре Талха и аз-Зубайр попросили у Али позволения на малый хадж, и он, прекрасно понимая, что они просто хотят уехать в Мекку, был все равно вынужден их отпустить.

Таким образом, уже к осени в Мекке собрались почти все, кто был в оппозиции к нынешней власти. Впрочем, полного единства среди них не было: кто-то настаивал на походе в Сирию для объединения с Муавиейем, кто-то предлагал сразу идти в Медину, боясь дальнего похода. К последним примкнула и Айша. Сложно сказать, насколько велика была ее роль в организации похода и противостоянии новому халифу, но стоит признать, что она была не последним человеком в оппозиции. Получив прекрасное образование, зная множество стихов и обладая даром слова, овдовевшая в 18 лет Айша не знала, куда ей применить свою энергию. Слава «матери верующих» и внушительная пенсия не могли заменить ей участия в гуще событий. И когда с походом в Медину было решено, Айша решила выступить вместе с мужчинами. По тем временам это был, учитывая положение женщин, весьма необычный и смелый поступок. Женщине был нужен сопровождающий, и она попыталась взять себе в попутчицы сначала еще одну вдову Пророка Умм Саламу, а затем Хафсу, но обе ей отказали. И Айша отправилась одна, в окружении мужчин.

Талха и аз-Зубайр собрали около 700 человек и, вложив собственные средства, вооружили их и купили верблюдов для похода. Умм Салама, вдова Пророка, отправила сына Омара с письмом к Али, обращаясь к тому с просьбой взять Омара к себе в помощники и предупреждая его о походе. Умм Фадл, вдова Аббаса, также предупредила Али о готовящемся походе.

Али, все-таки решивший идти на Сирию, узнал о настроениях у себя под боком и вышел наперехват к мекканским бунтовщикам, лично возглавив войско. Он понимал, что их нельзя пустить в Басру, где они могут найти поддержку и увеличить свой отряд.

В начале октября мекканский отряд, выросший в пути до 3000 человек, стал под Басрой и послал в город переговорщиков, пытаясь выяснить настроения горожан. Городское начальство не поддержало бунтовщиков и после переговоров решило силой заставить их вернуться в Мекку. Но когда собранные с оружием горожане уже дошли до окраины, перед ними появились вожди мятежников, призывающие отомстить за смерть Османа. Мнения жителей Басры разделились, начался скандал и даже потасовки, но все это оборвала Айша, произнеся пламенную речь о том, что Осман, хотя и совершал ошибки, перед смертью раскаялся и был убит уже безгрешным и что за его кровь необходимо отомстить. Пообещала она, и что после отмщения «будет проведен совет тех людей, которых избрал амир верующих Умар ибн аль-Хаттаб, и не войдет в него тот, кто причастен к крови Османа». Это еще больше распалило горожан, потасовки перешли в драки, и город распался на две партии: центр оказался в руках у сторонников Али, окраины же были заняты теми, кто принял сторону мекканцев.

На следующий день Талха и аз-Зубайр решили взять центр приступом, но наместник выслал им навстречу конницу, и мятежники были оттеснены. Однако к утру они сумели обойти заслоны наместника по дамбе и оказались почти в центре города. Снова завязался бой, в котором наместник стал одерживать верх, и бунтовщики предложили подписать примирительное соглашение, в котором обговаривались условия прекращения боев и то, что все остаются в городе и ожидают прибытия халифа для окончательного разрешения вопроса. Пока шли переговоры, мятежники тайно стали призывать на свою сторону окрестные кочевые племена и уговорили почти всех, кроме нескольких, принявших нейтралитет. Перемирие в городе продолжалось недолго: в мечети произошла ссора между

наместником и главами бунтовщиков, и через несколько часов боев город оказался в руках восставших.

Хукайм ибн Джабала попытался выступить против бунтовщиков, но был убит, а его отряд разгромлен. Разбежавшихся защитников старого порядка ловили по городу и приводили на площадь, где впервые в истории ислама состоялись массовые казни единоверцев. Айша, впрочем, призывала убивать только тех, кто участвовал в осаде дома Османа, но вряд ли к ее словам кто-то прислушивался.

Али пытался вести переговоры с бунтовщиками, но они заканчивались ничем: это был, скорее, религиозный спор о шиизме, а не политическая попытка решить проблему. В итоге в начале декабря Али подошел к Басре. Еще с дороги он выслал туда переговорщиков, но обе стороны утверждали, что они просто «хотят восстановить закон», и поэтому переговоры ничем не кончились, кроме, пожалуй, важного вывода, что происходящие события имеют весьма серьезное значение для всего халифата.

Мятежники покинули город и также стали лагерем. Еще несколько дней длился обмен переговорщиками, а 8 декабря войска сошлись на близкое расстояние. Созерцание противника вблизи, видимо, еще более охладило пыл сторон, и они решили еще раз попытаться решить дело миром. Что было решено – сказать сложно, но и бунтовщики, и Али собрали вечером к себе наиболее видных людей из своих армий, что вызвало недовольство наиболее воинственно настроенных поклонников Али и участников осады дома Османа, которые на совещание приглашены не были. Они собрались на тайные переговоры и, боясь, что мир может им выйти боком, вернее, закончится казнью, решили спровоцировать сражение. Ранним утром они напали на басрийцев, что было воспринято теми как вероломство Али. Небольшие стычки перешли в сражение с участием главных сил, и вскоре Талха был ранен стрелой в ногу. Стрела, по всей видимости, перебила артерию, кровь остановить не смогли, и Талха скончался. Узнав о смерти командующего, басрийцы запаниковали и начали отступать. Аз-Зубайру не смог их остановить и сам пустился в бегство, бросив и город, и даже сына, но вскоре был зарублен около Вади ас-Сибя неким бедуином. Однако когда басрийцы добежали до белого верблюда, на котором в обитом железом паланкине сидела Айша, они остановились и стали защищать «мать верующих», которая храбро не покинула поле боя. Вся битва переместилась к верблюду и осталась в истории как «битва у верблюда» или «верблюжья битва» (джамаль). Басрийцы защищали Айшу, а сторонники Али пытались взять верблюда в «плен», как некое знамя, с утратой которого у противоборствующей стороны не будет смысла сопротивляться. Практически все описание битвы сводится к рассказам про поединки у верблюда и к перечислению имен тех, кто держал его под уздцы, но пал. Последними схватились Абдаллах ибн аз-Зубайр и Малик аль-Аштар. Силы обоих были на исходе, но в это время бойцы Али подобрались к верблюду и перерезали ему поджилки. Животное рухнуло, паланкин с Айшей опрокинулся, придавив ее.

Бойцов разняли, Айшу вынули из-под паланкина, и Али отругал мачеху за то, что она взялась за мужское дело, после чего велел отвезти ее туда, где она жила в Басре, и велел преследовать бегущих, но не убивать тех, кто не оказывает сопротивления, и не грабить город.

После победы в «битве при верблюде» Али отправился с войском в Куфу, наместника которой он призывал к себе на помощь в Басру, но получил отказ. Никаких наказаний, впрочем, не последовало, Али просто отказался остановиться во дворце, избрав местом своего пребывания дом сына своей сестры, Джады ибн Хубайры. К нему потянулись знатные куфийцы, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Али всех принял и со всеми нашел общий язык. Разобравшись с двумя главными провинциями, Али стал менять наместников остальных, ставя во главе близких себе людей.

Но, тем не менее, Али не удалось полностью установить свою власть на всей территории халифата. Продолжалось недовольство и в армии: Али, как и его предшественники, не позволял распределять завоеванные земли между воинами.

Непокорный Муавийя между тем собрал войско и атаковал позиции Али в Ираке.

Гражданская война продолжается, и вскоре две армии единоверцев снова сходятся в битве, на этот раз у Сиффина, в верховьях Евфрата. После трех дней сражения стороны соглашаются на переговоры, в течение которых ни одна сторона так и не пошла на уступки: Муавийя остался в Сирии, а Али халифом, хотя этот компромисс многим не понравился. Возникла даже так называемая секта хариджитов, первая в истории ислама, требовавшая возврата к «традиционным ценностям», заповеданным Пророком. Далее таких течений появится предостаточно, но хариджиты интересны именно как первопроходцы. Разочарованные оборванными переговорами и тем, что Али «проявил слабость», часть ранее поддерживавших его мусульман отошли от него, за что были прозваны «отклонившимися» – «хариджитами». Девиз их был: «Нет решений, кроме решений Аллаха», и из него и вытекали два основных постулата. Первый – возглавлять мусульман может только человек с выдающейся волей и благочестием, второй – виновный в смертном грехе должен быть исключен из уммы как неверный. К смертным грехам, в том числе, относили они и нерегулярное посещение мечети. То есть они хотели создать умму праведников и были готовы за эту идею поднять оружие даже против единоверцев. Впоследствии многие из них были убиты в боях с последователями Али, но и Басра, а затем и Куфа получили мощные хариджитские общины. Постепенно хариджиты отказались от насильственных действий, но продолжали противостоять халифату. Именно из этой секты вышли впоследствии такие секты, как надждаиты, азракиты и вакиффийя. Сегодня этого учения придерживаются ибадиты, проживающие в основном в анклавах Северной Африки и являющиеся религиозным большинством в Омане. Всего сегодня насчитывается около полумиллиона ибадитов, но, собственно, главная заслуга хариджитов – создание почвы для буквального толкования Корана и появления таких, уже современных течений, как те же ваххабиты или талибы.

Но вернемся, однако, во времена былые. Муавийя, вернувшись в Сирию, объявил себя халифом в Иерусалиме. Али, силы войск которого было явно недостаточно для открытого противостояния, ничего поделать с этим не смог.

Между тем проявили себя и хариджиты, начиная с восстания в Ираке и Аравии. Али разгромил их в битве при Нахраванне, попытался организовать их преследование на всей территории халифата, но сделать уже ничего было нельзя: у секты появилось слишком много сторонников и сочувствующих.

Популярность Али, которая и так была не слишком большой, стремительно падала, и во время хаджа в мае-июне 660 года некий Абдаррахман ибн Мулджам аль-Муради с двумя соратниками-хариджитами решил прекратить смуту в халифате, убив ее главных виновников.

В ночь на 22 января 661 года ибн Мулджам с двумя сообщниками остался в соборной мечети Куфы вместе с остальными верующими. Али, возгласив на рассвете призыв к молитве, вошел в мечеть, и тут же ибн Мулджам с одним из сообщников кинулся к нему с криком: «Суд принадлежит Аллаху, а не тебе, Али, и не твоим людям с мечами!»

Но с мечами пришли как раз нападавшие: первый удар нанес сообщник Абдаррахмана, но неудачно: меч задел за стену, удар оказался слабым и неточным, нападавший бросился бежать. Ибн Мулджам размахнулся и ударил мечом по голове Али. Тот крикнул: «Не упустите этого человека!» Верующие схватили Абдаррахмана, двое же его сообщников сбежали. Тот, который никак не проявил себя, был убит дома, его двоюродным братом, за покушение на жизнь халифа.

Когда Ибн Мулджама подвели к Али, халиф сказал, внимательно осмотрев нападавшего:

– Душу за душу... Если умру, убейте его, а коли останусь, сам разберусь.

Но разобраться не получилось: через два дня, вечером 23 января 661 года, Али умер. Последние дни его жизни были омрачены сильнейшими болями, и почти все их он провел без сознания.

Покушение на Муавию оказалось менее успешным: когда нападавший нанес сзади халифу-самозванцу удар, тот как раз делал поклон, и меч вместо головы попал по ягодицам.

ГЛАВА 7. ГОСПОДСТВО ОМЕЙЯДОВ (661-750)

В ночь с 23 на 24 января 661 года Али был похоронен. По его завещанию могилу сделали незаметной, чтобы хариджиты не надругались над телом. Нахождение могилы неизвестно до сих пор.

Когда у халифа, ненадолго пришедшего в себя, спросили, кто должен быть его преемником, не сын ли его Хасан, то Али ответил:

– Я не приказываю вам это и не запрещаю: вам виднее.

И уже наутро Хасан возглавил молитву в соборной мечети, после которой мусульмане приняли новую присягу. Спокойно прошла присяга и в остальных местах халифата: Хасан устраивал всех, он даже некоторое время был в числе защитников дома Османа.

Айша, узнав о смерти Али, написала стихотворную строку: «Посох брошен, и достигнута цель, и рад возвращению путник...»

Зайнаб, дочь Абу Саламы, услышав это, возмутилась:

– Как ты можешь говорить такое об Али, зная о его достоинствах и превосходстве?

– Когда я забуду об этом – напомни мне, – усмехнулась Айша.

Сведений о Хасане до нас практически не дошло, нет даже посвященного ему отдельного хадиса. Говорят, он был похож на Пророка, что вызывало благоговение среди мусульман, и заикался, как и другой Пророк, Муса (библейский Моисей).

Прославился он еще своими многочисленными свадьбами и разводами, но не совсем ясно, было ли это до халифской миссии или во время нее.

Первые два месяца Хасан посвятил переговорам с Муавией, но тот предложил ему отдать полномочия халифа, пообещав сделать своим наследником. Хасан, естественно, отказался, и Муавийя стал готовиться к походу.

Опытные сторонники советовали Хасану выйти навстречу Муавийе и встретить его на нейтральной территории. Но тот опомнился только тогда, когда вражеская армия уже переправилась через Евфрат и была в пятнадцати днях пути от Куфы. Из Ирака был выслан отряд, «каждый человек из которого стоил полка», но не успел он еще встретиться с войском Муавийи, как во время пребывания Хасана в Сабате войско взбунтовалось и ранило халифа. Хасан был вынужден укрыться в резиденции наместника аль-Мадаина, залечивая рану, в то время как его войско стремительно разбегалось.

Муавийя стал подкупать сторонников Хасана, предлагая им довольно значительные суммы. Убайдаллах ночью перебежал к врагу, и настроения многих других сторонников Хасана были не намного лучше.

Хасан, оправившись от ранения, с оставшимся войском вышел из города, но к нему подъехал Абдаллах ибн Амир и обратился к воинам, призывая не проливать напрасно кровь. Войско, видимо, давно уже созрело для такого решения и от боя отказалось. Хасан отступил в аль-Мадаин, но Абдаллах осадил его там, и Хасан был вынужден вступить в переговоры.

Муавийя приказал принести чистый лист, подписал его и, поставив свою печать, вручил Абдаллаху:

– Отдай его Хасану, и пусть он впишет в него все, что пожелает.

Верна эта история или нет – судить трудно, но стоит сказать, что Муавийя был реалистом и никогда скупился на выплаты, понимая, что тех, кого не возьмет булат, всегда купит золото. Помнил он и про убийство Османа, вызвавшее, во многом благодаря ему же, смуту в халифате. В итоге на листе, был ли он сначала пустым или там были уже какие-то письма, были записаны пять пунктов:

1) Муавийя будет следовать Корану и обычаям Пророка;

2) Муавийя не назначает преемника, а передает решение о нем шуре;

3) всем и повсюду гарантируется неприкосновенность;

4) неприкосновенность гарантирована всем сторонникам Али, их имуществам, женам и детям;

5) Хасану, его брату Хусейну и всей семье Пророка не будет причиняться вреда ни явно, ни тайно, где бы они ни находились.

Поступок Хасана был воспринят в Мекке и Медине с большим неодобрением, но дело было уже сделано.

Зарождение суфизма (тасаввуф)

Здесь, пожалуй, стоит сказать несколько слов о зародившемся как раз в это время новом течении в исламе – суфизме. Пока оно было мало кому известно, но именно произошедшие события дали ему толчок и сделали из него такое значительное явление в исламе, которым оно стало сейчас.

До сих пор некоторые консервативные мусульмане не признают суфизм, считая его сектой мистиков ислама; другие же почитают суфизм за проповедь аскетизма и многочисленные духовные техники. Но никто сегодня не может отрицать сильнейшего влияния суфизма на философию, этику и литературу мусульманского мира. С суфиями связано огромное количество легенд и преданий. Например, и сегодня можно услышать рассказы о том, что посвященные суфии высшего уровня могли ходить по воде, растворяться в воздухе и действительно знали все на свете, научившись без «посредников» общаться с Вечностью.

Основателями суфизма считают сподвижников Мухаммеда, которые не имели в Медине пристанища и жили под навесом мечети у дома Пророка («ахл ас – суффа» – «обитатели навеса»). Другая версия, впрочем, связывает происхождение этого термина со словом «суф» («шерсть»), говоря, что изначально суфий воспринимался как человек в шерстяном одеянии (власянице). Мусульманские аскеты, и в самом деле, снимали шелка и обозначали свое отделение от общества грубой одеждой, по некоторым данным, переняв этот обычай у христианских отшельников.

Историки превозносят их аскетизм, но дело было, скорее всего, не столько в убеждениях, сколько в материальных возможностях – все приверженцы суфизма были весьма небогатыми людьми.

Течение, получившее название «тасаввуф», и его члены, которых называли захид («аскет»), абид («богомолец») или нахиб («подвижник»), выступали взыскателями благочестия и воздержания, ратовали за отказ от мирской суеты и строгое следование Корану. Они увеличивали число молитв, назначали себе дополнительные посты и различные ограничения в пище, питье и одежде. Приверженцы суфизма не сотрудничали с властями, считая это недостойным истинного предназначения человека. Отход от веры (в понимании строгих подвижников, безусловно) последних халифов и их окружения очень сильно увеличило число суфиев. Мы уже рассказали про появление секты хариджидов, и поэтому можно сделать вывод, что подобные настроения были весьма распространены в тогдашнем халифате.

Слово «суфий» вместе с другими определениями набожного человека стало употребляться где-то в конце VIII века. Первым заслужил это звание отшельник Абу Хашим (умер в 776 году), живший около Куфы.

Следующим этапом развития суфизма стала разработка норм поведения, в которую много внесли жители Багдада IX – X веков аль-Мухасиб, аль-Джунайд и аль-Халладж.

Они уже четко разграничивали суфиев и мусульманских книжников, которые, по их мнению, стремясь дословно исполнять заповеди Корана, оказывались все дальше от духа Священной Книги.

При аль-Халладже суфизм окончательно разделился на два направления: умеренное, состоящее в основном из аскетической практики, и ориентированное на мистический экстаз.

Уход суфиев от традиционных молитв был воспринят многими традиционалистами как ересь и гордыня. Впрочем, от этих вещей постоянно предостерегает и суфийская литература.

Сначала суфийские объединения существовали как кружки последователей определенного наставника, старца – шейха, потом они превратились в тарикаты («братства»), и ученики уже не могли столь свободно покидать своих учителей. Отношение к учителю, без которого начинающий суфий может не только легко впасть в ересь, но и просто сойти с ума, весьма напоминает как православное старчество, так и еще множество подобных мистических учений, основанных на неких подобию медитационных техник.

В X – XI веках суфизм получил широкое развитие и начал обретать все большее количество последователей; в это же время стали возникать многочисленные легенды, появилось множество мистических книг.

Большую роль в развитии суфизма сыграли обитатели хангах (или рибат) – некоего подобия монастырей, которые являлись обителями местных суфиев и пристанищами для суфиев путешествующих – дервишей (дервиш в переводе значит «нищий»). Они стали настоящими духовными школами, объединяющими мистический опыт и отделяющими зерна знаний от плевел.

Уже в XII – XIII веках суфии стали силой, во многом определяющей духовные запросы простых мусульман, как, снова проведем эту параллель, монахи олицетворяют в православии духовные высоты для мирян.

Суфийские братства имеют строгую иерархию, как бы ступени приближения к Аллаху. Первая, подготовительная, – шариат, то есть следование установлениям веры во всех житейских обстоятельствах. Вторая ступень – вступление на путь суфиев. Ученик выбирает себе духовного наставника и совершенно отрекается от своей воли, подчиняясь старцу во всем. Следующий этап – марифат («мудрость»), и ученик становится арифом, то есть «познающим». Путем отшельничества, аскетизма и внутренней молитвы, более похожей на медитацию, суфий обретает дар понимания добра и зла. И высшая степень, хакикат («истина»), характеризуется растворением в Аллахе и полным исчезновением интереса к чему-либо земному.

Хадараты суфиев – периодические собрания, сопровождаются зикрами – радениями. Именно зикр («помянуть») признается всеми школами суфизма как стержень духовной практики. Его цель – погружение в созерцание Аллаха в состоянии транса. Достигнуть этого состояния суфиям помогают различные телодвижения, особый ритм или музыкальное сопровождение, а также наркотические или просто тонизирующие напитки.

Зикр – танцы дервишей, или суфийское вращение, – можно назвать одной из самых древних техник медитации и одной из самых мощных. В основе символического смысла танца дервишей – подражание движению Солнца, Луны и звезд, вечно блуждающих в бесконечном кружении. И сегодня можно увидеть настоящие пляски суфийских дервишей: раз в году в турецком городе Конья, с 9 по 13 декабря, дервиши собираются у могилы одного из основателей ордена, поэта Джалаледдина Руми.

Вот как описывает очевидец-европеец фантастический танец дервишей – зикр.

«В большой зал входили дервиши, одетые в особые одежды и в высоких шапках, в которых ходят персидские суфии. Их лица казались застывшими от осознания торжественности момента.

Они разошлись по залу так, что посторонний наблюдатель не заметил бы никакой логики или закономерности в их расположении, но шейх несколько раз подходил то к одному, то к другому, каждый раз приказывая сместиться чуть в сторону.

Затем шейх, довольный результатом, отошел к стене, где встал рядом с музыкантами, барабанщиком и тем, кто отбивал ритм.

Собрание началось первым символом исповедания веры «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк его», который собравшиеся произнесли 30 раз.

Затем шейх прочитал отдельную молитву, призывая на всех собравшихся благословение (бараку) всех учителей прошлого и будущего. Потом он помолился за то, чтобы барак, которую получают от этого танца, пошла на помощь учителям, которые сейчас передают свою мудрость. И, наконец, он дал разрешение начать зикр.

Суфий у стены начал отбивать еле слышный ритм, затем его поддержал барабан, и двое певцов высокими голосами запели слова новой молитвы.

Дервиши начали свое вращение, двигаясь необыкновенно медленно, словно сквозь воду, словно нехотя. Затем темп движений начал ускоряться; при этом одна рука у них была приподнята к небу, а вторую они опускали к земле, словно «заземляя» энергию, которую получали из космоса. Постепенно темп вращения ускорялся, почти незаметно для глаза, а сами танцоры начали передвигаться по сложной траектории в центре зала, словно следуя в кружении друг за другом.

Шейх выкрикнул одно из имен Аллаха, и дервиши, продолжая кружиться, начали выкрикивать его тоже, одновременно соизмеряя ритмичный выкрик с ритмом своего танца.

С ускорением вращения лица танцующих приобретали все более и более неземное выражение, скорость их движения казалась почти нереальной... Один из танцующих покачнулся и рухнул бы на пол, но его почти у самого пола подхватил один из помощников, стоявших у стены и внимательно наблюдающих за танцорами. Он вывел его из круга танцующих и аккуратно уложил на земляной пол.

Постепенно дервиши, один за другим, начали входить в глубокий транс, словно теряя сознание и способность двигаться или вообще осознавать происходящее, и расторопные помощники старались их вовремя подхватить и помочь лечь на землю.

Тела дервишей лежали, застыв в неподвижности, похожей на глубокий транс, довольно долго, эти суфии не реагировали на окружающий мир и, видимо, предавались откровениям, которое небо посылало в их души».

Привнесли суфии в ислам и культ святых, почитание подвижников и их гробниц. Пророк, как вы можете помнить из первых глав, отрицал наличие посредников между человеком и Аллахом.

Впрочем, грешат этим не только суфии. И в традиционном исламе существует культ не только Мухаммеда, его сподвижников и мучеников, погибших за веру, но и близких Пророка, особенно дочери Фатимы, ее мужа Али и их потомков. Особенно большое значение культ мучеников имеет у хариджитов и шиитов. Есть в исламе и покровители ремесел и профессий, и в этом он во многом пересекается с православием.

Шестой халиф Муавийя (661 -680)

Муавийе было под шестьдесят, он был коренаст, коротконог, с непропорционально большой головой и громадными, навывкате, глазами, которые придавали его лицу грозное выражение. Как можно понять из истории неудавшегося покушения, шестой халиф был человеком полным, с особенно выделявшимися ягодицами и животом.

20 лет управления Сирией и Палестиной дали ему бесценный административный опыт и обогатили и без того широкий кругозор. Сын врага Мухаммеда и брат его жены, поздно принявший ислам, он два года был секретарем Пророка и записывал его откровения. Личность неоднозначная, но весьма интересная и мощная.

Став халифом, Муавийя ибн Абу Суфьян перенес столицу Халифата из Медины в Дамаск, и в этом уже было стремление к дальнейшему расширению халифата на восток и на запад, в Северную Африку. И следует заметить, что ему это удалось: при первом Омейяде Муавийе арабы перешли за Амударью (Окс, Оксус) в

Туркестан, до Бухары и Самарканда, и в Индии дошли до Пенджаба; захватили Малую Азию (подступали даже к Константинополю), а в Африке дошли до Алжира.

У Муавийи было шестеро братьев, двое из которых ко времени халифства умерли (Ханзала был убит в сражении с мусульманами, а Йазид умер от чумы, не оставив сыновей). Сам он был женат четыре или пять раз и к моменту прихода к власти имел лишь двух жен, одна из них, курайшитка Фахита, родила ему двоих сыновей, первый из которых умер в младенчестве, а второй был болезненным и слабоумным. Вторая жена Майсун, дочь вождя кудайтов, родила ему Йазида, которому в 661 году исполнилось 15 лет.

Его единственный сын, с одной стороны, получал мусульманское образование, изучая Коран и заучивая хадисы, а с другой – постигал искусство верховой езды у своих бедуинских родственников, учился он у них и поэтическому творчеству и культуре винопития, которое калбиты, еще недавно исповедовавшие христианство, не считали грехом. И, по всей видимости, у этой родственной ветви он научился еще и несколько иронично подходить к мусульманским догматам.

Курайшитский клан Омейядов, к которому принадлежал Муавийя, нельзя было назвать мощным: в общей сложности число сыновей и внуков Абу Суфиана не превышало полутора десятков человек. В те времена, как уже сказано выше, это было не слишком многочисленное семейство: род был силен, прежде всего, своими мужчинами, а мужчина – сыновьями. Кстати, бездетность Муавийи на посту халифа некоторые приписывают неудачному покушению, во время которого якобы была пресечена «совокупительная жила». Хотя новому халифу было уже около шестидесяти, и дело, может быть, именно в этом.

Современники признают, что он никогда не ущемлял никаких прав ни Хасана (сына Али), ни его родственников. Хасан, кстати, смотрел на Муавийю чуть свысока, и нередко о нем не совсем лестно отзывался, но халиф мудро не обращал на это внимания. В принципе, было все ясно: Хасану было около 45, Муавийя был намного его старше, и бывшему халифу оставалось только ждать, когда он, согласно договору, снова займет место руководителя. Однако в 669 году Хасан неожиданно умер. Более поздние шиитские историки приписывают Муавийе эту смерть и утверждают, что Хасан был отравлен, и даже находят свидетельские показания близких Хасана. Но никто из современников, даже враги Муавийи, упрекавшие его за то, что он радуется смерти бывшего халифа, ни разу не упрекнули его в том, что он как-то к этой смерти причастен. Поведение свидетелей, чьи показания приводятся в позднейших источниках, также не заставляют заподозрить, что они имели к Муавийе какие-либо претензии и обвиняли его в смерти Хасана. Смерть, скорее всего, была и в самом деле случайной. По всей видимости, это было или прободение язвы, или что-либо подобное. Муавийя тут же назначил преемником своего сына Йазида (в иной транскрипции – Язид).

Между тем опасная для власти секта хариджитов продолжала действовать, и в начале осени 663 года в Куфе недовольные выбрали своим руководителем аль-Муставрида и присягнули ему. Выступление было назначено на 8 ноября. Однако наместник Мугира узнал об этом, и заговорщики были арестованы. Аль-Муставрид покинул Куфу и укрылся в Хире, но потом снова вернулся в Куфу. Однако жители были не слишком довольны, что он затевает что-то, за что «придется расплачиваться всем», и на него донесли. Аль-Муставрид, предупрежденный об опасности, снова покинул Куфу, велел своим сторонникам пробираться в городок Сура около Вавилона. Всего собралось около 300 человек, и они отправились в Аль-Мадаин. Мугира набрал отряд в три тысячи человек и отправил его вслед за смутьянами, приказав, впрочем, командиру отряда сначала предложить смутьянам покаяться и не проливать понапрасну кровь. Но хариджиты напали на

разведывательный отряд этой армии первыми и после ряда стычек были разгромлены. Их руководители, арестованные ранее, отбыли в темнице 15 лет.

Названный брат халифа

Зияд, человек, которого Муавийя признал своим братом, имел происхождение темное и уж точно, как и утверждали его противники, «недостойное». Его мать Сумайя, рабыня из Ирака, была отдана в качестве гонорара за излечение ее хозяина лекарю из Таифа, который заставил ее заниматься проституцией. В 622 году он отдал ее в жены рабу своей жены, греку Убайду, от которого и родился Зияд. Через некоторое время он оказался в мусульманской армии и, видимо, как человек недюжинных способностей, уже в 15 лет занимался подсчетом добычи, так как хорошо умел считать; затем, при Абдаллахе ибн Амуре стал главой финансового ведомства в Басре и руководил постройкой каналов. Несмотря на то что в «битве у верблюда» Зияд придерживался нейтралитета, а потом долго отказывался присягать Али, тот в итоге предложил ему место наместника Басры, но Зияд от этого почетного назначения отказался, вновь предпочтя пост «министра финансов».

После еще ряда приключений, вызванных в том числе и открытой враждой с Муавией, Зияд как-то умудрился найти с ним общий язык, и во время посещения Дамаска (в начале 665 года) Муавийя уже признал его своим братом. Решение было очень странное и вызвало у многих приближенных, мягко говоря, недоумение. Впрочем, Муавийя был хорошим дипломатом, и когда он объявил об этом решении в мечети, тут же, наверное совершенно случайно, нашлись приезжие из Таифа, которые подтвердили их родственную связь, рассказав о том, как они поили Абу Суфиана вином, а потом приводили ему мать Зияда для утех. Другие же очевидцы поведали всем, что Абу Суфиан признал Зияда перед смертью своим сыном.

Зияд, впрочем, был еще более дипломатичен. После свидетельских показаний он поднялся, а сидел он рядом с Муавией, и сказал:

– Люди! Вот амир верующих и свидетели сказали то, что вы слышали, а я не знаю, что правда и что неправда. Он и они лучше знают это.

Стоит воздать должное и Муавийе: так накрепко привязать к себе лучшего финансиста халифата мало бы кому было по силам, да и мало бы кто на это решился.

Проблемы были не только в странноватом родстве: Омейяды решили, что таким путем Муавийя хочет отрешить их от власти. Его брат Абдаррахман возмутился: «Неужели ты не мог найти никого, кроме этого негра, чтобы увеличить наше умаление и унижение?»

Возникали и чисто теологические проблемы, так как «ребенок принадлежит супружеской постели, а прелюбодею – камень, а ты присудил прелюбодею ребенка, а постели – камень».

Но все же, несмотря на общее возмущение, пойдя наперекор всем своим соратникам, Муавийя назначает Зияда правителем проблемного Ирака. Тот за годы пребывания в Басре весьма хорошо изучил местные реалии, и его тронная речь стала шоком для многих. Есть несколько ее списков, немного отличающихся в частности, но передающих общий смысл выступления. Зияд начал речь без длинного благочестивого вступления, что противоречило арабской традиции:

«Темное невежество, слепое заблуждение и разврат, – разжигающие жар вечного пламени для совершающих это, – которым следуют ваши безумцы и которые есть в ваших разумных людях, являются тяжкими грехами, в них вырастают малые и не избегают их старые; вы будто и не слышали аятов Аллаха, и не читали Книги Аллаха, и не слышали, какое щедрое вознаграждение уготовил Аллах повинующимся ему, и какие болезненные мучения на вечные времена, без конца – противящимся ему. Вы что же, такие, как те, кому ослепил глаза бранный мир и закупорила уши похоть, и они предпочли преходящее вечному? Вы не задумываетесь над тем, что вы впервые совершили дела, которых не было прежде в исламе: кабаки напоказ, и грабят женщин у вас в присутствии многих людей. Неужели нет среди вас того, кто помешал бы нечестивцу нападать ночью и грабить днем?»

Вы приближаете к себе родню и отдаляете религию, вы извиняете неизвиняемое и укрываете грабителя. Каждый из вас защищает своих безумцев, как поступает не боящийся наказания, а не как надеющийся на вечную жизнь. Нет, вы неразумны, вы следуете за своими безумцами, и они не останавливаются, видя ваше заступничество за них, они нарушают запреты ислама, а потом укрываются в сомнительных норах. Запретны для меня еда и питье, пока я не сровняю их с землей и не сожгу!»

Все остальная речь была выдержана в таком же ключе, и некоторые бросили ее восхвалять, а другие были возмущены, не найдя в ней ссылок на предыдущих халифов и отыскав противоречие некоторым строкам Корана. Зияд ответил последним: «К тому, чего хочешь ты и твои товарищи, я не нахожу иного пути, чем через кровь».

Через неделю после произнесения речи Зияд запретил хождение по городу через час после окончания вечерней молитвы, и дозоры отрубали головы всем встреченным на улице. В первую ночь было отрублено 500 голов. Были закрыты и 700 «веселых домов», причем в разрушении некоторых Зияд принимал участие лично. По городу он передвигался вместе с начальником полиции (кстати, именно Зияд создал первый прообраз внутренних войск в халифате; эта полиция была создана исключительно для защиты власти халифа и наместника), и если его бдительное око замечало в чем-то виновного, то казнь следовала незамедлительно, без всякого суда. Отношение к хариджитами, чьей неофициальной столицей была Басра, было соответственное. Секта постаралась сделать все, чтобы на нее обращали внимание как можно меньше.

Впрочем, не забывал Зияд и про свои финансы. Как-то Муавийя подарил своему шурина роскошный участок земли в окрестностях Басры. Зияд, узнав, что тот едет вступать в права собственника, велел, прорыв канал, пустить на участок воду и перекупил его у шурина халифа как болото, за сущие копейки. Непонятно, догадывались ли в Дамаске о шалостях наместника, но даже если это и так, увеличившийся в разы сбор налогов, думается, все это покрывал.

669 – 670 годы вообще стали во многом переломными в халифате. Зима выдалась необычно суровой, были сильные морозы и выпало много снега. Это погубило множество плодовых деревьев, в Ираке начался голод, а вместе с ним, как обычно, и чума. Наместник Куфы Мугиру ибн Шубу, испугавшись болезни, покинул город и осмелился вернуться только тогда, когда эпидемия стала затихать. Но судьбу не обманешь, и, заразившись чумой в уже пережившем эпидемию городе, наместник умер. Муавийя не стал назначать нового человека, а передал Куфу в подчинение Зияду. Тот, понимая, что жители провинции считают подобное объединение унижением, приехал в Куфу с заготовленной хвалебной речью, которую он начал с того, что сначала хотел приехать сюда с двумя тысячами охранников, но, вспомнив, что жители Куфы чтят закон, приехал лишь с семьей. Тут

в него полетели камни. Зияд, спрятавшись, велел, чтобы все сидящие в мечети взялись по четыре за руки и постепенно выходили. Всем выходящим он велел клясться, что ни они сами, ни те, кого они держат за руку, камни не кидали. Поклялись не все, и тридцати человекам были отрублены руки, поднявшие камень на халифа.

Через некоторое время Зияд попытался найти общий язык с шиитами и, вызывая к себе их главу, своего старого приятеля Худжру ибн Ади, попросил, чтобы тот «придержал язык, и тогда каждый день будут исполняться десять твоих желаний». Но тот предупреждениям не внял, и вскоре Зияд узнал, что шииты собираются в домах и о чем-то беседуют. Он никак не отреагировал на это, лишь сказал, что собираться необходимо в мечетях. Мечети в кварталах, во время, свободное от молитв, были чем-то типа мужских клубов. Однако шииты не хотели беседовать при свидетелях, и это распоряжение оставили без внимания.

Наш враг – Византия!

Пытаясь разобраться с внутренними проблемами, Муавийя заключил мирный договор с Византией. Договор был крайне невыгодным для халифата, но Муавийя никогда не жалел денег, когда речь шла о власти. Когда же внутренние дела были приведены в порядок, новый халиф сказал, разорвав договор, что «если ромеи хотят мира – пусть платят жизнью».

Халифат начал готовиться к войне. Император Византии Констант II переносит свою столицу из Константинополя в Рим, пытаясь удержать единство страны. Муавийя же усиливает свои действия в Анатолии и начинает регулярные атаки на византийский флот. Еще в 645 году Муавийя увидел греческий морской десант, захвативший Александрию, и это произвело на него неизгладимое впечатление. Будучи наместником, он начал строить флот в портах Акка и Тир. Уже в 653 году арабы одержат свою первую победу над византийским флотом, но основные военные походы все-таки будут проводиться по суше, через земли Грузии и Армении. За время правления Муавийи арабы трижды осаждали Константинополь, но так и не смогли его покорить, силы были пока неравными.

Монета с изображением Константа II (внука императора Ираклия) с сыном Константином

На востоке халифат также предпринимает активные действия, и его войска регулярно переходят реку Окс (Амударья), проникая в земли, населенные в основном кочевниками-скотоводами. Здесь они основывают множество городов, которые должны восстановить Великий шелковый путь и связи с Китаем.

Зияд, пользуясь преимуществом наместника двух провинций, отправляет в Мерв переселенцев, около пятидесяти тысяч человек. Число воинов, по всей видимости, составляет что-то около десяти-пятнадцати тысяч. Это было сделано не столько для освоения новых пространств, сколько для избавления от наиболее активной и

недовольной части населения. Это была своего рода ссылка, но, несмотря на все принятые меры, осенью 671 года хариджиты поднимают восстание, которое менее чем через сутки будет разгромлено.

Пока наместник находился в Басре, шииты в Куфе осадили и забросали камнями дом его заместителя, который все-таки запретил их собрания. Срочно прибывший в Куфу Зияд своим авторитетом прекратил бунт, приказал арестовать Худжра и послал его вместе с главными участниками смуты в Дамаск, чтобы его судьбу решил лично халиф. Тому не очень хотелось их наказывать, навлекая на себя проклятья, но Зияд сопроводил пленников письмом, в котором были такие строки: «Если тебе нужна Куфа, то не возвращай их сюда». В итоге, несмотря на многочисленные поручительства от уважаемых людей, все руководители смуты были казнены.

Через два года, в 673 году, халиф лишился наместника в Азии, лучше которого у него не было и не будет: Зияд то ли заражается чумой, то ли получает заражение крови от раны на пальце и умирает. За твердость в наведении порядка Зияд заслужил нелюбовь многих арабов, которые, поминая ему его недостойное происхождение, называли его не Зийяд ибн Абу Суфьян, а Ибн Абиhi («Сын своего Отца»), что в арабской традиции, где знают своих предков до тридцатого колена, звучало очень уничижительно.

Куфа и Басра получили по собственному наместнику, но прежнего порядка там уже не было.

В 668 году византийский император Константин IV возвращает столицу империи в Константинополь, и уже в следующем, 669 году, Муавийя начинает осаду «старой новой» столицы. Однако мусульмане вынуждены вернуться ни с чем: империя снова сильна и может отразить нападение соседа.

В 670-м Муавийя снова пытается разобраться с Константинополем. Арабский флот, войдя через Дарданеллы в Мраморное море, высаживает войско, но снова следует разгром, и халиф, досадуя на неудачу, отзывает войска.

Между тем, идут весьма успешные военные действия и в Северной Африке, и берберы постепенно принимают ислам. В 670 году Укба ибн Нафи основывает Кайруан – еще один военный город-базу. Становится ясно, что Византии в Северной Африке долго не продержаться. Через пять лет после основания Кайруана халиф, недовольный действиями наместника, снимает Укбу с этого поста. Возвратится Укба сюда только через семь лет, в 682 году, уже по приказу Йазида ибн Муавийя, следующего халифа, сына Муавийи, назначенного его преемником еще при жизни отца. Впрочем, уже через год в стычке с берберами Укба погибнет; берберы посчитают себя свободными от всех обязательств перед мусульманами и вернуться к язычеству.

Одновременно с походом за Амударью был совершен бросок в Индию. Пройдя долиной одной из рек, мусульмане присоединили северные территории Индии к халифату.

В 678 году заключается мирный договор с Византией, который продлится тридцать лет. Причиной такого договора послужила очередная военная неудача: новый флотский поход к стенам Константинополя закончился провалом. Византийцы быстро прорвали блокаду, а мусульманский флот в битве при Суллаюме был разгромлен.

Как уже было сказано, Муавийя решил назначить своим преемником сына Йазида. Но, как человек с опытом, он хорошо представлял непокорность своего народа и понимал, что единственный шанс для Йазида удержаться на престоле – если жители халифата дадут ему присягу еще при жизни отца.

Понимая, что это нововведение не только нарушает традицию передачи власти и смутит даже сторонников, но и то, что такое решение вызовет сильное противостояние противников, которые пока молчат, Муавийя начал готовить почву для присяги заранее.

В 671 году Муавийя вместе с Йазидом отправился в хадж. Жители Мекки и Медины должны были увидеть будущего наследника и проникнуться к нему расположением. Йазид даже оставил на время свои привычки к винопитию и веселым компаниям, а, наоборот, щедро раздавал в старых столицах милостыню, чем заслужил если уж не любовь, то расположение населения. Учитывая то, что перед хаджем он, по повелению отца, побывал в военном походе на Византию, это также вызывало к нему уважение.

Это был пролог, эпилог наступил через несколько лет, когда Муавийя начинает созывать представителей всех провинций и совещается с ними, рассказывая о своих планах по поводу преемника.

В одно прекрасное утро в центральной мечети разыгрывается целое представление, когда уважаемые люди и главы кланов по очереди расхваливают Йазида и одобряют такое мудрое решение Муавийи. Когда о начавшейся компании узнали в провинциях, то в Медине против этого горячо выступил Абдаллах ибн Аббас, поддерживаемый Айшей.

Муавийя отправляется в Медину лично и, пытаясь наладить дипломатические отношения с несогласными и привлечь их на свою сторону, собирает народ в мечети. Там он обращается к собравшимся с речью, говоря, что некие «слепцы распространяют слухи, что якобы Хусейн ибн Али, Абдаррахман ибн Абу Бакр, Абдаллах ибн Умар и Абдаллах ибн аз-Зубайр не присягают Йазиду, а эти четверо для меня – сайиды мусульман и лучшие из них. Я призвал их к присяге, и они оказались послушными и повинующимися, согласились и присягнули, послушались и отозвались и подчинились». Прибывшие с ним воины при этом достают из ножен мечи и начинают кричать, что готовы отрубить головы тем, кто отказывается от публичной присяги и присягает тайно. Муавийя лицемерно поясняет воинам, что для казни необходимо расследование, но все перечисленные оппозиционеры оказываются в очень сложном положении: если они отрекутся от присяги, то не сносить им головы, а если откажутся потом, то будут обвинены в вероломстве. В итоге они промолчали, а Муавийя принял присягу своему сыну у остальных жителей Медины.

Муавийя умер в апреле 680 года. В своем политическом завещании он заклинал арабский мир не признавать халифами Хусейна ибн Али (внука Пророка) и Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Те, в свою очередь, уклонились от присяги Йазиду и укрылись в Мекке. Недовольны и возмущены назначением преемника и куфские шииты, считающие, что место халифа должен был занять Хусейн. Из Мекки туда выезжает отряд сторонников Хусейна, но он оказывается разбит на подходах к городу. Сам Хусейн ибн Али, не зная об этом, собирается последовать за отрядом и спрашивает у недавно прибывшего из Ирака поэта аль-Фараздака, каковы настроения в Ираке. Тот отвечает: «Сердца их клонятся к тебе, мечи принадлежат сынам Омейи, а решение – в руках Всевышнего: Он сотворит, что Ему угодно».

Слова мудрые, но мало утешительные. Хусейн, собрав небольшой отряд и взяв домочадцев, отправляется в Куфу. Наместник пытается не допустить боя и хочет

окончить дело миром, но некоторые из его приспешников, желая выслужиться, уговаривают наместника Куфы предложить Хусейну сдаться на милость победителя. Такого позора Хусейн не желает для себя и с горсткой преданных воинов вступает в неравный бой, в котором Хусейна убивают, хотя никто из руководства халифата этого не желал. Голову Хусейна привезли Йазиду, и тот, по воспоминаниям современников, был в ужасе от такого «подношения»: смерть внука Пророка легла на него черным пятном. Из-за этого шииты окончательно оказываются в оппозиции к Омейядам. Местом их паломничества становится гробница Хусейна в Кербеле. А в Мекке, Медине, Куфе начинаются шиитские волнения, которые были подавлены войсками халифа. Мекка подверглась осаде, во время которой применялись зажигательные стрелы, от которых загорелась Кааба. Проникнув в город, армия начала грабить горожан, и от окончательного разорения мекканцев спасло только то, что в это время пришло известие о смерти Йазидов. Войска тут же были перенаправлены в Дамаск.

Правление Йазидов оказалось очень коротким, и дело тут не в политическом перевороте: он умер через сорок дней после присяги.

В августе 684 года халифом становится старший среди Омейядов – Мерван ибн аль-Хакам. Он, следуя по стопам Муавийи, также уже при жизни назначает себе преемников, своих сыновей: Абд аль-Малика и Абд аль-Азиза. Он также будет править считанные месяцы: его новая жена (которая ему досталась «в наследство» от Йазидов), желая сделать наследником своего сына Халида, задушит его во сне подушкой.

Такая свистопляска, естественно, отражается на положении халифата: уже в следующем году Византия присоединит к себе Армению и Азербайджан.

Очередным халифом становится Абд аль-Малик, сорокалетний талантливый администратор. Он наводит в халифате порядок, и его дело продолжает его сын, аль-Валид I. Но многих это не устраивает: некий Мухтар ибн Абу Убайда объявляет себя уполномоченным третьего сына Али, Мухаммеда. Но его матерью была не Фатима, дочь Пророка, а невольница из племени ханифа, и большинство шиитов не признают его законным наследником. Впрочем, Мухтару это мало мешает: он вещает от имени являющегося к нему Джабраила, находит множество сторонников и даже завоевывает в 685 году Куфу, казня всех, хоть как-то причастных к гибели Хусейна и сторонников Омейядов (Мухаммед, кстати, во всех этих событиях никакого участия не принимает). Там он, с переменным успехом, умудряется продержаться до своей случайной гибели в боевой вылазке в апреле 687 года.

Вспышки смуты, хотя и не такие мощные, происходят и в других уголках халифата. Но наступивший 697 год знаменует собой окончание периода смуты, и влияние Омейядов укрепляется настолько, что они продержатся у власти еще несколько десятилетий.

ГЛАВА 8. ВТОРОЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЙ

После того как все недовольные в халифате были усмирены, начался второй этап великих арабских завоеваний.

Арабский халифат, как всегда, атаковал в разных направлениях: на востоке целью были Индия и Туркестан, на северном направлении – Армения и Малая Азия, на западном – Северная Африка и Южная Франция. Впрочем, не совсем справедливо это будет называть завоеваниями: население этих территорий, доведенное до предела непомерными поборами и нищетой, зачастую с радостью воспринимало оккупантов и сразу переходило на их сторону.

Бухара и Самарканд

Еще в 671 году Зияд совершил поход на Балх. Город сдался, не оказывая сопротивления, и его жители согласились платить дань на прежних условиях. После этого Зияд, переправившись через Амударью, совершил вторжение в Мавераннахр.

В 673 году Абдаллах, сын ар-Раби, захватил укрепленные города, прикрывавшие важнейшие переправы через Амударью, – Амуйе и Заммом. Но после смерти ар-Раби он был вынужден вернуться в Мерв, где и сам умер через два месяца. Причиной смерти и отца, и сына послужила, по всей видимости, чума.

Новым наместником Хорасана стал Убайдаллах ибн Зияд. Уже через пару месяцев после принятия должности он с двадцатичетырехтысячным войском переправился через Амударью и двинулся на Бухару. Дело было в том, что до арабов дошли сведения о смерти правителя Бухары и о том, что город остался на попечение его вдовы. Но в сорока километрах от Бухары арабы столкнулись с жестоким сопротивлением. Небольшой, но богатый городок Байканда (Пайкенда) был взят ими лишь... наполовину. Вторая его часть, отгороженная стеной, так и осталась в руках местных жителей. Момент внезапности нападения был упущен, и бухарцы обратились за помощью к тюркам.

Правительница Бухары начала вести с подошедшим Убайдаллахом переговоры, пытаясь потянуть время. Но объединенное войско тюрков и согдийцев не устояло перед мощью арабской армии и было разгромлено: бухарцам пришлось заключить мирный договор и платить дань.

Сын халифа Османа – Саид – вытребовал себе внезапно освободившееся место наместника Хорасана, даже в обход Убайдаллаха. В Басре он набрал себе отряд в четыре тысячи воинов из заключенных и прочих не слишком уважаемых, но воинственно настроенных граждан и отправился в Бухару. По пути к отряду присоединились еще несколько тысяч арабов, промышлявших разбоем на дорогах. Хатун предоставила в помощь Саиду отряд бухарцев. Некоторые арабские источники говорят о новом сражении под Бухарой, но, по всей видимости, это всего лишь легенда. Затем Саид отправился на Самарканд, столицу Согда и резиденцию царя (ихшида) Согда, верховного сюзерена долины среднего и верхнего Зеравшана и Кашкадарьи.

По пути он столкнулся с согдийским войском, и его поведение во время этого боя было запечатлено в арабской эпиграмме:

Саид, Усмана сын, амир трусливый,

войну, пока не видел, презирал.

В день Согда, стоя, трясся так от страха,

что думал я – христианином стал.

Сражение, однако, было выиграно, и согдийцы отступили к стенам города. Около месяца продолжались весьма жестокие стычки, в которых Саид потерял глаз, но затем самаркандцы, измотанные боями, предложили мир. Договор был для них весьма невыгодный, и говорят, что его причиной послужило то, что арабы могли захватить в плен детей городской знати, укрытых в замке за городом. По разным данным, жители Самарканда должны были выплатить то ли 500 000, то ли 700 000 дирхемов и предоставить заложников из знатных семей для беспрепятственного прохода арабов через согдийскую территорию.

Саид, однако, договор нарушил и увез заложников дальше, в Медину. Там их заставили работать в финиковых рощах, принадлежавших Саиду. Через несколько лет эти аристократы, превращенные в рабов, напали на Саида, когда он осматривал свои владения, и закололи его. Дальнейшая их судьба печальна: одни из них сразу покончили жизнь самоубийством, другие были осажены на вершине скалы, где умерли мучительной смертью от жажды и голода.

Покорение Северной Африки

Одними из самых сильных противников, наряду с Византией, были для арабов и берберы. В 689 году халиф Абд аль-Малик решил освободить от берберов Кайруан, который они легко захватили ввиду малочисленности арабского гарнизона. Но только под арабским напором берберы начали отступать, как высадившийся десант византийцев уничтожил войско мусульман. Через семь лет, в 696 году, арабы повторили попытку, выслав уже сорокатысячное войско. Практически сразу был взят Карфаген, но византийский император снова выслал флот, и арабам опять пришлось отступить. Еще через два года, в 698-м Карфаген был все-таки взят арабами при поддержке со стороны своего флота, и, чтобы подобные истории не повторялись, в городе просто сровняли с землей все укрепления. Однако берберы под предводительством воинственной амазонки Кахины снова пошли в атаку, и арабам пришлось отойти к Кайруану. Халиф смог прислать подкрепление только лишь в 703 году, и Кахина, понимая, что на этот раз война проиграна, отправила своих сыновей к арабам, велев им принять ислам. Сама же она погибла в сражении у колодца на горе Аукас.

Война в Северной Африке была выиграна – берберы вслед за сыновьями Кахины стали принимать ислам и поступать на службу к халифу, а византийцы были вынуждены покинуть Африку.

В это же время один из покорителей Африки, Муса ибн Нусайр, отправил своего подчиненного, Ата ибн Рафи, на Сицилию. Остров был легко взят, и арабы вернулись с богатой добычей. 663 год можно считать началом легендарного нашествия сарацин на Европу.

Около 700 года арабами был захвачен остров Коссуру, лежащий между Сицилией и Африкой. Это был хороший плацдарм, позволявший мусульманам совершать морские вылазки как на острова, так и на земли южной Италии. Европейская литература этих времен полна апокалипсическими предсказаниями о нашествиях сарацин, по всей видимости, подобные же настроения царили и в обществе.

Но завоевание Сицилии началось позже, уже в IX веке. Пока же арабы решили заняться Испанией.

Нашествие сарацин на Европу. Испания

Муса ибн Нусайр не собирался останавливаться и через несколько лет, в июле 710 года, выслал отряд берберов под командованием Абу Зуры Тарика ибн Зийяда в Испанию. Это была, так сказать, разведка боем. Арабы прошли огненным смерчем по побережью, и уже на следующий год Тарик с семитысячным отрядом вновь пересек испанские границы. Вестготы, владевшие этими территориями, были весьма обеспокоены подобной активностью и выслали войска, которые Тарик встретил у реки Вали Беккаа (исп. Саладо). Легенда гласит, как, узнав о том, что против него идет мощное войско (по некоторым данным, около семидесяти тысяч воинов), Тарик приказал сжечь корабли, показывая арабам, что пути к отступлению у них нет.

Легендарные готы, положившие конец Римской империи, драться умели, и бой у Саладо длился на протяжении восьми дней. Готский король Родерик участвовал в бою лично и показывал, как вспоминали очевидцы, чудеса храбрости.

Последним царем Андалусии был Витица, который, скончавшись, оставил троих сыновей – Оломонда, Ромуло и Артабаса. Они были еще совсем малы, и от их имени правила мать. Родерик был военачальником королевства и, устроив смуту, захватил власть, изгнав сыновей покойного короля. Впрочем, стоит сказать, что происхождение у Родерика также было вполне королевским: его отец происходил из вестготского королевского рода.

Но арабы умели не только воевать, но и договариваться. Вскоре несколько придворных перешли на сторону мусульман, и войска готов были разбиты. Последний король вестготов Родерик исчез, и его дальнейшая судьба неизвестна.

Арабский историк Ахмед ибн Мохаммед аль-Маккари описывает эту битву так: «...Обе армии приготовились к битве; каждый военачальник построил свои кавалерию и пехоту, и как только был дан сигнал, армии сошлись с шумом, будто друг с другом столкнулись две горы. Король Родерик восседал на троне под навесом из разноцветного шелка, укрывавшего его от солнечных лучей, окруженный воинами, закованными в сверкающую сталь с развевающимися флагами и многочисленными знаменами и штандартами. Люди Тарика были снаряжены иначе; их груди были скрыты под кольчужными доспехами, на головах были надеты белые тюрбаны, за спинами висели арабские луки, за поясами торчали мечи, а их руки твердо сжимали длинные копья.

Король Родерик (гравюра из посвященной ему хроники, XVI в.)

Говорят, что когда две армии шли навстречу друг другу, и взор Родерика упал на людей в первых рядах, его охватил ужас, и послышался восклик: «Во имя мессии! Это те самые люди, которых я видел нарисованными в свитке, найденном в толедской усадьбе», и с этого момента страх вошел в его сердце; а когда Тарик заметил Родерика, он сказал своим сторонникам: «Это король христиан» и бросился в атаку со своими людьми. Воины, окружавшие Родерика, были рассеяны; видя это, Тарик прорвался через ряды врагов, пока не достиг короля и не ранил его мечом в голову, и не убил его прямо на троне; когда люди Родерика увидели, что их король пал и его телохранители рассеяны, отступление стало всеобщим и победа осталась за мусульманами.

Поражение христиан было полным, вместо того чтобы собраться в одном месте, они бежали в разные стороны, а паника передалась их соотечественникам, города открыли ворота и замки сдались без сопротивления».

Арабские историки утверждают, что голова Родерика была доставлена сначала Тарику, потом Мусе ибн Нусайру, а затем послана халифу. Но ряд исторических источников заставляют в этом сомневаться.

Тарик отправился в Кордову, приветствуемый населением как освободитель. Взгляды арабов на веротерпимость были хорошо известны, и христиане не видели в исламском нашествии ничего страшного, а иудеи, которых собирались тут насильно окрестить, воспринимали его с благодарственными молитвами. Лишь несколько замков оказали мусульманам незначительное сопротивление.

Двор и духовенство не стали дожидаться входа в город мусульманских войск и бежали. Фактически, благодаря одному сражению, Тарик завоевал целую страну, сказочно богатую даже по европейским меркам, не говоря про арабские. Муса ибн Нусайр, оборонявший в это время Кайруан от оставшихся непокоренными нескольких племен берберов, был весьма расстроен: его подчиненный, прежде никому не известный, снискал славу покорителя целой страны. В итоге летом 712 года во главе восемнадцатитысячной армии он высадился в Испании и стал искать славы и себе, осаждая оставшиеся крепости: Шелушу, Карману, Севилью, Мерилу и так далее. Войдя в Толедо и увидев Тарика, который встречал его как начальника, пешком, Муса ударил его по спине плеткой, утверждая, что тот начал войну без приказа начальства. Тарик был брошен в тюрьму, а его восставшие соплеменники разгромлены и казнены. Впрочем, уже через год Тарика освободили и снова поставили во главе одного из отрядов.

Существует арабская легенда, пересказанная Ибн Кутайба, в которой говорится, что в королевском замке в городе Толедо были покои, на дверях которых находилось двадцать четыре запора: «Всякий раз, как воцарялся новый царь, вешали на двери новый замок по обычаям прежних властелинов. Так было до той поры, пока не захватил трон Родерик-гот, при котором пала власть христиан в Андалусии. И говорили, что, взойдя на престол, Родерик воскликнул: „Клянусь Богом, не хотел бы я умереть, не узнав о тайне этого дворца. Во что бы то ни стало я открою эти двери и собью эти замки, и посмотрю, что находится внутри“. Тут все знатные христиане и люди духовного звания окружили его и стали спрашивать: „Что желаешь ты найти в том дворце, почему так упорно стремишься открыть его?“ Родерик же твердил: „Клянусь Богом, я не хочу умереть, не открыв этой тайны, и не буду я самим собой, если не узнаю ее“. Тогда вельможи сказали ему: „Опомнись, не

гневи Господа, не будет добра ни тебе, ни людям, если ты нарушишь древний обычай. Не бывать счастливым тому, кто забывает заветы предков своих! Оставь свои замыслы! Любопытство и алчность – всегда дурные советчики, и пусть они не совлекут тебя с пути твоих предков, ибо те обладали мудростью большей, чем наша, и лучше нас ведали, что творили!“ Но Родерик, отвратив от них слух, твердил свое: „Я во что бы то ни стало открою двери дворца и узнаю его тайну!“ Те почтенные и богобоязненные люди, стараясь совлечь Родерика с пути невежества и гордыни, говорили: „Поведай нам, какие сокровища ты хочешь найти во дворце? Сколько там, по твоему разумению, денег, дорогих камней и прочих сокровищ? Молви лишь слово, и мы дадим тебе вдвое больше, только не нарушай древний обычай, не навлекай на нас тяжкие беды!“ Но Родерик стоял на своем и велел сломать все замки и запоры и открыть двери. И когда они отворились, то люди увидели на стенах изображения арабов, а посреди покоев лежал пергамент, на котором было начертано вот что: „Не отверзайте сии двери, ибо свершивший подобное падет от руки ратников, здесь изображенных“. И в том же году мусульмане высадились на андалусский берег».

В течение осени Испания, практически вся, оказалась под властью мусульман. Исламской столицей страны стала крепость Нарбонна.

Халифат достиг максимальных границ своей державы и больше уже не увеличивался, несмотря на неоднократные попытки.

Битва при Ковадонге (718 г.). Поражение или победа?

Битва при Ковадонге, произошедшая в 718 году, считается началом Реконквисты (исп. *reconquista*, от *reconquistar* – отвоевывать), началом освобождения Пиренейского полуострова от арабов и берберов (которых впоследствии объединили словом мавры), длившимся почти восемь столетий.

Но сначала предыстория.

В правление короля вестготов Витицы герцог Фавила был арестован и казнен. Его сын, Дон Пелайо, опасаясь королевского гнева, бежал в Кантабрию, где у него было множество сторонников. Витица постарался достать Пелайо и в Кантабрии, и он, не желая неприятностей своим друзьям, отправился в паломничество в Иерусалим в сопровождении некоего Себаллоса. Не совсем ясно, было ли это паломничество на самом деле, или это просто красивая легенда, но еще в XV веке в одной из испанских церквей хранились посохи Пелайо и Себаллоса, с которыми те якобы путешествовали в Иерусалим. Молва приписывает Пелайо это путешествие и то, что он сумел во время него увидеть жизнь арабов изнутри.

После воцарения Родерика Пелайо с почетом получает титул графа и становится одним из руководителей королевской гвардии. После сражения у Гвадалеты он не бежит вместе с остальными вестготами в Нарбоннскую Галлию или в Астурию, а задерживается в Толедо. В то время в Толедо хранились некие христианские священные реликвии, привезенные беженцами из Иерусалима в 615 году, когда Хосров, шах Персии, захватил всю Палестину.

Архиепископ Толедо Урбан вместе с влиятельными горожанами пытается спасти эти реликвии и отправляется в Астурию. Сопровождает его и Пелайо. Там в горе, называемой ныне Монсакро, находящейся около Морсина, в десяти километрах от

Овьедо, Урбан приказывает вырубить пещеру и прячет в ней реликвии. Позже, во время царствования Альфонсо II Целомудренного, они были извлечены, и в Овьедо специально для них была построена церковь, посвященная Святому Михаилу Архангелу, называемая сегодня Святая Палата.

Осенью 714 года Муса проходит по Астурии и оставляет здесь, в Хихоне, отряд под командованием Мунусы.

Между тем в Астурии оседает довольно много христиан-беженцев, которые не собираются подчиняться мусульманам. Общее брожение в итоге вырастает в понимание того, что необходимо собирать боевой отряд. Летом 718 года на Поле Хура, между деревней Кангас де Онис и долиной Ковадонга, проходит собрание местной христианской знати. Предводителем отряда избирается Пелайо, который не только является принцем королевской крови из рода герцогов Кантабрии, но и известен всем как весьма мужественный человек и умелый полководец.

Мунуса узнает о собрании и сообщает об этом эмиру Андалусии. Но, однако, на этих территориях весьма много христианских анклавов, не желающих, в той или иной мере, признавать власть ислама, и поэтому помощь не спешит. Только в 722 году в Астурию прибывает карательный отряд под командованием аль-Кама. Вместе с мусульманами прибывает и прелат из Севильи Оппа (брат короля Витицы), который должен убедить Пелайо и его людей сдаться и не проливать кровь понапрасну.

Мусульмане, двигаясь через Тарну по берегам реки Налин, входят в Лукус Астурум, а уже оттуда в долину Ковадонга. У Пелайо всего 105 человек, и, когда они услышали о приближении мощного мусульманского отряда, их охватила паника. Однако Пелайо приказывает готовиться к схватке и поднимается с людьми на гору Аусева, где находится считающаяся священной пещера с образом Девы Марии.

Легенда рассказывает, что испанцы увидели в небе огненный крест, и Пелайо произнес речь, говоря, что «это тот Крест Победы, который мы потеряли на Гвадалете». После этого он приказал вырезать крест, подобный огненному, из росшего около дуба и велел установить его на горе. Позже сын Пелайо Фавила поместил этот крест, получивший название «Крест победы», в церкви Санта Крус в Кангас де Онис. Альфонсо III Великий перенес его в замок Гаусин, приказав покрыть золотом и драгоценными камнями, а ныне он хранится в соборе Овьедо.

Наконец мусульмане подходят к горе и высылают к Пелайо переговорщика, прелата Оппу.

– Я уверен, что твои действия бесполезны, – обращается тот, согласно легенде, к Пелайо. – Какое сопротивление ты можешь оказать в этой пещере, когда вся Испания и ее армии, объединенные под властью готов, не смогли противиться исмаилитам? Слушай мой совет: уходи отсюда с большим количеством имущества, которое было твоим, и живи в мире с арабами, как это делают остальные.

Но Пелайо отвечает:

– Я не хочу дружбы с сарацинами. Разве не знаешь ты, что Церковь Божья сравнивается с луной, которая после затмения возвращает себе всю полноту? Мы доверяемся милосердию Бога нашего, Иисуса Христа. С его помощью из этой пещеры, которую ты видишь, снизойдет благодать на Испанию. Ты и твои братья, с Хулианом, сообщником дьявола, решили вручить этим врагам христианства королевство готов; но мы, с помощью Отца нашего Иисуса Христа, презираем это множество язычников, которые будут гореть в аду. Мать Божья, Мать милосердия, нас защитит, и эти 105 готов превратятся в большую армию, как большое поле вырастает из малых зерен горчицы.

Оппа, выслушав ответ, возвратился к арабам и сказал, что вряд ли что-то кроме меча сможет убедить этих людей.

Небольшой отряд Пелайо укрылся в пещере, и мусульмане начали штурм, обстреливая пещеру из луков и пращей. Пелайо же отдал приказ скидывать с горы большие камни и стволы заранее срубленных и очищенных от ветвей дубов. Катящиеся камни и деревья разметали отряд мусульман, а люди Пелайо довершили их работу. Аль-Кама был убит, и как раз в это же время разыгралась страшная буря, которая так испугала сторонников ислама, что они пустились в бегство.

Аль-Кама был найден мертвым среди множества тел и даже не сразу опознан, Оппа попал в плен. Остаток мусульманского отряда отправился к Либане. Испанская легенда говорит, что когда они проходили по берегу реки Дева, около имения Касегадия (вблизи Либаны), то гора задрожала и сбросила в реку множество мусульман. Сложно сказать, произошло ли это на самом деле или нет. Сведений об этом отряде больше не встречается.

Мунуса, узнав о поражении высланного отряда, оставил Хихон и двинулся навстречу Пелайо. Они встретились у деревни Олалла (недалеко от скита Святого Эулалия, около современного Овьедо). Но, похоже, судьба была не на стороне арабов, превосходящих испанцев силами. Отряд Мунусы был полностью уничтожен, а сам Мунуса убит.

Слух о таких, прямо скажем, чудесных событиях мгновенно разлетелся по всей испанской земле, и множество христиан, прежде всего из Галисии и Бискайи, устремилось в Кангас де Онис. Вскоре оставленный арабами Хихон был снова под христианским владычеством. Был среди пришедших и Альфонсо, сын герцога Педро, с большим отрядом солдат. Позже он вступил в брак с Эрмезиндой, дочерью Пелайо, а после смерти Фавилы стал королем Альфонсо I Католиком.

Пелайо, поняв, что сила сейчас на его стороне, с отрядом из восьми тысяч пехотинцев и ста пятидесяти всадников осадил Леон. Мавры призвали помощь из Толедо. Пелайо же предпринял несколько штурмов, и мусульмане, понимая, что проигрывают, попросили перемирия на три дня. Штурм не возобновился: мусульманский командир Итрус сдал Леон при условии свободного выхода из него мусульман.

Когда подошли мусульманские войска из Толедо, то Пелайо уже занял оборону и, оставив в городе военачальником капитана Ормисо, направился в Астурию за подкреплением. Мусульмане осадили город, но вскоре руководитель отряда получил из Толедо известие о болезни своего сына и вынужден был вернуться, осада была снята.

Пелайо умер в Кангас де Онис в 737 году и был похоронен, согласно завещанию, в церкви Святого Эулалия де Абамия, недалеко от Ковадонги. Он считается героем Испании, начавшем Реконквисту, освобождение Испании от мусульман, которая завершилась только 770 лет спустя.

Опала завоевателей

Судьба двух великих арабских завоевателей, Мусы ибн Нусайра и Тарика ибн Зияда, печальна. В сентября 714 года их вызвал к себе в Дамаск халиф аль-Валид с требованием доложить лично о произведенных завоеваниях.

Муса оставил вместо себя наместником региона своего второго сына, Абдул-Азиза, и вместе с Тариком отправился в Дамаск. Путешествие было долгим: Муса

двигался с длинным конвоем из берберских вождей, вестготских князей, военнопленными, рабами и караваном, нагруженным драгоценностями древних городов Испании. В Сирии военачальники оказались только в феврале 715 года, когда аль-Валид был уже смертельно болен и не вставал с постели. Завоеватели Европы так и не были приняты, а вскоре халифат перешел к брату прежнего халифа аль-Валида Сулейману (прав. 715 – 717). Арабские историки вспоминают его не слишком тепло: он не был, в отличие от своего отца и брата, талантливым руководителем и запомнился многим как человек жестокий и злопамятный. Он, опасаясь набравших слишком большой вес героев, принял их не слишком радушно и, как говорят некоторые, даже унижительно. А ведь Муса, хотя и был очень мощным полководцем, никогда даже не намекал на желание получить независимость от Дамаска. Наоборот, ему приписываются идеи завоевания всей христианской Европы, включая Францию, Италию и Грецию. Обрато в Европу полководцы уже не отправились и окончили свои дни в Дамаске, в бедности и безвестности.

Впрочем, новый халиф не ограничился только опалой завоевателей Европы. Известный наместник Хад-жадж ибн Юсуф не дожид до вступления на трон нового халифа, скончавшись в 714 году, и потому Сулейман решил снять его ставленников: Мухаммада ибн Касима, первого полководца, вторгнувшегося в Индию, и Кутайбу ибн Муслима, покорителя Трансоксианы (Средняя Азия). Мухаммад после отставки был обвинен в многочисленных преступлениях и казнен. Кутайба отставки ждть не стал, а попытался организовать мятеж в Мерве, но был убит.

Одновременное и, по сути, бессмысленное уничтожение новым халифом практически всех лучших военачальников, цвета арабской армии, серьезно дискредитировало власть и сыграло не лучшую роль в дальнейшей судьбе халифата. Основной причиной этих бессмысленных расправ были, видимо, сложные отношения между халифом и его покойным братом: он, скорее всего, мстил тем людям, которые поддерживали предыдущего халифа. Но в итоге многие наместники, поняв, как неустойчиво их положение и на каком тонком волоске висят их жизни, встали в молчаливую оппозицию к Дамаску.

ГЛАВА 9. ТОЧКА ПОВОРОТА

«Битва когорты смертников»

Поворотной точкой в покорении мусульманами Европы считается битва при Туре, произошедшая 10 октября 732 года. Некоторые источники называют ее битвой при Пуатье, а в арабских источниках она известна как «Битва когорты смертников».

Как уже было сказано, битва при Кавадонге, внесенная в европейские хроники как эпохальное событие, в мусульманских упоминается лишь как небольшая стычка, и

вряд ли правители халифата, не говоря уже о простых смертных, придавали ей хоть сколько-нибудь серьезное значение.

Серьезный отпор мусульмане получили лишь три года спустя, в битве при Тулузе (721 год), когда Герцог Одо Аквитанский (еще его называют Юдес Великий) не только деблокировал осажденную Тулузу, но и ранил самого аль-Самн Ибн Малика. Силы мусульман состояли в основном из пехоты, кавалерия же не успела к битве. Одо сумел провести круговой обхват, абсолютно внезапный для мусульман, – самоуверенно не ожидавших нападения с тыла, – вся оборона которых была направлена внутрь, к осажденному городу.

Впрочем, даже это не остановило шествие мусульман. Утвердившиеся в Нарбонне и снабжаемые с моря, арабы направили свои удары на восток и в 725 году дошли до Атуна в Бургундии. Одо Аквитанский, оказавшись зажатым между двумя противниками (с севера франками, а с юга мусульманами), в 730-м вступил в союз с Берберским эмиром Утманом Ибн Найса, наместником современной Каталонии, в жены которому ради поддержания мира была отдана дочь Одо, Лампада. Арабские походы через Пиренеи, южную границу Одо, были прекращены. Но мир продержался недолго: через год Утман восстал против генерал-губернатора Андалузии, Абд аль-Рахмана, и потерпел сокрушительное поражение. Абд аль-Рахман решил заодно разобраться и с Аквитанией. По словам одного арабского историка, армия Рахмана «проходила везде как разрушающий шторм». Состоящая из тяжелой арабской кавалерии, легкой кавалерии берберов и массы пехотинцев, армия Рахмана отправилась на север от Пиренеев. Одо собрал войско в Бордо, но оно было разбито, а сам Бордо разграблен. Европейская летопись замечает, говоря об этой битве: «Только Бог знает счет убитым».

В отличие от битвы при Тулузе под Бордо основная сила мусульман была в коннице. Отсутствовал и фактор внезапности: мусульмане успели выстроиться в боевой порядок, и обошлись практически без потерь со своей стороны. Силы Одо, преимущественно пехота, были обращены в бегство при первой же атаке мусульман, и основные потери были уже не в бою, а когда конница преследовала бегущее войско. Весьма быстро Рахман опустошил окрестности Бордо, и, согласно уже арабской летописи, «правоверные пронеслись через горы, проскакали через холмы и равнины, вломились далеко во Франкские земли и поразили всех мечом, так что сам Юдес, пришедший на битву при реке Гаронне, бежал».

Одо ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью к своему врагу, к франкам. Шарль Мартель не горел желанием выступить на стороне Аквитании и согласился лишь после того, как Одо подписал договор, в котором признавал свое безоговорочное подчинение франкам.

Вскоре около города Тур, находившегося у границы между Франкским королевством и Аквитанией, встретились франкские войска под руководством Австразийского мажордома Шарля Мартеля и арабские под командованием Абдул Рахман аль-Гафики, наместника Андалузии.

Историки расходятся в оценках этой битвы. Некоторые считают ее ключевым моментом в истории противостояния Европы и Халифата. Леопольд Фон Ранке, например, утверждает что «битва при Пуатье была поворотным пунктом одной из самых важных эпох в истории мира». Многие современные историки относятся к этой битве значительно проще, хотя и признавая ее важное значение для формирования Европы без мусульманского присутствия. Но как бы то ни было, битва при Туре сыграла значительную роль в падении династии Омейядов. Потерпевшие разгром Омейяды так и не смогли возродить халифат в прежнем величии и вскоре лишились власти.

Точное место битвы при Туре до сих пор не известно. Христианские и мусульманские источники противоречат друг другу в ряде деталей. Общее мнение

сводится к тому, что, скорее всего, битва произошла около слияния рек Клаин и Вена, между городами Тур и Пуатье.

Битва при Туре (Пуатье). Картина Шарля де Стюбена (1834 – 1837)

Также остается не до конца проясненным и вопрос о численности войск. Последние данные, наиболее объективные, приводимые, в частности, в работе 1999 года Пол К. Дэвиса, говорят о том, что мусульманское войско составляло около 80 000 человек, а франков было около 30 000. Некоторые, впрочем, уменьшают численность обеих войск, считая, что франков было около 20 000 человек, а мусульман порядка 75 000. Но как бы то ни было, расклад сил примерно ясен. (Хотя можно найти и совершенно другие цифры: некоторые считают, что армии были равны, а другие историки и вовсе утверждают, что франки количеством превосходили мусульман. Но в этом случае есть ряд возражений, довольно-таки существенных, например, невозможность организовать снабжение продовольствием столь большой армии франков, что заставляет воспринимать эти сведения с недоверием.)

Но, как бы то ни было, франкское королевство Карла Мартелла было главной военной силой Европы. В современных границах оно располагалось на большей части сегодняшней Франции (Австразии, Нейстрии и Бургундии), большей части Западной Германии и на значительной части нижних ее земель.

Скорее всего, оказавшись на чужих территориях, арабы, опьяненные собственными завоеваниями, перестали уделять должное внимание разведке и, в сущности, плохо представляли, что является собой армия франков. Арабские летописи начинают говорить о них лишь после битвы при Туре. Не была даже проведена разведка на местности, и потому весьма большая армия Мартелла оказалась арабами не замеченной. По своему обыкновению арабы продвигались на север маленькими группами. Пока основное войско с обозом неторопливо двигалось вперед, дожидаясь сбора урожая для обеспечения себя провиантом, маленькие отряды, шедшие впереди, захватывали и грабили небольшие города и деревни.

Есть версия, что аль-Гафики хотел поживиться сокровищами аббатства Святого Мартина в Туре, легендарной церкви тех времен. Мартель, получив эти данные, отправился на юг, желая застать мусульман врасплох и потому передвигаясь подальше от старых римских дорог. Это, как мы уже сказали, ему удалось. Мартель хотел использовать в битве строй фаланги, и поэтому ему нужна была лесистая возвышенная равнина, где он мог построить своих людей и заставить мусульман атаковать. Франки, как пишут арабские историки, построились большим квадратом на подъеме между деревьями. Это заранее делало невозможным атаку конницы, которая составляла одну из главных сил арабской армии. К тому же лес мешал арабам оценить истинную величину вражеского войска: Мартель сделал все, чтобы создать видимость, что солдат у него больше, чем на самом деле.

Семь дней армии стояли друг напротив друга, лишь изредка смельчаки вступали в небольшие стычки. Мусульмане ждали прибытия основных сил. Но дело в том, что и Мартель вызвал из крепостей Европы своих старых воинов, с большим боевым опытом. Так что задержка была выгодна на первый взгляд обоим армиям, но только финал битвы расставил все по своим местам. Подошло к Мартелю и ополчение, которое, впрочем, в бою с лучшей армией мира имело только количественное, но никак не качественное значение.

В принципе, во многом битва была выиграна Мартеlem еще до начала сражения. Он навязал противнику не только местность и время, но и свой стиль боя. Мусульманам оставалось или идти в гору, сквозь деревья, теряя все преимущества конницы, либо разворачиваться и уходить. Ожидание играло против арабов: приближалась европейская зима, весьма суровая для детей Юга. Впрочем, арабы, в отличие от армии франков, располагали палатками, франки же были лучше одеты: медвежьи и волчьи шкуры использовались ими издавна. Абд аль-Рахман понимал, что с наступлением холодов битва будет точно проиграна, и отдал приказ наступать. Это была еще одна победа Мартеля: арабы, несмотря на множество попыток, так и не смогли выманить его на открытую местность.

Абд аль-Рахман послал в атаку конницу. Бой был тяжелым, несколько раз конница откатывалась от строя франков, но аль-Рахман снова и снова давал приказ наступать. Согласно мусульманским источникам, каре франков было несколько раз пробито во время атаки, но франки не дрогнули. Обе стороны несли большие потери. Автор Мозарабской Хроники, предположительно испанский прелат, писал: «И в гоме сражения люди Севера казались морем, которое невозможно сдвинуть. Твердо они стояли, плечом к плечу, строясь, как глыба льда; и сильными взмахами своих мечей они срезали арабов. Собравшись толпой вокруг своего вождя, люди Австразии отражали все перед собой. Их неутомимые руки поднимали мечи к груди их врагов».

Произошло немислимое для тех времен событие: пехота выстояла в бою с конницей! Ядро армии Мартеля состояло из профессиональных солдат, некоторые из которых воевали еще с 717 года, а в мирное время круглогодично тренировались, спонсируемые церковью. Солдаты из Льежа, «личная гвардия» Мартеля, стояли вокруг него плотным квадратом (каре) и не давали его поразить прорвавшимся через фалангу мусульманам. Когда битва была в самом разгаре, Мартель вынул из рукава свой последний козырь: его засадный отряд начал громить обоз мусульман. Эта новость мигом облетела ряды атакующих, и они, забыв про Мартеля, бросились спасать награбленное имущество и захваченных рабов.

Помимо отвлечения войска у Мартеля, думается, была и еще одна идея: он хотел атаковать силы мусульман еще и с тыла, но уже с помощью их бывших рабов. Но этого, собственно, и не понадобилось: ринувшихся защищать имущество было столько, что это выглядело как полномасштабное отступление, и «любители трофеев» увлекли за собой и всех остальных.

Арабские историки утверждают, что битва продолжалась и на второй день, но в данном случае стоит поверить европейским, которые говорят, что бой шел только один день.

Абд аль-Рахман, пытаясь остановить бегущих, оказался окружен франками и был убит. После чего отступление усилилось, и, как пишет арабский историк, «все воины бежали перед лицом врага, и многие пали в этом бегстве». Мартель восстановил фалангу и стал ожидать, что утром мусульмане возобновят атаку. Но, однако, утром было тихо. Франки считали, что их хотят выманить на открытую местность, и стойко ждали атаки или чего бы то ни было. Однако через несколько часов разведка доложила, что лагерь мусульман брошен, там валяются оставленные палатки и много другого добра, а сами мусульмане еще под покровом ночи отправились в Иберию.

Современными историками множество работ посвящено анализу битвы при Туре. Абсолютно ясно, что Мартель полностью навязал аль-Рахману и стиль битвы, и ее время и место. Понятно, что история не знает сослагательного наклонения, но, совершив те ошибки, которые были сделаны аль-Рахманом до прихода под Тур (отсутствие разведки и другие), наиболее стратегически верным для него был бы отказ от битвы и возвращение с добычей назад, с оставленными гарнизонами в

захваченных городах Западной Галлии. Чуть позже мусульмане смогли бы встретиться с франками уже не при таком количестве неблагоприятных факторов. Но вино предыдущих побед сыграло свою роль. И Европа начала освобождение от мусульманского гнета.

Историк Халлам сказал: «Можно с уверенностью утверждать, что битва при Туре, безусловно, находится в одном ряду среди тех немногих сражений, в которых противоположный исход изменил бы мировую драму: с Марафоном, Арабеллой, Метарусом, Шалоном и Лейпцигом».

Нашествие сарацин на Европу остановлено

Мусульмане отступили за Пиренеи. Одо около 735 года умер, и Мартель хотел присоединить его герцогство к своим землям, но местная знать провозгласила сына Юдеса, Хунода, герцогом. Мартель после долгих сомнений, когда мусульмане снова вторглись в Прованс, все-таки признал его воцарение. Хунод, не желавший признавать власть Мартеля, при вторжении также оказался лишен выбора. Он признал верховенство Мартеля, тот подтвердил его герцогство, и оба стали готовиться встретить войска халифата.

Укба ибн аль-Хаджадж, новый губернатор Андалузии, решил снова войти в Галлию, желая отомстить за поражение у Пуатье и распространить в Галлии ислам. Укба сумел обратить около 2000 захваченных во время похода христиан. Он собрал армию в Сарагосе и, преодолев реку Рону, захватил и разграбил Арль, затем совершив походы в Лион, Бургундию и Пьемонт. И даже, несмотря на сильное сопротивление, сумел захватить Авиньон.

Гениальный тактик Мартель снова, по мнению историков, принял единственно верное решение: будучи уверенным в необходимости запереть мусульман в Иберии и не дать им закрепиться в Галлии, он вышел на арабов, разбив одну их армию под Арлем и главные силы в битве при реке Берр, под Нарбонной. Арль был взят и разрушен, но Нарбонну Мартелю взять не удалось, ее защищали арабы, берберы и местные христиане – жители Визиготы. Мусульмане контролировали Нарбонну еще 27 лет, но попытки дальнейшей экспансии после этого разгрома уже оставили. Старые договоры с местным населением ими строго соблюдались, а в 734 году губернатор Нарбонны, Юсуф ибн аль-Рахман аль-Фири, заключил новые договоры с несколькими городами, пытаясь воспрепятствовать Мартелю расширять контролируемые им территории. Мартель же не хотел обездвиживать свою армию осадой, понимая, к тому же, что арабы довольно плотно изолированы в Нарбонне и Септимании и вряд ли могут предпринимать какие-либо опасные для него действия.

Нарбонна сдалась только в 759 году, это стало следствием гражданской войны и распада халифата, а также умелых действий сына Мартеля Пипина Короткого.

Современные историки, как и древние арабские, расходятся в оценке произошедших битв. Одни считают, что значение их преувеличено и обыкновенная вылазка арабов превращена в оккупацию, а мелкое поражение превращено в разгром, закончивший эру набегов. Другие же подчеркивают важное макроисторическое значение разгрома второго похода мусульман в Европу. Примерно такие же споры шли и среди древних мусульманских историков. Абсолютное большинство современников считало события в Европе лишь

незначительными баталиями, уделяя основное внимание второй осаде Константинополя в 718 году, закончившейся катастрофическим поражением.

Современные же арабские ученые считают, что Халифат был государством джихада и прекращение завоеваний означало для этого государства гибель. Фактически франки, остановив мусульман в Галлии, подрубили корень государственности халифата на полуострове.

Халид Яхья Бланкиншип считал, что поражение под Туром стало одной из тех неудач, которые привели к упадку Омейядского халифата: «Растянувшись от Марокко до Китая, Омейядский Халифат основывал свой успех и расширение на доктрине джихад – вооруженной борьбе по захвату всей земли во славу Господа, борьбе, приносившей заметный успех в течение века, но внезапно остановившейся как вкопанная и приведшей к падению династии Омейяд в 750 году от рождества Христова. Конец государства Джихада впервые демонстрирует, что причиной этого коллапса явился не просто внутренний конфликт, как утверждалось, но и набор одновременных внешних факторов, растянувших возможность халифата реагировать на них. Эти внешние факторы начались с разгромных военных поражений при Византии, Тулузе и Туре, которые привели к Великому восстанию Берберов в 740 в Иберии и Северной Африке».

Король Пипин Короткий, сын Мартеля, наблюдает за выстрижением головы экс-короля Хилд ерика III, свергнутого им с трона и высылаемого в монастырь.

Восстание берберов. Падение династии Омейядов

Правление Омейядов (661 – 750 гг.) можно в целом охарактеризовать как эпоху второй великой экспансии ислама. Многие же называют ее периодом самоуничтожения арабского национального государства. Несмотря на все большее количество обращенных народов на территории халифата, ржа противоречий стала разъедать самих мусульман. Шииты уже представляли реальную угрозу правящему режиму, хотя их пропаганда и была скрытой. Особенно их много было среди персидских мавали, новообращенных мусульман. Хариджиты успешно обращали в свою веру Северную Африку и нашли мощную поддержку среди некоторых берберских племен. Было множество их сторонников в Персии и Аравии, не говоря уже про Ирак.

Не лучше обстояло дело и на самом арабском полуострове. Племена то и дело вспоминали о своем происхождении – северном или южном, результатом чего была не утихающая межклановая вражда.

Все больше и больше мусульман были недовольны правлением Омейядов. Как уже сказано выше, Пророк Мухаммед, кроме дяди Абу Талиба, сыном которого был Али, имел и другого дядю – Аббаса. Али, правда, был женат на дочери Пророка Фатиме, и через нее его потомки являлись прямыми наследниками самого Мухаммеда. Но и потомки Аббаса, аббасиды, являлись также прямыми родственниками Пророка. До определенной поры они не играли никакой роли в общественной жизни халифата, но правнук Аббаса, Мухаммед ибн Али, живший в

безвестности около Маана (современная Иордания), неожиданно начал мощную антиомейядскую агитацию. Есть версия, что он унаследовал от одного из алидов, Абу Хашима Абдуллаха ибн аль-Ханафии, тайную организацию, желающую передать халифат потомкам Пророка. Трудно сказать, насколько это так и не является ли это позднейшей выдумкой, но Мухаммед развернул в далекой, слабо контролируемой властью провинции Хорасан, действительно мощную пропаганду. Провинция эта всегда ревниво относилась к Дамаску, и вскоре, среди подготовленного шиитами населения, у Мухаммеда было множество сторонников.

В халифате были и другие внутренние проблемы. После завоевания Кутайбой ибн Муслимом Трансоксианы множество персов и тюрков здесь приняло ислам и пополнило арабскую армию в качестве рекрутов. Халиф Умар II (прав. 717 – 720) изменил налогообложение, пытаясь установить равенство между арабами и прочими мусульманами. Однако вскоре после его смерти реформы были забыты, и стали применяться старые методы исчисления налогов. Откликнувшись на послабление налогового бремени, в армию поступило множество новообращенных мусульман, а теперь они не могли понять, почему на словах они равноправны с арабами, но от подати не освобождаются. Более того, думается, что именно освобождение от налогов для многих явилось первоначальным стимулом для принятия новой религии. Сражаясь бок о бок с арабами, они получали и меньшее вознаграждение, но от новой веры отказаться не могли – наказанием за отречение была смерть.

В итоге мусульмане-персы даже договорились со своими традиционными врагами, тюрками (племена карлуки, тюргеши и др.), против которых они воевали ради ислама под командованием Кутайбы 15 лет назад. И когда в Хорасане вспыхнуло восстание против арабов, то мощная армия тюрков из-за реки Яксарт (Сырдарья) присоединилась к мятежникам. Арабы оказались осаждены, и контроль над Трансоксианой перешел к восставшим под командованием хакана – верховного хана.

Берберы были также недовольны тем, что не имели равных с арабами прав. Остатки движения хариджитов, подавленного Абдул-Маликом, после его смерти стали проникать на север Африки. В лице берберов хариджиты нашли благодарных слушателей, и в 740 году берберы восстали. Мятеж распространился по всей территории провинции от Марокко до Кайруана, и в ходе кровопролитных столкновений сирийский экспедиционный корпус был фактически истреблен. Окончательно восстание было подавлено только в 742 году.

Между тем берберы, находившиеся в Испании, в 741 году решили поддержать братьев и выступили против арабов. Началась гражданская война, в ходе которой был убит наместник Абдул-Малик.

Контроль над завоеванными территориями удалось восстановить, но начались межплеменные столкновения между самими арабами. После смены нескольких наместников только занявший эту должность в 746 году Юсуф ибн Абдур-Рахман аль-Фихри сумел восстановить порядок. Он стал последним омейядским губернатором Испании.

Внук убитого Хусейна и брат 5-го шиитского имама Мухаммада аль-Бакира, Зайд ибн Али, независимо от движения Аббасидов, давно вел антиомейядскую пропаганду в Куфе. Та часть шиитов, которая была недовольна политической пассивностью алидских имамов, выступала на его стороне.

Было договорено, что куфийцы выступают все вместе в один из дней января 740 года. Но наместник Куфы Юсуф ибн Умар ас-Сакафи, узнав о планах заговорщиков, пригрозил сторонникам Зайда жестокой расправой, и лишь несколько сотен куфийцев выступили вместе с Зайдом в назначенный день. Они были легко перебиты, погиб и сам Зайд. Тело его распяли на кресте в Куфе, а отрубленную голову послали в Дамаск халифу Хишаму. Сын Зайда, Яхья, которому было 17 лет, бежал в Персию и вернулся в халифат в 743 году, чтобы выступить против халифа аль-Валида II, но тоже был убит.

Куфа была беспокойным регионом, и это восстание ничего не прибавило и ничего не убавило от ее репутации. Но оно усилило плохое отношение арабцев к Омейядам, чем, в свою очередь, воспользовались Аббасиды. В принципе, гибель Зайда была им выгодна, так как устранила возможные выступления алидов, и Аббасиды обернули ситуацию к своей выгоде, убедив сторонников алидов, что те воюют за дело своих имамов. Вместо разрозненной и слабой оппозиции, благодаря убийству Зайда, Омейяды получили единую и сильную оппозицию.

Зайдиты стали религиозной сектой в шиизме, стремившейся к созданию теократического государства во главе с имамом из рода Али. Они возвели вооруженное выступление в догму, но по отношению к суннитам занимали весьма взвешенную позицию, признавая законность правления Абу Бакра и Омара и отрицая божественную природу имамата.

Конец власти Омейядов

Халиф Хишам умер в феврале 743 года в своей резиденции в Руса-фе (Сирия), около Ракки на Верхнем Евфрате, в возрасте около 60 лет. Он правил 20 лет, и его халифат простирался на огромной территории. К землям мусульман были присоединены многие острова – такие как Кипр, Родос, Крит и другие. Но вместе с тем со смертью Хишама могущество Омейядов завершилось, и государство очень скоро пришло в состояние упадка.

Следующим халифом стал аль-Валид Второй, сын Язида Второго. Элита между тем все больше склонялась в сторону аббасидов, а те принимают решение не противостоять Омейядам в Дамаске, а начать формирование новой силы на востоке, где недавно произошло неудачное восстание зайдитов.

Аль-Валид умирает через год, ему наследует Язид Третий, сын аль-Валида Первого. Но он умирает через несколько месяцев, передав власть своему брату, Ибрахиму. Вскоре следует смерть и Ибрахима, и при Омейядском дворе наступает тяжелый кризис, который заканчивается воцарением Марвана II, прежде бывшего правителем Армении. Он был известен как человек весьма трудолюбивый и неутомимый и заслужил прозвище «Марван-осел». Был он известен и как прекрасный воин, сумевший усмирить хазар. Но тут требовалось не воинское искусство, а искусство политика, а им Марван, похоже, не обладал.

Константин Пятый, император Византии, видя творящееся в халифате, пытается вернуть себе Сирию, и, хотя это ему не удается, он захватывает Кипр.

Не теряются и Аббасиды. Их агент Абу Муслим, бывший персидский раб, отправленный из Дамаска в Хорасан, в июне 747 года поднимает там бунт, развернув «черное знамя» – символ шиитского восстания. Историки считают, что, скорее всего, шииты вряд ли подозревали, кому служит Абу Муслим. Но, как бы то ни было, он собирает отряд в несколько тысяч человек, и к концу года наместник Омейядов в Хорасане оказывается свергнут. Затем Абу Муслим начинает двигаться на восток и уже представляет военную угрозу для долины Евфрата. Марван, весьма этим обеспокоенный, захватывает вождя клана Аббасидов Ибрахима аль-Аббаса. Через год, в 749-м, тот умирает в тюрьме, по всей видимости, случайно заразившись чумой, и это дает очень большой козырь Аббасидам. Даже те из них, кто раньше старался по мере возможности дистанцироваться от политики, понимают, что владычество Омейядов необходимо свергнуть. Абу Муслим захватывает Куфу, где тайно провозглашает, что вскоре халифатом будет править «тот из семьи Мухаммеда, который будет одобрен».

28 ноября брат Ибрахима Абу аль-Аббас аль-Саффах был провозглашен халифом в главной мечети Куфы. Шииты понимают, что были жестоко обмануты, но их убеждают, что Аббасиды ближе к Мухаммеду, нежели Омейяды.

В январе 750 года Марван поднимает против Абу армию, но терпит сокрушительное поражение в верховьях реки Заб, притока Тигра, к востоку от Мосула. Он бежит в Египет, но в августе его все-таки настигают и убивают агенты Аббасидов.

ГЛАВА 10. ПРИХОД К ВЛАСТИ АББАСИДОВ

Аббасиды получили власть в непростых условиях. С одной стороны, население халифата было полностью разочаровано в прежней династии, последние халифы которой показали себя любителями вина, женщин, роскоши и развлечений; с другой стороны, на территории халифата усиливалось религиозное воодушевление. Династия Аббасидов смогла просуществовать 500 лет и, собственно, полностью привела в упадок институт халифата как такового. Когда в 1258 году монголы под управлением Хулагу-хана разграбили Багдад, столицу Аббасидов, халиф уже был чисто декоративной фигурой. Лишилось мусульманское общество и еще одной иллюзии – о том, что может существовать единая умма, завещанная Мухаммедом. Уже через несколько лет возникли зачатки отдельного халифата на Пиренеях, а вскоре отдельные государства стали множиться, как грибы.

Правление Аббасидов условно разделяется на 4 периода: могущества (750 – 861); упадка (861 – 946); нахождение под властью Бувайхидов (946 – 1075); нахождение под властью Сельджукидов (1075 – 1194).

Впрочем, обо всем по порядку.

Истребление Омейядов. Убийства на пиру

Стремясь укрепить свою власть, в июне 750 года Абу аль-Аббас аль-Саффах отдает приказ об истреблении абсолютно всех членов клана Омейядов. Это племенная война, и ничего подобного в арабской истории раньше не случилось. Разработать стратегию было поручено победителю в битве на реке Заб, дяде нового халифа, Абдуллаху ибн Али, который незадолго до этого был награжден должностью наместника Сирии. В итоге принимается очень коварное решение: восемьдесят или более омейядских принцев приглашены Абдуллахом на пир в крепость Абу-Футрус (на реке Ауджа, Сирия). В самый разгар празднества в зал врываются воины и убивают всех присутствующих омейядов. После этого стол накрывается вновь, и в комнате, под стоны умирающих, пируют Аббасиды. Также рассылаются агенты во все уголки халифата, которые вырезают членов клана и родственников Омейядов, где только могут их найти. Брат Абдуллаха Дауд назначается губернатором Мекки и Медины, с условием поголовного истребления Омейядов в этих городах.

Дошло даже до того, что было приказано разрыть могилы омейядских халифов (кроме Муавии и Умара II) и осквернить их прах.

Единственный Омейяд, избежавший гибели, – внук халифа Хишама Абдур-Рахман – сумел бежать из Сирии в Магриб.

Большая часть правления аль-Саффаха и его младшего брата аль-Мансура, который занял трон в 754 году, после смерти первого Аббасида, была посвящена подавлению серии бунтов. Начавшиеся еще при Омейядах, они продолжились и при Аббасидах: их бывшие союзники посчитали себя обманутыми и пытались либо свергнуть, либо получить какие-то преференции от новой династии.

Второй год правления Аббасидов, 751 от Р. Х., стал весьма важным временем в развитии культуры книгопечатания в халифате. Мусульмане, разгромив при Таласе (территория современной Киргизии) китайскую армию, взяли в плен некоторых китайских мастеровых, которым было поручено в халифате производство бумаги. Правда, расцвет книгопечатания наступит несколько позже, уже в Багдаде, а оттуда бумага пойдет по всему халифату, отменяя пергамент и папирус, удешевляя и умножая производство книг. Значительно позже, в XII веке, благодаря фабрикам, основанным арабами в Испании и на Сицилии, бумага придет и в Западную Европу. Сами европейцы, кстати, не имели бумажных заводов вплоть до XIV века.

Битва при Таласе, помимо захвата мастеровых, имела и другое важное значение: китайские атаки на Среднюю Азию были прекращены, снова был занят Ташкент, и мусульмане прочно обосновались там. Китай не мог больше подчинить себе эти земли, и эта часть халифата впоследствии стала центром науки и культуры исламской цивилизации.

Истребление рода Омейядов показывало, что Аббасиды не совсем уверены в твердости своей власти, и потому очень много внимания было уделено безопасности халифов. Аль-Саффах правил из укрепленной крепости недалеко от Куфы, понимая, что и Дамаск, и Куфа вряд ли подойдут ему в качестве столицы. Дамаск слишком любил потомков Омейядов, а в Куфе было слишком много шиитов, которые считали себя обманутыми новой властью. Впрочем, Куфа к тому же всегда славилась своим непостоянством и буйным характером.

Понятно, что править из крепости невозможно, и встал вопрос о выборе столицы для новой династии. Аль-Саффах в 753 году решает переехать в Анбар, небольшой город примерно в ста пятидесяти километрах вверх по Евфрату. Но, в принципе, несмотря на это перемещение, окончательный статус столицы Анбару так и не был дан.

В июне 754 года аль-Саффах умирает от оспы, успев еще при жизни назначить своим преемником младшего брата Абу Джаффара (рожденного от берберской невольницы), а своего племянника Ису ибн Мусу в качестве его, Абу Джаффара, наследника.

Хоронят аль-Саффаха втайне, боясь, что сторонники Омейядов осквернят могилу. Так что из этого маленького штриха можно сделать выводы о настроениях народа в период воцарения на троне Аббасидов. Только во времена правления аль-Мунтасира (847 – 861), было наконец открыто место захоронения, и там был построен мавзолей.

Абу Джаффар в момент смерти аль-Саффаха совершал паломничество в Мекке, и Иса успел провозгласить себя халифом. Абу Джаффар, вернувшись, «отобрал» у Исы халифат, приняв имя аль-Мансур, что значит «Победитель».

Абдуллах ибн Али, прославившийся резней Омейядов, узнав о смерти аль-Саффаха, поднял восстание, утверждая, что халифат должен перейти к нему. Но Абу Муслим снова помог Аббасам и подавил мятеж. Абдуллах скрылся в Басре, где некоторое время тайно жил у своего брата, местного губернатора, но был обнаружен и убит.

Абу Муслиму, впрочем, новая власть также не принесла ничего хорошего. Будучи слишком мощной фигурой, он вызывал у аль-Мансура опасения, насколько уж справедливые, сказать сложно. Абу Муслим имел безграничную власть в Персии и неоспоримый авторитет в хорасанской армии. Стал бы он это как-либо использовать? Подавление бунта Абдуллаха говорит о его могуществе очень ясно. Так что Абу Муслим, в свою очередь, был вызван на прием к халифу и там убит. Официальной причиной казни было объявлено то, что Абу Муслим создавал среди персов собственную базу военной поддержки. Насколько это соответствует истине, выяснить, увы, невозможно.

Доказательством авторитета и популярности Абу Муслима в народе стало возникновение после его смерти нескольких еретических течений (наиболее известные возглавляли аль-Муканна и Бабак), руководители которых не верили в его гибель и провозглашали его повторное возвращение (пришествие) для установления справедливости на всей земле.

Спасение Абдур-Рахмана

Последний Омейяд Абдур-Рахман, как уже было сказано, бежал из халифата. Переодетый в дервиша и сопровождаемый лишь слугой, он отправился через Палестину, Египет и Северную Африку к берберам – соплеменникам своей матери. Стоит сказать, что замаскироваться под дервиша ему было просто: он бежал практически без денег и в пути чуть не умер от голода, так что его вид не вызывал ни у кого никаких сомнений. Он достиг Сеуты, откуда уже перебрался в Испанию, где поселился в местечке Мунекар, в 60 километрах к востоку от Малаги. Южная

Испания была в то время заселена преимущественно сирийцами, в основном из химьяритских кланов, которые были традиционно лояльны к Омейядам. Абдур-Рахман решил, что необходимо брать власть хотя бы здесь, и весьма быстро собрал небольшую, но верную ему армию.

Уже через год, в мае, в битве около Кордовы на берегу реки Гвадалквивир, он разгромил войско аббасидского наместника Юсуфа аль-Фихри и в возрасте 26 лет стал единовластным эмиром мусульманской Испании вплоть до Барселоны и Сарагосы. Он заручается поддержкой многих арабских вождей, которые открыто заявляют о своем неповиновении Юсуфу, и правит 32 года. Впрочем, и он, и его преемники соблюдают вежливую почтительность перед аббасидским халифатом.

Абдур-Рахман не стал вытеснять христианских правителей из северных горных королевств полуострова, Леона и Наварры, и поэтому наземные коммуникации между ним и Ближним Востоком, благодаря этому дипломатическому ходу, а также берберскому восстанию, были прерваны.

Своей столицей он избрал Кордову и объединил различные разобщенные группы населения: фихритов (племя свергнутого аббасидского наместника Юсуфа), испанцев-мусульман (мусалимы – «замиренные»), берберов, христиан – в единую нельзя сказать нацию – в единое государство. Христианские и еврейские общины под властью Абдур-Рахмана свободно следовали своей вере и даже имели собственные законы и судей. Благодаря этому Кордовское государство сумело отразить атаки и короля франков Пипина, и его сына Карла Великого, и халифа аль-Мансура. Последний, много позже, стал называть Абдур-Рахмана «соколом курайшитов».

Тут стоит немного сказать о дальнейшем развитии мусульманской Испании. Кордова постоянно соперничала с позднейшей столицей Аббасидов, Багдадом, не только в роскоши, но и в развитии искусства и наук. Для Европы Кордова стала некоей дверью в мусульманский мир, мы уже упоминали, что именно отсюда стала распространяться бумага, а вместе с ней и различные труды восточных ученых. Толедо, Кордова и Севилья прославились своими университетами. В христианской Европе в это время был так называемый «темный» период преследования науки, когда все знания соразмерялись с теологией.

Вклад мусульманских ученых в историю, географию и другие гуманитарные дисциплины был впечатляющим, но наибольших успехов они достигли в области естественных наук – математики, астрономии и медицины. Об их вкладе в развитие европейской культуры можно судить по количеству переведенных с арабского трудов, которые стали фундаментом позднейших европейских исследований.

Канон по медицине Авиценны (араб. Ибн Сина, ум. 1037), переведенный на латынь Жераром из Кремоны (умер в 1187), главенствовал в медицинских кругах до конца XVI века, и лишь за тридцать лет, с 1470 до 1500 года, был издан 15 раз на латинском и один на еврейском языках. Работы аль-Кинди (умер в 873), одного из ведущих мусульманских философов, были больше изданы на латыни, нежели на арабском.

Памятник Авиценне (г. Душанбе)

Наследие древнегреческой культуры и науки также пришло в Европу через Испанию и Сицилию, и переводилось на латынь с арабских версий, а не с изначального древнегреческого. Впрочем, наследие греков оказало сильное влияние и на арабскую культуру, и даже на ислам. Мусульманские мистики

задавались теми же вопросами, что и древнегреческие философы, и арабская философия своим развитием во многом обязана именно Платону и Аристотелю.

Не стоит забывать и про архитектурные достижения, которые также были привнесены в Европу во многом мусульманами. Стоит вспомнить красоту и величавую гармонию Кордовской мечети, и Мадина аз-Захра в Кордове, и величественный дворец Альгамбра в Гранаде – они до сих пор считаются жемчужинами архитектурного мастерства.

Огромный вклад был привнесен арабами и в структуру языка: сегодня в современном испанском языке насчитывается около 4 тысяч слов арабского происхождения, и все они употребляются в качестве терминов в военной, морской, юридической и административной сферах.

Культура халифата

Стоит сказать, что ислам способствовал бурному развитию науки и культуры и на остальных завоеванных территориях. Исламский халифат ввел на поработанных землях ирригационное строительство, способствовал освоению новых земель, развитию агротехники и введению в производство новых сельскохозяйственных культур, расцвету городов и торговли.

Но, безусловно, не стоит и идеализировать время арабского владычества. Ислам оставался исламом, религией весьма жесткой и зачастую нетерпимой к инакомыслию (хотя, в отличие от европейского христианства, в исламе шли богословские споры по многим серьезным проблемам – о божественном предопределении и свободе воли, например). Но от Испании до Китая, на всей огромной территории халифата, именно исламское господство способствовало увеличению количества грамотных и образованных людей и общему росту культурного стандарта, хотя стандарта, естественно, восточного. Про уважение к отдельно взятой личности, ее правам и достоинству, здесь вряд ли можно было говорить. Произвол власти и право сильного оставались неоспоримым законом социальных отношений.

Аббасиды, в жилах которых текло немало иранской крови, ввели на территории халифата административную систему персов, в частности, должность великого визиря, обладающего огромными полномочиями. Ему подчинялись центральные ведомства – диваны и весь административно-бюрократический аппарат. Из сферы его компетенции были выведены лишь просвещение и суд – здесь была власть духовных лиц во главе с судьями-кади.

Сильно видоизменилась в халифате Аббасидов и армия. На смену воинам-арабам из числа кочевников-бедуинов пришла наемная армия, гораздо лучше организованная, в которой важную роль стали играть хорасанцы, берберы, а затем и турки. Арабское ополчение отошло на второй план. Основное же место в военной иерархии заняла личная гвардия халифа, состоящая из рабов-гулямов (мамлюков). Это был большой шаг вперед в наращивании военной мощи. Привезенные в халифат в юном возрасте, купленные или полученные в форме своего рода налога (налога «кровью», девширме), – юноши из тюрок, кавказцев и славян, не имеющие в халифате ни родных, ни близких, – мамлюки воспитывались в абсолютной

преданности халифу, понимая, что от него зависит не только их жизнь, но и богатство и привилегии, которые, кстати, были весьма велики.

Впрочем, как обычно и случается, особо выделенная гвардия скоро почувствовала свою силу и стала не только навязывать халифам свою волю, но подчас и свергать неугодных правителей.

Налоги при Аббасидах уменьшились, но это с лихвой компенсировалось доходами от ремесел и все более процветающей торговли. Для лучшего сбора налогов был введен институт посредников-откупщиков, так называемых мультазимов. Подобные должности редко обходятся без злоупотреблений, а уж на территории халифата должность мультазима и вовсе считалась «золотым дном». Подобные злоупотребления рождали в народе недовольство, и практически на протяжении всей истории своей династии Аббасиды были вынуждены подавлять народные волнения, которые чаще всего принимали форму сектантских движений. Борьба с ними стоила халифам немалых усилий и средств, и правителям все чаще приходилось обращаться за помощью к наместникам. За эту помощь необходимо было расплачиваться, и наместники становились все более сильными и самостоятельными фигурами и зачастую превращались в наследственных правителей той или иной части халифата. Что, понятно, имело свои последствия для центральной власти и судьбы халифата в целом.

Захват Кайруана берберами

Между тем, в халифате Аббасидов продолжались волнения. В 755 году случилось очередное восстание берберов. Понимая, что арабы слишком заняты на востоке, берберы вновь попытались получить независимость и захватили и разграбили Кайруан. Власть халифата была восстановлена здесь только через шесть лет, в 761 году.

Стоит сказать, что недавно обращенные берберы (со времени принятия ими ислама прошло всего около пятидесяти лет) были гораздо более ревностными мусульманами, чем сами арабы, и во многом именно к этому и сводились их претензии. Берберы играли важную роль в распространения ислама как в Африке, так и в Испании.

В отличие от них, жители северного горного региона Персии, известного как Табаристан (совр. Мазендеран, Иран) и Дайлам (совр. Гилян, Иран – на южном побережье Каспийского моря), полностью ислам так и не приняли, продолжая исповедовать «религию магов» – видоизмененный зороастризм. Обе этих провинции были наполовину независимыми, и принадлежность их к халифату была не более чем номинальной. В 758 году брат халифа аль-Махди покорил Табаристан, а двумя годами позже он двинул свою армию в соседний Дайлам, который также был завоеван и вошел в состав халифата.

Обе провинции оставили значительный след в исламской истории. Табаристан был родиной известнейшего арабского историка ат-Табари (838 – 923), а Дайлам позже стал первым зайдитским государством.

ГЛАВА 11. УКРЕПЛЕНИЕ ДИНАСТИИ. ФИКХ – КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Основание Багдада

При начале правления клана Аббасидов постоянно возникал вопрос выбора местонахождения новой столицы. Аль-Мансур, долго пытаясь подыскать что-либо подходящее, понял, что проще основать новый город, и в 762 году заложил на западном берегу реки Тигр в месте, где существовала развитая система сообщающихся каналов и множество торговых путей подходило к судоходному Тигру, неподалеку от античных городов Вавилон, Селюкия и Ктесифон, новый город – Багдад.

Первое название, данное новой столице, было Мадина-эль-Мудаввара, что в переводе означает «город-круг» (в проекте он должен был строиться по кругу). Но после окончания строительства аль-Мансур переименовал свою столицу в «город мира», по-арабски – Мадина-эс-Салам. Однако впоследствии закрепилось название Багдад, которое переводится с древнеперсидского примерно как «богом данный» или «божий дар».

К полномасштабному строительству, впрочем, получилось приступить только год спустя после закладки первого камня – Багдад начал расти только после подавления бунта. Работы велись около пяти лет, и в новый город было вложено около пяти миллионов дирхемов. На его строительстве трудились около десяти тысяч рабочих различных национальностей.

Багдад строился как некая помесь города и оборонительного сооружения. Он представлял собой правильный круг порядка трех километров в диаметре, обнесенный двойными стенами с четырьмя воротами. В центре Багдада располагался Золотой дворец халифа, названный так потому, что вход в него и в самом деле был позолочен. В остальной же части нового города располагались многочисленные склады, конторы и органы управления. Немногочисленные жилые кварталы были предназначены лишь для чиновников и личной охраны халифа.

Пригороды Багдада были заселены сторонниками аббасидского движения из Хорасана и Северной Персии, но вскоре переросли свои первоначальные границы и вошли в состав города. По роскоши эти пригороды могли посоперничать с лучшими городами халифата и даже с самим Багдадом.

Багдад стал центром культуры и науки в халифате Аббасидов. Перенесение столицы в Багдад активизировало бывшую окраину халифата, и именно место во многом продиктовало обращение халифата к иранско-среднеазиатскому наследию. Сыграло роль еще и то, что уравнивание в правах мусульман различного этнического происхождения привело не только к быстрой исламизации Средней Азии, но и к усилению роли азиатской культуры в политической и духовной жизни халифата.

В большой степени географическое положение определяло и новую внешнюю политику: место Средиземноморья, Северной Африки и Южной Европы (областей, до этого доминировавших в геополитике Омейядов) заняли Персия и другие страны Востока. Но были у такого расположения столицы и свои минусы: западная часть Халифата, слишком удаленная от столицы, труднее поддавалась контролю, и политическое единство страны, как только Багдад продемонстрировал свою неуверенность, осталось в прошлом.

В силу этих же причин новый Халифат стал опираться на мавали – людей в основном персидского происхождения, большинство из которых были освобожденными рабами. Помимо плюсов, о которых уже сказано выше, главным минусом в оттеснении арабов от власти было то, что ослабел стержень, на котором первоначально строилось государство, что и привело в конечном итоге к его распаду. Хотя, с другой стороны, непрекращающиеся межплеменные распри арабских племен перестали быть существенным фактором дестабилизации общественного положения в стране, и это на время укрепило положение Аббасидов.

Новая структура власти, созданная по образцу персидской и, в какой-то мере, византийской модели, привела к тому, что халиф, окруженный дворцовыми церемониями (и, естественно, интригами), стал сначала недоступен для простых подданных, а потом и вовсе оказался марионеткой в руках своих придворных и охраны.

Введенный пост визиря вскоре стал практически монополизирован мощным персидским кланом – Бармакидами.

Восстание Алидов под руководством Мухаммада

Выше уже приводились примеры о способах расправы первых Аббасидов не только со своими противниками, типа потомков Омейядов, но и со своими чересчур влиятельными сторонниками, тем же Абу Муслимом. Не забывали Аббасиды, естественно, и про Алидов. Глава хасанидской ветви Алидов – Абдаллах был еще при последнем халифе Омейядов приглашен во дворец, где с ним обошлись весьма уважительно, после чего тот удалился в Мекку, примирившись со своим отрешением от возможной власти. Однако его сыновья, Мухаммад и Ибрахим, не пожелали спокойной жизни и начали подготовку к восстанию. Естественно, в заговоре принимал участие и агент аль-Мансура.

Мухаммад, получивший прозвище «Чистая Душа», отказался присягнуть последнему Омейяду Абу аль-Аббасу и скрылся. Аль-Мансур, придя к власти, попытался разыскать Мухаммада, но это ему не удалось, и в тюрьму был заключен отец братьев Абдаллах, а также многие проживавшие в Медине хасаниды. После этого Мухаммад с группой приверженцев поднял открытый мятеж и объявил аль-Мансура тираном, попирающим законы ислама. Вскоре все находившиеся в тюрьме хасаниды были освобождены, кроме Абдаллаха, который умер еще в 758 году.

Но Мухаммад был плохим организатором, и, несмотря на поддержку многих улемов, признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама, не сумел привлечь на свою сторону достаточное число сторонников. По примеру Пророка он выкопал вокруг Медины ров, но хорошо тренированная хорасанская армия под командованием племянника аль-Мансура – Исы ибн Мусы в

762 году без труда сокрушила мятежников. Мухаммад был убит, а остальным участникам бунта объявлена всеобщая амнистия – халиф понимал, что никакой угрозы для него они не представляют, и к тому же не стоило лишний раз раздражать Медину.

Брат Мухаммада Ибрахим еще в начале восстания отправился в Басру, желая привлечь на свою сторону басрийских шиитов. Затея удалась, и вскоре Ибрахим вместе со сторонниками занял город Ахваз (юго-запад совр. Ирана), а потом даже персидскую провинцию Фарс. Но жители Куфы неожиданно отказались выступить против правящего халифа. Иса ибн Муса отправился под Куфу и встретился с мятежниками под местечком Бахамра, несколько южнее Куфы. Состоялось кровопролитное сражение, и Ибрахим был убит.

Биограф Пророка

В 767 году в Багдаде умер Мухаммад ибн Исхак, первый биограф Пророка Мухаммеда. Его дед был христианином, плененным мусульманской армией в Ираке в 633 году и перевезенным в Медину, где он получил волю после принятия ислама. Ибн Исхак родился около 704 года в Медине, учился в Александрии, а затем, переехав в Ирак, осел в Багдаде. Крупный знаток хадисов, он много внимания уделял собиранию преданий о древней истории, значительно расширив тем самым круг источников для своего главного труда.

Его труд впервые обобщил отрывочные сведения о жизни Пророка и полностью представил его биографию, начиная с его генеалогии и рождения и заканчивая смертью. До этого жизнеописание Пророка существовало лишь в виде особых разделов в сборниках хадисов, а также в рассказах о его военных походах.

Биография, написанная Ибн Исхаком, – «Сират Расуль Аллах», долгое время являлась основным источником по жизнеописанию Пророка Мухаммеда, хотя и дошла до нас, увы, лишь в цитатах, сохранившихся в работах более поздних ученых, в основном Ибн Хашима.

Мазхабы – четыре школы исламского права

В этом же году в Багдаде умер и великий интеллектуал и богослов ислама Нуман ибн Сабит, по прозвищу Абу Ханифа, основатель одной из четырех суннитских религиозно-правовых школ.

Родился Абу Ханифа в 699 году в Куфе в семье богатого торговца шелком (из иранских мавали) и получил блестящее общее и богословское образование. В юности он много общался с последними спутниками Пророка, в частности, с Маликом ибн Анасом. Абу Ханифа был, как считается, первым кодификатором законов на основе Корана и хадисов и разработал систему мусульманского права –

фикх. Уже в 40 лет он обладал немалым авторитетом, а после основания Багдада халиф аль-Мансур предложил ему занять в новой столице место кадия (религиозного судьи). Абу Ханиф, старавшийся никогда не вмешиваться в политику, отказался, за что обиженный халиф приказал сначала высечь его, а потом заточить в тюрьму. Для человека в почтенном возрасте и с большим авторитетом это был сильный удар, и вскоре Абу Ханифа скончался.

В исламе были четыре религиозно-правовые школы, обязанные своим возникновением тому, что после смерти Пророка возникающие вопросы о религиозной правомерности тех или иных действий было необходимо кому-то решать. Это привело к созданию системы религиозных законов, основанных на Коране и Суннах, названных шариат – «прямой путь», и комплекса юридических норм, извлекаемых из законов шариата, названных фикх – «глубокое понимание Веры».

Исходя из убеждения, что Коран и сунны содержат ответы на любые вопросы, факихи – знатоки религиозных законов, пытались искать в них правила для ежедневной жизни. Сначала богословы разделялись на категории асхаб аль-ха-дис («традиционалисты», следующие буквалистскому пониманию хадисов) и асхаб аррай («люди свободного суждения», опирающиеся на логическое понимание хадисов), но постепенно это деление стало условным, во многом благодаря Абу Ханифе и его ученикам.

На первых порах все подобные вопросы решались в Медине, но по мере распространения ислама ведущее место в этой области перешло к городам Ирака – Куфе, Басре, а затем и Багдаду. Именно в новой столице исламское правоведение превратилось в весьма серьезную дисциплину. В итоге возникло несколько школ исламской юриспруденции, основанных крупнейшими богословами и названных впоследствии их именами (со временем осталась только школа мазхаба, самая мощная). Все они возникли в первое столетие правления Аббасидов и признаются и сегодня. Школы объединяются общими положениями религиозно-правовых норм, но в каждой существуют свои особенности.

«Ханифитский мазхаб основан имамом Абу Ханифом и его учениками – Абу Юсуфом (умер в 798 году) и Мухаммедом аш-Шайбани (умер в 804 году). Эта школа наиболее абстрактна и толерантна. В IX – X веках ее центрами стали Хорасан и Средняя Азия. Законов мазхаба придерживались ханы Золотой Орды и Великие Моголы, а в Османском султанате эта школа юриспруденции была провозглашена государственным законом. Сегодня ему следует примерно половина мусульман, и он распространен в Турции, Афганистане, Пакистане, Индии, Китае, Сирии, на Балканах, частично в Индонезии. Большинство мусульман России и СНГ, за исключением чеченцев, ингушей и аварцев, также придерживаются ханифитского мазхаба.

«Маликитский мазхаб был основан имамом Маликом ибн Анасом (умер в 795 году) в Медине и затем распространился в Аравии, Египте, Северной Африке и Испании. Его особенностью является внимательное отношение к тем хадисам, которые шли от сподвижников Пророка в Медине, – ансаров. Маликиты считают, что „все, что приводит к запретному, должно быть запрещено, а то, что приводит к дозволенному, – разрешено“.

Сегодня этого мазхаба придерживаются мусульмане Северной и Тропической Африки.

«Шафиитский мазхаб, получивший свое название в честь имама Мухаммеда аш-Шафии (умер в 820 году), сложился под влиянием ханафитского и маликитского мазхабов, при попытке объединить их и, несколько упростив, снять взаимные противоречия. Сегодня ему следуют в Египте и Восточной Африке, в Малайзии, Индонезии, Сирии, Ливане, Палестине, Иордании, на Бахрейне, в Восточной Индии,

частично в Пакистане, Турции, Ираке и Йемене. Придерживаются его и чеченцы, ингуши и аварцы.

«Ханбалитский мазхаб, основанный имамом Ахмадом ибн Ханбалом (умер в 855 году) и сильно видоизмененный Ибн Таймией (умер в 1328 году), создавался как полемика с мутазилитами-рационалистами, и мазхабом стал позже. Хотя в формальной части эта школа и восприняла почти все догматические выводы ханафитов, она считается наиболее ортодоксальной, воспринимая все положения хадисов напрямую. Именно благодаря этой школе в XVIII веке возникло движение ваххабитов. Этого мазхаба придерживаются только в Саудовской Аравии, странах Персидского залива, а также множество фундаменталистских организаций, распространенных по всему миру.

В форме примера различия воззрений мазхабов по одному и тому же вопросу можно привести вопрос неисполнения мусульманином обязательных молитв. Если говорить упрощенно, то Ахмад ибн Ханбал считал такого человека неверующим, аш-Шафии, не считая не совершающего намаз неверующим, предписывал принуждать его к молитве под угрозой смерти, а Абу Ханифа говорил: «Его наставляют, чтобы он молился, а не убивают».

Стоит заметить, что сначала мазхабы развивались не как изолированные друг от друга группировки, и все богословы-основатели и крупные деятели мазхабов являлись учениками друг друга.

Эти четыре школы являются суннитскими, шииты же имеют собственные религиозные законы.

В октябре 775 года в возрасте 64 лет умер Халиф аль-Мансур. Произошло это около Мекки, куда халиф отправился на хадж. К власти пришел его 33-летний сын аль-Махди, рожденный от арабки – йеменской принцессы. И если аль-Мансур создал, по общему мнению, династию Аббасидов, то его сын закрепил исламское законодательство, фикх, сделав его краеугольным камнем мусульманской государственности.

Восстание аль-Муканны

Аббасиды так потрудились над созданием вооруженной оппозиции Омейядам, что потом это им долго аукалось. В 778 году в Хорасане перс Хашим ибн Хаким, носивший прозвище аль-Муканна, что означает «замаскированный», так как он скрывал свое лицо под вуалью, поднимает восстание. Аль-Муканна был последователем Абу Муслима – главного действующего лица в деле свержения Омейядов. Его воззрения составляли странную смесь мессианских ожиданий «крайних» шиитов с древними персидскими идеями, и все это было разбавлено социальным протестом. Аль-Муканна проповедовал переселение душ и провозглашал себя Пророком-преемником Мухаммеда, Али и Абу Муслима. Трудно сказать, насколько Абу Муслим или другие агенты Аббасидов принимали участие в организации его секты, но ее структуре могла бы позавидовать и знатная масонская ложа: сторонники «замаскированного» были организованы по принципу цепочек, с различными степенями посвящения, и любой арестованный сторонник или пробравшийся в общество провокатор мог выдать всего несколько человек.

Аль-Муканна разгромил несколько посланных против него армий, но хорошо отлаженную военную машину халифата сломить было трудно, и в итоге, после ряда поражений, он был вынужден сдаться. Вместе с семьей и несколькими ближайшими сторонниками аль-Муканна был осажден в крепости. Там, в 780 году, понимая, что дело его проиграно, он покончил жизнь самоубийством путем самосожжения.

Песнь о Роланде

Мусульманская Испания, так же как и халифат, была раздираема межплеменной борьбой. Только здесь противоборствующими сторонами выступали не разные арабские роды или исламские ответвления, а арабы и берберы. Карл Великий (742 – 814), король франков, в 778 году был призван на помощь Иба аль-Араби, мусульманским властителем на севере страны, которого сместил кордовский халиф. Понятно, что Карл преследовал и свои интересы: в результате похода была создана так называемая испанская марка, пограничная область до Эбро, включавшая в себя Каталонию, Наварру и часть Арагона. Но под стенами Сарагосы (араб. Саракушта) Карл Великий потерпел поражение и был вынужден отступить. В горах его арьергард уничтожили баски. Произошло это в Ронсевальском ущелье, и позже эти события легли в основу самой знаменитой поэмы старофранцузского эпического цикла «Песнь о Роланде».

Гюстав Доре. Иллюстрация к поэме о Роланде

Поэма была написана на старофранцузском языке предположительно в конце XI – начале XII века, и в ней противниками франков были представлены сарацины (мавры, арабы), хотя в реальности отряд Роланда погиб в сражении с басками.

Вкратце сюжет поэмы таков: в течение семилетнего похода в мавританскую Испанию император франков Карл Великий завоевывает все города сарацин, кроме Сарагосы. (Стоит сказать, что императором Карл стал несколько позже, а поход и вовсе продлился несколько месяцев. Ни о каком завоевании всех городов речь, естественно, не шла. Не имеет смысла комментировать дальнейшие перипетии поэмы, воспримите это как художественный текст.) Марсилиий, царь Сарагосы, которого обвиняли в том, что он «читит Магомета, Аполлона славит», созывает совет и решает послать к Карлу послов. Послы предлагают франкам несметные богатства и даже обещают, что Марсилиий будет вассалом Карла. Но на собранном совете бретонский граф Роланд отвергает предложение сарацин. Его недруг граф Гвенелон недоволен таким решением и едет как посол к Марсилию, настраивает того против Роланда и советует напасть на арьергард армии Карла Великого. Возвратившись, изменник сообщает, что Марсилиий согласен стать христианином и вассалом Карла. Роланда назначают начальником арьергарда, и он берет с собой только 12 тысяч человек. В итоге арьергард попадает в засаду в Ронсевальском ущелье и вступает в бой с превосходящими силами мавров. Причем Роланд несколько раз отказывается последовать совету друзей и позвать подмогу.

Проявляя чудеса мужества, франки отражают многочисленные атаки мавров и в конце концов погибают. Перед смертью Роланд трубит в свой рог, и Карл, заподозрив неладное, возвращается в Ронсеваль. Разгромив врага, он обвиняет Гвенелона в измене. Тот предлагает для установления истины некое подобие дуэли – судебный поединок. На него он выставляет своего могучего родственника Пинабеля, а на стороне обвинения бьется друг Роланда граф Тьерри. Тьерри побеждает, и Гвенелон вместе со всей своей семьей погибает.

Монета с изображением Карла Великого в виде римского императора

На самом же деле даже не ясно, существовал ли на самом деле Роланд. Единственное упоминание о нем в исторических документах – «Vita Caroli Magni» Эйнгарта, да и то многие историки убеждены, что это позднейшая вставка, заимствованная из эпоса. Там говорится, что в 778 году, когда Карл возвращался из похода в Испанию, на его арьергард в ущелье Пиренеев напали возмущившиеся баски и истребили его; при этом погибло несколько пэров, в том числе и Хруодланд, маркграф Британский (Hruodlandus britannici limitis prefectus).

Позднее в Европе появился еще ряд поэм о Роланде, воспевающих уже его любовные похождения: «Morgante maggiore» Л. Пульчи, «Orlando innamorato» М. Боярдо, «Orlando furioso» Ариосто, но они весьма далеки от первоначальной французской поэмы.

Битва при Германикее. Осада Константинополя

Могущество Византийской империи понемногу восстанавливается, и в 778 году мусульманская армия оказывается наголову разбитой Львом Четвертым при Германикее, вследствие чего исламское влияние в Анатолии сходит практически на нет.

В начале 782 года мусульмане уже готовы отомстить за свое поражение – они собрали мощную армию численностью 95 тысяч человек. Командующим армией становится Харун, будущий халиф, и он преследует византийцев через всю Малую Азию вплоть до берегов Босфора, остановившись только под Константинополем.

У власти находилась (в качестве регентши от имени своего малолетнего сына Константина VI) императрица Ирина (она правила в 780 – 785 годах как регент и от собственного имени в 797 – 802 годах). Империю в это время раздирали религиозные споры, которые нередко переходили в область политическую и даже военную: решался вопрос о почитании икон, и империя под натиском этих беспорядков весьма ослабела. Византийцы не допустили мусульман в Константинополь, но не смогли и отразить их атаку. Потому Ирина была вынуждена принять предложенные мусульманами условия мира и выплачивать им ежегодную дань в размере 70 тысяч золотых динаров.

В 785 году в Хиджазе произошло еще одно неудачное восстание шиитов. Оно было не слишком значительным по масштабам и не оставило бы никакого следа в

истории, если бы один из его участников, Идрис ибн Абдуллах, не бежал из Хиджаза вначале в Египет, а затем в Марокко. Идрис был праправнуком Али Хасана, и здесь он нашел поддержку у местного берберского племени зената, стоявшего в оппозиции к Багдаду, и вскоре основал независимый эмират во главе с династией Идрисидов (789 – 926) со столицей в Фесе. Это была первая Алидская династия.

За неполные 40 лет правления Аббасидов этот халифат стал уже третьим отколовшимся самостоятельным государством.

ГЛАВА 12. ХАРУН АЛЬ-РАШИД

Дворцовые интриги

В сентябре 786 года к власти пришел 5-й аббасидский халиф Харун аль-Рашид (в другой транскрипции Гарун ар-Рашид), под властью которого мусульманская держава достигла зенита своей славы, процветания и культуры. Русскому человеку он хорошо известен по сказкам «Тысячи и одной ночи» и стихотворению Николая Глазкова, в котором говорится, что:

«Он, себя за купца выдавая,

Посещал караван-сарай

И, вино распивая, от пьяных

Узнавал обо всех изъянах.

Был Гарун-аль-Рашид халифом,

Но не верил ни льстивым фразам,

Ни причесанным сводкам-мифам,

А старался быть ближе к массам!»

Двадцатидвухлетний Харун, родившийся в 763 году, наследовал своему брату аль-Хади, правившему в 785 – 786 годах.

Средневековые арабские источники [труды арабского историка и богослова Ибн Джарира ат-Табари (838 – 923), историка и географа Абу-ль-Хасана аль-Масуди (умер в 956 году) и других] дают нам довольно достоверную картину его правления, и стоит сказать, что она весьма далека от той, что пришла к нам в легендах и мифах об идеальном мусульманском халифе.

Он вряд ли походил на персонажа из сказок, а арабская держава того времени мало походила на идеальный халифат, созданный фантазией следующих поколений, хотя годы его правления действительно стали временем экономического и культурного расцвета арабской государственности, а также запомнились победоносными походами против Византии. Но именно при аль-Рашиде начался политический распад империи и общий упадок ее административной системы. Это были первые ростки неблагополучия, которые во времена правления его преемников переросли в гражданскую войну. Видимо, тяжелые годы, последовавшие за его правлением, и заставили мусульман вспоминать пятого халифа аббасидов с теплотой, всячески идеализируя и его самого, и его время.

Харун аль-Рашид был третьим сыном халифа аль-Махди и его вторым сыном от йеменской рабыни аль-Хайзуран, на которой халиф женился, даровав ей свободу, в 775 году. Его мать, Он аль-Хайзуран, сыграла и в судьбе аббасидского халифата, и в судьбе своих сыновей весьма значительную роль. В гаремах халифов, как, впрочем, и всех знатных мусульман, шла жестокая борьба между многочисленными женами, и каждая из них стремилась пристроить в главные наследники именно своего сына. А о способности аль-Хайзуран плести интриги даже в те годы ходили легенды.

Детство Харуна прошло в роскоши – мальчик рос в халифском дворце. Его воспитателем был назначен Йахья ибн Халид, происходящий из иранской династии Бармакидов. Этот знаменитый персидский род при Аббасидах весьма сильно возвысился, и Халид с сыновьями аль-Фадлом и Йахьей практически управляли халифатом. Один был воспитателем наследника, второй – советником халифа аль-Махди.

Мать и наставник Йахья, стараясь поднять престиж наследника и расчистить ему путь к трону, уговорили халифа назначить аль-Рашида главой двух военных экспедиций против Византии. Понятно, что юноша (а будущему халифу во время первого похода было всего 16 лет), был чисто номинальным главой, а всем распоряжались опытные военачальники. Но, тем не менее, цель была достигнута, боевая слава двух удачных походов – во время первого похода в 779 – 780 годах была захвачена крепость Самалу, а во время второго в 781 – 782 годах достигнут Босфор – досталась именно ему. По возвращении из походов Харун был назначен правителем Ифрикии (современный Тунис), Сирии, Армении и Азербайджана, то есть фактически стал высшим администратором в халифате. Наставник Йахья стал начальником его канцелярии.

Тем не менее, аль-Рашид пока еще был вторым в очереди на главный престол. Но благодаря ряду интриг, проведенных его матерью и верным Йахьей аль-Махди, халиф принял решение назначить именно Харуна своим первым преемником и отправился в Гурган с намерением заставить Мусу, правителя этой провинции, отказаться от своей очереди на престол. В дороге аль-Махди неожиданно умер, причем при весьма таинственных обстоятельствах, что позволяет предположить, что сторонники Мусы также не дремали.

Управляющий двором халифа заставил столицу принести присягу Мусе, и тот взшел на престол под именем аль-Хади. Сторонники Харуна попытались поднять

бунт, который был весьма быстро подавлен, а сам Харун оказался в тюрьме, где был вынужден отказаться от каких-либо претензий на трон. Йахью, сторонника аль-Хади, обвинили в неверии, и ему грозила смерть. Но аль-Хади в 786 году умер так же внезапно, как и его предшественник, и тоже при весьма странных обстоятельствах, и путь на престол Харуну был расчищен. Молва обвиняла в смерти аль-Хади мать Гаруна аль-Хайзуран и Йахью, но насколько это верно, сказать трудно, хотя логика развития ситуации подсказывает, что подозрения не были безосновательными. Заметьте, что Харун практически ничего не сделал для своего воцарения, до поры до времени он был лишь пешкой в руках опытной матери и не менее опытного воспитателя. Йахья был сразу же назначен визирем, и Харун фактически устранился от управления халифатом. Даже отчитывался визирь о своей работе не халифу, а его матери. Кто из них правил: мать или воспитатель, – сказать сложно. Но Харун был тут явно ни при чем.

Волнения на окраинах халифата. Походы на Византию

На окраинах халифата продолжались волнения, в 788 и в 794 году вспыхивали антиаббасидские восстания в Египте, имевшие в основном социальные корни: богатейшая провинция была задавлена налогами на армию, направленную в Ифрикию. Восстания были подавлены, но волнения в государстве не прекращались: берберы больше не хотели жить под властью арабов, и в 789 году в Марокко установилась власть местной династии Идрисидов, а через год – в Ифрикии и Алжире – Аглабидов. Затем, в 794 – 795 годах, вспыхнул мятеж в Кайраване (Тунис), который был также подавлен, но в 797 году, во время очередного восстания, Харун был вынужден возложить правление Ифрикией на местного эмира Ибрахима ибн аль-Аглаба, потребовав с него ежегодную подать в размере 40 тысяч динаров.

В 795 году в Йемене также вспыхнуло восстание под руководством Хайсама аль-Хамдани; оно продолжалось девять лет.

Сирия и вовсе пребывала в постоянном волнении, и в 796 году халифу даже пришлось направить туда войско во главе с Бармакидом Джафаром. Именно волнения в Сирии стали основной причиной переезда Харуна из Багдада в Ракку на Евфрате, где он и стал проводить большую часть времени, изредка отправляясь в военные походы против Византии или в паломничество в Мекку. В Багдаде, который Харун не любил, он старался показываться как можно реже.

Возникали и другие проблемы: жители провинций Дайлам и Табаристан, как, собственно, и остальных восточных владений, восприняли ислам хотя и целиком, но не полностью, и, по сообщениям одного из историков, Харун был вынужден лично заниматься в Табаристане насаждением ислама. Но полностью искоренить языческие верования ему так и не удалось. На неустойчивую веру очень легко накладывалась пропаганда противников Аббасидов, и в 792 году один из Алидов, Йахья ибн Абдаллах, при поддержке местной знати, поднял восстание в Дайламе. Туда отправился аль-Фадла, который, много чего наобещав, в том числе и амнистию всем участникам восстания, добился его прекращения и выдачи Йахьи. Харун, однако, под выдуманным предлогом амнистию отменил, и Йахья оказался в тюрьме.

Продолжали свои выступления и хариджиты, которые особенно активизировались в провинциях Северной Африки, Северной Месопотамии и в Сиджистане. Участники

восстания в Месопотамии в 794 году под руководством аль-Валид аш-Шари не только захватили Нисибин, но и привлекли на свою сторону племена аль-Джазиры. Против них были направлены войска, и смутьяны были рассеяны. Восстание же в Сиджистане под предводительством Хамза аш-Шари в 795 году оказалось намного мощнее, и восставшие, захватив Харат, распространили свою власть на иранские провинции Кирман и Фарс. Харун так и не сумел справиться с ними до самого конца своего царствования.

Были охвачены волнениями также и Хорасан и некоторые соседние области. Так что говорить о «золотом времени Харуна аль-Рашида» вряд ли возможно. Сам он, стараясь не обращать внимания на внутренние настроения, пытался исполнить свой религиозный долг, как он его понимал, и все-таки захватить Византию. Различные стычки с войсками империи происходили ежегодно, а несколько раз халиф лично возглавлял наиболее значительные походы. Харун даже создал особую пограничную область с укрепленными городами-крепостями, которая служила одновременно и плацдармом для атак, и щитом для халифата.

В 797 году, воспользовавшись продолжающимися в Византии распрями и ее войной с болгарами, Харун захватил крепость ас-Сафсаф и довольно далеко прошел в глубь византийской территории. Императрица Ирина, правившая уже от своего имени, вынуждена была заключить с ним очередной мирный договор, еще более ущемляющий права Византии.

Сменившему ее в 802 году императору Никифору этот договор не понравился, и он возобновил военные действия. Харун сначала отправил в Византию сына Касима с войском, а позже и лично возглавил поход. Поход оказался весьма удачным: в течение 803 – 806 годов мусульмане захватили множество византийских городов и селений, в том числе Геракл и Тиану, и дошли до Анкиры. Никифор, оказавшийся между молотом и наковальней – ведь продолжалась война с болгарами, – был вынужден заключить с Харуном мир на еще более тяжелых условиях, чем условия прежнего договора.

Перенеся столицу в Багдад, Аббасиды перестали интересоваться Средиземным морем. Харун же начал возрождать флот и в 805 году предпринял успешный морской поход против Кипра, а в 807 году совершил поход на остров Родос.

Падение Бармакидов

В первые семнадцать лет правления Харун аль-Рашида халифат почти полностью управлялся Бармакидами. Йахья был визирем, его сын Аль-Фадл – наместником в Иране, Армении и Азербайджане, а второй сын Йахьи, Джафар, хотя и не занимал официальной должности, но его влияние на халифа было также весьма велико. Он был лучшим другом Харуна и находился при нем практически неотлучно. Впрочем, Ат-Табари утверждает, что дело тут вовсе не в дружбе, а в гомосексуальных наклонностях, которые и в те далекие времена не были чем-то из ряда вон выходящим. Если это так, то тогда не слишком хорошее отношение Йахьи к дружбе сына с халифом объясняется очень просто.

Около 790 года умерла мать Харуна аль-Хайзуран, соратница Йахьи во многих делах, и влияние Бармакидов стало понемногу исчезать. Сразу же после смерти матери Харун отобрал у Джафара государственную печать, а враг Бармакидов аль-

Фадла ибн Рабии был назначен хаджибом вместо Бармакии. Также, уже в 796 году, наместником Хорасана стал некий Али ибн Иса ибн Махан, несмотря на то что Йахья весьма сильно возражал против этой кандидатуры.

Бармакиды постепенно оттеснялись от реальной власти, хотя и сохраняли статус ближайших помощников халифа. Сам же Харун уже старался опираться на тех мавали, которые полностью зависели от его воли и в решающие моменты жизни халифата не раз доказывали Харуну свою преданность.

29 января 803 года Харун отдал приказ убить Джафара, а Йахью и членов его семьи отправить в тюрьму. Многие восприняли эти действия как внезапную перемену в его характере, но мы видим, что падение Бармакидов готовилось Харуном много лет. Объяснил он свои действия, как часто объяснялись подобные вещи в те времена, желанием возвратиться к истинному исламу.

Средневековые историки, впрочем, не слишком поверили Харуну, утверждая, что Бармакиды были весьма благочестивы, сооружали во множестве общественные здания, улучшали оросительную систему, ремонтировали колодцы и были справедливы при решении различных споров. Аль-Масуди даже написал, что «процветание империи уменьшилось после падения Бармакидов, и все убедились, насколько несовершенными были действия и решения Харуна аль-Рашида и дурным – его правление». Возможно, он был прав, так как решения последнего периода царствования аль-Рашида во многом способствовали усилению гражданской войны и последующему распаду империи. Харун, например, несмотря на множество донесений о плохом правлении наместника Али ибн Исы, отказывался снимать его с поста, продолжая принимать от того ценные подарки. Это, в итоге, привело к восстанию в Хорасане, которое в 806 году чуть не разрушило халифат, и только после этого Харун снял наместника. Решение было запоздалым: Хорасан уже фактически перестал подчиняться Багдаду. Харун лично, в сопровождении двоих сыновей, аль-Мамуна и Салиха, и с большой армией отправился туда наводить порядок, но заболел и был вынужден остановиться в Тусе. В Исфакхани же в это время, в тылу его армии, вспыхнуло восстание хуррамитов – секты, сочетающей шиитские воззрения с зороастризмом. В 809 году Харун аль-Рашид умер, так и не сумев ликвидировать смуту.

Религия и культура

Харун аль-Рашид неоднократно подчеркивал религиозный характер своей власти. Он сам регулярно совершал хадж и жестоко наказывал еретиков. Даже всеобщая амнистия, объявленная им при вступлении на трон, не коснулась тех, кто «извращает веру».

Но, что интересно, при всех религиозных преследованиях Харун поощрял бармакидских министров, которые покровительствовали деятельности переводчиков, открывавших мусульманам индийских, иранских, а позднее и греческих авторов. Он, видимо, не понимал, что подобная литература зачастую уводит людей от ислама, прививая им свободу мышления и демонстрируя людям иные точки зрения. Хотя, возможно, здесь перевешивала любовь к славе, а Харун всегда хотел сделать свою столицу мировым центром культуры.

При Харуне впервые за долгое время стали подвергаться жестокому преследованию иноверцы. В 806 году он отдал приказ разрушить все церкви вдоль византийской границы, а через год возобновил старинные ограничения для немусульман. Отныне те должны были вместо поясов носить веревки, на голове стеганые шапки и даже туфли не такие, как у мусульман. Также им запрещалось ездить на лошадях, и они могли пользоваться только ослами, причем вместо кисточек на седельных луках они должны были использовать деревянные шишечки.

Еще один интересный нюанс: Харун был первым халифом, который не сам писал свои пятничные проповеди. В мечети по пятницам он читал тексты, которые за него писали его секретари. Объясняется ли это желанием сделать свои выступления более красноречивыми или небрежением к богослужению – сказать сложно. Впрочем, современники вспоминают Харуна как человека, твердо исполнявшего все заповеди. Однако аскетизм ему явно не был присущ: например, на свою свадьбу халиф потратил из казны 50 миллионов дирхемов. Его двор вообще был средоточием роскоши, которая вошла в легенды. Понятно, что подобный роскошный образ жизни требовал четкой организации сбора налогов, чем халиф занимался лично и в 800 году даже специально приехал из своей резиденции в Багдад взыскивать недоимки. Недоимщиков били и отправляли в тюрьму. У жителей Багдада вообще остались не слишком хорошие воспоминания о Харуне. Как, впрочем, еще и у многих его современников. В 796 году, например, когда Харун находился в Хире, жители соседней Куфы даже попытались убить его.

Помимо бурного развития культуры в годы правления Харуна очень сильно развивалась и торговля, а мусульманские купцы были известны от Китая до Восточной Африки. Именно к этой известности относят многие историки и легенду об обмене подарками между Харуном и Карлом Великим и предоставление последнему особых прав в Иерусалиме. Никаких упоминаний этих прав и подарков в арабских источниках нет, так что, скорее всего, это просто легенды, придуманные франками, или, как говорят сегодня, пиар.

Но, несомненно, главной политической ошибкой Харуна стало разделение власти между своими наследниками, сыновьями от разных жен – аль-Мамуном и аль-Амином. После смерти Харуна это привело к кровопролитной гражданской войне, а халифат перестал быть единым государством, расколовшись на множество мелких провинций, где власть «повелителя правоверных» признавали лишь номинально.

Идеальный правитель – это миф?

Харун вошел в историю как идеальный правитель. Увы, мы часто сталкиваемся с тем, что народная память, создавая легенду, мало обращает внимания на факты и подлинные события. То же произошло и с Харуном.

Цельная личность, предстающая перед нами в сказках, имеет мало общего с реальным образом шестого аббасидского халифа. В легендах нет ни слова ни о восхождении Харуна на трон, ни о том, что к фактической власти он долгое время не имел практически никакого отношения, ни о многочисленных восстаниях, которые расшатали устои мусульманской государственности, ни даже об успешных военных походах, которые он весьма любил.

Не упоминается и то, что сначала халиф отдал свою власть Бармакидам, а потом коварно и жестоко расправился с ними. Легенды, кстати, хвалят Бармакидов, осторожно обходя бесславный и для них, и для халифа конец. С полным пониманием, впрочем, относясь к капризам и деспотизму халифа – в Средние века такое поведение было нормой.

Многие легенды описывают личную заинтересованность Харуна в судьбе отдельного простого человека, его участие в делах багдадских купцов, ремесленников, поэтов и музыкантов, забывая о том, что в Багдаде халиф мало того что практически не жил, так еще и питал к нему неприязнь.

Вряд ли такой любитель роскоши, каким представляют историки халифа, мог бродить, ища развлечений, по ночному Багдаду со своим верным визирем Джафаром и телохранителем-палачом Масруром, переодетым в нищенские лохмотья.

Что интересно, в легендах Джафар выступает как отрицательный персонаж – нелюбимый народом чиновник-функционер и послушный исполнитель воли халифа, а не как одна из влиятельнейших персон в управлении халифатом, которой он, несомненно, являлся.

Что ж, народ мечтал об идеальном – добром и всемогущем – правителе и получил его – хотя бы в качестве персонажа легенд.

ГЛАВА 13. ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

«Толедская ночь»

В конце VIII или начале IX века (даты тут называются историками самые разные – это и 797, 803, 807, 806 и 812 годы) произошло первое крупное восстание жителей Толедо, во время которого был убит вали города Юсуф-бен-Амрюк, прославившийся своей жестокостью. Толедо, бывшая вестготская столица Испании, долгое время была источником различных проблем для Кордовского халифата. Жители Толедо никак не могли смириться с тем, что их город больше не столица, и вынашивали многочисленные планы против властителей Андалузии.

Эмир аль-Хакам I отправил в Толедо своего сына, или, как считают некоторые историки, наместника из числа перешедших в ислам вестготских аристократов. Впрочем, еще одна версия говорит о том, что по его собственной просьбе в город был послан отец убитого, Амрюк-аль-Льерида, и она, пожалуй, наиболее точно отражает события.

Приехавший не стал наказывать толедцев за бунт и стал править ими практически с отеческой нежностью. Через некоторое время в Толедо прибыл отряд во главе с наследником эмира, будущим Абдеррахманом II, следовавший в Сарагосу. Отряд

был размещен во дворце Галиана, над рекой Тахо. В честь прибывшего принца Амрюк устроил роскошный пир, на который были приглашены представители знатных толедских семей (числом, по разным данным, от 400 до 1500, в том числе и арабы).

Гостей впускали поодиночке, проводили во внутренний двор замка и обезглавливали. Тела бросали в заранее приготовленную глубокую яму, вырытую посередине двора.

– Сын мой, теперь можешь упокоиться с миром, ибо ты отомщен! – сказал якобы Амрюк, выставляя головы убитых на зубцах своей крепости.

Абдеррахман, шокированный таким массовым и вероломным убийством и недовольный тем, что послужил своеобразной приманкой, ничего предпринимать не стал и проследовал дальше в Сарагосу.

Жители Толедо и сегодня могут показать место, где происходило это событие: дворец находился в квартале, называемом Монтичель, и сейчас на этом месте проходит бульвар Святого Христофора.

Выражение «Толедская ночь» стала в Испании пословицей, означающей внезапное очень плохое событие, вероломство и предательство.

Понятно, что жители Толедо надолго утратили не только бунтарские настроения, но и тех лидеров, которые могли бы поддерживать город на уровне «второй столицы».

Воцарение аль-Амина

В соответствии с волей халифа Харуна аль-Рашида, его сын аль-Амин, матерью которого была кузина Харуна Зубайда, был провозглашен его преемником в Багдаде в 809 году, но его другой сын, аль-Мамун, наместник Хорасана с 808 года, не хотел с этим мириться.

Противостояние между братьями достигло максимума в 811 году, когда аль-Мамун, во главе хорасанской армии, двинулся на Багдад. Аль-Амин выслал ему навстречу 50-тысячную армию, но она была разбита около Рея (город в Персии, недалеко от Тегерана). Вслед за этим Багдад был подвергнут осаде, которой руководил Тахир ибн Хусейн, начавшейся в сентябре 812 года и длившейся почти год. Современники вспоминали это время с ужасом, говоря, что это была самая жестокая осада в истории ислама. Под стенами Багдада бились даже не единоверцы, а – братья. Городу были нанесены множественные разрушения, а 37-летний халиф аль-Амин был убит. Аль-Амин, никак не успевший себя проявить, фигурирует в истории как последний халиф из династии Аббасидов, рожденный арабкой, и, судя по намекам историков, наделенный ею гомосексуальными наклонностями. Именно благодаря ему, как утверждают легенды, пошла мода одевать красивых девушек в одежду мальчиков-пажей, которая прижилась на всей территории халифата в домах богатых людей. Впрочем, начал одевал девушек пажами отнюдь не аль-Амин, а его мать, Зубайда, пытавшаяся таким образом отучить сына от пагубной привычки. Говорят, ей это вполне удалось.

Аль-Мамун остался в истории как великий покровитель искусств и наук, не посрамивший в этом своего отца, но как весьма слабый политик. Именно в

правление аль-Мамуна в халифате начинает широко использоваться индийская цифровая система, позже получившая название арабской.

В 830 или 832 году аль-Мамун основал в Багдаде Дом мудрости (Байт аль-хикма), который являлся прообразом университета и который стал местом концентрации научных и духовных идей, а также собранием выдающихся ученых со всех концов халифата (вскоре началось критическое осмысление наук и знаний других цивилизаций, и мусульмане погрузились в напряженные дискуссии). В Доме мудрости расположились богатая библиотека, академия, переводческое отделение (манускрипты для переводов выписывались из всех концов халифата и даже из Византии) и множество астрономических обсерваторий. Трудившиеся в нем ученые христиане и мусульмане из различных частей государства получали жалованье.

Свою резиденцию аль-Мамун оставил в столице Хорасана Мерве, перебравшись в Багдад лишь в 819 году. В этот период продолжались восстания различных, в том числе и шиитских групп в Мекке, Медине и самом Ираке, а в халифате царил полный хаос.

Несмотря на протесты ортодоксального суннитского духовенства, аль-Мамун принимает на себя титул шиитского имама. Это можно объяснить благодарностью шиитов, которые во многом поддержали его поход на брата. Также аль-Мамун издает распоряжение, чтобы шариатские судьи и ученые клирики исходили из того, что Коран сотворен, то есть приспособлен к конкретному времени и конкретному месту, а не представляет собой вечное и не подлежащее изменениям послание Аллаха. Своим визирем он делает аль-Фатха ибн Сахла, перса и зороастрийца. Из-за подобных нововведений вспыхивают мятежи в Куфе и Басре, а хариджиты поднимают восстание в Хорасане. Аль-Мамун в ответ вводит михну, некое подобие европейской инквизиции, когда все богословы были обязаны пройти испытание (именно так, кстати, и переводится слово «михна» – испытание). Многие видные исламские богословы оказываются в заключении, а наиболее известной жертвой михны становится известный теолог-традиционалист Ахмад ибн Ханбал, основатель ханбалитской школы права, который отстаивал предвечность Корана, за что был подвергнут бичеванию и заключению в тюрьму. Впервые в истории ислама имело место притеснение, причем с официального благословения, на теологической почве.

Гонения на традиционалистов продолжались еще пятнадцать лет, а отменил мутазилитское учение как официальную доктрину государства только в 848 году халиф аль-Мутаваккиль.

Восстание Бабака

В 816 году, на фоне полного политического и религиозного хаоса, снова подняли голову аль-Муканны, чье выступление было подавлено в Хорасане более тридцати лет назад. Многие из них обосновались в Азербайджане, где нашли себе многочисленных сторонников и последователей. Возглавил восстание перс по имени Бабак (или Бабек), принадлежащий к секте хуррамитов. Хуррамиты традиционно принимали участие во многих восстаниях, направленных против центральной власти, и впервые были упомянуты как участники восстания Абу Муслима (747 – 750). Их верования представляли собой причудливую смесь из идей

маздакизма (некоей ветви зороастризма) с христианскими и исламскими элементами. Хуррамнты верили в борьбу двух начал – Света и Мрака, считая, что существующие общественные порядки есть порождение темного, дьявольского начала. Также они признавали непрерывное воплощение божества – через Адама, Авраама, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда, вплоть до лидеров своей секты.

Арабские летописи вспоминают их как сторонников, с одной стороны, кровосмесительных браков, а с другой, как приверженцев общности жен и отсутствия института семьи. Жили хуррамнты, по утверждению средневековых арабских историков, весьма весело, проводя время в попойках, плясках и пении под веселую музыку. Абу-Музаффар Исфараини, в частности, пишет о восставших: «Бабекиты обоего пола собираются в одну из ночей года на той горе для совершения всяких порочных дел, с музыкой и вином. Затем гасят светильники, и идет каждый из них с одной из женщин, которая достается ему по жребию».

Также, по воспоминаниям современников, бабекиты отвергали любые моральные ограничения, накладываемые различными религиями, безжалостно терроризировали местное население, расправляясь с мужчинами и уводя в плен женщин и детей. Вслед за восставшими в Гургоне, на северо-востоке Ирана, в 778 – 779 годах «краснознаменными», – использовавшими как в своих одеждах, так и на знаменах красный цвет – цвет крови, Бабек начал применять эту же символику.

Опорные лагеря бабекитов находились в недоступных высокогорных массивах на севере Персии, что позволяло им более двадцати лет успешно сопротивляться правительственным армиям. Впоследствии восстание распространилось по большей части Азербайджана, Армении и в северных областях Персии. Окончательно покончено с бабекитами было лишь в правление халифа аль-Мутасима, в 838 году.

Стоит сказать, что последователи хуррамитов дожили и до нашего времени, они проживают в небольших селениях в основном в горных районах на стыке Ирака, Ирана и Турции. Как жертвам «мусульманских гонений» им покровительствовала царская Россия, давая земли в Армении и Грузии, где они также проживают и сегодня.

Ложный халиф

В 817 – 819 годах активизировалось и движение шиитов, причем в самом центре халифата, где они заняли города Мекку, Медину, Васит и Басру. Понятно, что дело тут не только в охватившем халифат хаосе, но и в общем недовольстве населения правлением Аббасидов.

Халиф аль-Мамун, назначивший своим преемником Али аль-Риду, «восьмого имама» персов, пригласил его переехать в Мерв из Медины, приказал присягать имаму Али и начал чеканить монету с его именем (и даже поменял на флаге официальный черный цвет Аббасидов на зеленый – Алидов).

Затем аль-Мамун отправился в Мерв, а в Багдаде вспыхнули беспорядки. Причем главный министр Фадль ибн Сахль, происходивший из персидской семьи, держал халифа в неведении относительно происходящих там событий. Через несколько месяцев у кого-то из придворных возникла идея провозгласить халифом дядю аль-Мамуна – Ибрахима ибн аль-Махди. Но тот оказался слабой фигурой и смог

подчинить себе только Багдад, и всего на два года, пока аль-Мамун не переехал со своим двором из Мерва в столицу халифата в 819 году. Ибрахим не стал сопротивляться аль-Мамуну, а сразу пустился в бега и скрывался до 825 года, когда случайно выдал себя, но был прощен.

Аль-Мамун простил очень многих мятежников, утверждая, что ему доставляет удовольствие прощать своих подданных.

Возвратившись в Багдад, он сменил зеленый цвет знамени на прежний, черный: ведь имам Али аль-Рида скончался за год до этого, и многие полагают, что он был отравлен. Аль-Масуди в «Золотых лугах» пишет: «Али Рида ибн Муса умер в Тусе от несварения желудка, съев чересчур много винограда. Говорят, что ягода была отравлена. ...Мамун прочел погребальные молитвы». На месте его захоронения позднее была построена огромная усыпальница, ставшая крупнейшей шиитской святыней Ирана, а сам город был переименован в Мешхед, то есть «место погребения шахида». Есть версия, что к отравлению имама приложил руку сам халиф, поняв, что он может потерять власть. Девятым имамом становится сын аль-Риды аль-Таки аль-Джавад. Но аль-Мамун уже отказался от идеи передачи власти Алидам.

За шесть месяцев до этого был убит в общественных банях Багдада и Фадль ибн Сахль. Историки расходятся в вопросе, кому стоит приписать это убийство. Одни считают, что это сделали оппоненты халифа, другие же считают, что он был убит тайными агентами аль-Мамуна.

Удельные династии. Тахир, наместник Хорасана

В гражданской войне, когда родные братья делили место халифа, прославился перс, стоявший на стороне аль-Мамуна, по имени Тахир ибн Хусейн. Наряду с полководческими талантами «Одноглазый Тахир» был очень умелым рубакой, действуя саблями сразу в двух руках, что вызывало восхищение аль-Мамуна.

После победы аль-Мамун наградил Тахира наместничеством в Багдаде и Северном Ираке, а в 820 году Тахир был послан в Хорасан управлять всеми провинциями к востоку от Багдада. Ситуация почти зеркально повторяла историю с назначением Харуном аль-Рашидом наместника в Северной Африке Ибрахима ибн Аглаба, который основал там династию Аглабидов. Тахир, став со временем весьма сильным правителем, незадолго до своей смерти в 822 году прекратил поминание аль-Мамуна в пятничных проповедях, что, собственно, было равносильно провозглашению независимости. После его смерти наместником оказался его сын Талха. Сместить его, несмотря на большое желание Багдада, было сложно. Брат Талхи, Абдуллах, был одним из командующих армией халифа, а в 828 году стал и правителем Хорасана.

Халиф, помня, что в Азербайджане бушует Бабак, мудро решил не связываться с отступником и таким образом позволил возникнуть династии Тахиридов, первой независимой династии на Востоке. Разумеется, представители династии Тахиридов платили дань халифату, а их родственники продолжали служить халифу, занимая государственные посты в Багдаде и Египте. Всего Тахириды правили около пятидесяти лет, пока не были смещены в 873 году основателем династии Саффаринов.

Подобное «нейтральное» отношение к провинциям, в которых правят удельные семейные династии, но которые исправно платят дань, правители халифата посчитали очень удобным для себя. Центральная власть больше не должна была тратить силы на собирание дани (которая приходила весьма исправно), но, в итоге, подобные самостоятельные династии оказались главным фактором, предопределившим распад халифата.

Удельные династии уже с середины X века стали настолько автономны, что халифы утратили практически всю свою власть над провинциями. Впрочем, и сами халифы с середины IX века находились под растущим влиянием и контролем тюркской дворцовой охраны. Введение удельных династий было признаком все большего упадка аббасидского правления, но, впрочем, само исламское государство никуда не исчезло, просто стало немного иным, поменялась его структура. Но по-прежнему все династии и правительства на территории халифата исповедовали одну и ту же религию, имели одни и те же традиции и обычаи. Это положение в исламском мире сохранялось очень долго, вплоть до конца XIX века, до введения института национального гражданства.

«Кордовские мученики»

В 850 году в Кордове были казнены первые из пятидесяти христиан (по некоторым данным, их было больше), обвиненных в неуважении к исламу и Пророку. В течение ряда лет все христиане и иудеи были сняты с государственных должностей, многие из них подверглись преследованию или были убиты.

Смерть за веру принимали по разным причинам. По легенде (полностью полагаться на правдивость этих жизнеописаний, конечно же, не стоит) первым и самым знатным из казненных за веру христиан был Исаак. Он происходил из благородного семейства и получил отличное образование на арабском языке, которое дало ему возможность занять одну из самых высоких должностей для немусульманина: он стал секретарем местного самоуправления (кутыб ад-даймам). Он довольно долго занимал этот ответственный пост, как вдруг решил изменить свою жизнь и удалился в монастырь, расположенный в горах. В этом монастыре, называемом Табанос, он провел около трех лет и вернулся в Кордову, причем начал вести себя очень неблагоразумно. В споре с кади (управляющим округом) он заявил, что Пророк обманул арабов, за что горит сейчас в аду! Такое поведение было в те времена столь же рискованным поступком, как и намерение войти в клетку с голодным тигром. Кади хотел убить христианина на месте, но его помощники удержали его, сказав, что Исаак пьян или сошел с ума (но тот утверждал, что сказать такие слова его заставляет «рвение справедливости»), к тому же убить обвиняемого можно только после решения суда. Исаака арестовали, судили и казнили (после обезглавливания тело повесили вверх ногами на берегу реки). Вынося такой суровый приговор, кади специально просил аудиенции у халифа Абд аль-Рахмана II, и тот дал согласие на казнь.

Лишился головы за свои слова и священник Перфект, который служил в базилике Сан-Акискиус. Как-то после службы он встретился с группой мусульман, которые завели с ним богословский спор. Перфект всячески старался уклониться от разговора, но его собеседники пообещали, что не причинят ему вреда. Слово

мужчины тогда было надежным, и священник опрометчиво заявил, что считает Мухаммеда лжепророком, о которых говорил Иисус. Мусульмане сдержали слово и не причинили священнику вреда... пока не встретили его через неделю (когда они были уже свободны от данного слова). Священника схватили, арестовали и засвидетельствовали в суде, что он унизил своими словами Пророка. Сначала Перфект отрицал вину, но, поняв, что судьба его уже решена, повторил свои слова перед судом.

Абд аль-Рахман II, обеспокоенный подобными случаями, издал указ, в котором было сказано, что любым богохульникам грозит смертная казнь.

Но новые христиане, потрясенные мученическими смертями Перфекта и Исаака, сами шли на смерть за веру. Так Петр, священник из Эсихи, и каноник Валабонсас из Эльче, которые во время казни Исаака находились в монастыре к западу от Кордовы, вместе с Сабинианом из деревушки Фронианасы, Вистремандом, каноником монастыря Сан-Сойлас, Хабентом, уроженцем Кордовы и каноником монастыря Сан-Кристофер, и Иеремией, родственником Исаака, приехали в Кордову, явились к кади и публично заявили: «Мы говорим, что наши святые братья Исаак и Санкий (молодой солдат, которого казнили за оскорбление Пророка в это же время. – Ред.) были правы. Теперь вы можете проявить жестокость и отмстить за вашего Пророка. Мы верим в Христа, который является нашим Богом».

Все шестеро были также казнены.

Но список мучеников за веру (среди которых были и женщины) в Кордове продолжал расти как снежный ком.

Буквально за неделю до смерти Абд аль-Рахмана II монах Рохелио родом из деревни около Гранады и сирийский паломник из Дамаска вошли в одну из центральных мечетей Кордовы и, к ужасу всех собравшихся мусульман, которые подумали сначала, что это им мерещится, стали в мечети проповедовать Евангелие. Полиция не дала толпе разорвать этих монахов, но после суда они были приговорены к четвертованию за осквернение мечети.

Только обращение нового халифа Мухаммеда I к христианской верхушке Кордовы (он специально вызвал во дворец церковных иерархов и влиятельных горожан) с просьбой повлиять на единоверцев на время прекратило подобные случаи мученичества. Но примерно через год они возобновились, и до конца IX века в городе было казнено, как уже упоминалось выше, около пятидесяти человек, а «Кордовские мученики» стали еще одним символом, поднятым на знамени борьбы христиан за освобождение Пиренейского полуострова от мусульманского владычества.

Смерть аль-Мамуна. Дальнейшее раздробление халифата

Летом 830 года аль-Мамун и его сын Аббас безуспешно попытались атаковать византийцев в Малой Азии, заняв множество городов, которые были вынуждены оставить осенью того же года. Подобные военные акции ежегодно предпринимались и в течение трех последующих лет, но они уже не имели запланированного характера, а были скорее просто набегами (с целью обогащения). В одну из таких кампаний халиф внезапно почувствовал себя плохо и скончался в своем лагере около хребта Тавр в августе 833 года. Ему было 47 лет. Халифат принял его брат

аль-Мутасим, правивший до 842 года, причем аль-Мамун сам назначил его своим преемником. Аль-Мутасим, третий сын Харуна, ставший халифом, имел впечатляющее телосложение, прославился исключительной храбростью, но совершенно не интересовался культурой. Впрочем, при сделанном Харуном и аль-Мамуном заделе, культура халифата могла еще долго развиваться самостоятельно, без пристального внимания патрона.

В 842 году халифом стал сын аль-Мутасима аль-Васик, который поселился в Багдаде и подпал там под влияние клириков. Скончавшись в 847 году, он не оставил никаких распоряжений по поводу наследия престола, и этим воспользовался его младший брат аль-Мутаваккил, отняв трон у сына аль-Васика аль-Мамуна при помощи войска аббасидских тюркских рабов.

Аль-Мутаваккил прославился тем, что не только прекратил михну, но и отдал приказ об аресте десятого имама Али аль-Хади, которого, арестовав в Медине, доставили в Самарру. Во время его правления были смещены все чиновники, поддерживавшие мутализитизм, и наступила реставрация суннитов. В Кербеле даже была разрушена усыпальница Хусайна, внука Мухаммеда, которая долгое время была объектом паломничества. Аль-Мутаваккил также продолжал ограничивать в правах инородцев, исповедовавших христианство и иудаизм. В декабре 861 года тюркские солдаты убивают Мутаваккила, и начинается десятилетний период анархии. Халифом становится старший из его сыновей аль-Мунтасир, права которого на трон, впрочем, тут же начинает оспаривать его брат аль-Мутааз.

В этом же году на востоке ремесленник из Афганистана Якуб ибн Лейс, известный под прозвищем аль-Саффар («медник»), изгоняет Тахиридов из Систана и учреждает собственный эмират.

В следующем, 862 году, умирает аль-Мунтасир, по одной из версий отравленный аль-Мутаазом, но халифом становится не он, а аль-Мустаин, внук аль-Мутасима. Зайиды поэтому организуют в Куфе беспорядки, после подавления которых переселяются на территорию современного Азербайджана, где Хасан ибн Зайд основывает шиитское государство.

В январе 866 года тюркские военачальники изгоняют аль-Мустаина, поставив халифом аль-Мутаазу.

В 868 году умирает Али аль-Хади, обстоятельства его смерти не совсем ясны. Его преемником, одиннадцатым имамом, становится его сын Хасан ас-Аскари. В этом же году наместником Египта назначается Ахмад ибн Тулун, впоследствии основавший династию Тулунидов и собственный эмират.

В Византии, в 867 году, после убийства Михаила III, становится императором Василий, представитель новой династии. Талантливый руководитель, он очень сильно укрепил армию и флот, с помощью чего надолго избавил Византию от набегов мусульман, которым, по правде говоря, уже было не до покорения соседей.

В 869 году тюркские военачальники смещают аль-Мутаазу, заменяя его на аль-Мухтади, сына аль-Васика. Ахмад ибн Тулун входит в Палестину и присоединяет ее к владениям Египетского эмирата.

Меняются еще несколько халифов, так и не оставивших значимого следа в истории, халифат все больше погружается в раскол, а Аббасиды продолжают терять власть и авторитет с каждым годом...

ГЛАВА 14. ПОТЕРЯННЫЙ КОРАН

Средние Аббасиды: утраченное влияние

В 929 году Абд аль-Рахман III в Андалузии провозгласил себя халифом и тем самым окончательно разорвал последние, пускай и формальные, связи с Багдадом. Вероятно, это было скорее предупреждение Фатимидам, правящим в Ифрикипе, нежели Аббасидам, которым было важно уже просто сохранить свою власть, а не принимать военные меры для поддержания целостности халифата. На следующий год Аббасидов ждало еще одно унижение: карамиты, ранее уже поднимавшие восстание шиитского толка в Йемене, осадили Мекку и похитили святыню – Черный Камень Каабы. (Карамиты – экстремистская ветвь исмаилитов, разновидности шиитского ислама, создавшие собственное государство на Бахрейне и на протяжении долгого периода грабившие караваны с паломниками, направляющимися в Мекку.)

Сама Мекка была разрушена, а тысячи ее жителей убиты. Источник Замзам карамиты забросали мертвыми телами. Черный Камень они, разломав на две части, увезли в свою столицу Аль-Ахсу, доказывая этим святотатством, что Аллах на их стороне. Только спустя двадцать лет за большой выкуп камень был возвращен в Мекку по настоянию фатимидского правителя аль-Мансура (прав. 946 – 953).

Завоевания Фатимидов. Подавление мятежа берберов

Аль-Каим, второй правитель из рода Фатимидов, умер в 946 году. За 12 лет своего нахождения у власти он отличался не раз: предпринял экспедицию по завоеванию Египта (правда, безуспешную, как и две предыдущие), усилил флот и провел серию рейдов на побережье Франции и Италии, разграбив Геную.

В отличие от первых мусульманских завоеваний, все эти действия не приносили прибыли, а, наоборот, требовали из казны все больше и больше средств, а значит, способствовали увеличению налогового бремени. К тому же многих не устраивали и исмаилитские воззрения правителей. В результате этих двух факторов в 944 году началось очередное восстание берберов под руководством прославившегося своим аскетизмом хариджита из Тахерта Абу Иезида.

Восстание быстро разрасталось, аль-Каим держал осаду в своей крепости Махдия на протяжении 10 месяцев, вплоть до осени 945 года, пока повстанцы не отошли к Кайруану. В 946 году аль-Каим скончался, и трон принял его 31-летний сын аль-Мансур, который сумел нанести тяжелое поражение восставшим, довольно сильно потрепавшим к этому времени авторитет Фатимидов в Северной Африке.

Значительную помощь в подавлении мятежа оказало ему берберское племя санхаджа, уже выступавшее на стороне Фатимидов при снятии осады Махдии.

Абу Иезид бежал, но его преследовали, и через год его тело было с триумфом доставлено ко двору аль-Мансура. Власть Фатимидов была восстановлена и даже упрочилась. Аль-Мансур смог покинуть морскую крепость Махдии, много лет служившую Фатимидам личной резиденцией, и в 947 году начал строительство комплекса зданий для своего двора под Кайруаном.

Владычество Бундов

Пока в Северной Африке боролись с берберами, в Багдад пришли армии Бундов.

Бунды происходили из горной области Дейлем, расположенной на юго-западном берегу Каспийского моря. Этот район населяли племена иранского происхождения, славившиеся своим воинским упорством и жестокостью; выходцы из них служили в наемных мусульманских армиях по всему халифату и считались очень хорошими солдатами. Проживало их достаточно и в Багдаде. Арабы так и не смогли до конца покорить этот народ. Первым распространителем ислама среди них был шиитский имам Хасан ибн Зайд, который в 864 году основал в Дейлеме небольшое зайдитское государство со столицей в Шалусе.

В первое десятилетие X века, по утерянным за века причинам, начался исход дейлемитов из родных мест. И тогда их вожди стали захватывать области соседнего Ирана. Весьма быстро выделились своей храбростью и влиянием три мощных воина, три брата: Али, Хасан и Ахмад Бунды. Трое братьев выдавали себя за шиитов, но вряд ли признавали какого-нибудь другого Бога кроме собственного меча. Братья происходили из семьи бедного земледельца, занимавшегося позже рыбной ловлей и заготовкой древесины. Когда эти профессии окончательно перестали приносить хоть какую-нибудь прибыль, то Буид-старший, Абу-Шуджа, поступил наемником в армию табаристанского эмира Макана, взяв с собой и сыновей. Там братья близко сошлись с двумя братьями-гилянцами – Мардавиджем и Вушмагиром, сыновьями Зийара. Когда Макан был убит, то место эмира занял Мардавидж. Уже в 932 году он возглавлял крупное и влиятельное государство, включающее в себя, кроме Гургана, Табаристана и Дейлема, еще и Джибал до Хамадана, Хульван и Исфахан. Его полководцы предпринимали постоянные набеги на Хузистан.

Бунды быстро сделали карьеру и стали полководцами и наместниками Зийаридов в Ширазе.

Собственные их завоевания начались с Исфахана, который Али отнял у халифа аль-Кахира. Мардавидж не одобрил этот поступок, и Бунды приступили к созданию собственного государства. В 934 году им покорился Шираз, а после смерти в 935-м Мардавиджа Хасан отнял у его брата Вушмагира Джибал – от Исфахана до Казвина. В 943 году в государстве Бундов, благодаря Хасану, оказался Рей, благодаря Али – весь Фарс, а благодаря завоеваниям Ахмада – Кирман и Хузистан.

11 декабря 945 года Ахмад вступил в Багдад, который был сдан без всякого сопротивления. Вряд ли Аббасиды были когда-нибудь настолько слабы. Халиф аль-Мустакфи попытался скрыться, но был арестован и добровольно передал всю полноту власти в стране Ахмаду, наградив его титулом Амир аль-Умара

(«главнокомандующий»). Али и Хасану были «дарованы» соответственно титулы Имад ад-Даула («Оплот Страны») и Рукн ад-Даула («Опора Страны»).

Уже через год Ахмад без стеснения демонстрирует свою власть, приказывая ослепить халифа аль-Мустакфи, и тем самым делает его по законам ислама недееспособным, что ведет к смещению покоренного и искалеченного правителя. Трон халифа занимает аль-Мутин, Ахмад получает титул Муизз ад-Даула («Укрепитель Государства»), а своих братьев возводит в ранг эмиров.

Последующие сто десять лет Аббасиды находились под опекой буидских эмиров, носивших титул Эмир аль-Умара.

Все это создало в Халифате весьма необычную ситуацию. Считаясь шиитами, Бунды способствовали укреплению шиизма в стране, но одновременно не пытались изменить институт халифов-суннитов. Бунды не только отдавали приказы от имени аббасидского халифа, но отныне наряду с именем халифа в пятничных общественных молитвах стали произносить и имя эмира. Бунды стали чеканить свои имена и на монетах.

Пока они удерживались у власти, произошло упрочение позиций шиизма, и, как следствие, получили развитие шиитские теология и право.

После смерти трех братьев Бундов их наследники практически раскололи халифат на мелкие уделы, но единство власти было спасено эмиром Адуд ад-Даула, третьим и самым выдающимся представителем династии, который в 976 году, разгромив всех соперников, принял полноту власти. Но после его смерти в 983 году владения Бундов все-таки были разделены между многочисленными местными династиями персидского и курдского происхождения, и уже в 1029 году восточная часть Багдадского халифата была покорена Газнавидами, а оставшаяся – Сельджукидами.

В 1055 году Сельджуки заняли Багдад, и их власть была закреплена халифом.

Битва при Симанкасе

В 939 году христиане берут реванш за кровавое сражение в 920-м у Вальдехункеры (тогда Абд аль-Рахман III нанес поражение соединенным силам Астурийско-Леонского и Памплоно-Наваррского христианских королевств. Вожди разбитых христиан были посажены на кол, а все пленные – проданы в рабство). В жестокой битве при Симанкасе Абд аль-Рахман III терпит сокрушительное поражение и, потеряв в ходе битвы даже свой Коран, клянется больше не воевать.

А начинался поход халифа Абд аль-Рахмана III весьма бодро и даже получил название «Кампания всемогущества». Во главе мощной армии халиф вышел из Толедо, решив разобраться с королем Леоном Рамиро II, и встал лагерем на равнине около Симанкаса. Леонские войска, гораздо меньшие по численности, провели внезапную атаку, и мусульмане скоро в панике начали отступать, смешав строй и давя друг друга. Халиф, не потеряв присутствия духа, сумел организовать отступление, прошел вдоль Дуэро до Осмы, оттуда повернул к Атиенсе, но снова был атакован около Альбендиго. В этот раз потери мусульманской армии были еще больше, а конница и вовсе была заперта христианами в котловине и уничтожена. Абд аль-Рахман III бежал в Гвадалахару, а уже оттуда вернулся в Кордову. Была ли произнесена клятва или нет, но с тех пор он лично не руководил

походами против христианских королевств. Некоторые историки считают, что именно второе и окончательное сражение привело к освобождению района Альхандеги, который был занят Рамиро II через два месяца после битвы.

Но, несмотря на потерянный Коран, кордовский халиф Абд аль-Рахман III остался в памяти потомков как блистательный правитель. В 912 году он унаследовал страну, фактически лишенную центральной власти, раздираемую местными князьками на части, когда правящее семейство находилось на грани исчезновения. Он вернул большую часть провинций, и при нем мусульманская Испания стала великой державой, культуре и экономическому развитию которой завидовали как единоверцы, так и христиане. Кордова во времена его правления превратилась в роскошный город, с двумя десятками пригородов, 70 библиотеками, множеством книжных лавок, ученых кружков, 900 общественными банями. Главная библиотека Кордовы считалась крупнейшей в мире, в ней было собрано 400 000 книг. Улицы в Кордове были вымощены, а в темное время суток даже освещались. По роскоши Кордова успешно соперничала с Багдадом.

Проведя реформы в армии, Абд аль-Рахман сделал свое войско самым сильным и дисциплинированным в Европе. Оно комплектовалось из арабов, берберов и «сакалиба» – невольников и вольноотпущенников, принявших ислам, в основном славян. Славян, не имевших родственных связей, опасались даже многие знатные арабы, и такая армия была идеальным лекарством, исцелившим страну от внутренних беспорядков. В X веке только в Кордове насчитывалось около 14 тысяч славян-мусульман. Их влияние постепенно росло, и после распада Кордовского халифата в XI веке «сакалиба» даже создали несколько мелких правящих династий.

Абд аль-Рахман не только вернул все отпавшие земли мусульманской Испании, но и значительно расширил ее за счет территорий басков и западной части Магриба (Марокко). Историки дали ему прозвище ан-Насир («Победитель»).

Абд аль-Рахман III умер в возрасте 72 лет, в 961 году, проведя на посту правителя Испании 49 лет.

Фатимиды: завоевание Египта

Покорив в Северной Африке Аглабидов, Идрисидов и Рустамидов, Фатимиды предприняли не меньше трех безуспешных попыток (в 914, 921 и 935 годах) продвинуться и в Египет. Но в 958 году четвертый, крупнейший фатимидский халиф аль-Муизз основательно укрепил свою власть над Ифрикией и Марокко, отправив туда Джаухара Сицилийца – бывшего греческого раба, купленного на Сицилии, который построил там сильную армию, состоящую в основном из берберов-санхаджа. Разгромив остатки сопротивления на территории бывших Рустамидов, Джаухар двинулся дальше на запад и завоевал отпавший Фес, бывшую столицу Идрисидов. Таким образом, Фатимиды приобрели ресурс для броска на запад. Они надеялись, что это окончательно уничтожит Аббасидов и «справедливость» в отношении «истинных» халифов будет восстановлена.

С 935 года Египтом правила династия Ихшидидов, состоящая в союзе с Аббасидами, но после смерти в 968 году фактического правителя страны Кафура в стране воцарилась анархия. Аббасиды, бывшие под Бундами, не могли прийти им на помощь, а в довершение в Египте начался сильный голод. В итоге в 969 году

Джаухар вошел в Египет, и страна сдалась почти без сопротивления, включая капитуляцию столицы Фустат.

Тут же были отменены все знаки признания аббасидского халифа: сменена чеканка монет, на пятничных богослужениях стало упоминаться имя аль-Муизза, постепенно стали внедряться шиитские ритуалы. В честь этой победы Джаухар начал возведение рядом с Фустатом нового города – Каира (аль-Кахира, что значит «Победоносный»), который и стал столицей фатимидской державы в 973 году.

Вскоре аль-Муизз переселился в новую столицу, и государство Фатимидов протянулось от Марокко до Сирии. Египет под Фатимидами достиг максимального процветания, а толерантность режима (кроме правления аль-Хакима в 996 – 1021 годах) позволила развиваться культуре и наукам.

В 973 году аль-Хахим II, омейядский халиф Кордовы, выбил Фатимидов из Марокко, тем самым заставив их целиком сосредоточиться на Египте.

Положение в Италии

Продолжались мусульманские набеги и в Италии. Причем зачастую они совершались при поддержке союзников-христиан. Лишь в 915 году папа Иоанн X сумел изгнать мусульман из крепости на реке Гарильяно, откуда они уже около 30 лет угрожали окрестностям Рима.

В 972 году арабы из крепости Фраксинетум (Ла Гард-Френе, на юге Франции) дошли до перевала Большой Сен-Бернар в Альпах (граница современных Италии и Швейцарии), взяли в плен аббата-настоятеля монастыря Ключи, который был отпущен позже за большой выкуп. 11 лет граф Прованский и его союзники из Северной Италии не могли ничего поделать с обосновавшимися здесь мусульманами. Впоследствии Ключи стал самым значительным центром идеологического противостояния исламу. Здесь был осуществлен первый перевод Корана на латинский язык и написано множество комментариев к нему, доказывающих «дьявольскую» сущность этой мировой религии.

Махмуд Газнави

В 998 году правителем государства в Газне (включавшего в то время земли в Афганистане и Северной Персии) стал Йамин ад-Даула Махмуд, известный более как Махмуд Газнави. Ему было около 27 лет, и он правил следующие 32 года, оставшись в истории как один из величайших мусульманских правителей.

Он пришел к власти, отстранив от трона своего старшего брата Исмаила, которого их отец Сабуктегин, основатель династии Газнавидов, назначил своим преемником.

Газна, подобно многим провинциям, хотя и номинально подчинялась аббасидскому халифату [халиф аль-Кадир (прав. 991 – 1031) даже присвоил Махмуду титул Иамин ад-Даула («Правая рука страны»)], была полностью автономна.

Махмуд, фанатичный суннит, сразу же занялся борьбой с отступниками и неверными. Арабы вошли в Индию еще в 711 году, и Махмуд мечтал обратить эту страну, сделать то, что не удалось поколениям его предшественников. С 1001 по 1026 год он совершил 17 походов в Индию.

Первым походом стало наступление в ноябре 1001 года на Пенджаб, во время которого была разгромлена армия Джайпала около Пешавара. Сам Джайпал, не вынеся позора, бросился в погребальный костер и сгорел там заживо. Махмуд разрушил индуистские храмы и привез домой массу трофеев и огромное количество рабов.

Но наиболее известной его кампанией стал поход в январе 1026 года на местечко Сомнатх (Сумната) на полуострове Катхиявар (ныне часть индийского штата Гуджарат), где находился легендарный и чрезвычайно богатый храм Шивы. Более десяти индийских государств объединили свои усилия по защите храма, и объединенная индийская армия отрезала Махмуда от его основной базы в Газни. Битва была страшная, долгая и жестокая, но Махмуд выиграл ее, даже находясь в весьма невыгодных для себя условиях. В сражении погибло около 50 тысяч индийцев. Махмуд разрушил изображения Шивы и других богов, а осколки статуй захоронил под порогом Соборной мечети в Газне. Отвоевав в 999 году земли к югу от Амударьи у Саманидов, он создал прочную базу для дальнейшего продвижения на запад. В 1029 году он вытеснил Бундов к западу от Центральной Персии, распространив свою власть над Реем и Хамаданом.

К моменту смерти Махмуда страна включала в себя Пенджаб, долину реки Инд в Индии, Афганистан и Восточную Персию (впрочем, весьма скоро турки-сельджуки начали свое движение через Хорасан, и сын Махмуда, Масуд, не смог удержать персидские владения).

Махмуд, помимо воинской, стяжал себе еще славу покровителя искусств, собирая при своем дворе знаменитых людей со всей державы. Именно в Газне жили персидский поэт Фирдоуси (ок. 934 – 1020), величайший мусульманский ученый аль-Бируни (973 – 1048) и арабский историк аль-Утби (умер в 1036 году).

Именно перу аль-Бируни принадлежит первый труд по тригонометрии; создав эту ветвь математической науки, он также сделал ряд важных открытий в области геологии: провел измерения широты и долготы земного шара и пришел к выводу о вращении Земли вокруг своей оси.

ГЛАВА 15. КОРДОВСКИЙ ХАЛИФАТ ПОД ВЛАСТЬЮ АЛЬМАНЗОРА

Столкновения между мусульманами и христианами в Европе давно уже превратились в некую рутину, если так можно сказать о битвах, в которых

проливается кровь и с той, и с другой стороны. Зимой войны затихали, летом начинались новые походы, и противники регулярно отвоевывали друг у друга небольшие территории, не имевшие, в принципе, никакого стратегического значения. Грабежи, захват пленных, выкуп знатных лиц привносили движение в скучную европейскую жизнь... Это, конечно, ирония, но такая «малая перманентная война» и в самом деле была выгодна обеим сторонам: она активизировала торговлю, позволяла собирать налоги, развивала ремесла... Но все изменилось с приходом в кордовском халифате к власти аль-Мансура, или, в европейской транскрипции, Альманзора.

Восхождение на вершину власти

Мухаммад ибн Аби Амир аль-Мансур, прозванный Альманзором, родился в 939 или в 940 году в Тораше (Торроче), близ Альхесираса, в не очень состоятельной семье Абд Аллаха и Борайи. Впрочем, сам Альманзор называл себя потомком Тарика ибн Зийяда, победителя в легендарной битве при Гвадалете, с которой началось завоевание мусульманами Пиренейского полуострова.

Статуя Альманзора в Алжире

Когда Мухаммад был еще юн, его отец умер, и мальчика отправили в Кордову, под опеку дяди, который устроил племянника секретарем к шариатскому судье, Кади Ибн аль-Салиму. Вскоре аль-Салим рекомендовал способного юношу визирю Джафару аль-Мусафи, ведавшему гражданской администрацией. Мухаммада принимают в услужение к наложнице халифа аль-Хакама II, Субх, фаворитке гарема. Она была баскской рабыней и родила халифу двоих сыновей: Абдеррахмана и Хишама. Некоторые историки предполагают, что Мухаммад стал любовником Субх и именно этому обязан своим быстрым продвижением по служебной лестнице. В 967 году Мухаммад становится «сахиб аль-сикка», то есть начальником монетного двора. Вскоре сын халифа Абдеррахман, которому было всего восемь лет, умирает, и Мухаммаду отдается распоряжение привести в порядок финансы покойного и перевести их на его брата Хишама. Через руки Мухаммада проходит весьма большое количество как денег, так и просто ценного имущества, и по окончании финансовых процедур его обвиняют в растрате. Сложно сказать, была ли растрата на самом деле. Но, скорее всего, она могла иметь место: «прилипание денег к рукам» в те времена в арабских халифатах было скорее повседневной нормой, нежели исключением, несмотря на могущее последовать весьма строгое наказание. Однако Мухаммад, одолжив якобы денег у друга, с помощью подношения сумел замять неприятную историю и снять с себя обвинения.

В 972 году Мухаммад становится начальником городской стражи, а на следующий год отправляется в командировку в Марокко для инспекции находившихся там войск. Он весьма удачно справился с этим заданием, став исключительно популярным человеком в армии, а по возвращении в Кордову получил пост

командующего наемными войсками халифа. В это время ему было тридцать восемь лет.

В 975 году Мухаммаду выпал шанс проявить себя на новом посту, и он прекрасно с этим справился. Граф Кастилии Гарсия Фернандес при поддержке короля Наварры Санчо Гарсеса II осадил самую мощную мусульманскую крепость на Дуэро – замок Гормас. Крепость была построена незадолго до этого и в самом деле представляла собой весьма серьезную угрозу для всей восточной части Кастилии. Христиане пришли к стенам крепости с мощной армией, их войска насчитывали около шестидесяти тысяч человек. Но по приказу Мухаммада армия, возглавляемая знаменитым полководцем Халибом, внезапно атаковала христиан со стороны Берланги, сняла блокаду и нанесла армии Фернандеса чувствительное поражение.

В октябре 976 года умирает халиф аль-Хакам II, и в Кордове разгорается борьба за власть. Одним из основных претендентов был аль-Муджира, брат аль-Хакама II, а вторым – Хишам, одиннадцатилетний сын покойного халифа, которого как раз и поддержал главнокомандующий Мухаммад, а также начальник гвардии наряду с визирем аль-Мушафи.

Мухаммад обходится без длинных восточных церемоний и интриг, а действует со всей решительностью и прямоотой, которые, собственно, впоследствии его и прославили: он отдает приказ убить Мухаммеда аль-Муджира. Того задушили прямо в его гареме, на глазах испуганных жен. Хотя по мусульманской традиции слишком юные никогда не вступали на трон, в этот раз никто не обратил внимания на это обстоятельство, и Хишама объявили халифом.

И с 977 года халифатом фактически начали управлять два мудрых и заслуженных мужа – Мухаммад, получивший титул визиря, и хаджиб (мажордом дворца) аль-Мушафи. Понятно, что свои решения они согласовывали с матерью халифа, той самой Субх, которая и помогла Мухаммаду продвинуться так высоко. Возникает вопрос, какова была пропорция власти, и кто на самом деле больше руководил халифатом: Субх, Мухаммад или аль-Мушафи? Скорее всего, это был некий триумвират с взаимным контролем, так как каждый из партнеров имел достаточно много власти, чтобы в случае чего защитить себя, но слишком мало, чтобы отказаться от помощи и поддержки «коллег» по присмотру за малолетним халифом.

Альманзор, кроме всей полноты власти визиря, был еще и главнокомандующим, и в этот же год он выступил во главе войск, направляясь на север. Поход был удачным: он взял и разрушил Саламанку, нанес последовательно поражения леонским, кастильским и наваррским войскам в сражениях у Гормаса, Ланги и Эстеркеля. Лишь дойдя до границ Астурии, Мухаммад повернул назад.

Военные походы против христиан станут при его власти ежегодными. Причем это была уже не тактика «малой войны», а вполне серьезные сражения. Пленных Мухаммед не позволял выкупать, а казнил, города не только грабил, но и разрушал, сжигал.

Возвратившись из похода, Альманзор женился на дочери знаменитого военачальника Халиба Асме, еще выше подняв свой авторитет в армии. В 978 году, с 31 мая по 6 августа, Мухаммад предпринял четвертый поход против христиан, а вернувшись с очередной победой, при поддержке своего тестя Халиба добился смещения аль-Мушафи и его ареста. Должность хаджиба перешла к Мухаммаду.

Спустя некоторое время Мухаммад начинает реформы в армии: видимо, походы проявили в чем-то ее несостоятельность. В частности, он изгоняет из гвардии всех наемников славянского происхождения и заменяет их на берберов из Магриба.

В 979 году Хишам II был окончательно изолирован от власти и фактически посажен под домашний арест в своем дворце в Кордове, вместе с огромным гаремом. Правительство же переехало в Медину-Асахар, дворцовый комплекс в восьми километрах от Кордовы. В 981 году Мухаммад получил от халифа

полномочия принимать любые решения на свое усмотрение. Это вызвало бурный протест со стороны очень многих, в том числе и со стороны тестя Мухаммада генерала Халиба. Последний пытался поднять восстание, требуя вернуть власть халифу Хишаму. Но кордовский гарнизон давно укомплектован наемниками-берберами, которые преданы лично Альманзору, и восстание прекращается, практически не начавшись. Халиб бежит на север и обращается за помощью к христианам, в частности, к королю Леона Рамиро III.

У Сан Висенте встречаются две армии, но в ходе боя Халиб, получив сильный удар по голове, падает с коня. Сторонники, решив, что он мертв, в панике бегут. Халиба арестовывают и, доставив в Кордову, казнят. С него сдирают кожу, набивают ее хлопком, сделав подобие чучела, и распинают это чучело на городских воротах.

После расправы с законным халифом Мухаммад решает наказать его союзника, Рамиро III. Кордовская армия входит в Саморру и разоряет ее. Рамиро вынужден признать себя вассалом халифа и обязуется платить дань. Но это вызывает недовольство баронов, и они объявляют короля низложенным. Новым королем Леона становится Бермудо III, побочный сын Ордоньо III. Он призывает на помощь кастильцев и наваррцев и пытается проучить Мухаммада. Но Альманзор громит христианские войска у Руеды и разоряет Симанкас. Наваррский король Санчо II Гарсес вынужден был признать себя халифским вассалом, обязался выплачивать ежегодную дань и отдал свою дочь Абду в гарем Мухаммада. Впоследствии она родит Мухаммаду сына Абд аль-Рахмана, по прозвищу Санчело. Граф Кастилии Гарсия Фернандес продолжил борьбу, но от Дуэро, где проходила линия обороны (Гормас-Атьенса-Сепульведа), отступил на север и занял позиции на линии Сан Эстебан Гормас-Осма. Мухаммад с триумфом вернулся в Кордову и публично объявил себя аль-Мансуром («Победоносным»), что в христианской транскрипции превратилось в Альманзора.

В 983 году Альманзор приказал казнить своего бывшего союзника, находящегося в тюрьме аль-Мушафи.

Военные походы «Победоносного»

В 984 году Альманзор поддерживает в гражданской войне в Леоне Бермудо II. Через год Альманзор осаждает Барселону (после взятия города все жители были либо убиты, либо обращены в рабов). Сам город был сожжен. Были разрушены и монастыри: Сан Кугат дель Вальес и Сан Педро де Пуэльяс. Бермудо II укрылся в Вике.

В 986 году граф Гарсия Гомес поднял восстание в Леоне. Через год Альманзор начал новый поход, захватив сначала Коимбру, а потом, в 988 году, дойдя и до Леона. Бермудо II бежал и укрылся теперь уже в Саморре. Граф Гонсало Гонсалес отказался сдавать город, и Леон был взят штурмом, а все его защитники были перебиты.

В 989 году Альманзор взял Саморру, но Бермудо II успел бежать в Галисию. От Саморры мусульмане повернули на восток, в Кастилию, разрушая все на своем пути, в частности древний Грахаль де Кампос. Затем был осажден Сан Эстебан Гормас. Здесь Альманзора ждало предательство: к кастильцам перебежал его

старший сын Абдалла, недовольный тем, что преемником отец назначил другого сына, Абд аль-Малика. Альманзор снял осаду с Сан Эстебан Гормаса и двинулся к Осме, которая капитулировала в августе 989 года.

В 990 году начались беспорядки в Кордове, и Альманзор был вынужден оставить армию и вернуться в столицу. Кордова была успокоена, и вскоре часть христианских феодалов под руководством графа Салданьи Гарсии Гомеса перешла на сторону мусульман. Бермудо II вернулся из Галисии и попытался восстановить разрушенное государство. Ближе к концу года Альманзор снова осадил Сан Эстебан Гормас, но безуспешно. Он заключил временное перемирие с Кастилией, и следующие три года мусульмане графство не атаковали.

В 992 году король Наварры Санчо II Гарсес отказался платить дань мусульманам, и Альманзор предпринял два похода на Памплону, заставив короля отправить своего сына Гонсало в Кордову просить перемирия.

В 994 году Альманзор разграбил Авилу. Сын кастильского графа Гарсии Фернандеса, Санчо Гарсия, договорившись с Альманзором, поднял восстание против отца, и мусульманам удалось взять Сан Эстебан Гормас и Корунью дель Конде. Гарсия Фернандес ответил атакой на Мединасели.

В следующем году Альманзор вновь отправился в Кастилию, и 25 мая у Пьедрасильяды граф Гарсия Фернандес принял неравный бой, его армия была разбита, а сам он, тяжело раненный, попал в плен. Альманзор хотел сохранить ему жизнь, и лучшие мусульманские врачи, – а тогда это были лучшие врачи мира, – пытались спасти графу жизнь, но в июле граф все равно умер от ран в замке Мединасели.

После этого Альманзор с войском отправился в Бургос, где располагался кастильский двор, и потребовал у нового графа Санчо Гарсии выдать ему сына Абдаллу. Абдалла был выдан и вскоре казнен. Из Бургоса мусульмане направились к Леону, где Альманзор получил от Бермудо II дань и заверения в преданности.

Разрушение Сантьяго-де-Компостела и «месть» апостола

Но уже через два года леонский король снова перестал платить дань, и Альманзор решил за непокорство наказать христиан, нанеся удар по святыне христианского мира, третьей после Рима и Иерусалима, Сантьяго-де-Компостела. Этот город был центром католического архиепископства и паломничества и конечным пунктом знаменитого маршрута «Путь Святого Иакова», охватывавшего всю территорию Европы и давшего городу прозвище «христианской Мекки».

История этой легенды такова. Считается, что после мученической кончины апостола Иакова в 44 году его останки были положены в лодку и пущены по волнам Средиземного моря. Лодку прибило к берегам Испании, в устье реки Улья, где апостол когда-то проповедовал. В 813 году живший в этой местности монах-отшельник Пелайо, следуя за некоей путеводной звездой, обнаружил мощи апостола, которые оставались нетленными. В 896 – 899 годах, по приказу короля Альфонса III, на месте находки над мощами была построена небольшая церковь, около которой начали селиться люди, – так был основан город Сантьяго-де-Компостела.

Кавалерия Альманзора совершила бросок по суше, а пехота была переброшена морем из Сетубала в Опорто. Когда город был взят, то Альманзор, хотевший разрушить святыню, зашел в храм, но, побеседовав там с местным священником Сан Педро де Месонсо, еще при жизни считавшимся святым, могилу апостола трогать не стал. Но собор все равно сровнял с землей, а двери и колокола приказал доставить в Кордову на плечах пленных христиан. Из колоколов были отлиты лампы для мечети мусульманской столицы.

Трофеи были огромные, но дело было даже не в них: разрушение собора и других святынь Сантьяго-де-Компостела стало самым большим унижением христиан за весь период Реконкисты. Население христианских провинций, узнав о разрушении святого города, пришло в негодование, и Бермудо II, на которого пала вина за разрушение святыни, был вынужден просить мира.

После возвращения в Кордову мусульманское войско внезапно было поражено эпидемией кишечной инфекции, что прослышавшие об этом христиане приписали возмездию апостола. По возвращении Альманзора также ожидали неприятные новости: Субх подняла мятеж, пытаясь во всей полноте восстановить права Хишама. Ее поддержал в этом омейядский наместник в Марокко Зири ибн Атыйи. На подавление мятежа отправился Абд аль-Малик, который разбил армию Зири у Танжера.

В 999 году Субх умерла, а следом за ней скончался и король Леона Бермудо II. В этом же году наваррцы напали на Калатаюд, и Альманзор приказал в отместку казнить в Кордове пятьдесят наваррских заложников, среди которых оказались члены королевской семьи. Затем состоялся карательный поход на Памплону, и город был разрушен.

В 1000 году кастильский граф Санчо Гарсия и наваррский король Гарсия III Санчес вышли против войск Альманзора у Пенья Сервера, но были разбиты. Альманзор решил окончательно раздавить Кастилию и в следующем году сначала нанес удар по монастырю Сан-Милан-де-Коголья, затем опустошил Ла-Риоху.

В этом походе Альманзор, как обычно, принимал участие лично, но возраст (ему было уже 64 года) давал о себе знать. Альманзор практически не мог самостоятельно передвигаться, так как его одолевали различные недуги. В середине июля 1001 года он был вынужден прекратить кампанию, несмотря на то что христиане почти не оказывали сопротивления. Армия Альманзора отправилась в Мединасели, но 8 августа 1002 года у Калатаньясора состоялось сражение между войсками Альманзора и графа Санчо Гарсия. И Альманзор впервые за долгие годы проиграл сражение.

В летописи осталась следующая запись: «У Калатаньясора Альманзор потерял свой барабан». Впрочем, мусульманские историки утверждают, что Альманзор не проиграл ни одного сражения и под Калатаньясором состоялась лишь небольшая стычка отрядов, в которой визирь не принимал никакого участия. Но такую точку зрения вполне можно отнести к попытке идеализации героя. 10 августа в Мединасели Альманзор умер.

Его завернули в саван, который был заранее сшит его собственными дочерьми, посыпали пылью всех покоренных городов, которую Альманзор возил с собой в специальном сундуке, и похоронили тут же, в Мединасели.

ГЛАВА 16. АССАСИНЫ – СЕКТА УБИЙЦ

Возникновение секты и первые завоевания

Ассасинами, или гашишинами, стали называться в средневековых хрониках adeпты ветви шиитской секты, приверженцев которой называли исмаилитами.

В X веке фатимидский халиф Египта Мустансир назначил своим преемником младшего сына Мустали, обойдя старшего Низара. Для предупреждения борьбы за власть халиф посадил Низара в тюрьму. А через год после смерти отца Низар был казнен своим братом, и это привело к сильным волнениям. Имя Низара стало символом открытой оппозиции, его придерживались шииты-алиды, и движение, уже покинув Египет, распространилось на всех обширных землях государства Сельджуков. Движение постоянно поднимало восстания и потому считалось весьма опасным. Суннитские султаны казнили любого, подозреваемого в этой ереси: исмаилитов жгли, распинали, забивали камнями, но все было бесполезно.

Выросшее из измалитизма течение гашишинов было образовано в 1094 Хасаном ибн Саббахом, жителем Ирана. Его приверженцы объявили Абу Мансура Низара, старшего сына фатимидского халифа аль-Мустансира, предком грядущего «скрытого имама». До этого Ибн Саббах пятнадцать лет проповедовал идеи исмаилитов в Иране, призывая к свержению суннитской Сельджукской династии.

Хасан был человеком весьма интересным, известно, например, что он дружил с Омаром Хайямом, известным ученым и поэтом, и потому ему было несложно собрать общину сильных и преданных людей. В 1090 возглавляемые им воины захватили в горах около города Казвин крепость Аламут, что в переводе значит «Орлиное гнездо». Стоящая на крутой скале, эта крепость и так практически была не поддающейся штурму, но ассасины еще больше укрепили ее и сделали просто неприступной. Позже они завоевали еще несколько горных районов в Иране и в Сирии, построив там крепости и образовав собственное государство.

Их вера, ад-дава аль-джадида, то есть «новый призыв», была разделена на две части: внешнюю, мало отличающуюся от норм шариата, и внутреннюю, для посвященных. Посвященные были обязаны беспрекословно повиноваться главе секты и ежеминутно быть готовы отдать за него жизнь.

Хасан обладал 70 тысячами абсолютно послушных ему воинов, формой которых были белые накидки с красными поясами, символизовавшими невинность и кровь.

Психотехники, применявшиеся при подготовке гашишинов

Шейхи низаритов, используя различные методики гипноза, воспитывали учеников в абсолютной готовности к самопожертвованию и в беспрекословном повиновении

духовному отцу, внушая, что гибель во имя Аллаха является прямой дорогой в рай. Для обострения внушаемости воинам подмешивали в пищу гашиш (от слова «гашиш» и произошло название секты – гашишины, которое в Европе преобразовалось в слово «ассасин»).

Точные технологии воздействия неизвестны, но, по отрывочным данным, можно предположить, что одурманенному гашишем и находящемуся под воздействием определенных гипнотических техник воину рассказывали о райском саде, а в подтверждение ученика, почти бесчувственного и с завязанными глазами, проносили тайными тропами в реальный тайный сад, созданный человеческими руками. Впрочем, одно существование такого сада среди голых скал можно было принять за чудо. В саду ученика встречали гурии (в качестве которых выступали вполне земные и вполне доступные девушки), а голос «с небес» говорил ему, что на один час перед ним, как избранником, открыли врата рая, куда он попадет, если пожертвует жизнью ради выполнения приказа шейха. Человека, побывавшего в состоянии гипноза и, одновременно, наркотического опьянения в «небесном» саду, среди прекрасных гурий, грубое и полное лишений земное существование уже не привлекало, и он жил только своими воспоминаниями.

Руководители ассасинов зарабатывали на существование общины шпионажем и заказными убийствами, нередко с помощью своих воинов устраняя религиозных и политических противников. Так погибли сельджукский султан Мелик-шах (1082 – 1092), великий визирь Низама аль-Мулька, а также множество высших чиновников халифата Аббасидов и крестоносцев.

Гашишины дважды пытались убить ведущего с ними борьбу за контроль над Сирией египетского правителя и полководца Салах ад-Дина (1174 – 1193), но им это не удалось. Он, впрочем, вскоре заключил с ними мир и охотно стал пользоваться их услугами. Маркграф Конрад Тирский, погибший от ударов нескольких гашишинов, которые пришли к нему в монашеских рясах, был заказан именно Саладином.

Гашишины были вооружены только кинжалами, но владели ими в совершенстве, убивая человека с одного удара. Слава о них быстро расходилась по свету, и слово «ассасин» стало в Европе синонимом наемного убийцы.

Хасан ибн Саббах любил зрелище казни и иногда, ради развлечения, объявлял свое недовольство и приказывал отрубить «виновному» голову. Жертва выбиралась из свиты самого владыки. После свершения казни Хасан ибн Саббах демонстрировал новичкам, готовящимся к посвящению, блюдо с окровавленной головой и говорил: «Этот человек обманул меня, но волей бога ложь его мне открылась. Даже мертвый, он остается в моей власти, и я могу оживить его голову». После короткой молитвы Хасан впадал в транс, делал магические знаки, и к ужасу присутствующих, находившихся в состоянии массового гипноза, мертвая голова открывала глаза и начинала говорить. Хасан сам разговаривал с мертвым и просил того задавать вопросы окружающим (эти жуткие подробности стали известны со слов французского графа де ля Котье, находившегося в замке Аламут по поручению короля в 1098 году).

Хасан ибн Саббах не покидал своего замка 34 года, до самой смерти имея глаза, уши и длинные руки с кинжалами, предоставленные его юными воинами. Число сторонников жестокого правителя не убывало. Новые молодые люди заменяли погибших или казненных и, постепенно подвергаясь внушениям владыки, получали новые откровения, опровергающие все, что они знали ранее.

Перед своей кончиной, в 1124 году, Хасан назначил своим преемником своего наместника в Лемзире, Бузург-Умида. У Хасана было два сына, но он счел их недостойными возглавлять общину. Одного он предал смерти за то, что тот убил начальника миссии в Кугистане, которого Хасан хотел назначить своим преемником, а второй нарушал заповеди Корана и также был казнен. Сам Хасан вел весьма

строгую жизнь, ни в чем не отступая от законов шариата. В делах личных, безусловно, да, но в таких случаях бывает очень сложно отделить личное от общественного. Своих сторонников, кстати, гашишины частенько освобождали от необходимости выполнять предписания Корана.

Бузург-Умид непреклонно проводил в жизнь заветы своего учителя, и перед кончиною, произошедшей в 1138 году, назначил преемником своего сына Мохаммеда, который еще более усилил влияние секты.

Но его сын и преемник Гасан II правил всего четыре года, с 1162 по 1166-й, и был убит своим зятем. Дело в том, что он начал толковать Коран слишком удобно для себя, оправдывая свою любовь к роскошной жизни, а потом и вовсе стал выдавать себя не за наместника имама, а за самого имама. И душа его зятя, праведного гашишина, не выдержала. Но пришедший на трон его сын, Мухаммед II, испытывавший влияние тех же пороков, правил весьма долго, до 1210 года, хотя и был, в итоге, отравлен. Гасан III вернул государство к принципам основателя ордена и умер в 1221. Наследовавший ему сын Мухаммед III был убит в 1255 году. Сменивший его Рокнеддин-Хуршах был слабым правителем и не смог противостоять атакам монголов под руководством Гулага. После продолжительной осады Аламута в 1256 году он сдался, но был казнен, а государство наемных убийц распалось.

Война с крестоносцами

Хасан Первый, уроженец Сирии, всегда хотел иметь здесь отделение своего ордена. В 1107 году гашишины взяли сирийскую Апамею, но вскоре князь Антиохии Танкред отнял у них город. Но гашишины вскоре приобрели благосклонность визиря дамасского князя Бури, и тот отдал им во владение укрепленный замок Баниас. Местные аристократы стали падать под ножами гашишинов. Были убиты князь Дамаска, Гимса, Мосула и Мераги, один из визирей Фатимидов и халиф Аамир. Вскоре гашишины смогли приобрести в Ливанских горах множество укрепленных замков, а самый недоступный, Алейка, сделался резиденцией их вождя Шейх-аль-Джебеля, получившего прозвище «Горный старец».

Именно отсюда велись войны с крестоносцами, и здесь был отдан приказ умертвить Раймунда I, графа Триполитского. Тамплиеры ополчились за это на гашишинов и осадили их замки. Сил у тамплиеров было еще много, они не погрязли в европейском богатстве, и осада была серьезной. Гашишинам пришлось пообещать впредь так не поступать и начать платить тамплиерам дань.

Главой местных гашишинов в это время был Синан, и он писал королю Амальриху I, что его люди готовы принять христианство, если король заставит тамплиеров отменить дань. Регулярно освобождавшие своих адептов от исполнения заповедей Корана, гашишины могли формально принять любую религию – если это было в их целях. Но, тем не менее, этот факт показывает весьма любопытную сторону отношения секты к исламу. Амальрих принял это заманчивое предложение, но его послов, следующих к гашишинам, убили тамплиеры, и переговоры были прерваны. Вскоре Амальрих умер, и идея об обращении гашишинов исчезла.

В 1250 гашишины предложили Людовику Святому, при его высадке в Акре, сделать им подарок и тем самым как бы «застраховать» свою жизнь.

После прихода в Сирию монголов гашишины были вынуждены сдать им несколько своих укрепленных замков, а после того как монголы ушли, египетский султан Бейбарс объявил ослабленным гашишинам войну и в 1272 отнял у них последнюю крепость, дозволив, правда, существовать в качестве секты, и даже «заказал» им меракийского князя Варфоломея и английского принца Эдуарда, воевавшего в это время в Палестине.

С такими же просьбами обращались к гашишинам и последующие египетские султаны, но создавать какие-либо организации они им не позволяли.

Живы гашишины и сегодня. В качестве религиозной секты они существуют в Ливанских горах, насчитывая около нескольких сотен семейств.

ГЛАВА 17. НАЧАЛО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ. СОЗДАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Империя сельджуков

Об этнографической картине Центральной Азии раннего средневековья известно не слишком много, и поэтому до сих пор в научных кругах идут споры о происхождении сельджуков. Известно только, что они были тюрками, что, впрочем, тоже не обозначает их этнического происхождения, а лишь указывает на жителей обширных степей, говоривших на одном языке, в отличие от другого крупного союза кочевников, монголов. Межплеменные браки и захваты женщин, длившиеся столетиями, стерли хоть какие-нибудь четкие этнические определения, применимые для этой новой нации.

В IX – X веках в низовьях Сырдарьи располагался город Йангикент – столица огузов, тюркоязычного племени, основными занятиями которого были скотоводство и отчасти сезонное земледелие. Раннефеодальное государство огузов с сильными пережитками родоплеменного строя располагалось в северо-западной части Средней Азии, в Южном и Западном Казахстане. Главой государства был йабгу, власть которого ограничивало народное собрание.

Власть йабгу постепенно слабела, и случались восстания. В борьбе за трон приняли активное участие вожди огузских племен из среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау. Именно эта группа затем стала именоваться сельджуками, по имени своего предводителя Сельджука ибн Тугака. Вскоре сельджуки, под давлением йабгу, были вынуждены отступить в Мавераннахр.

Там династия Саманидов вела борьбу с наступавшими с востока племенами караханидских тюрков. Сельджуки поддержали Саманидов, но в 999 году их столица Бухара была захвачена караханидами. Сельджуки ушли в правобережный Хорезм, а затем в Хорасан, области государства Газневидов с политическим центром на

территории нынешнего Афганистана. Вскоре они приняли ислам и стали поставлять воинов для службы как эмиру Масуд ибн Махмуду Газневи (1030 – 1041), так и другим местным эмирам. Довольно быстро сельджуки прославились как прекрасные воины, спрос на них увеличился, и чем больше становилось их при дворах мусульманских владык, тем сильнее представители клана задумывались о необходимости выйти из вассального положения при мусульманах и начать самостоятельно завоевывать земли. Власть в халифате как раз в это время была очень нестабильна, и это было сельджукам на руку. (Впрочем, «пробовать на зуб» империи они начали еще и в Анатолии, оказывая давление на христианскую Византию. Там прославились так называемые «Малые сельджуки». Именно против них был направлен первый Крестовый поход.)

В 1035 году сельджуки под руководством братьев Дауда Чагры-бека и Мухаммеда Тогрул-бека и их дяди, Мусы ибн Сельджука, вернулись к Амударье и расселились на территории современной Туркмении: для выпаса своих многочисленных стад они нуждались в пастбищах. Они обратились к эмиру Масуд ибн Махмуду с просьбой отвести им земли в области городов Нисы и Феравы, обещая нести военную службу и платить налоги. Но тот, опасаясь потерять Хорасан, этим же летом двинул на них свое войско, но был разгромлен. Эмиру пришлось передать сельджукам, или, как их все чаще называли, туркменам, уже упомянутые районы и область Дихистан в нынешней Южной и Западной Туркмении в придачу. В 1038 году газневиды попытались повторить свой поход, но были снова разбиты, и Тогрул-бек вступил затем в Нишапур и был провозглашен султаном.

В начале мая 1039 года недалеко от селения Дихи Базарган, на реке Теджен, произошла кровопролитная битва сельджуков и Масуда. Стороны заключили перемирие, но уже к зиме военные действия возобновились, и Масуд вернул себе Нишапур. В апреле 1040 года Масуд решил нанести окончательный удар сельджукам и, собрав мощную армию, в том числе с боевыми слонами, двинулся из Герата сначала на Серахс, затем на Мерв. Но в мае 1040 года у стен крепости Денданакан, расположенной на пути из Серахса в Мерв, его армия была разгромлена, а сам Масуд бежал в Герат.

Было рождено Сельджукское государство в Западной Азии, которое начало быстро присоединять к себе земли. Армией сначала служили отряды кочевников, но весьма быстро их заменило постоянное феодальное войско.

Сельджукские правители быстро перенимали «цивилизованные» привычки покоренных народов и вскоре весьма сильно стали отличаться от основного населения своей метрополии. Вскоре родилась новая обширная и мощная империя, простиравшаяся от берегов Амударьи и Каспийского моря до Тигра, Евфрата и Средиземноморья.

Захваченные районы весьма сильно пострадали от военных действий и периода безвластия. В некоторых местах, например в Иране, кочевники-завоеватели отбирали у населения скот, обрекая тех на голод и гибель. В Сельджукской империи вспыхнул голод, и тут же, в 1056 году, началась эпидемия чумы, охватившая громадный регион от Ирака до Мавераннахра. Сельджукские власти, испугавшись масштабов вымирания захваченной ими территории, на год освободили население от уплаты налогов. Страна начала немного возрождаться.

В 60-е годы XI века завоевания продолжались: в 1064 году сельджукская армия вторглась в Армению и Грузию. В Грузии были захвачены несколько крепостей и весьма быстро подписан мирный договор, а в Армении был сначала разгромлен город Ани, а затем, в 1071 году, в битве под Манцикертом был положен конец византийского господства в Армении и наступила эпоха сельджуков. В 1077 году сельджуки овладели византийской Никеей, а затем и Иконией.

Никея стала столицей сельджукского государства в Малой Азии – Румского султаната.

Наивысшего могущества Сельджукская империя достигла в правление султана Маликшаха (1072 – 1092). В 1072 году он завоевал Северную Сирию и часть Палестины. Спустя два года он пошел на Самарканд и, хотя его армия и была разбита на подступах, умудрился захватить и Самарканд, и Бухару. В 1089 году была захвачена Фергана, и империя достигла границ Восточного Туркестана.

Изменение жизни покоренных территорий обозначалось не только сменой власти и системы налогообложения. Сельджуки-кочевники активно заселяли покоренные города, неся в них свой менталитет и свою культуру. Местная знать активно сливалась со знатными родами захватчиков, и так рождался новый симбиоз власти.

Вместе с ростом империи к сельджукам приходило понимание того, что их государственный аппарат не может управлять такой машиной, и в 30-х годах XI века начались административные реформы, которые закончились уже в правление Маликшаха. Государство захватчиков, живущих от набега до набега, превратилось в строгую государственную машину.

Одним из следствий реформы стало то, что воинам и чиновникам, вместо жалованья, стали выдавать земельные наделы, с которых те получали часть прибыли. Это усилило экономический рост страны и породило новый класс феодалов.

В конце XI – начале XII века в империи началась полоса феодальных междоусобиц. После внезапной смерти Маликшаха в 1092 году его вдова, Тарканхатун, подкупила военачальников и добилась провозглашения верховным правителем государства своего четырехлетнего сына Махмуда. Против этого выступил сын Маликшаха от другого брака – Беркйарук. Он ушел в Рей, где был объявлен султаном, и в империи появились два соправителя: Махмуд – в Исфахане и Беркйарук – в Рее. Имена обоих упоминались на равных в мечетях и даже чеканились на монетах. Впрочем, уже через два года произошло столкновение между сторонниками двух правителей, и Беркйарук был признан халифом аль-Мустазхиром в качестве верховного правителя Сельджукской империи.

После этого начались бунты его родственников, которые умудрялись захватывать весьма значительные части территории халифата. Это привело к тому, что Сельджукская империя распалась на ряд феодальных владений и государств.

В 1097 году Никея будет захвачена крестоносцами, и возглавляемый ею Румский султанат потеряет большую часть своей территории, хотя и сохранится как самостоятельное государство.

В XII веке образуется ряд феодальных княжеств, подчиненных Сельджукам, в Западном Иране, Сирии, Ираке и Палестине: Фарсское атабекство, эмираты Мосула, Дамаска, Антиохии, Триполи и другие. На престолы здесь сели сельджукские военачальники, основавшие позже собственные династии. Крестоносцы атаковали княжества и основывали свои государства, набирали силу Аюбиды. Бывшая сельджукская империя окончательно распалась на три крупные части: Хорасанский (Восточносельджукский), Иракский (Западносельджукский) и Румский (Малоазиатский) султанаты.

Восточные сельджуки пытались расширять свои территории за счет областей Средней Азии, Афганистана, Ирана и Ирака. Но в 50 – 60-х годах XII века Восточносельджукское государство распалось на ряд мелких феодальных владений. В конце этого же века распался и Западносельджукский султанат.

Дольше остальных сельджукских государств просуществовал Румский султанат, который смогли подчинить только монголы в 1243 году, а ветвь династии Сельджуков была свергнута с престола только в начале XIV века.

Предпосылки Священной войны

В 1091 году император Византии Алексей I Комнин направляет посольство в Рим, прося у папы поддержки христиан в борьбе с сельджуками. Папа Урбан II реагирует, хотя и не сразу, на эту просьбу, и в 1095 году на церковном Соборе в Клермоне объявляет о начале Крестового похода против мусульман: «Воистину, это есть воля Господа! И пусть же сие памятное слово, безусловно, вдохновенное Духом Святым, всегда служит вам призывом к битве и воодушевляет вас на защиту Христа. Его крест – символ вашего спасения, несите же его, этот красный, кровавый крест, как внешний знак, на вашей груди или на плечах, как залог вашего священного и неоспоримого обязательства».

Обращался папа только к французскому рыцарству, но впоследствии первый Крестовый поход превратился в полномасштабную военную кампанию, и его идея охватила все христианские государства Западной Европы и даже княжества Киевской Руси.

Папа обещал рыцарям, участвовавшим в походе, прощение грехов и наделы земли в Иерусалиме. Это была весьма продуманная политика: рост населения в Европе привел к появлению так называемых «бедных рыцарей», младших сыновей благородных дворян, которые, в силу действовавшего в то время «права первородства», своей земли не имели.

К тому же так совпало, что после раздела империи Каролингов и обращения в христианство венгров и викингов в Европе наступила относительная стабильность, и сформировавшемуся за несколько предыдущих веков классу профессиональных воинов было просто нечего делать. Это «безделье» выливалось в междоусобицы, угнетение крестьянства, а порою не находившие себе места в мирной жизни воины опускались и до организации шаек.

К тому же благодаря Реконкисте европейцы были уже морально подготовлены к идее Священной войны против ислама. Когда мусульмане взяли Иерусалим, то папа Григорий VII в 1074 году призывал воинов Христовых отправиться на Восток и помочь Византии отвоевать Священные земли. Хотя воззвание папы в то время и было проигнорировано, но внимание к этим событиям было привлечено, и началось паломничество на Святую землю. Паломники рассказывали о гонениях со стороны мусульман, и напряжение в христианском обществе нарастало.

Крестьянский поход и «Битва в Долине дракона»

Урбан II определил начало Крестового похода на праздник Вознесения Богородицы, 15 августа 1096 года. Но, однако, народ, воодушевленный его воззванием, не хотел ждать, и задолго до начала «официального похода» к Иерусалиму самостоятельно двинулась армия крестьян и мелкого рыцарства,

возглавляемая амьенским монахом Петром Пустынником. Проповедуя Крестовый поход в Северной Франции и Фландрии, он разъезжал на осле, будучи очень бедно одетым, и утверждал, что назначен проповедовать самим Христом и имеет в подтверждение этого божественное письмо.

За несколько лет до объявления о Крестовом походе Европа пережила засуху, голод и чуму. Беднейшие слои общества обнищали окончательно, и для многих из них Крестовый поход был не только проявлением веры, но и способом поправить свое финансовое положение. Сыграло на руку Петру еще и то, что в 1095 году был ряд экстраординарных природных явлений, таких, например, как лунное затмение, метеоритный дождь, которые были растолкованы как божественное благословение начала похода.

Значительную часть армии Петра составили разнообразные авантюристы и преступники, желающие поживиться в богатых землях. Хватало, впрочем, в ней и религиозных фанатиков, действительно мечтавших об освобождении Святых земель. Первые крестоносцы не брали с собой никаких запасов (у них просто не было продуктов) и изыскивали пропитание по дороге: кто – попрошайничая, а кто и грабя и воруя. Представить себе социальный состав участников крестьянского похода можно уже из того, что в авангарде, возглавляемом Вальтером Голяком, было всего восемь всадников, остальные же шли пешком.

Всего же в походе участвовало, по разным оценкам, от 100 000 до 300 000 человек, включая женщин и детей.

Но начался поход, как ни странно, не с покорения и завоевания мусульман, а... с избиения евреев. Их огульно обвинили в одалживании денег продажным епископам, и в Руане и Кельне, где начинался поход, вспыхнули, набирая силу, еврейские погромы. Потом настала очередь Майнца, Мозеля, Трира, Шпейера и Вормса – в этих городах евреи также подвергались преследованию.

Властители государств, которые должны были оказаться на пути похода, обеспокоились таким бурным началом, и венгерский король Кальман Книжник, предусмотрительно выставив на своих границах войска, встретив крестьянский поход, снабдил крестоносцев продовольствием и под конвоем провел их через свою территорию. А чешский князь Брячислав II даже разгромил один из распоясавшихся отрядов, приняв их за разбойников, что вызвало возмущение у остальной части крестоносцев и массовые грабежи на территории княжества.

Осенью 1096 года в Константинополе собрались десятки тысяч крестоносцев. В результате в столице Византии резко ухудшилась криминальная обстановка, а император был весьма обижен за такую «помощь». Ясно осознавая, что эти полуголодные и неорганизованные люди ничего не смогут сделать с профессиональной армией мусульман, он просил их подождать, пока не прибудет основной отряд крестоносцев. Но в городе полыхали пожары, процветало насилие, и вскоре Алексей был вынужден отдать приказ византийскому флоту переправить народное ополчение через Босфор в местечко Циботус – подальше от столицы.

После переправы участники похода из-за чего-то поссорились и разделились на две отдельные армии, хотя это разделение ничего не давало им в стратегическом плане. Ведь вскоре практически все ополченцы, – многие из которых никогда не держали в руках оружия и шли в мирное паломничество, не собираясь ничего завоевывать, кроме Иерусалима, – были убиты.

Гюстав Доре. Осада крестоносцами Иерусалима

Крестоносцы в действии

Битву при Дорилеуме, «в долине Дракона», скорее можно назвать жестокой резней: слишком неравны были силы. Профессиональная сельджукская кавалерия, закаленная в многочисленных боях, сначала атаковала и уничтожила небольшую группу крестоносцев, а затем обрушилась и на основную массу ополчения. Мусульмане просто «выкашивали» мечами целые ряды паломников, которые не могли дать равноценный отпор, они не щадили никого – ни женщин, ни детей, ни стариков, – ведь за них нельзя было получить хорошие деньги при продаже на рынке рабов. Эта расправа повлекла за собой дальнейшие зверства, которыми «прославились» Крестовые походы.

Из 30 тысяч участников, переправившихся в Малую Азию, обратно во владения византийцев вернулось всего несколько десятков человек. Около 25 – 27 тысяч человек было убито, а 3 – 4 тысячи (в основном молодые девушки и парни) были захвачены в плен и проданы в рабство. Подошедший через некоторое время на место трагедии византийский корпус мог лишь оглядеть место трагедии. Византийцы сложили из тел убитых христиан холм высотой около 30 метров и совершили под ним общий обряд отпевания.

Погиб в этой битве и Вальтер Голяк. Петр Пустынник сумел переправиться назад в Константинополь и позже присоединился к первому Крестовому походу.

Петр Пустынник (Пьер Амьенский) указывает крестоносцам путь на Иерусалим

Петр Пустынник призывает к Первому Крестовому походу

Германский Крестовый поход и Поход дворян

В мае 1096 года германская армия численностью около 10 000 человек, возглавляемая мелким французским рыцарем Готье Нищим, графом Эмихо Лейнингенским и рыцарем Фолькмаром, устроила вместе с крестьянами-крестоносцами массовую резню евреев в ряде городов. Все это происходило при жестком осуждении Урбана II, но прикрываясь его же призывом покарать мечом не только мусульман, но и всех, кто исповедует религию, отличную от христианства.

Впрочем, перед иудеями крестоносцы ставили выбор: или принять христианство, или умереть. Большинство выбирало смерть, а многие, не дожидаясь разъяренной толпы, кончали жизнь самоубийством. Евреи стали создавать отряды самообороны, предупреждая друг друга о приближении крестоносцев, а также собирали средства, которые пересылались через иудейские общины для финансовой поддержки мусульманских эмиров, в надежде, что их деньги помогут разгромить европейцев-христиан.

Наконец в августе 1096 года в поход собрались дворяне. Их отряды возглавляли высшие сановники европейской знати, и, естественно, эти крестоносцы вели себя очень дисциплинированно, в отличие от первых отрядов ополчения. Но, как выяснилось уже в Азии, снабжение продуктами у них также было поставлено не слишком хорошо, и многие из них погибли по дороге от недостатка воды и провианта. Некоторые, не выдержав тягот похода, погибали, пало много лошадей. Местные христиане оказывали крестоносцам посильную помощь, но порою ее не хватало, и тем приходилось добывать пропитание самостоятельно, разоряя попадавшиеся на пути земли христиан.

Руководители похода вскоре стали оспаривать друг у друга лидерство, что тоже не вносило собранности в координацию действий отряда. Впрочем, духовным вождем отряда единодушно был признан Адемар Монтейльский, епископ Ле-Пюи, который пользовался у всех непрерываемым авторитетом.

Когда крестоносцы миновали Киликийские врата, то Болдуин Бульонский с небольшим отрядом воинов отправился через Киликию и в начале 1098 года прибыл в Эдессу, где подружился с местным правителем Торосом и стал его преемником. В том же году Торос был убит горожанами, и Болдуин стал правителем первого государства крестоносцев на Востоке – графства Эдесского.

Осада Никем

Никея принадлежала Византии, но в гражданскую войну 1077 – 1078 годов ее захватили сельджуки и сделали столицей Румского султаната. Правда, крестьяне-крестоносцы нанесли серьезный урон городским окрестностям, но султан Кылыч-Арслан I, легко разгромив отряды крестьян, решил, что все эти «крестоносцы» не представляют никакой военной опасности, и успокоился, отправившись на восток завоевывать Мелитену. Еще одной причиной его спокойствия было то, что Никея была хорошо защищена. Гийом Тирский в «Истории деяний в заморских краях» писал: «...Город защищен крепостными стенами, перед которыми были вырыты всегда заполненные водой рвы, которая поступает туда из ручьев и маленьких речушек, представляющие собой значительное препятствие для всех тех, кто намеревался осадить город. Далее, в городе было многочисленное и воинственное население; толстые стены, высокие башни, находящиеся совсем близко друг от друга, соединенные между собой сильными укреплениями, дали городу славу неприступной крепости». А Стефан Блуаский утверждал, что стены города охраняли более трехсот башен.

Крестоносцы покинули Константинополь в конце апреля 1097 года. 6 мая у стен Никеи уже был Готфрид Бульонский, который осадил город с севера, а затем подошли Боэмунд Тарентский и его племянник Танкред, осадившие город с востока. Позже появились Роберт Нормандский, Роберт Фландрский и остальные участники похода. С юга город блокировали подошедшие последними (около 16 мая) провансальцы Раймунда Тулузского. Город был почти окружен, но Никея стояла на берегу Асканского озера, и крестоносцы никак не могли блокировать флот Никеи.

21 мая к Никее подошли войска сельджуков. Они, не имея полной информации от своих разведчиков, рассчитывали застать здесь лишь графа Тулузского, поэтому были захвачены врасплох превосходящей силой противника. Сельджуки были

разгромлены. Крестоносцы в решающем сражении тоже понесли большие потери: около 3000 воинов.

Крестоносцы на протяжении нескольких недель пытались проломить стены Nikei, применяя самую современную осадную технику того времени, но все было бесполезно. Nikeя свободно получила провиант с помощью флота и могла выдержать сколь угодно продолжительную осаду. Чтобы сломить дух осажденных, крестоносцы, по утверждению историка Гийома Тирского, «зарядили метательные машины большим количеством голов убитых врагов и перекинули их в город». Но это не повлияло на настроения осажденных жителей, которые знали, что пищи и еды у них вдоволь.

Через пару недель император Алексей Комнин наконец-то отправил в помощь крестоносцам долгожданный флот. Суда были перевезены на повозках, и 17 июня их спустили на воду, блокировав Nikeю теперь уже и со стороны озера; и войска снова приступили к штурму стен.

Тем временем прибывший с флотом византийский полководец Мануил Вутумит, следуя инструкциям императора, договорился с осажденными о сдаче города, но решил сохранить это в тайне от крестоносцев. Комнин считал, что крестоносцы могут отказаться передавать завоеванные города Византии. Когда 19 июня крестоносцы пошли в очередной раз на приступ стен, прибывший вместе с флотом византийский отряд... беспрепятственно вошел в город через ворота. Крестоносцы были не только оскорблены, но и весьма разочарованы: разграбив Nikeю, они собирались не только подкрепить свои небольшие запасы провианта, но и немного «подзаработать» на грабежах. Гийом Тирский сообщает: «...Народ паломников и все простые воины, которые в течение всей осады трудились с таким усердием, надеялись получить в качестве трофеев имущество плененных, возместив, тем самым, затраты и многочисленные потери, которые они испытали. Также они рассчитывали присвоить себе все то, что они найдут в пределах города. И увидев, что никто не предоставляет им соответствующее возмещение их тягот; что император забрал себе в казну все то, что должно было принадлежать им согласно договору, пришли в ярость от всего этого до такой степени, что уже начали жалеть о совершенных во время путешествия своих трудах и затратах стольких сумм денег, поскольку, по их мнению, они не извлекли от всего этого никакой выгоды».

Император Алексей I Комнин (мозаика)

Византийцы издали постановление, что воины-крестоносцы могут посещать Nikeю только группами не более чем из десяти человек. Семью Кылыч-Арслана отправили в Константинополь, но вскоре освободили, даже не потребовав достойного выкупа.

Пытаясь смягчить гнев крестоносцев, Алексей дал им лошадей взамен павших в пути, провианта и денег, но эти скромные дары не смогли оправдать ожидания европейцев. 26 июня 1097 года крестоносцы отошли от Nikeи и направились на юг, к Антиохии, которая находилась на полпути между Nikeей и Иерусалимом. Как бы то ни было, несмотря даже на скромный размер добычи, взятие первой столицы мусульман вдохновило крестоносцев, а после того как 1 июля был окончательно разбит в битве при Дорилее Кылыч-Арслан, настроение стало совсем бодрим.

Антиохия казалась лишь незначительным препятствием на пути к окончательному успеху, и все уже считали недели, оставшиеся до взятия Иерусалима. Но Антиохия оказалась весьма крепким орешком.

Осада Антиохии

Антиохия находилась в 20 км от побережья Средиземного моря на восточном берегу реки Оронт и была одним из самых значительных и древнейших городов Восточного Средиземноморья. Она неоднократно переходила из рук в руки, но в X веке оказалась у Византии, а в 1085 году была захвачена сельджуками. К юго-западу от городской окраины находились горы, а на северо-западе – болота, что делало Антихию весьма сложной для штурма. Сельджуки к тому же весьма укрепили крепостные стены, и теперь здесь было 450 башен.

Антихией владел эмир Яги-Сиан. Он, только узнав о приближении крестоносцев, сразу запросил помощи у соседних мусульманских государств, но единоверцы откликнулись далеко не сразу. В ожидании осады он арестовал православного патриарха Антиохии Иоанна Оксита и изгнал из города греков и армян, исповедующих христианство.

Между руководством крестоносцев снова возникли дискуссии по поводу выбора тактики. Что следует делать: штурмовать город или осаждать? Но после недолгих переговоров 21 октября 1097 года у городских стен был выкопан ров, крестоносцы сложили снаряжение и начали осаду. Осада была выстроена не совсем правильно, крестоносцы контролировали лишь четверть крепостной стены, и на протяжении всей осады в Антихию регулярно поступал провиант.

У осаждавших, как и у осажденных, дела с провиантом тоже обстояли хорошо: урожай на богатых окрестных полях уже созрел, да еще в середине ноября подошли 14 генуэзских кораблей, доставивших дополнительное продовольствие.

Но с началом зимы положение крестоносцев стало ухудшаться: припасов становилось все меньше, приходилось экономить, а когда часть войска отправилась 29 декабря на фуражировку, Яги-Сиан совершил вылазку через ворота Святого Георгия и под покровом ночи перебил множество рыцарей. Между тем отрядам, отправившимся за фуражом, тоже не повезло: они наткнулись на идущего на помощь антихийцам Дукака Мелика, правителя Дамаска. 31 декабря 1097 года состоялась битва, в результате которой обе стороны были вынуждены вернуться на исходные позиции: Мелик вернулся в Дамаск, а так и не набравшие продовольствия христиане – под стены города. Вскоре среди осаждавших начался голод. Анналы Хильдесхайма сообщают, что «многие из этих крестоносцев ели коней и ослов, едва удерживаясь от человеческого мяса». Другие хроники, впрочем, сообщают и про случаи каннибализма, и про то, что под стенами Антиохии от голода умерла седьмая часть Крестового войска. Продукты можно было купить у армян или сирийцев, но те требовали за них непомерные деньги, которых просто не было у многих бедных крестоносцев.

В лагере свирепствовали болезни, да и зимняя пора оказалась чрезмерно суровой для южных широт. Стефан Блуаский сообщал жене Адели в письме от 29 марта 1098 года: «...Многие уже израсходовали все свои припасы в этих святых страстях. Весьма многие из наших франков, воистину, встретили бы скорую смерть от голода, если бы милосердие Божье и наши деньги не спасли их. Перед вышеупомянутым же городом Антихией в течение всей зимы мы страдали ради нашего Господа Христа от непомерного мороза и страшных ливней. То, что

некоторые говорят о невозможности выносить жар солнца в Сирии, – неправда, ибо зима здесь очень похожа на нашу зиму на западе».

Началось массовое дезертирство. В середине января 1098 года из лагеря ушла большая группа, возглавляемая уже знакомым нам Петром Пустынником. Но на дороге Танкред Тарентский нагнал их и где уговором, где угрозами заставил вернуться. Но уже в феврале лагерь покинул представитель императора Алексея византийский легат Татикий. В Византии он объяснил свое бегство тем, что крестоносцы заподозрили его в сговоре с сельджуками и хотели убить. Упоминает он, правда, в качестве доводов о своем возвращении и бычья голова, которые стоили в лагере три золотых статера. Впрочем, существует версия, что Боэмунд Тарентский просто не хотел делиться с императором добычей и потому наврал Татикию про заговор, сказав остальным христианам, что византиец просто оказался трусом.

Вскоре на помощь Антиохии пришла армия Ридвана, эмира Алеппо, и 9 февраля у крепости Харим между сельджуками и конным отрядом Боэмунда состоялся бой, закончившийся победой крестоносцев.

В марте 1098 года из Константинополя прибыл флот короля Англии Эдгара Этлинга с осадными орудиями. Яги-Сиан напал на возвращавшихся с ценным грузом к городу крестоносцев и перебил около пяти сотен воинов, но нападение было отбито. С осадными башнями война пошла более успешно, и крестоносцы смогли защищать от мусульман дорогу, по которой в лагерь поступал провиант, а также блокировали дорогу, по которой провиант поступал в город.

В апреле к крестоносцам прибыли послы от Фатимидов, желая заключить с христианами союз против сельджуков. Но халиф хотел отдать крестоносцам Сирию в обмен на фатимидскую Палестину, а это условие было для крестоносцев неприемлемо.

В мае того же года к Антиохии выдвинулась армия мосульского эмира Кербоги, подкрепленная армиями эмира Алеппо Ридвана, эмира Дамаска Дукака, а также дополнительными отрядами из Персии и Месопотамии. Понятно, что такой силе крестоносцы противостоять бы не смогли, и они, узнав о приближающемся противнике, поняли, что Антиохия должна пасть до подхода объединенных армий.

Боэмунд Тарентский договорился с неким армянином-оружейником Фирузом (впрочем, хроники называют разные имена), состоявшим в гарнизоне башни Двух сестер, который был обижен на Яги-Сиана за какие-то притеснения. Тот, за щедрое вознаграждение, обещал открыть крестоносцам доступ в город. Анна Комнина, дочь императора Алексея и первая женщина-историк, писала: «...Боэмунд, все еще державший в тайне (от остальных крестоносцев) обещание армянина и питавший сладкие надежды обеспечить себе власть над Антиохией, сказал графам: „Смотрите, сколько уже времени мы здесь бедствуем и не только ничего не достигли, но и вот-вот падём жертвой голода, если чего-нибудь не придумаем для своего спасения“. На вопрос, что именно он имеет в виду, Боэмунд ответил: „Не все победы Бог дает одержать нам, полководцам, оружием, и не всегда они добываются в сражении. То, что не дает бой, нередко дарит слово, и лучшие трофеи воздвигает приветливое и дружеское обхождение. Поэтому не будем понапрасну терять время, а лучше до прихода Кербога разумными и мужественными действиями обеспечим себе спасение. Пусть каждый на своем участке постарается уговорить страж-варвара. А тот, кому первому удастся это, если хотите, станет командовать в городе до тех пор, пока не придет человек от самодержца и не примет от нас Антиохию“. Так сказал хитрый Боэмунд, который жаждал власти не ради латинян и общего блага, а ради собственного честолюбия».

2 июня 1098 года лагерь крестоносцев покинула еще группа воинов, в основном франков, в том числе Стефан Блуаский. А уже в ночь на 3 июня Фируз впустил

отряд Бозмунда в башню по лестнице, поставленной и прикрепленной к городской стене. Ранним утром князь приказал трубить сигнал к бою, и от этого звука «пробудился и пришел в ужас весь город, дети и женщины принялись плакать». И стон и рыдания разносились по городу: ворвавшиеся в Антиохию крестоносцы, разозленные долгой осадой и гибелью товарищей, устроили в городе кровавую резню. Хроника сообщает, что «все площади города были забиты телами мертвецов, так что никто не мог находиться там из-за сильного зловония».

Услышал трубу крестоносцев и Яги-Сиан. Поняв, что звук раздался уже внутри крепости, он сразу же в сопровождении 30 воинов бежал из города. Но уже на расстоянии нескольких километров от города его настигло раскаяние, что оставил он в Антиохии свою семью, и детей, и всех мусульман. Он решил повернуть обратно, но сопровождающие воины бросили его, не желая идти на верную смерть, а местные армяне, найдя такую важную птицу, мгновенно его обезглавили, а голову в качестве подарка доставили Бозмунду Тарентскому.

К вечеру крестоносцы уже контролировали всю Антиохию за исключением цитадели, находившейся в южной части, которую удерживал Шамс ад-Дин, сын Яги-Сиана.

К счастью для крестоносцев, армия Кербога перед наступлением на Антиохию отправилась к Эдессе, где три недели пыталась отбить ее у Балдуина Булонского. К Антиохии Кербог подошел только 7 июня.

Кербог сразу попытался взять город штурмом, но, как уже сказано, Антиохия была весьма хорошо укреплена, и у него ничего не вышло. 9 июня Кербог осадил город. Крестоносцы не только оказались без источников провизии, но и были вынуждены дополнительно контролировать находящуюся внутри города вражескую цитадель. С воинами же Кербога они бились и днем, и ночью. Проблема была еще и в том, что значительная часть крестоносцев успела покинуть город и присоединиться к армии Стефана Блуаского в Тарсусе. Стефан же, узнав о нападении Кербога, решил, что удержать город нет никакой возможности, и потому спокойно отправился дальше, в Иерусалим. По дороге он встретил императора Алексея, еще не знающего о захвате христианами Антиохии и спешившего к ним на помощь, и отговорил его от этого похода, утверждая, что город уже наверняка пал. Алексей решил вернуться домой, чтобы не потерять и Константинополь.

Нескольким монахам, участникам Крестового похода, являлись во сне или наяву различные христианские святые, которые им сообщили, что копьё Лонгина, которым был заколот на кресте Христос, легендарная христианская святыня, находится в Антиохии. Местное духовенство, знавшее, что копьё хранится в Константинополе, в это не поверило, но вскоре после падения города в храме Святого Петра реликвия была обнаружена. Это вызвало массовое ликование, как и пролетевший над головами осаждавших мусульман огненный метеорит, который был также принят за добрый знак. Бозмунд, несмотря на счастливые знамения, попытался договориться с мусульманами, но те заключать мир отказались. Было ясно, что необходимо готовиться к битве.

28 июня крестоносцы вышли из города, разделившись на шесть отрядов, а седьмой, в 200 человек, оставили у цитадели. Кербог, решив, что противник слаб, не стал слушать советов своих полководцев, рекомендовавших атаковать отряды по очереди, а решил напасть на всю армию христиан сразу. Кербог пошел на хитрость и сначала отдал приказ отступить, пытаясь увлечь христиан в более удобную для себя местность. Мусульмане, поднимаясь на холмы, поджигали за собой траву и осыпали крестоносцев градом стрел. Именно в этот момент погибло очень много христиан, но крестоносцы, вдохновленные своей духовной миссией и найденным копьем, которое они почли за величайший знак благословения, продолжали идти вперед. Когда они наконец догнали сельджуков, те, пораженные их бесстрашием и

готовностью умереть, запаниковали, и пустились в настоящее бегство, и были тогда во множестве порублены.

Вернувшись в город, крестоносцы уговорили защитников цитадели сдаться. После этого Бозмунд заявил о своих правах на Антиохию. Это не понравилось его товарищам, и те отправили письмо Алексею, но император отказался прислать посольство. Возможно, он и вправду, как и докладывали крестоносцы Папе, потерял интерес к походу.

В июле в Антиохии разразилась эпидемия тифа, унесшая много жизней, а в январе 1099 года, после долгих споров, Бозмунда провозгласили в итоге князем Антиохии, и армия выдвинулась к Иерусалиму.

Осада Иерусалима и создание Иерусалимского королевства

Часть крестоносцев под управлением графа Раймунда Тулузского, в ноябре 1098 года ушедшая из Антиохии, двинулась на Иерусалим и по дороге 23 ноября осадила Маарру. Вскоре к осаде присоединился Бозмунд Тарентский, и 11 декабря 1098 года Маарра, атакованная сразу с двух сторон, пала. Крестоносцы разграбили город и истребили его население почти полностью.

13 января 1099 года поход на юг был продолжен. Крестоносцев манил к себе Иерусалим, и хотя они взяли по пути Архас, Тортосу и Джабалу, гораздо более крупные и хорошо укрепленные Тир, Акру, Кесарею они обошли стороной, чтобы не задерживаться в пути. Достигнув Рамлы, военачальники похода опять разошлись во мнениях относительно того, как поступить дальше – напасть на Дамаск или поразить Фатимидов в Каире. Однако было принято решение не отступать от намеченной цели и продолжить наступление на Иерусалим.

7 июня 1099 года вечный город предстал перед глазами запыленных и голодных воителей веры. Многие войны, увидев его стены, плакали как дети. Согласно хроникам, до Иерусалима дошли всего 1200 – 1300 рыцарей и 12 000 пехотинцев. В поход отправлялись, соответственно, 7000 рыцарей и 20 000 человек пехоты.

Фатимиды изгнали из Иерусалима, зная о приближении врага, христиан и дополнительно укрепили крепостные стены. Через некоторое время в лагере крестоносцев, как и под Антиохией, начались голод и проблемы с водоснабжением: мусульмане контролировали все колодцы в округе.

Было решено брать город штурмом, и 13 июня крестоносцы безуспешно попытались подняться на укрепленные стены. Через день после этой неудачной попытки в Яффу прибыли генуэзские корабли с продовольствием и инструментами для сооружения военных машин. Вскоре стало известно, что из Египта на помощь Иерусалиму вышла фатимидская армия – штурм надо было начинать немедленно.

Штурм Иерусалима начался ранним утром 14 июля. Бой длился до вечера и потом продолжался до утра 15 июля. Крестоносцы засыпали ров, подкатили к стенам машины и подожгли под защищающими от ударов камней стенами мешки с хлопком и отрубями. Из-за густого и едкого дыма защитники города не могли находиться на стенах, и христиане проникли в Святой город.

Началась резня, после которой, как утверждает хроника, крестоносцы оказались «по лодыжки в крови». Аристократы, возглавлявшие христианское войско, пытались прекратить бессмысленные убийства и даже брали некоторых горожан под свою

защиту, но не было силы, способной сдержать толпу разъяренных победой воинов, большинство горожан все равно оказывались убиты. На одной средневековой миниатюре, изображающей штурм Иерусалима, видны городские ворота с вытекающим из них потоками крови.

Готфрид Бульонский, Раймунд Тулузский и архиепископ Пизанский сообщали Папе Пасхалию II: «...Ежели вы желаете знать, что было сделано со врагами, обнаруженными там, знайте, что на Соломоновой Паперти и в его храме кони наших воинов шли по колено в крови сарацин». Храм Соломонов, как известно, был разрушен задолго до этого, но так крестоносцы называли воздвигнутую на его месте мечеть.

Раймунд Ажильский, свидетель падения Иерусалима, писал: «Достаточно сказать, что в храме Соломоновом и в его портике передвигались на конях в крови, доходившей до колен всадника и до уздечки коней. По справедливому божьему правосудию то самое место истекало кровью тех, чьи богохульства оно же столь долго переносило».

Гийом Тирский уточнял, что «в черте храма, говорят, погибло около 10 тысяч врагов, не считая тех, что были убиты там и сям в городе и устилали улицы и площади; число их, говорят, было не меньше. Остальные части войска разбежались по городу и, выволакивая, как скот, из узких и отдаленных переулков несчастных, которые хотели укрыться там от смерти, убивали их.

Другие, разделившись на отряды, врываются в дома и хватали отцов семейств с женами, детьми и всеми домочадцами и закалывали их мечами или сбрасывали с каких-либо возвышенных мест на землю, так что они погибали, разбившись. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем, что находилось в нем, ибо еще до взятия города было согласовано между крестоносцами, что по завоевании его каждый сможет владеть на вечные времена по праву собственности, без смущения, всем, что ему удастся захватить. Потому они особенно тщательно осматривали город и более дерзко убивали граждан. Они проникали в самые уединенные и тайные убежища, вламывались в дома жителей, и каждый вешал на дверях дома щит или какое-либо другое оружие, как знак для приближающегося – не останавливаться здесь, а проходить мимо, ибо место это уже занято другими».

Гийом Тирский обнаруживает, что руки юного Болдуина Бульонского поражены проказой

После падения города было образовано Иерусалимское королевство, главой которого стал Готфрид Бульонский. Он не захотел именоваться королем в городе, где Христос был коронован терновым венцом, и поэтому 22 июля 1099 года принял титул Защитника Гроба Господня.

В начале августа Готфрид возглавил поход против приближающейся армии аль-Афдала и 12 августа разбил ее под Аскалоном. После этой победы крестоносцы сочли свой долг выполненным и стали возвращаться на родину.

ГЛАВА 18. БУНТ ПО-ЕВРОПЕЙСКИ

Смута, в Кордове

Сын Альманзора и его преемник Абд аль-Малик так же, как и отец, прославился нетерпимым отношением к христианам, но был уже не столь мощным полководцем. Правитель из него тоже вышел довольно средний, и вскоре Испания погрузилась в хаос безвластия. Когда Абд аль-Малик умер, его место занял его брат Абд аль-Рахман. Он вынудил халифа Хишама отречься от трона в свою пользу, отстранив династию Омейядов от власти. Горожане Кордовы подняли восстание, которое возглавил представитель династии Омейядов Мухаммед аль-Махди. Мухаммед захватил дворец халифа Хишама и вынудил его отказаться от прежнего решения и передать власть ему. Абд аль-Рахман был убит, но Мухаммед не справился с управлением государством. Первой его ошибкой стало сокращение армии, что вызвало недовольство солдат; второй – репрессии всех сторонников Амиридов, что также вызвало волну возмущения. Не смог он найти общий язык и с берберами, которые составляли значительную и наиболее мощную часть армии.

Берберы, недовольные политикой нового халифа, подняли мятеж, но против них поднялось население города, которое никогда не любило «этих африканцев». Берберы провозгласили халифом родственника Мухаммеда Сулаймана и, войдя в сговор с кастильцами, сразились с армией Мухаммеда аль-Махди. Но того поддержали каталонцы, и берберы были разбиты. Однако, собрав силы, они сумели выиграть следующую битву, и каталонцы покинули Мухаммеда.

Неожиданно на политической сцене появилась еще одна сила: мамлюки, бывшие славянские рабы. Восстав в Кордове, они казнили Мухаммеда аль-Махди и выдвинули на трон бывшего халифа Хишама. Берберы признать его отказались и двинулись на Кордову. Затем мамлюки пошли на унижительное соглашение с кастильцами, отдав им во владение большие территории, и те отказались от союза с берберами. Их ослабленная армия не смогла войти в Кордову, и они, разграбив пригороды, пошли грабить другие провинции Испании. Это привело к сильному экономическому упадку, и чиновники в Кордове даже вынуждены были распродавать богатейшую и уникальную библиотеку халифов (насчитывающую более 40 тысяч томов), чтобы хоть как-то покрыть государственные расходы.

В Кордове началась эпидемия, и город оказался и вовсе в безвыходном положении. Мамлюки решили дать бой берберам, но были разгромлены, а Хишам, по одним сведениям, был убит, по другим – бежал в Азию.

После всех этих событий Кордовский халифат фактически распался. Наместники объявляли о своей независимости, а Сулайман ничего не мог сделать – население, после погромов, учиненных берберами, его ненавидело.

Мамлюки, возглавляемые Хайраном, который во времена Альманзора был наместником Альмерии, двинули туда и захватили ее. К ним присоединился один из командиров Сулаймана Али ибн Хаммуд, утверждающий, что происходит из рода Пророка по ветви Хасана ибн Али. Мамлюки поддержали его претензии на

халифство, и когда им снова, в 1015 году, удалось взять Кордову и убить Сулаймана, Али ибн Хаммуд стал халифом.

Весьма быстро он навел порядок в стране, но поссорился с вождем мамлюков Хайраном: тот хотел видеть халифа полностью подчиненным воле визиря, как это было в начале правления Альманзора. Хайран решил вернуть халифат Омейядам, посадив на трон Абд ар-Рахмана, жившего в Валенсии. Для этого он вошел в сговор с графом Барселоны Раймондом и другими христианскими правителями. Али ибн Хаммуд был вынужден привлечь на свою сторону берберов, но был убит мамлюками. Берберы провозгласили очередным халифом брата Али Касима ибн Хаммуда, а Хайран и сторонники Омейядов – Абд ар-Рахмана IV аль-Муртаду. Впрочем, в первом же сражении мамлюки отказались от своего халифа и убили его.

Касим кое-как сумел восстановить в Кордове порядок, но вскоре свои права на власть заявил его родной племянник Иахья. Он прибыл из Северной Африки с войском, пошел на Кордову и занял ее. Касим бежал, но вскоре зная, решив, что Касим был более покладистым правителем, вернула его, и бежать уже пришлось Иахья. Набрал новое войско, он вскоре вернулся и снова занял трон. Но, как обычно, – ненадолго. Далее халифы стали меняться и вовсе с ужасающей частотой, и последним в этом мелькающем списке стал Хишам III, после которого Кордовский халифат окончательно распался на два с лишним десятка небольших независимых эмиратов.

Набирившая силу Реконкиста начала их постепенную аннексию. Некоторые князья, испугавшись, обратились за помощью к североафриканским Альморавидам, которые направили войска в Испанию. В итоге часть эмиратов вошла в состав государства Альморавидов, а другая часть была захвачена христианами.

Правление Альмохадов в Испании. Война альмохадов в Пиренеях

Спустя некоторое время войска Альморавидов в Испании уже не могли сопротивляться натиску христиан. Не лучше обстояло дело у династии и в Африке. Когда альмохадский правитель Абд аль-Мумин осадил Марракеш и сверг Альморавидов, то к нему прибыла делегация испанских мусульман с просьбой защитить их от христианского нашествия. Он послал в Испанию войска и военный флот, которые изгнали оттуда наместников Альморавидов. Бывший наместник Альморавидов Хаммуд ибн Гания сумел сохранить власть только на острове Мальорка.

Однако христиане продолжали наступать, и после неоднократного «обмена» областями страны король Леона и Кастилии Фердинанд III захватил Кордову, а спустя 20 лет Фердинанд III захватил и Севилью.

Мусульманское господство в Испании подошло к концу, власть мусульманских наместников сохранилась лишь в некоторых горных районах страны.

2 января 1492 года насридский правитель Мохаммед XII (Боабдиль) капитулировал перед осаждавшими Гранаду испанцами и передал город, последний оплот ислама в Испании, королеве Изабелле Кастильской и королю Фердинанду II Арагонскому. Это событие ознаменовало конец Реконкисты Пиренейского полуострова. Христианское войско проводило мусульман до побережья, откуда они отправились в Северную Африку, в пределы сегодняшнего Марокко.

Договор о капитуляции гарантировал лояльное отношение к побежденным, но испанцы весьма скоро стали притеснять оставшихся мусульман, всячески ограничивая их свободу, увеличивая налоги и насильственно обращая в христианство.

Мусульманская цивилизация Испании была уничтожена.

Второй Крестовый поход

Мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азии после первого Крестового похода, через некоторое время, восстановив свои силы, начали из Месопотамии угрожать христианским владениям.

Эмир Моссула-Имад-эд-Дин Зенги в 1144 году произвел поход, который окончился взятием Эдессы и падением Эдесского княжества. Между тем, Эдесса была чем-то вроде форпоста христианства, находясь на границе всего остального христианского мира.

К сожалению, все христианские государства были в этот момент, по разным причинам, ослаблены, и помощи Эдессе было ждать неоткуда. Незадолго до этого в Иерусалиме умер король Фульк, соединивший интересы Иерусалимского королевства с интересами своих французских владений. На престол вступила его вдова, королева Мелизинда, опекунша Бодуэна III, и королевство было буквально раздираемо на части вассалами. На римском престоле находился Евгений III, который с трудом удерживал свою светскую власть, а германский король Конрад III боролся с Вельфами.

Единственным, кто мог поддержать оплот христианства в Азии, был король Франции Людовик VII, рыцарь в душе, воспитанный на литературе о Крестовых походах. Он обратился с предложением о новом Крестовом походе сначала к народу, а затем, получив одобрение, и к Папе. Тот эту мысль также одобрил и поручил Бернарду, позднее канонизированному, проповедовать во Франции новый Крестовый поход. Получилось так, что в 1146 году Франция была готова выступить, но ее сил явно не хватало. Вскоре Бернард отправился в Германию и убедил Конрада, на пару с Папой, поддержать новое начинание.

Целью второго Крестового похода было намерение ослабить моссульского эмира Зенги и отнять у него Эдессу. Было решено, что крестоносцы пойдут через Италию и оттуда, воспользовавшись норманнским флотом, переправятся в Сирию. В Каире к ним должны были присоединиться итальянцы и сицилийцы. Но германский король предложил отправиться по пути первых германских крестоносцев, через Венгрию, Болгарию, Сербию, Фракию и Македонию. Причем он настоял, чтобы силы не разделялись, и французы отправились вместе с ним.

Летом 1147 года крестоносцы вошли в Венгрию. Конрад шел впереди, а месяцем позже за ним следовал Людовик.

Людовик VII

Рожер Сицилийский, который ранее не собирался официально принимать участие в походе, все же решил присоединиться к походу и попросил Людовика пройти через Италию. Тот, дорожа союзом с немцами, отказался, и Рожер отправился в поход сам, действуя методами, несколько отличными от методов основных сил, да и цели перед ним стояли иные. Сицилийский флот начал грабить острова и приморские земли, принадлежащие Византии, берега Иллирии, Далмации и южной Греции. Рожер завладел византийским островом Корфу и заключил с африканскими мусульманами союз, желая обезопасить себя как от них, так и от Византии.

Византийский царь Мануил, представляя по первому походу, что начнется в стране после входа крестоносцев, советовал Конраду переправиться на азиатский берег Галлиполи. Но крестоносцы силой пробились к Константинополю, разоряя местные провинции. В сентябре 1147 года они уже стояли у стен византийской столицы, грабя все вокруг, а до прихода французов оставалось еще несколько недель. И Мануил заключил союз с турками-сельджуками, что в корне противоречило цели похода. Союз не военный, а мирный, но тем не менее. В итоге против крестового ополчения составились два христианско-мусульманских союза: один прямо враждебный – Рожера II с египетским султаном; второй – Мануила с турками, явно не в интересах крестоносцев.

Мануил перевез немцев на противоположный берег Босфора. В Никее от немецкого ополчения отделился пятнадцатитысячный отряд и приморским путем направился к Палестине. Конрад с остальным войском пошел старым путем крестоносцев, но в первой же битве, произошедшей 26 октября 1147 года, в Каппадокии близ Дорилея, был наголову разбит. С остатками войска он вернулся в Никею и стал поджидать французов.

Не желая снова проходить через места, обгаренные христианской кровью, и пугать свое войско, короли отправились обходным путем, на Адрамитий, Пергам и Смирну. К тому же они надеялись, что на этой дороге, гораздо более сложной, не будет мусульманских войск. Но надежды не оправдались: турки нападали на армию и грабили ее на всем протяжении пути.

Людовик, истинный эпикуреец, прихватил с собой в военный поход и весь двор, включая королеву Элеонору, что совсем не добавляло войску мобильности. Двор вообще рассматривал, по всей видимости под влиянием королевы, все это путешествие как «увеселительную прогулку» и больше времени уделял демонстрации новых нарядов, нежели походу.

В Эфес, в начале 1148 года, короли прибыли с жалкими остатками войска, между тем еще при переправе через Босфор крестоносцев насчитывалось до 90 тысяч. Здесь короли получили от византийского императора письмо с приглашением отдохнуть в Константинополе. Конрад отправился морским путем к императору, а Людовик, добравшись до Анталии, выпросил у византийского правительства флот и с остатками войска в марте 1148 года прибыл в Антиохию.

Раймунд Антиохийский принял Людовика весьма радушно, и последовал ряд балов, на которых французская королева Элеонора, соскучившаяся по светской жизни, могла, наконец, поблистать. Вскоре, если верить легенде, она вступила в связь с Раймундом. Понятно, что обманутый Людовик тут же потерял интерес ко всему, не говоря уже о походе.

Конраду III также не слишком понравилось у императора, хотя для него все обошлось и без подобных эксцессов. Весной 1148 он отправился в Малую Азию, но не в Антиохию для соединения с французским королем, а прямо в Иерусалим. Король Иерусалима Бодуэн III предложил Конраду встать во главе войска, которого Иерусалимское королевство могло выставить до 50 тысяч, и предпринять поход против Дамаска. Зачем понадобился Конраду Дамаск, сказать сложно. Понятно, что у Иерусалима были свои интересы, но Крестовый поход собирался не для этого.

Дамаск был весьма укрепленным и богатым городом, но все же основная мощь мусульман находилась в Моссуле, где после смерти Зенги правил его сын Нуреддин. Эмир Дамаска, услышав о грозящей ему силе, заключил с Нуреддином союз, и тот вышел на помощь уже осаждаемому Дамаску. В лагере крестоносцев прокатились слухи о грозной силе наступающих сарацин, и началась паника. Летописи упоминают про случаи предательства, но в чем там суть, не совсем ясно. По одной из современных версий иерусалимский король, патриарх и рыцари, подкупленные мусульманами, распространили слухи, что Дамаск непобедим с той стороны, которую уже осаждали крестоносцы, и осаждающие перебазировались на другую сторону городских укреплений, которые в том месте были и в самом деле неприступны.

Подошел Нуреддин, и Конрад отступил от Дамаска. Поражение тяжело сказалось на моральном духе войска, и Конрад решил вернуться на родину. Осенью 1148 года на византийских кораблях он прибыл в Константинополь, а оттуда вернулся в Германию, так и не сделав ничего для достижения основной цели похода и покрыв себя позором.

В свите Людовика VII так же царили упаднические настроения, и многие ему советовали или оставаться в Антиохии и ждать прибытия новых сил с Запада, или и вовсе вернуться домой. Людовик подождал еще немного и в начале 1149 года на норманнских кораблях переправился в южную Италию, откуда вернулся во Францию.

Благодаря Второму Крестовому походу военные силы мусульман не только не были ослаблены, но и, напротив, нанося христианским армиям одно поражение за другим, обрели большую уверенность в своих силах и решили, что смогут и вовсе уничтожить христианство в Малой Азии.

В причинах неудачи Второго Крестового похода очень долго пытались разобраться все заинтересованные лица. Папа обвинял в провале Бернарда, тот Папу, но в итоге возобладало мнение, что во всем виноваты схизматики из Византии, и что невозможно проводить походы, пока это царство находится на их пути. (Эта мысль становилась все более популярной, и Четвертый Крестовый поход, в котором участвовали венецианцы, норманны и частью французы, закончился взятием Константинополя и превращением Византии в латинскую империю.)

Усиление Хорезмшахов

Хорезмшах Ала ад-Дин Атсыз, сын Кутб ад-Дина Мухаммеда I и внук Ануш-Тегина, постоянно стремился избавиться от протектората сельджукского султана Санджара.

В 1138 году он восстал против своего сюзерена, но его войска были разгромлены, а сам он вынужден был бежать. Санджар возвел на хорезмийский престол племянника Атсыза Сулейман-шаха. Но он не смог удержать власть над Хорезмом, и в 1141 году Санджар вернул Атсыза на престол.

В том же году с востока пришли новые завоеватели – каракитаи под предводительством Елю Даши. Сельджукский султан Санджар был вынужден прийти на помощь самаркандскому хану Махмуду, который был его родственником, но битва с каракитаями закончилась полным поражением Санджара. Атсыз воспользовался поражением султана и зимой 1141 года захватил Мерв, а в 1142

году подошел к Нишапуру. Впрочем, Санджар заставил Атсыза снова платить дань, которую тот и так уже выплачивал каракитаям.

Тем не менее, Атсыз сумел присоединить к Хорезму Дженд и Мангышлак, и многие кочевые племена оказались в зависимости от Хорезма. К концу своей жизни Атсыз также подчинил себе всю северо-западную часть Средней Азии и стал практически независим от сельджуков. В 1156 году он умер, и на престол взошел его сын Тадж ад-Дин Иль Арслан. Через несколько месяцев после этого умер Санджар, и это позволило Илю Арслану уже полностью стать независимым от сельджуков.

В 1160-х годах он присоединил к Хорезму Дихистан с окрестностями и несколько городов Хорасана. Начал он успешную борьбу и с каракитаями, но после его смерти государство было ослаблено родовыми распрями: сыновья Ала ад-Дин Текеш и Джелал ад-Дин Султаншах начали борьбу за престол. Текеш, желая сместить брата, обратился к каракитаям, обещая платить им ежегодную дань, и занял с их помощью трон Хорезма. Придя к власти, он убил свою мать, поддерживавшую брата, но самому Султан-шаху удалось скрыться, и в течение двадцати лет он причинял Хорезму значительные неудобства, пытаясь получить власть назад. Лишь после его смерти в 1183 году Текеш смог окончательно присоединить к Хорезму Мерв и Серахс. После этого Текеш совершил несколько походов против каракитаев, покорив в 1176 году Южный Хорасан, а правителя Гура сделал своим вассалом. В 1187 году Текеш взял Нишапур, в 1192 году – Рей, а через два года захватил Ирак.

В 1194 году он разбил войска западно-сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула II, а в 1196-м – аббасидского халифа Насира. С этого времени Хорезм стал одним из самых могущественных государств в Центральной Азии, простираясь от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге и от Памира на востоке до Иранского нагорья на западе.

После Текеша престол занял его младший сын Ала ад-Дин Мухаммед, еще более расширивший владения Хорезма.

Правление Мухаммеда II началось с войны с гуридами, которая с переменным успехом длилась несколько лет, но закончилась победой Мухаммеда. После этого он стал готовиться к войне с каракитаями, но потерпел в первой же битве поражение и исчез. Только весной 1208 года он вернулся в Хорезм и, укрепив государство, в сентябре 1210-го в битве на равнине Иламиш за Сырдарьей разбил каракитайские войска.

В 1212 году в Самарканде вспыхнуло восстание; подавив его, хорезмшах Мухаммед сделал этот город своей столицей. К 1215 году его власть распространилась на Мавераннахр, Южный Туркменистан, Афганистан, Иран, Азербайджан и еще некоторые территории. В 1217 году Мухаммед решил завоевать Багдад и стать еще и духовным властителем мусульман, но при переходе горного перевала его войска попали в снегопад и понесли значительные потери. Мухаммед был вынужден вернуться в Самарканд.

В 1218 году Чингисхан предложил Мухаммеду союз, но Мухаммед гордо отверг предложение язычников, казнив по совету правителя Отрара Инельюка Кайырхана послов и отправив их головы хану. Тот потребовал выдачи Кайыр-хана, но Мухаммед снова казнил одного из послов. После этого 200-тысячная армия монголов (совершенно невероятная цифра по тем временам!), бросив завоевание Китая, сосредоточилась в 1219 году на завоевании Хорезма.

Ошибкой Мухаммеда стало то, что он не осмелился собрать армию воедино и дать генеральную битву и, лихорадочно перемещаясь со своим войском по стране, терял один город за другим. Все города, захваченные монгольской армией, были снесены, а их жители – поголовно убиты. В итоге хорезмшах с остатками армии сначала отступил в свои персидские владения, а потом бежал с небольшим отрядом в прикаспийскую область, где и скончался на острове Абескун в Каспийском море от

приступа пневмонии. Сын и наследник Мухаммеда Джелал ад-Дин Менкбурны еще десять лет продолжал оказывать сопротивление монголам, находясь при этом в Дели или в Малой Азии.

Государство хорезмшахов умерло вместе с гордым Мухаммедом.

ГЛАВА 19. САЛАДИН – СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Свержение фатимидов и поход Саладина

Саладин, султан Египта и Сирии, основатель династии Айюбидов, полководец и мусульманский лидер XII века, пожалуй, единственный из мусульманских правителей, кто удостоивался сравнения с Пророком Мухаммедом. Саддам Хусейн, захватив Кувейт, с удовольствием называл себя «новым Саладином».

Самой краткой характеристикой этого правителя, пожалуй, станет одна из его привычек: в седле он читал Коран.

Родился Саладин (вернее, Юсуф ибн Айюб, а Саладин, Салах-ад-Дин – это всего лишь почетное прозвище, означающее «Правота веры») в Тикрите (ныне Ирак) в 1138 году в семье курдов. Его отец Найим ад-Дин Айюб был правителем Баальбека. В Дамаске юный Саладин получил разностороннее образование (в том числе и теологическое) и был представлен при дворе тогдашнего халифа Нур ад-Дина (Нуреддина), где служили многие его родственники.

Под началом одного дяди Ширкаха Саладин отправился на войну с халифатом Фатимидов, где постиг воинское искусство. В 1164 году Саладин, будучи уже правой рукой полководца Нурад-Дина на войне, участвовал в освобождении Египта от крестоносцев.

После смерти Нурад-Дина Салах-ад-Дин возглавил арабское войско и воевал с крестоносцами и их государствами в Святой земле. Вместе со званием главнокомандующего мусульманской армии Салах-ад-Дин получил в 1169 году титул визиря завоеванного мусульманами Египта.

Суннит Саладин не мог сильно влиять на египетскую армию, где правил шиитский халиф аль-Адид. Но когда тот в сентябре 1171 года умер, Саладин приказал провозгласить перед пятничной молитвой имя аль-Мустади, багдадского халифа. Фактически это было взятие всей полноты власти и отстранение прежних правителей. Официально Саладин был наместником султана Сельджуков Нур ад-Дина, но правил сам. Он оживил экономику, провел реформу армии. Но будучи человеком мудрым, всячески избегал любых конфликтов с Нур ад-Дином, своим номинальным повелителем. Только после его смерти в 1174 году Саладин провозгласил себя султаном Египта и стал основателем династии Айюбидов. На

протяжении десяти лет Саладин присоединял к Египту земли, в 1174 овладев Хамой и Дамаском, в 1175 году – Халебом. В октябре 1187-го Саладин занял Иерусалим.

Король Иерусалима Бодуэн IV был слабым политиком, и, понимая, что не соответствует такой должности, он решил короновать своего малолетнего сына Бодуэна V, но возник спор из-за опеки. На нее претендовали Гвидо Лузиньян, зять Бодуэна IV, и Раймунд, граф Триполи.

Рено де Шатильон, иерусалимский аристократ, регулярно грабил мусульманские караваны, идущие из Египта, хотя это вызывало недовольство не только у мусульман, но и у христиан, чью торговлю опосредованно он подрывал. Как-то Рено ограбил караван, в котором находилась мать Саладина. Вряд ли это был уж такой сильный повод для нападения Саладина на христианское королевство, но это, несомненно, послужило некоторым дополнительным толчком для принятия такого решения. Несмотря на существующее перемирие, он объявил войну, и его мощная армия двинулась из Алеппо и Моссула. В Иерусалиме набрали всего около 2 тысяч рыцарей и 15 тысяч пехоты, и армия выдвинулась к городу Тивериаде навстречу Саладину. Несколько христианских князей, в том числе и граф Раймунд, увидев величину мусульманского войска, ничтоже сумняшеся перешли на сторону Саладина. Христианское войско было уничтожено, иерусалимский король и антиохийский князь попали в плен. Все пленные, кроме короля, были казнены. В короткое время Саладин завладел всеми христианскими береговыми замками и крепостями на берегу Средиземного моря. Саладин прекрасно понимал всю ценность приморских торговых укрепленных пунктов и потому, взяв их, не спешил завоевывать далее Иерусалим, Антиохию, Триполи и Тир.

В сентябре 1187 года Саладин подступил к Иерусалиму и предложил сдать город под условием дарования свободы жителям, но те отказались. Но когда началась осада города, христиане, увидев невозможность сопротивления, решили сдаться, но Саладин уже потребовал выкуп за каждую жизнь: с мужчины – 10 золотых монет, с женщины – 5 и с детей – по 2 золотые монеты.

2 октября побежденный город, подготовивший щедрый откуп, открыл ворота. Вскоре были завоеваны и оставшиеся христианские города, кроме Тира, который прибыл защищать из Константинополя граф Конрад из дома Монтферратских герцогов.

Для освобождения Иерусалима был собран третий Крестовый поход. И именно после битв Саладина с участниками этого похода он стал для европейцев жутким монстром, которым пугают детей.

Третий Крестовый поход

Третий Крестовый поход, состоявшийся в 1189 – 1192 годах, был инициирован Папой Григорием VIII и после его смерти поддержан Климентом III. В Крестовом походе приняли участие четверо самых могущественных европейских монархов – германский император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август, австрийский герцог Леопольд V (герцог Австрии) и английский король Ричард I Львиное Сердце.

Летом 1190 года короли выступили в поход. Ричард, человек страстей, окружил себя блестящей свитой и рыцарями и на свое войско, по свидетельству

современников, издерживал в день столько, сколько другие короли издерживали за месяц. Собираясь в поход, свои владения он или отдал в аренду, или заложил, или продал, и его войско отличалось самым лучшим вооружением. Часть английского войска отправилась в Азию на кораблях, сам Ричард переправился через Ла-Манш, чтобы соединиться с французским королем и пойти через Италию. Оба короля думали идти вместе, но многочисленность войск и возникшие трудности при снабжении пропитанием и фуражом заставили их разделиться. Французский король шел впереди и в сентябре 1190 года прибыл на Сицилию и остановился в Мессине. Ричард подошел уже осенью, и было решено отложить поход до весны.

Фридрих Барбаросса

Ричард Львиное Сердце

Леопольд V. Картина Ганса Парта (1489 – 1492)

Совместная зимовка королям на пользу не пошла. Ричард заявил свои притязания на норманнские владения, на которые и в самом деле имел какое-то смутное право, но на которые также претендовал, приводя свои веские доводы, и германский король. Ссора эта потом отразилась на походе не лучшим образом. Как и поведение английских рыцарей на Сицилии: местное население отказалось терпеть их буйное поведение, и дело чуть не дошло до восстания, которое утихомирил Филипп, выступив посредником. К весне французский король понял, что с англичанами ему не по пути, и в марте 1191 года переправился в Сирию, откуда выступил к городу Птолемаида (по-русски – Акра). Сюда уже были стянуты как христианские, так и мусульманские силы.

Ричард не скрывал, что не желает иметь ничего общего с Филиппом, после имущественных споров, а особенно после того, как тот отказался от женитьбы на его сестре. Флот Ричарда отошел от Сицилии в апреле 1191 года, но попал в бурю, и корабль, на котором ехала новая невеста Ричарда, принцесса Беренгария Наваррская, был выброшен на остров Кипр, который находился в это время во власти Исаака Комнина. Исаак объявил невесту английского короля своей пленницей, и Ричард был вынужден начать войну с Кипром, которая потребовала много времени и сил. Завладев островом, Ричард заковал Исаака Комнина в серебряные цепи и стал праздновать обретение Англией первого владения в Средиземном море. Вскоре туда прибыл титулярный король Иерусалима Ги де Лузиньян, и Ричард от широты душевной... подарил ему завоеванный остров. Впрочем, ничего сверхъестественного в этом не было: Англия все равно не смогла бы удержать так далеко находящуюся от нее территорию.

После этого Ричард прибыл к Акре, где в течение двух лет вместе с другими королями принимал участие в осаде города. Акра, по сути, ничего бы не прибавила к стратегическому положению христиан, и это была напрасная трата времени, денег, сил и жизней, только ради оставшегося без трона Ги де Лузиньяна.

Между тем участие в походе решил принять и император Фридрих I Барбаросса. 4 мая 1189 года он, намереваясь отправиться через Византию, вступил в пределы

Венгрии. Надолго увязнув в дипломатических разборках в Европе, Фридрих переправился через Босфор только 25 марта 1190 года. Путь Фридриха продолжился по западным областям Малой Азии, частью разоренным сельджуками, частью занятыми ими. В мае Фридрих подошел к Иконии и одержал победу над сельджуками, вынудив их дать ему провиант и заложников. Но в Киликии, 9 июня, при переходе через горную реку Салеф Фридрих был увлечен потоком и утонул. Часть немецкого отряда возвратилась морским путем в Европу, а часть, под предводительством герцога Фридриха Швабского, отправилась под Акру, куда прибыла уже осенью.

Саладин, постоянно обновляя силы из Месопотамии, стойко держал оборону, христиане же гибли тысячами. Но наконец в июле Акра была доведена до истощения, и Саладин начал переговоры о сдаче. Он хотел заключить обоюдовыгодный мир, но христиане потребовали сдачи Акры, возвращения Иерусалима и других завоеванных Саладином областей, а также 2 тысяч заложников из знатных мусульман.

12 июля 1191 года Акра была сдана христианам. Герцог Австрийский, войдя в город, поднял немецкое знамя, но Ричард велел его сорвать и заменить своим. Оскорбление всему немецкому войску было весьма сильным. Опять начались ссоры между королями, и Филипп оставил Акру и отправился домой. Оказавшись во Франции, он начал мстить английскому королю в его французских владениях. Между тем, по заключенному еще до похода договору, короли не имели права нападать друг на друга в чье-либо отсутствие и не раньше чем через сорок дней после возвращения из похода того, на чью землю должны вестись войска. Ричарду все эти поступки оптимизма не добавляли. К тому же Саладин отказался возвратить Иерусалим, не освобождал пленников и не платил военных издержек. И Ричард совершил поступок, который напугал и потряс армию противника. Он велел заколоть 2 тысячи знатных мусульман, которые находились в его руках в качестве заложников. Нельзя сказать, что мусульмане всегда держали свое слово, посмотрите на того же Саладина, но этот поступок был все-таки из ряда вон выходящим в их понимании. И Саладин не замедлил ответить тем же: в его руках было много христианских пленников. После этого непоследовательный Ричард решительных действий против Саладина не предпринял, а ограничился мелкими стычками. И потом вообще вместо штурма Иерусалима отправился освобождать приморские города, в частности Аскалон. Он велел срыть стены Аскалона и превратил в груды камней весь город. Про задачу Крестового похода он не забыл и даже трижды выдвигался в сторону Иерусалима, но каждый раз его что-то отвлекало. Как считают историки, отвлекали его вещи, мягко говоря, весьма незначительные.

Например, Ричарда посетила одна удивительная идея из той же области: он предложил Саладину породниться: захотел выдать свою сестру Иоанну за брата Саладина Малек-Аделя. Не беря во внимание общую несбыточность идеи, если предположить, что брак бы состоялся, земли христиан все равно остались бы под мусульманами.

Наконец 1 сентября 1192 года Ричард заключил постыдный договор с Саладином, по которому за христианами оставалась небольшая береговая полоса от Яффы до Тира, а Иерусалим отдавался мусульманам. Саладин разрешил христианам беспрепятственно три года совершать паломничество к святым местам, а после этого должен был быть подписан новый договор, еще жестче предыдущего. В октябре 1192 года Ричард, презираемый как мусульманами, так и христианами, оставил Сирию. Он высадился в Италии, откуда хотел пробраться в Англию. Но около Вены был узан, схвачен и заключен герцогом Леопольдом в тюрьму, где

содержался около двух лет и был освобожден только под сильнейшим давлением Папы.

Из ста тысяч воинов, отправившихся в этот совершенно бездарный, благодаря Ричарду Львиное Сердце, поход, в Европу вернулось лишь пять тысяч.

Саладин же умер от желтой лихорадки 4 марта 1193 года.

Основанная Саладином династия Айюбидов правила до 1250 года. Все выходцы из рода Айюба имели в самостоятельном правлении отдельные провинции, и в 1238 году государство распалось на уделы.

В 1250 году мамлюки убили последнего султана из рода Айюбидов и захватили власть.

Четвертый Крестовый поход

В 1198 году Римским Папой стал Иннокентий III, который решил стать во главе очередного Крестового похода и тем самым восстановить авторитет Рима. Папа разослал легатов во все католические страны с требованием выдать сороковую часть госимущества на новый поход, а всем рыцарям, которые будут участвовать в войне за Святую землю, он пообещал освобождение от налоговой повинности, списание всех долгов, сохранность и неприкосновенность имущества. Это привлекло громадное количество бедняков и должников, которые планировали поправить свои финансовые дела за счет похода.

Войска крестоносцев собрались к лету 1200 года во Франции. В 1201 году дож Венеции Энрико Дандоло подписал с послами крестоносцев договор, по которому Венеция присоединялась к участию в Крестовом походе и обязывалась перевезти 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев при условии уплаты 85 тысяч марок серебром. В июне 1202 года корабли были готовы, но до Венеции к этому времени добралась лишь треть войска, и к тому же крестоносцы не могли собрать необходимой для оплаты переправы суммы.

Сон Иннокентия III. Картина Джотто (1297 – 1299)

Дож предложил предводителю похода монферратскому маркизу Бонифацию отсрочку, если крестоносцы помогут Венеции овладеть далматинским портом Задаром, незадолго перед тем перешедшим под власть венгерского короля, христианина. Несмотря на запрет Папы и части крестоносцев, которые просто покинули лагерь и отправились на родину, 24 ноября 1202 года Задар был взят штурмом и разграблен. Переправу предпринимать было уже поздно, и экспедиция решила зимовать в Задаре. Уже через три дня между франками и венецианцами разразилась настоящая битва, повлекшая за собой много жертв. Иннокентий III отлучил всех участников разграбления христианского Задара от Церкви, но вскоре оставил отлучение только на венецианцах, хотя и разрешив крестоносцам пользоваться венецианским флотом для отправки своих отрядов на завоевание Иерусалима.

Но венецианцы предложили крестоносцам еще раз отклониться от маршрута и высадили их в Византии, неподалеку от Константинополя.

Предлогом нападения на Константинополь послужила борьба за византийский престол, и крестоносцы собирались восстановить на троне законного, по их мнению, императора Исаака II Ангела. Константинополь был взят. Исаак II Ангел обещал за свое воцарение вознаграждение, которого бы хватило, чтобы без особых лишений добраться до Иерусалима, но, оказавшись на троне, передумал. Вскоре в Константинополе произошло восстание, императора с сыном сместили. Стало уже ясно, что никакой компенсации не будет. Крестоносцы весьма обиделись и, захватив Константинополь во второй раз, грабили его в течение трех дней, начиная с 13 апреля 1204 года. Часть населения погибла, было расхищено множество христианских реликвий, православные храмы были разорены, множество памятников античного искусства разрушено.

Второе завоевание Константинополя

Возникло еще одно крестоносное государство – так называемая Латинская империя, сами же крестоносцы именовали ее Римской империей. Часть земель отошла к Венеции, власть православного императора сохранилась в Малой Азии в так называемой Никейской империи.

Византийцы, заручившись поддержкой турок и соперницы Венеции – Генуи, стали отвоевывать у Латинской империи территорию за территорией и в 1261 году вновь овладели Константинополем. Латинская империя пала, но и Византия так и не оправилась от потрясения.

Четвертый Крестовый поход, превратившийся из «пути ко Гробу Господню» в венецианское коммерческое предприятие, не только уничтожил христианскую империю Византию, сдерживавшую своей силой мусульманские завоевания, но и привнес глубочайший раскол в христианство.

ГЛАВА 20. ИГО

Чингисхан

Мальчик Темучин родился в урочище Делюн-Болдок на берегу реки Онон, около озера Байкал, в семье одного из вождей монгольского племени тайчиутов Есугэй-багатура, то есть «героя». Он был назван в честь плененного татарского вождя

Темучина-Уге, которого Есугэй победил накануне рождения сына. Историки затрудняются назвать точный год рождения Темучина: Рашид ад-Дин называл 1155-й, «История династии Юань» называет 1162 год, а ряд современных ученых считает, что это был 1167 год.

Когда Темучину исполнилось 9 лет, ему сосватали Бортэ, 10-летнюю девочку из хунгиратского рода. Отец, оставив Темучина в семье невесты до совершеннолетия, на обратном пути задержался на стоянке татар, где был отравлен и умер через трое суток по возвращении в родной улус.

После смерти Есугэя его вдов (у Есугэя было две жены) и детей (Темучина и его младшего брата Хасара, и от второй его жены – Бектера и Бельгутая) глава клана тайчиутов выгнал из племени, присвоив себе весь их скот и захваченные Теугэем земли. Несколько лет вдовы с детьми скитались в степях в полной нищете, питаясь кореньями, дичью и рыбой.

Чингисхан

Но через пару лет вождь тайчиутов Таргутай вспомнил о мальчиках и, испугавшись их мести, отправил своих людей разыскать потомков Есугэя. Степь большая, но вдов с детьми все-таки нашли, а Темучин (искали в основном его, как старшего) смог сбежать от преследователей. Далеко убежать ему не удалось, всего через несколько дней мальчик был достигнут и взят в плен. Его заковали в колодку – две деревянные доски с отверстием для шеи. Это было весьма мучительное наказание: большие доски не давали человеку донести до рта пищу или просто согнать насекомых, садящихся на лицо.

Но Темучин снова сумел убежать и спрятался в озере, погрузившись туда вместе с колодкой и выставив наружу только нос для дыхания. Тайчиуты прошли мимо, а через несколько дней мальчика заметил батрак из племени сельдуз Соркан-Ширэ. Он знал, кто это, так как сам участвовал в его ловле. Он вытащил Темучина из воды, освободил его от колодки и прятал у себя дома в телеге с шерстью, пока тайчиуты не ушли. После этого Соркан-Ширэ посадил Темучина на кобылицу, снабдил оружием и отправил искать семью. Чингисхан, став влиятельным правителем, отблагодарил своего спасителя: сын Соркан-Ширэ Чилаун стал одним из четырех его близких нукеров.

Темучин сумел отыскать свою семью, и она перекочевала подальше от тайчиутов, чтобы те уже никогда не могли ее найти. В 11 лет Темучин подружился со своим ровесником из племени джаджират, тоже знатного происхождения, – Джамухой, с который стал его побратимом.

Через несколько лет Темучин женился на своей нареченной невесте Бортэ, а в приданое ей дали роскошную соболью шубу. Темучин отправился к самому могущественному из тогдашних степных вождей – Тогорилу, хану племени кераитов. Тогорил был побратимом отца Темучина, и юноша, напомнив ему об этой дружбе и преподнеся соболью шубу Бортэ, заручился его поддержкой.

Когда он вернулся от Тогорил-хана, некий старик монгол отдал ему в услужение своего сына Джелме, ставшего позже одним из полководцев Чингисхана. Через несколько лет силы и влияние юного Темучина окрепли настолько, что он начал совершать набеги на соседей, умножая свои владения и стада. Первыми серьезными его противниками стали меркиты, действовавшие в союзе с тайчиутами. В отсутствие Темучина они напали на становище и угнали в плен Бортэ и вторую жену Есугэя – Сочихэл, мать Бельгутая. В 1184 году Темучин с помощью кераитов и

своего анды (названного брата) Джамухи разгромил меркитов и вернул Бортэ. Мать Бельгутая, Сочихэл, отказалась вернуться назад.

После победы Темучин и Джамуха снова заключили союз побратимства, обменявшись золотыми поясами и конями, и стали жить в одной орде. Где-то через год они разошлись, но многие нойоны и нукеры Джамухи остались с Темучином.

В 1186 году Темучин создал свой первый маленький улус и имел 3 тьмы (30 тысяч человек) войска. Джамуха, обиженный на Темучина, искал повода для ссоры, и вскоре он появился. Когда люди Джамухи пытались угнать у Темучина табун лошадей, был убит младший брат Джамухи, и тот вызвал Темучина на битву. В этом первом большом сражении Темучин потерпел сокрушительное поражение и потом долго собирался с силами.

Следующая крупная битва случилась только через десять лет. Совместно с Тогорил-ханом Темучин выступил против татар в союзе с войсками Цзинь. Татары были разгромлены, монголы захватили богатую добычу, а правительство чжурчжэней Цзинь присвоило степным вождям высокие титулы: Темучин получил титул «Джаутхури» (военный комиссар), а Тогорил – «Ван» (князь) и стал известен как Ван-хан. Темучин стал вассалом Ванхана.

Пройдя множество степных битв, порою удачных, порою не очень, Темучин понял, что союзников в этой жизни нет, а тот же «названный брат» или его хан предаст его без зазрения совести.

В 1202 году впервые Темучин самостоятельно выступил против татар в крупной битве и разбил их. В следующем году у Темучина произошел конфликт с Ван-ханом, и Темучин сначала разгромил его войско, а потом убил и самого Ван-хана.

Весной 1206 года у истоков реки Онон Темучин был провозглашен великим ханом над всеми племенами, и ему был дан титул Чингисхан. Разрозненные и враждующие монгольские кочевые племена объединились в единое государство. Вся его административная система, созданная Чингисханом, была нацелена на завоевания.

Также Чингисхан поделил население степей на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч), специально перемешав все племена и роды, а командирами назначив людей из своих приближенных. Монгольские племена превратились в мощнейшую по тем временам военную машину. Воинами считались все мужчины, способные держать в руках оружие. Армия Чингисхана благодаря этому составила порядка 95 тысяч воинов.

Чингисхан штурмует китайский город

В 1207 – 1211 годах монголы подчинили себе практически все основные племена и народы Сибири, киргизов и уйгуров и обложили их данью. Между этими завоеваниями, в 1209 году, Чингисхан обратил свой взор на юг.

После победы над армией китайских татар он захватил их крепость и получил проход в Великой Китайской стене. 1213 год стал началом вторжения монголов в Китайскую империю. После завоевания Китая Чингисхан стал готовиться к походу в Казахстан и Среднюю Азию. Особенно его привлекали цветущие города Южного Казахстана и Жетысу. Идти туда он решил через долину реки Или, где располагались богатые города, находящиеся под ханом найманов Кучлуком, давним врагом Чингисхана. В 1218 году монголы завоевали Семиречье и Восточный Туркестан, которыми владел Кучлук. Монголы разрешили мусульманам публичное богослужение, запрещенное найманами, что способствовало переходу оседлого

населения на сторону монголов. Кучлук бежал в Афганистан, где был пойман и убит. Путь на Хорезм был открыт.

Слабым местом в Хорезме было всесилие кипчакской знати. Мать хорезмшаха Мухаммеда Теркен-хатун происходила из знатного кипчакского рода и, обладая огромным влиянием при дворе, ставила своих родственников на все ключевые государственные посты. При их поддержке она фактически создала оппозицию своему сыну и даже организовала выступление кипчаков против хорезмшаха в 1216 году. Восстанием руководил ее племянник Кайыр-хан Алып-Дерек, бывший наместником в долине Сырдарьи (в то время – Яксарт). Несмотря на то что кипчаки потерпели поражение, Теркен-хатун не только не позволила наказать Кайыр-хана, но настояла даже на передаче тому Отрара. Кипчакские гарнизоны стояли во всех крупных городах Хорезма, несмотря на то что Мухаммед относился к этому плохо.

Как уже было описано в одной из глав выше, Чингисхан отправил в Хорезм послов, которые были казнены. Но инициатор казни, Инельюк Кайыр-хан, не был выдан Чингисхану правителем Отрара. Помимо нежелания идти на поводу у язычников, Мухаммед испытывал и сильное давление кипчаков, которые не позволяли выдавать своего родственника. В 1219 году оскорбленный Чингисхан лично выступил в поход со всеми военными силами.

Его армия была разделена на несколько частей. Одной командовал второй сын Чингисхана – Чагатай, направляющий свой удар против защитников Хорезмской империи на севере; вторую возглавил старший сын – Джучи, основной целью которого было завоевание Сыгнака и Дженда; еще одна часть отправилась на Ходжент; а сам великий завоеватель пошел на Бухару.

Чагатай, спустившись к устью Сырдарьи, прошел Таре и в сентябре 1219 года осадил Отрар. Кайыр-хан, понимая, что пощады ему не будет, бился отчаянно, и осада продолжалась почти пять месяцев. Погубил Кипчака его же военачальник, который решил вместе со своим отрядом перейти к хану и сделал это, выйдя ночью из городских ворот. Стража при выходе была перебита, и через открытые ворота монголы ворвались в город. Жители и оставшаяся часть войска заперлись в цитадели внутри города и продолжали оборону еще месяц. После взятия все защитники цитадели были убиты, а крепость разрушена. Кайыр-хан был казнен, а город, предварительно разграбив его, монголы сровняли с землей.

Отряды Джучи, идущие по Сырдарье, весной 1220 года вышли к Сыгануку и осадили его. Через неделю город был взят, и все его оборонительные сооружения разрушены. Вскоре пали Узген, Барчынлыкент и Джент. В начале 1221 года отряды Джучи подступили к столице Хорезма – городу Ургенчу. Город сопротивлялся пять месяцев, но был взят, разгромлен, а все жители уведены в плен.

В 1220 году был сначала осажден, а потом взят штурмом Ходжент, а сам Чингисхан вместе со своим сыном Толуем подошел к Бухаре. Ташкент и Нур уже сдались без боя. Бухара попыталась сопротивляться, но очень быстро пала. Жители частью были вырезаны, частью отправлены в плен, а город был разграблен и сожжен дотла.

После этого Чингисхан спустился по долине Согдианы и вышел к Самарканду. Испуганная знать против воли жителей открыла монголам ворота и сдала город без боя. Но это не спасло ни жителей, ни знать от плена, грабежа и резни. Эта же история повторилась и в сдавшемся без сопротивления Балхе. Сам Чингисхан остался в Самарканде, а Толуя с семидесятитысячной армией отправил на покорение Хорасана.

Между тем, два отряда под руководством Джебе и Субедая-багатура начали преследовать Мухаммеда, который скрылся в Нишапуре. Но тот бежал дальше, к Каспийскому морю, где и умер, передав власть своему сыну Джелал-ад-Дину.

Завоевание Восточного Ирана

Толуй вошел в провинцию Хорасан, взял штурмом Нессу и отправился к хорошо укрепленному Мерву. После нескольких недель осады в городе началась паника, и среди жителей пошли разговоры, что им ни к чему гибнуть за Мухаммеда, и ворота были открыты. Толуй разграбил город и затем сжег его, уведя жителей в плен.

Далее Толуй отправился в Нишапур, жители которого удерживали осаду четыре дня, но силы были слишком неравны. После того как монголы ворвались в город, сопротивление продолжилось на улицах, и каждый дом стал крепостью. Вскоре сопротивление было подавлено, а все жители, включая женщин и детей, были истреблены разъярившимися монголами. В живых завоеватели оставили только 400 человек, умелых ремесленников, которые были отправлены в Монголию.

Жители Герата, пытаясь избежать судьбы Мерва и Нишапура, сопротивляться не стали и открыли ворота сразу. Город был, естественно, разграблен, но с его жителями обошлись неожиданно мягко. По монгольским меркам, естественно.

Толуй собирался двигаться дальше, но получил приказ от отца присоединиться к армии в Бадахшане.

Чингисхан, после захвата Газни, хотел продолжить преследование сына оскорбившего его хорезмского правителя, Джелал-ад-Дина. Осенью 1221 года армия Чингисхана подошла к его войску, которое укрепилось на берегу реки Инд. Войска Чингисхана превосходили армию сына Мухаммеда по численности в разы, но те фанатично защищались, и бой не остановился до тех пор, пока почти все хорезмцы не были уничтожены. Поняв, что сопротивляются полчищам монгольского завоевателя уже только несколько сотен оставшихся в живых и битва проиграна, Джелал-ад-Дин сменил коня на свежего и отдал приказ отступать, что вряд ли было уже возможно в такой ситуации, доскакал до реки и, перебравшись на другой берег, спасся. Чингисхан послал за ним отряд, но Джелал-ад-Дин ушел в Дели, и монголы не стали его преследовать. Они развернули коней в Газни и по дороге опустошили провинции Лахор, Пешавар и Меликпур. Джелал-ад-Дин еще не раз во главе не столь многочисленных отрядов нападал на монголов, пока не погиб в Анатолии в 1231-м.

Рашид-ад-Дин. Хан Толуй (сын Чингисхана) со своей супругой Соргахтани

После завоевания Китая и Хорезма Чингисхан послал на разведку «западных земель» Джэбэ и Субедея, которые прошли по южному берегу Каспийского моря, разорили Северный Иран, проникли в Закавказье, разбили в 1222 году грузинскую армию, а затем объединенное войско аланов, лезгинов и черкесов, а затем и половцев. В 1223 году монголы вторглись в Крым, взяли город Сурож (Судак). Затем, преследуя остатки половцев, монголы пришли на Русь, разрушая на днепровском направлении города и деревни и захватывая в плен мирных жителей. В 1225 году разведывательные отряды вернулись в Азию и соединились с основным войском.

После смерти китайского императора Сюинь-Цзуна в 1223 году Северная Китайская империя практически прекратила свое существование, и границы Монгольской империи подошли вплотную к Центральному и Южному Китаю, управлявшемуся императорской династией Сун.

Субудэй-хан

Весной 1226 года завоевание Китая было продолжено. После ряда побед в начале осени (или в конце лета) 1227 года Чингисхан умер.

Его преемником стал третий сын – Угэдэй.

Крестовые походы Святого Людовика

Седьмой Крестовый поход, собранный в 1249 году королем Людовиком IX, повторил и даже закрепил неудачи предыдущих (пятый и шестой были особо неудачными Крестовыми походами). Король Людовик IX попал в плен и был освобожден только после выполнения унижительных условий, выдвинутых мусульманами.

Король Людовик IX, позже прозванный Святым, родился 25 апреля 1214 года. Его мать, Бланка Кастильская, женщина чрезвычайно религиозная и к тому же большого ума и сильной воли, имела на сына громадное влияние. После смерти мужа она стала его регентшей и за время своего правления существенно расширила владения Франции.

Людовик был романтично настроенным юношей и всю молодость провел в рыцарских забавах, выказав помимо заложенной в него матерью религиозности еще и рыцарское благородство. Вступление на трон мало изменило его привычки: благодаря Бланке Франция была весьма сильна, вассалы находились в полной зависимости от крепкой власти, и Людовик продолжал предаваться своим рыцарским увлечениям. Серьезное испытание ожидало его в 25 лет, когда английский король Генрих III решил вернуть своей стране владения своих предков – области по Гаронне, но Людовик выдержал это испытание с честью: в битве при Тальебуре (1242) англичане потерпели сокрушительное поражение. Людовик проявил не только воинский талант, но и подлинно царское благородство: воспользовавшись победой, он не стал воплощать мечту французских королей и присоединять к себе Аквитанию и даже, более того, вопреки мнению свиты, уступил Генриху часть провинций, отнятых у Англии ранее, при Филиппе-Августе.

Угэдэй-хан

В 1244 году Людовик тяжело заболел и дал обет в случае выздоровления совершить паломничество на Святую землю, освободив заодно ее от неверных. Вскоре, выздоровев, он взял благословение у Папы и, вооружившись хоругвью, надев на себя перевязь и взяв посох паломника, отправился с французской армией сначала на Кипр, которого достиг в 1248 году, а перезимовав там, весной 1249 года Людовик выдвинулся в Египет, в свержении мусульманской власти в котором он видел предпосылки освобождения Иерусалима.

В конце мая 1249 года армада из 120 больших и полутора тысяч мелких судов была уже в виду египетской Дамьетты. Султан, подготовленный к нашествию крестоносцев, попытался помешать их высадке в нильском устье. Людовик одним из первых выпрыгнул из корабля и по плечи в воде возглавил бой. Рыцари первым же ударом рассеяли мусульман, и те в беспорядке отступили в Дамьетту, но в тот же день в ужасе бежали из города. На следующий день Людовик вступил в эту грозную, но пустую крепость. Но разлив Нила помешал Людовику закрепить свой успех, и только 20 ноября крестоносцы смогли выступить на Каир.

Людовик IX

Двигались крестоносцы медленно и Мансуры достигли лишь 21 декабря. Здесь их поджидали, заняв позиции перед крепостью, большие силы мусульман, а путь к ним преграждал канал Ашмум Тана. Людовик приказал строить плотину, но это оказалось непросто: мусульмане постоянно обстреливали место работ из метательных машин и совершали регулярные набеги на христианский лагерь. За два месяца было мало что построено, но в начале февраля 1250 года некий бедуин указал крестоносцам, где можно перейти канал вброд. Отряд рыцарей во главе с братом Людовика Робертом Артуа переправился на другой берег и вышел к мусульманским позициям. Для тех это стало большой неожиданностью, и они поспешили укрыться в городе. Роберт Артуа, не дожидаясь основных сил, начал преследовать мусульман и вошел в Мансуру. Тут египтяне опомнились, ворота были закрыты, и в городских стенах началась жестокая битва. Роберт и весь его отряд были убиты. Людовик переправлялся через канал, но против него вышли мамлюки, и после жестокого боя рыцари были оттеснены обратно к воде. Множество рыцарей погибло, возглавлявший бой Людовик очутился на грани пленения, крестоносцы бросались в воду, пытаясь переправиться обратно, и гибли сотнями. Наконец лагерь сумел навести мост, и король с оставшимися в живых рыцарями сумел отступить. Мусульмане праздновали победу три дня, а потом сами напали на христианский лагерь. Сражение было весьма ожесточенным, но христиане сумели оттеснить врага на его берег. После этого стороны начали подсчитывать потери, и военные действия на время прекратились. Но, оправившись первыми, мусульмане сумели внезапным ударом уничтожить корабли, подвозившие христианам припасы из Дамьетты, лишив Людовика снабжения (караваны идущие по суше мусульмане, контролировавшие территорию, перехватывали почти все). Начались голод и, как его следствие, моровая язва. В начале апреля Людовик приказал отходить к Дамьетте, но это уже не могло спасти армию: ослабленные воины сотнями гибли под все усиливающимися атаками мусульман и тысячами попадали в плен. Людовик благородно шел в арьергарде отступления и в конце концов тоже заболел. Его состояние становилось все хуже и хуже, и вскоре он даже не мог сидеть на коне. Арьергард был остановлен, и все ждали, что Людовик вот-вот умрет. К лагерю подошли мусульмане, и Людовик вместе с братьями и всеми находящимися здесь

был взят в плен. Нищих крестоносцев мусульмане тут же казнили, а с теми, за кого можно было получить выкуп, обращались весьма бережно. Мусульманская медицина в те годы была одной из лучших, и Людовика вскоре поставили на ноги. Султан Туранши потребовал от него, в обмен на свое освобождение, освободить Дамиетту, а за освобождение товарищей заплатить восемь миллионов франков. Договор был заключен, но в Египте вспыхнула смута. Мамлюки во главе с эмиром Бибарсом восстали против султана и убили его. Пленники сумели выжить, и 6 мая, тотчас после сдачи Дамиетты, Людовик получил свободу.

С большим трудом он собрал четыре миллиона франков и выкупил своего брата Альфонса. Значительная часть крестоносцев отправилась на родину, то же самое уговаривали сделать и Людовика, особенно на этом настаивала его мать Бланка. Но он объявил, что не двинется с места, пока не выкупит всех своих товарищей. Из Египта он отправился в Аккон, где сирийские мусульмане готовили поход в Египет против мамлюков, желая восстановить династию. Узнав об этом, мамлюки испугались и отпустили большую часть рыцарей, отказавшись от второй половины выкупа.

Людовик не покинул Палестину, желая дожидаться приезда новых крестоносцев для продолжения похода. В августе он во власянице, надетой на голое тело, совершил паломничество в Назарет. Вернувшись, весь 1251 год он занимался восстановлением укреплений вокруг Цезарей. Также все это время он рассылал послания христианскому миру, прося прислать ему новых воинов. Но никто не откликнулся. В 1252 году Людовик перебрался в Иоппе и стал укреплять этот город. Желая замолить свои грехи и гибель товарищей, он лично таскал камни для крепостных стен.

В 1253 году египтяне и сирийцы заключили мир. После этого сирийцы взяли Сидон и перебили там множество христиан. Людовик, не располагая достаточными силами, ничем не мог помочь городу. После ухода мусульман он отправился в Сидон и занялся погребением павших и восстановлением разрушенных стен. Как вспоминают современники, он работал наравне со всеми, перенося к могилам трупы, уже подвергшиеся тлению.

В апреле 1254 года, поняв, что помощи не будет, и узнав о смерти матери, он оставил Аккон и вместе с женой и детьми отправился во Францию. Через год в Сирию вошли отряды мамлюков и уничтожили там последние очаги сопротивления крестоносцев.

Однако идея Крестового похода не оставляла Людовика, и, слыша обо всем творящемся в Святой земле, он очень страдал и начал собирать восьмой поход. В марте 1270 года Людовик вместе с войском отправился в Тунис, надеясь обратить местного султана в христианство. Пока он ожидал там прибытия Карла Анжуйского, в войске начались эпидемии, сначала умер сын Людовика Тристан, а 3 августа заболел сам Людовик. Через три недели, 25 августа 1270 года, его не стало.

Вскоре, с приходом османских тюрок, крестоносцы потеряли все свои владения в Ливии, Алжире и Тунисе.

Мамлюки – военная квазикаста

Мамлюки (в переводе это слово означает «принадлежащий») – это военная квазикаста в средневековом исламском Египте, набранная династией Аюбидов из юношей-рабов в основном славянского, грузинского, черкесского и тюркского происхождения. Юноши обращались в ислам, затем обучались арабскому языку и тренировались в закрытых лагерях-интернатах для несения военной службы. Не имея родственников и никаких связей в Египте, с одной стороны, они были преданы династии, но с другой это позволило им создать мощнейший заговор и взять власть, создав империю «Дулат аль-Аттюрк», буквально – «Империя тюрков», или, как ее еще называли, «Империя Мамлюков».

Арабский историк Ибн Халдун писал, что их приход к власти «был Божьим благодеянием, ибо придал исламскому миру новые силы и мужество в момент слабости и упадка и помог справиться с великой опасностью, которая ему угрожала».

Еще аббасидский халиф аль-Мамун (813 – 833 гг.), создавая отряд телохранителей и не доверяя, после продолжительной борьбы с родным братом, соплеменникам, призвал людей, не вовлеченных в местные клановые, социальные или межконфессиональные конфликты. Сначала его охраняли тарканы, кровные родственники его жены из племени тюрков, а потом они же занялись набором и обучением юношей-рабов с невольничьих рынков. Вскоре личная гвардия халифа достигла четырех тысяч, причем выходцы из славянских стран и африканцы были пешими воинами, а конницу составляли тюрки.

Личная гвардия халифа вызывала восхищение своей преданностью и силой, о ней даже писались научные труды, например, широко известен был в то время трактат «Использование тюрков», авторство которого приписывается известному ученому и литератору аль-Джахизу (775-868 гг.).

В 831 году в Египте начались народные волнения, и аль-Мамун жестоко подавил их с помощью своей личной гвардии. Следующим наместником страны стал Абдуллах ибн Тахир, который назначил тюрков на многие высокие посты, будучи уверен в их безусловной преданности. Так было положено начало владычеству тюрков в Египте.

В 865 году тюркские гулямы захватили власть в Аббасидском халифате, подчинив себе халифа.

Пришедший в 909 году к власти в Египте Махди Абу-Мухаммед Убайдаллах, основавший династию Фатимидов, понимая шаткость своего положения, начал укреплять личную гвардию и набирать в нее славянских, венгерских и тюркских рабов.

Позже стал набирать армию из рабов, – когда война истощила человеческие и финансовые ресурсы Фатимидского халифата, а некоторые тюркские военачальники вышли из его войска, – и Саладин. Именно при нем, по некоторым версиям, таких воинов стали называть мамлюками. На одном из островов реки Нил Саладин разместил казармы, где юноши-рабы с невольничьих рынков проходили специальную подготовку под руководством опытных воинов. Первая созданная из рабов гвардия получила свое название по имени Саладина – «салахия». Когда же

мамлюки стали пополнять кавалерию, их называли по имени острова, на котором проходили тренировки, «бахритами».

Постепенно мамлюки стали преобладать в египетской армии, а при султане ас-Салахе и вовсе составляли большую ее часть. Багдадский халиф аль-Мустассим преподнес в дар правителю Египта ас-Салаху молодую красавицу по имени Шаджар ад-Дурр, происходившую из знатного, но разорившегося кыпчакского рода Дурут. Наложница не только покорила сердце султана, но и стала его верной спутницей в военных кампаниях. После смерти ас-Салаха его трон занял сын, Туран-шах. Мамлюки были не слишком довольны его правлением, что вызывало постоянные конфликты. Туран-шах вместо поиска компромиссов прибегал к запугиванию, а также стал менять военачальников и чиновников на послушных ему людей. Шаджар ад-Дурр была сторонницей политики мужа, выражая интересы самой могущественной политической группировки: мамлюков. Те, не в силах больше терпеть притеснения, подняли мятеж.

2 мая 1250 года Туран-Шах был убит мамлюкским эмиром Байбарсом. Далее произошло уникальное в истории ислама событие: впервые женщина, Шаджар ад-Дурр, была провозглашена султаном. Формальным основанием провозглашения было то, что она являлась матерью детей ас-Салиха, которые по праву были наследниками египетского престола. Понятно, что повод, мягко говоря, был «притянут за уши». Ее царствование продолжалось совсем недолго, всего семьдесят дней, но, тем не менее, начало эпохе мамлюков было положено: это было рождение Империи тюрков, которая просуществовала более двух с половиной столетий и осталась в истории как Мамлюкский султанат.

В это же время было положено начало двум династиям мамлюков: Бахри (преимущественно тюркского происхождения, правили в 1250 – 1390) и Бурджи (преимущественно выходцы с Кавказа, правили с 1390 до 1517).

Высокие боевые качества мамлюкского войска неоднократно вызывали восхищение у мусульман всего мира, и некоторые летописцы той поры утверждали, что, не будь империи Мамлюков, ислам бы, как государственная религия, мог исчезнуть с карты мира. И в самом деле: 3 сентября 1260 года в сражении при Айн-Джалуте (около современного Бейсана) войска мамлюков разгромили монголов, вторгшихся в Палестину и Сирию, а затем изгнали остатки крестоносцев из этих стран. И только мамлюки смогли в 1273-м справиться с ассасинами. В вассальной зависимости у мамлюков находились восточная часть Ливии (Барка), Нубия, Хиджаз, с 1375-го – Киликия, с 1426-го – Кипр.

Вместе с началом правления мамлюков начался экономический и культурный расцвет Египта, который продлился до 1516 года, когда войска турецкого султана Селима I завоевали Сирию, Египет и Палестину, положив конец господству военной касты.

Крах Золотой Орды

Легендарная Золотая Орда, государство монголов, была основана сыном Джучи и внуком Чингисхана ханом Батыем (1237 – 1255) в 1243 году. Полный суверенитет Золотая Орда получила при Менгу-Тимуре в 1266-м, а в 1312 году стала исламским государством.

Власть ханов Золотой Орды охватывала огромную территорию: значительную часть современной России (кроме Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера), северный и западный Казахстан, восточную Украину, Молдавию, часть Узбекистана (Хорезм) и Туркмении.

Во главе государства стояли потомки Чингисхана – торе, а в особо важных случаях созывались курултай – всенародные собрания. Государственными делами руководил бекляре-бек – князь над князьями, которому подчинялись визиры. Городами и подчиненными им областями руководили наместники – даруги, наряду с которыми назначались и военачальники – баскаки.

Уже на заре своего образования Золотая Орда делилась на улусы, принадлежавшие 14 сыновьям Джучи: 13 братьев были полусамостоятельными ханами, подчинявшимися власти Батыя, и, собственно, уже в этой самостоятельности было заложено зерно будущего государственного краха.

В 1357 году, после убийства хана Джанибека, началась смута, и за 27 лет на золотоордынском престоле перебивало 28 ханов. Но фактическим правителем в это время был темник Мамай. В 1360-х годах, почуяв слабость империи, от Золотой Орды отпал Хорезм, и вернуть его ханы уже не могли: вскоре Куликовская битва с Русью окончательно подорвала мощь этого государства, а Тамерлан, против которого неосмотрительно выступил Тохтамыш, нанес Орде удар, от которого она уже не смогла оправиться.

Монумент хану Батыю (Турция)

Тохтамыш в образе русского витязя под стенами Москвы

Походы Тимура: башни из вражеских голов

Хан империи Тимуридов, Тимур (или Тамерлан) родился 9 апреля 1336 года в городе Кеше (ныне это Шахрисабз в Узбекистане). Когда он был еще маленьким мальчиком, произошел распад джугатайского государства в Средней Азии (Чагатайский улус), и в Мавераннахре с 1346 года фактическая власть перешла к тюркским эмирам, и возводившиеся императором на престол ханы правили только номинально. В юности Тимур возглавил шайку разбойников, образовавшуюся в Смутное время, и с ней поступил на службу к владельцу Кеша Хаджи, главе племени Барулас. В 1360 году, когда Трансоксиана была завоевана Туклук-Тимуром, Хаджи бежал в Хорасан, а Тимур вступил в переговоры с ханом и был утвержден владельцем Кеша до возвращения Хаджи.

В 1361 году хан снова занял страну, и Хаджи снова бежал в Хорасан, где и был убит. Тимур был снова утвержден владельцем Кеша, но вскоре отделился от могулов и перешел на сторону их врага – Хусейна (внука чингизида Казагана). Свое прозвище Тимур получил, когда во время какой-то стычки в Сеистане лишился двух

пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего остался хромым (по-персидски «Тимур-е ланг», или Тамерлан).

В 1364 году могулы ушли, и правителем Трансоксианы стал Хусейн, а Тимур вернулся в Кеш. В 1366 году он восстал против Хусейна, через два года помирился с ним и снова получил Кеш, но через год снова восстал. В марте 1370 года войско Тимура взяло Хусейна в плен и убило, хотя и в присутствии Тимура, но без его приказа. 10 апреля 1370 года Тимур принял присягу от всех военачальников Трансоксианы, но не принял ханского титула и велел называть себя «великим эмиром». Ханами при нем считались потомки Чингисхана по роду Чагатая – второго сына завоевателя: Суюргатмыш (1370 – 1388), его сын Махмуд (1388 – 1398) и Сатук-хан (1398-1405).

Своей столицей Тимур сделал Самарканд. Первые несколько лет Тамерлан потратил на наведение порядка в стране, а потом решил, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей», и началась эпоха завоеваний.

В 1380 году Тимур пошел на Персию и в 1381-м взял Герат и разрушил город Заранж, который называли «Сад Востока», полностью уничтожив его жителей. Прекрасный город так и не смог возродиться.

В 1382 году Тимур назначил правителем Хорасана своего сына Миран-шаха. О жестокости его набегов говорит такая легенда: в хорасанском городе Себзеваре Тимур приказал своим воинам закладывать битым кирпичом и известью брошенных в канавы живых людей, возводя таким образом «стонущие стены». В 1383 году был покорен Сеистан. Многочисленные легенды о диких жестокостях этого похода потрясают воображение. Многие города были разрушены до основания, жители поголовно истреблялись, а головы погибших вмуровывались в стены башен. Эти жестокости в землях единоверцев Тимур оправдывал желанием истребить еретиков – шиитов и защитить правоверный ислам.

Тимур

Известны три больших похода Тимура: так называемые «трехлетний» (с 1386 года), «пятилетний» (с 1392 года) и «семилетний» (с 1399 года).

В 1386 году Тимур вошел в западную Персию и начал покорять ее огнем и мечом. В 1387 году он захватил персидский город Исфахан, где продемонстрировал еще один пример своей нечеловеческой жестокости: он приказал отрезать груди всем покоренным женщинам, а каждый из 70 тысяч его солдат должен был отрубить голову вражеского гражданина и передать ее своему командиру. Вокруг города были сложены 28 башен, которые состояли (каждая) из полутора тысяч отрубленных голов противника.

Страшным по своей жестокости было и завоевание Багдада: на его улицах, по описаниям арабских историков, лежало около ста тысяч обезглавленных тел, а вокруг города были воздвигнуты новые башни из отрубленных голов – легенда гласит, что их было 128. Свой победоносный кровавый поход Тимур был вынужден прервать из-за нашествия хана Тохтамыша. Вернувшись в свои владения в 1388 году, он прогнал Тохтамыша и наказал Хорезм за союз с ним. В 1389 году Тамерлан совершил опустошительный поход в глубь монгольских владений до Иртыша на север и до Большого Юлдуза на восток, в 1391 году разорил золотоордынские владения до Волги.

Во время «пятилетнего» похода Тимур в 1392 году завоевал прикаспийские области, в 1393-м – западную Персию и Багдад. В 1395-м, преследуя Тохтамыша, вошедшего в Закавказье, Тимур сначала разбил его на Тереке, а потом вошел в Рязанские земли, разграбив Елец, но, начав наступление на Москву, неожиданно повернул назад и ушел из русских пределов. По пути Тимур разграбил торговые города Азов и Кафу, сжег Сарай-Бату и Астрахань. При этом он не собирался завоевывать Орду, и Кавказский хребет так и остался границей его владений.

В 1396 году Тимур вернулся в Самарканд, назначил своего младшего сына Шахруха в 1397-м правителем Хорасана, Сеистана и Мазандерана.

В 1398 году Тимур предпринял поход на Индию и в декабре под стенами Дели разбил войско индийского султана, практически без сопротивления заняв город.

На следующий год Тимур дошел до берегов Ганга и на обратном пути взял еще несколько городов и крепостей. Возвращаясь, Тимур приказал умертвить 100 тысяч захваченных пленных, опасаясь их возможного бунта.

«Семилетний» поход был вызван сумасшествием Миран-шаха и беспорядками во вверенной ему области. Тимур низложил сына, разбил вторгшихся в его владения врагов, но в 1400 году османский султан Баязет (Баязид) в союзе с египетским султаном Фараджем захватил город Арзинджан, где правил вассал Тимура. Тамерлан оплатил противнику той же монетой: с боями он взял Сивас в Малой Азии и Халеб (Алеппо) в Сирии (принадлежавшей египетскому султану), а в 1401 году – Дамаск.

В знаменитой битве при Анкаре, в 1402 году, Баязет был разбит и взят в плен. Между двумя великими завоевателями произошло всего одно сражение, но оно относится к числу крупнейших в мировой истории.

20 июня 1402 года в центральной части Анатолии, в Анкаре, по разным историческим данным, собралось от одного до двух миллионов человек. У Тимура было, по меньшей мере, 800 тысяч воинов. Восточные источники, впрочем, в отличие от европейских, склонны преуменьшать эти цифры, утверждая, что от 250 до 350 тысяч воинов и 32 боевых слона было у Тимура и 120 – 200 тысяч воинов – у султана Баязета.

Перед битвой Баязид прислал к Тимуру послов для переговоров, и тот, в их присутствии, провел смотр своей армии. История не донесла до нас эмоций османов, но, думается, время для настоящего потрясения настало на поле боя.

Баязид I выстроил армию, усилив центр янычарской пехотой, перед которой поставил боевых слонов. Тимур, наоборот, значительно усилил фланги. Когда начался бой, его конница всей своей массой обрушилась на левый фланг султана, где стояли сербские отряды. На другом же фланге, тут же, не ожидая результатов сражения, на сторону Тимура перешло 18 тысяч конных татар.

Янычары сражались, как всегда, великолепно, но Тимур превзошел своего соперника в тактике и вскоре сумел окружить армию Баязида. Янычары были практически полностью истреблены, а остальные турки рассеяны по окрестностям.

Баязид с одним из сыновей попал в плен, а второй его сын погиб в битве. Тимур обошелся с пленным султаном весьма мягко и даже приблизил его к себе. Но когда тот через некоторое время оказался замешан в заговоре, то Баязида стали строго охранять, а на ночь заковывали в кандалы. Правитель перешел на положение обыкновенного пленника, но Тимур продолжал возить его с собой по Азии во время завоевательных походов. Султана перемещали в носилках, заделанных железной решеткой, что породило легенду о том, будто бы Баязет был заключен в клетку. Тимур наконец нашел себе достойного зрителя, который действительно мог оценить всю грандиозность его замыслов, осознавая, насколько великолепна тактика Тимура и насколько велики его победы. Но, похоже, зритель попался неблагодарный: Баязет смог достать яд и покончил с собой.

Тимур, наблюдающий за пленным султаном Баязетом

После сражения при Анкаре Тимур разграбил все города Малой Азии, в том числе и Смирну, принадлежавшую иоаннитским рыцарям. Рыцари успели уплыть, и Тамерлан приказал отрубить головы оставшимся здесь туркам и, следуя бесчеловечному ритуалу, опять сложил из голов башню. Османская империя была серьезно и надолго ослаблена, но о ней мы расскажем немного позже.

Западная часть Малой Азии была в 1403 году возвращена сыновьям Баязида, а в восточной были восстановлены низложенные Баязидом мелкие династии. В Багдаде был назначен правителем сын Миран-шаха, Абу-Бакр, в Азербайджане (с 1404 года) – другой сын его, Омар.

В 1404 году Тимур вернулся в Самарканд и предпринял поход на Китай. В январе 1405 года Тамерлан прибыл в город Отрар (неподалеку от впадения Арыса в Сырдарью) с армией, потрясающей воображение количеством воинов, но там внезапно заболел и умер, по данным современных историков – 18 февраля, но судя по дате на надгробном памятнике – 15-го.

Созданная им могущественная империя вскоре после смерти своего жестокого и всемогущего правителя развалилась.

Тимур был грандиозной по масштабам личностью, и его интересовали не только военные походы. Современники вспоминают Тимура как весьма образованного человека, знающего наизусть Коран, разговаривающего на множестве языков и страстного любителя шахмат. Перед боем он часто вдохновлял своих воинов рассказами из жизни великих завоевателей, этих историй он знал множество. Неоспоримы были его таланты и как полководца. Тамерлан, приказывающий складывать башни из отрубленных голов, оказывается, ценил прекрасное: поразившие его воображение архитектурные красоты покоренных городов он, перед тем как их разрушить, приказывал запечатлеть в чертежах, а потом воспроизводил в Самарканде. Например, перед тем как сжечь Дамаск, Тимур приказал скопировать чертежи знаменитого луковичного купола мечети, который был воспроизведен в Самарканде, а затем стал украшать дворцы махараджей Индии и церкви Руси.

Во время строительства большой мечети в Самарканде Тамерлану не понравился ее портал, уже возведенный, и он приказал казнить всех рабочих и всех архитекторов, набрав для строительства новых. Архитектурные ансамбли Тимур посвящал памятным событиям в своей жизни и близким людям. Величественную мечеть комплекса Биби-Ханым он воздвиг в качестве усыпальницы для своей любимой первой жены Алджай-ага, а потеряв любимого внука, построил мавзолей Гур-Эмир, ставший усыпальницей и его самого, и многих его потомков – Тимуридов.

В империи Тамерлана постоянно строились новые и новые дороги, около которых примерно через равные промежутки возводились придорожные станции – караван-сарайи и сторожевые пункты. Тамерлан успешно боролся и с преступностью, вводя, помимо строгих наказаний, в обязанности вора выплатить всю сумму украденного.

Купцы в его империи облагались весьма незначительной пошлиной и дорожным налогом, получая взамен безопасность и проводников, что очень сильно подстегнуло рост торговли. Налог на земледельцев взимался только после уборки урожая, зависел он от плодородности земель и не мог составлять более трети выращенного. Причем с каждым новым завоеванием налоги в империи снижались.

Османская империя: династические традиции

Наследницей первых тюрок-завоевателей стала Османская империя, или, официально, Высокое Османское Государство. Государство османских султанов образовалось в 1299 году. В Европе его часто называли Оттоманской империей или Портой.

Осман, сын и наследник Эртогрула (1288 – 1326), воюя с ослабевшей Византией, присоединял к своим владениям область за область. Он признавал до 1299 года свое подчинение Конию, но после смерти Ала Ад-Дина принял титул «султан» и отказался от признания власти его наследников. По его имени турки стали называться османскими турками, или османами.

Сын и наследник Османа Орхан I (1326 – 1359) пытался объединить под своей властью всех правоверных, направляя свои усилия, впрочем, скорее на запад, населенный греками, нежели на мусульманские земли. В 1330 году он взял Никею, важнейшую из византийских крепостей в Азии, затем Никомедию и вскоре покорил всю северо-западную часть Малой Азии до Черного, Мраморного и Эгейского морей.

В 1356 году турецкое войско под начальством Сулеймана, сына Орхана, высадилось на европейском берегу Дарданелл и овладело Галлиполи и его окрестностями. После смерти Сулеймана в 1358 году империю унаследовал второй его сын Орхан, Мурад, завоевав Фракию, в 1365 году перенес свою столицу в Адрианополь.

От Византии остался лишь Константинополь с ближайшими окрестностями, но и в таком виде империя прожила еще столетие.

Взятие Фракии открыло туркам границы Сербии и Болгарии, которые уже также были весьма слабы, и эти страны неуклонно стали лишаться частей своих территорий.

Мурад ввел, если можно так сказать, одну династическую «традицию». Он раскрыл заговор, во главе которого стоял один из его сыновей. Сын был казнен, и с тех пор в Османской империи каждый новый султан, начиная с Баязида, занимая трон... убивал всех своих ближайших родственников во избежание смуты. Нельзя сказать, что это и в самом деле происходило исполнялось при каждом султани, но случалось подобное, увы, весьма часто. Если влияние и могущество родственников было откровенно слабым, то их, бывало, оставляли в живых, но путем хирургических операций делали бесплодными их гаремы.

В 1389 году сербский князь Лазарь решился бросить вызов османам, и 28 июня на Косовом поле его армия в 80 000 человек сошлась с армией Мурада в 300 000 человек. Сербская армия была уничтожена, а князь убит. Погиб в этой битве и Мурад, убитый проникшим в его шатер притворившимся советником султана сербским солдатом Милошем Обиличем. Мурад успел позвать на помощь, но уже было поздно. Обилича повесили. Сербия, хотя формально и сохранила независимость, была вынуждена платить дань и поставлять вспомогательное войско. Сын Мурада Баязет женился на дочери Лазаря и получил, когда Стефан, сын Лазаря, умер без наследников, право вмешиваться в династические вопросы Сербии.

В 1393 году Баязет занял Тырново, где лично задушил царя Болгарии Шишмана (сын которого тут же принял ислам и остался жив), и захватил всю Болгарию. Затем он обложил данью Валахию, покорил Македонию и Фессалию и проник в Грецию.

Увеличились его владения и в Малой Азии, где он ушел далеко на восток за реку Кызыл-Ирмак.

В 1396 году под Никополем он разбил крестовое войско короля Сигизмунда Венгерского и осадил Константинополь. Но вторжение Тимура заставило его снять осады и отправиться навстречу завоевателям.

В битве с Тимуром при Ангоре, в 1402 году, он попал в плен, где через год умер.

После этого в Адрианополе, захватив власть над турецкими владениями на Балканском полуострове, себя провозгласил султаном сын Баязида Сулейман, в Бруссе – Иса, а в восточной части Малой Азии – Мехмед I. Все трое отправили послов к Тимуру, прося помощи, и он ее им обещал. Но вскоре Тимур неожиданно ушел на восток, оставив их разбираться со своими проблемами самостоятельно. Мехмед весьма скоро разобрался с проблемой по имени Иса (убив его), а после смерти в 1410 году Сулеймана и гибели в 1413-м наследовавшего ему брата Мусы, восстановил свою власть и над Балканским полуостровом.

Затем он подписал мирные договоры со всеми христианскими соседями, и его царство было бы весьма мирным, если бы регулярно не вспыхивали внутренние смуты. Продолжил страдать от них и его сын Мурад II (1421 – 1451). Его братья, пытаясь избежать смерти при его воцарении, бежали в Константинополь, Мурад двинулся за ними вдогонку, но потерпел поражение. Где не решил булат – решало золото, и вскоре братья были выданы ему за солидный выкуп и задушены.

Мурад захватил Фессалоники, Коринф, Патрас и значительную часть Албании. Всю жизнь он мечтал захватить Константинополь, очень привлекательный для завоевателей из-за своего географического положения, но это удалось воплотить только его сыну Мехмеду II (1451-1481).

ГЛАВА 22. МЕХМЕД II И НОВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЫ

Падение Византии

Подписывая со всеми мирные договоры, Мехмед поклялся и послам Константина, императора Византии, что не собирается нападать на их страну, и даже принес клятву на Коране. Сын Сулеймана Орхан в то время находился в Византии как заложник, Мехмед подтвердил, что будет и дальше выплачивать деньги на его содержание. Но денег платить не стал, и, когда Орхан потребовал должного, пригрозив вспомнить свои права на трон, Мехмед воспользовался этим, объявив Византии войну. В Константинополе жило много турок; византийскому правительству, начиная уже с 1396 года, пришлось разрешить постройку мусульманских мечетей рядом с православными храмами.

Византия к тому времени обладала лишь минимумом территории (во власти византийского императора была только небольшая полоса земли по берегу Босфора) и войском всего в шесть тысяч человек. Правда, выгодное географическое положение и сильные оборонительные укрепления позволяли ей до этого времени оставаться независимой. Также мастерство греческих полководцев и их техника были, безусловно, лучше турецких. Подтверждением этого служит тот же Мурад II, который, преследуя братьев, не успел собрать большое войско и пришел, чтобы быть разбитым, всего с 20 тысячами. Но, заметьте, у Византии воинов было меньше, чем у противника, примерно в три раза.

Мехмед II не стал повторять ошибок предков и отправил в Константинополь войско из 250 000 человек и флот из 420 небольших парусных судов, которые блокировали вход в бухту Золотой Рог. Предварительные осадные работы он начал осенью 1452 года, приступив к строительству крепости в самом узком месте пролива Босфор, отрезав, тем самым, Константинополь от Черного моря. Византийские послы, прибывшие узнать о цели постройки, были отосланы без ответа, а посланные повторно были обезглавлены. В это же время турки вторглись в Пелопоннес и напали на братьев императора Константина, чтобы те не могли прийти на помощь столице.

В апреле 1453 османы приступили к осаде. Византийцы обратились за помощью к христианским державам, но Папа сказал, что таковая будет оказана лишь при обещании объединения церквей. Понятно, что предложение было отвергнуто. Лишь Генуя выслала флот, десант которого удвоил силы осажденных.

Константинополь располагался на полуострове между Мраморным морем и заливом Золотой Рог. Кварталы, выходившие на воду, были прикрыты городскими стенами, со стороны суши город защищала стена с башнями. У крепостных стен, выходящих на Мраморное море, из-за быстрого течения высадиться было нельзя. Через вход в залив Золотой Рог была протянута цепь, один конец которой крепился к башне Евгения на северо-восточной оконечности полуострова, а другой – к башне квартала Пера, который был генуэзской колонией на северном берегу Золотого Рога. Эта цепь удерживала плоты, перегораживающие бухту, и войти в нее было невозможно. Византийский флот при этом мог совершать вылазки, а потом спокойно здесь ремонтировался.

По Западной границе города, от Мраморного моря до Золотого Рога, тянулись стены и ров шириной около 18 метров и весьма глубокий, с зубчатым бруствером по внутренней стороне. Между рвом и стеной был проход шириной около 14 метров, называемый Периволос. Первая стена была высотой более 7 метров и имела защитные башни на расстоянии от 50 до 100 метров одна от другой. За ней был еще один проход, так называемый Паратихион, шириной около 15 метров, и за ним стояла вторая стена, уже в 12 метров, башни на которой располагались в промежутках между башнями первой стены.

Посередине, между морем и бухтой, в город втекала через трубу река Ликос, лежащая в небольшой ложбине. Этот участок поэтому и считался наиболее уязвимым и назывался Месотихион. У бухты, в самой северной части города, находился квартал Влахерна, также весьма укрепленный, и его стены смыкались с крепостными. В крепостной стене было несколько ворот и потайных калиток.

Впрочем, то бедственное положение, в котором в последнее время находилась Византия, сказалось на качестве укреплений: стены оборонительных сооружений в нескольких местах осыпались, а местами очень сильно обветшали, что, впрочем, не сильно умаляло мощь всего оборонительного комплекса.

Начиная осаду, Мехмед послал в город парламентаров, предлагая горожанам сдаться и обещая населению жизнь и даже сохранение имущества. Но Константин

ответил, что готов выплачивать любую, даже непосильную дань и отдать любые территории, но город не сдаст.

Передовые отряды османов вышли к городу 2 апреля, и сразу же византийцы предприняли вылазку и убили нескольких человек. 5 апреля подошла основная часть армии, и греки в ответ разрушили мосты через ров, запечатали ворота и натянули цепь через Золотой Рог. 6 апреля Константинополь был полностью блокирован, и турки начали атаковать форты, стоявшие вне городских стен. Вскоре они были взяты, и османы, пленив оставшихся защитников, привели их к городским стенам и демонстративно посадили на кол.

9 апреля турецкий флот попробовал прорваться в Золотой Рог, но был отбит. 11 апреля турки сконцентрировали всю свою артиллерию у стены над Ликосом и начали бомбардировку, которая длилась 6 недель. Участвовали в осаде и две громадные пушки, делавшие в стенах большие разрушения, но после каждого выстрела они глубоко погружались в апрельскую грязь, и туркам не удавалось произвести из них более семи выстрелов в день.

18 апреля, после захода солнца, османы начали штурм стены над Ликосом, пытаясь поджечь деревянные укрепления и растащить бочки с землей, но атака была отбита даже без потерь.

Через пару дней к Константинополю подошли три генуэзские галеры, посланные Папой, с грузом продовольствия и оружия. Несмотря на активное препятствование турок, они сумели прорваться в Золотой Рог, и Мехмед II сместил своего адмирала Балтоглу и велел побить его палками.

21 апреля от последствий обстрела башня второй стены над Ликосом рухнула, превратив первую стену в руины. Но турецкое войско на штурм не пошло, так как Мехмед отсутствовал, отбив осматривать северный берег Золотого Рога. На следующий день османы, подведя под свои суда специальные телеги с коваными колесами и выложив досками некое подобие рельсов, сумели провезти 70 своих судов по суше, в обход цепи, в бухту Золотой Рог. После долгих споров, в ночь на 29 апреля, греки все же атаковали этот флот, но фортуна была не на их стороне. Утром турки на виду у защитников городских стен казнили захваченных моряков, а византийцы казнили в ответ на стенах ранее плененных турок.

В конце апреля турки построили через западную оконечность залива Золотой Рог понтонный мост из скрепленных попарно винных бочек и таким образом связали воедино все силы своего войска. В бухте, на плотках, турками была установлена артиллерия, и они начали обстреливать Влахернский квартал. Ядра бились о стену, не прибавляя оптимизма жителям города.

7 мая турки предприняли штурм города с западного направления, у Месотихиона, но греки не дали им пройти через пролом. Через неделю турки попытались войти в город через Влахернский квартал, но ночной штурм был снова отбит. Людей уже не хватало, и пришлось снимать для отражения атаки матросов с судов. Поняв, что стены уже частично разрушены, турки переключились на ров и начали его засыпать. Днем турки засыпали рвы, ночью греки извлекали оттуда землю.

Вскоре артиллерией была разрушена до основания еще одна из башен, и турки, поставив поверх рва осадную машину, попытались пройти в город. Бой, по словам очевидцев, был ужасен, но атака была отбита, а ночью греки сожгли одну осадную машину и кое-как восстановили башню.

16 мая турки стали вести подкоп в районе Влахерны, пытаясь отвлечь греков подходом своего флота к цепи, который происходил под вой труб и стук барабанов. Но работы были обнаружены, и греки начали вести контрподкопы, успешно взрывая и затапливая турецкие тоннели. Через пару дней турки изменили свою тактику: ко рву над Ликосом они подкатали огромную башню с деревянным каркасом и покрытием из верблюжьих и буйволиных шкур. Внутри башни работали землекопы,

засыпая ров, а с ее вершины велась оборонительная стрельба. Благодаря шкурам греческое оружие не могло сразить землекопов. Но ночью кто-то из греков подполз к башне и заложил под нее бочонок пороха. Взрыв похоронил землекопов и разрушил башню. Осажденные снова расчистили ров.

23 мая в очередном взорванном подкопе под Влахерной погибло много турок, и Мехмед отказался от этого способа осады. Но ночью произошло лунное затмение, что было воспринято жителями города как плохой знак, и придворные стали предлагать Константину тайно покинуть Константинополь и начать собирать силы за его границами. Он, понимая, что без него город точно падет, отказался и вступил в переговоры с турками, но Мехмед назначил такую дань, которую было невозможно выплатить. Тогда Мехмед предложил всем жителям покинуть город вместе с вещами, обещая им жизнь и свободу, но греки снова не согласились.

На совете, собранном 25 мая, Мехмед принял решение о штурме, хотя его генералы были категорически против: в последующие два дня турки усилили обстрел стен, специально подкатив пушки ближе, чтобы бить в упор. 28 мая, понедельник, был объявлен в турецком лагере выходным днем, чтобы дать солдатам набраться сил.

В ночь на 29 мая турки пошли в атаку по всей линии стены. В Константинополе все, кто мог держать оружие, заняли места на стенах. Первой волной турки пустили башибузуков, наемные отряды из славян, венгров и «джентльменов удачи» всех национальностей. Мехмед хотел, чтобы они ценой своих жизней измотали греков. Башибузуки были легко отбиты, лишь у Ликоса, в районе наиболее разрушенных стен, возникли некоторые проблемы. Через два часа башибузукам приказали отступить, снова заработала артиллерия, и прямо под огнем в атаку пошли регулярные турецкие войска Исхак-паши, опять по всей длине стены. Для того времени атака под огнем была в новинку, возможно, это даже был первый прецедент такого ведения боя.

Атака, хотя и с тяжелыми потерями со стороны греков, была отбита. О потерях турков, которые также были не маленькие, ввиду их подавляющего превосходства, нет смысла говорить.

Третью атаку начали янычары, и сам султан довел их до крепостного рва. Янычары наступали двумя отрядами: один пошел на Влахерну, второй – в пролом в районе Ликоса. В месте соединения стены Влахернского квартала с основной городской стеной янычары обнаружили тайную калитку Керпопорту и, убив сторожей, проникли через нее в город.

В районе Ликоса был ранен предводитель генуэзцев, его стали выносить с поля боя, и среди генуэзцев началась паника. В проломе остались только венецианцы и греки во главе с императором. Турки заметили начавшееся смятение в рядах противника, и отряд в 30 человек во главе с великаном Хасаном ворвался в город. Половина из них, включая Хасана, была тут же убита, но остальные сумели закрепиться, и за ними пошли новые и новые толпы янычар. Император Константин вместе с группой преданных сподвижников пошел в контратаку и в рукопашной схватке был убит.

Передовые турецкие отряды вскоре прорвались к воротам и начали их открывать изнутри, а среди осажденных возникла паника: кто-то пытался прорваться к кораблям, кто-то бежал сам не зная куда. Оборону держали лишь некоторые византийские отряды, каталонцы и турки принца Орхана. Но это было уже не на стенах, а на улицах Константинополя. Многие греки собрались у колонны Константина Великого, так как они слышали о пророчестве, которое гласило, что, как только турки дойдут сюда, с неба спустится архангел Гавриил и даст некоему человеку, стоящему у колонны, свой меч. При помощи этого воина будет одержана

победа, а этот человек вскоре станет новым царем. Пророчеству не суждено было сбыться.

Те, кто прорвался к судам, смогли отомкнуть цепь и уйти в море. Турки особо не препятствовали: это, во-первых, было отступление, а, во-вторых, корабли были в основном венецианские, и Мехмед не хотел портить отношения с дожем.

Бой в городе продолжался весь день, пленных турки взяли всего 500 человек, все остальные воины были убиты. Затем три дня длился грабеж великого города. Греческий историк Георгий Сфрандзи писал: «В некоторых местах, вследствие множества трупов, совершенно не было видно земли». И продолжал: «В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают их, тащат, обращают в рабство, разлучают и насильничают».

Особенно много жителей Константинополя было взято в плен или убито в храме Святой Софии, куда константинопольцы собрались, надеясь на чудо. Но турки, перерезав кучку защитников храма, ворвались и в Святую Софию. По словам очевидцев, турки гнали из Константинополя на рынки рабов десятки тысяч пленников. Только через три дня Мехмед II приказал прекратить грабеж и торжественно вступил в Константинополь под восторженные крики своих воинов. В знак победы над «неверными» он въехал на белом коне и в храм Святой Софии и, похвалив необычайную красоту здания, повелел превратить его в мечеть.

Тело Константина сумели опознать лишь по царским сапогам с орлами, и Мехмед приказал выставить голову Константина на ипподроме, а тело похоронить с царскими почестями.

Византийская империя прекратила свое существование, ее земли вошли в состав Османского государства. Султан даровал грекам права самоуправления с главой общины патриархом, который отчитывался лично перед султаном.

Крестовый поход Сигизмунда

Сигизмунд, сын Карла IV и Елизаветы Померанской, вел свой род из Люксембургского дома и был, в общем-то, вполне типичным его представителем: бегло говорил на шести языках, имел прекрасное образование, был весьма религиозен. После смерти отца в 1378 году он унаследовал маркграфство Бранденбург вместе с достоинством курфюрста. Вскоре венгерский король Людовик Великий, незадолго до своей смерти, благословил его помолвку со своей дочерью Марией, к которой после смерти отца перешла венгерская корона. Мать Марии, Елизавета, была объявлена регентшей, а Сигизмунд – хранителем королевства.

Но Елизавета и палатин Николай Гара не допускали Сигизмунда до управления, и он был вынужден, уехав из Венгрии в 1384-м и заложив свое курфюрство братьям, начать на эти деньги собирать армию. Одновременно появился еще один претендент на престол: неаполитанский король Карл III. Елизавете пришлось пойти на уступки, и в октябре 1385 года Сигизмунд был повенчан с Марией. Но в начале 1386-го Карл был убит, и распри возобновились. Приверженцы Карла напали на королеву и удавили Елизавету на глазах у дочери. Партия Елизаветы после этого стала на сторону Сигизмунда, и 31 марта 1387 года он стал королем. Странники неаполитанцев в союзе с князьями Боснии, Далмации и Крoации объявили ему

войну. Сестра Марии, Ядвига, королева Польши, и ее муж Владислав II Ягайло намеревались захватить венгерские княжества Галицию и Молдавию, а с востока Венгрию теснили турки.

Сигизмунд I. Гравюра из хроники Ганса фон Рихтенталя (1536)

В 1392 году Сигизмунд отправился с войском в Болгарию и отбил у турок Малый Никополь, но, узнав о приближении войска султана, быстро вернулся в Венгрию. После этого он отправил посольство во Францию, предлагая организовать новый Крестовый поход против мусульман. Идея была встречена с одобрением, и вскоре армия крестоносцев была собрана. Проблемы были примерно те же, что и в предыдущих походах: отсутствие дисциплины и наличие большого обоза, затрудняющего маневрирование.

Переправившись через Дунай, христиане вошли в Валахию и осадили Большой Никополь. Осадных машин, как обычно, не хватало, и осада затянулась. Баязед поспешил к Никополю, но крестоносцы узнали об этом в последний момент. 28 сентября произошла битва не слишком подготовленных христиан (к тому же до последнего момента споривших, кто должен стоять в порядке на почетных местах) с турками. Атаковали французы, и вскоре стоящие впереди отряды турок дрогнули и побежали. Крестоносцы пустились в преследование и оказались лицом к лицу с основной частью турецкой армии, ранее скрытой за холмом.

По самым умеренным подсчетам, в этой битве погибло не менее 12 тысяч христиан, а еще множество утонуло, когда, пытаясь скрыться от турок, они преодолевали Дунай. Сам Сигизмунд с трудом спасся, дойдя на большой лодке до устья Дуная, где его встретили венецианские корабли и доставили в Константинополь, откуда он переправился в Далмацию и достиг дома, где его ждала сильная смута, на успокоение которой ушло почти десятилетие.

Сигизмунд жалел о проваленном походе, и несколько раз отправлялся обращать язычников в христианство, но уже на территории Европы.

Фатих в южной Европе

После захвата Константинополя Мехмед II обрел прозвище Фатих – «Завоеватель» и стал присматриваться к южной Европе.

Но сначала он перевел столицу из Адрианополя в Константинополь, и город стали активно заселять турки. Христиан и иудеев Мехмед не преследовал, и последние даже бежали сюда во множестве из Европы. Единственными, кого Мехмед преследовал, и весьма жестоко, были шииты. В 1476 году Мехмед II даже издал свод законов, очень подробно регламентирующий права и обязанности правителей, духовенства, отношение к иноверцам и так далее. Мехмед планировал завоевания и, в конечном итоге, видел себя вождем мировой империи, и потому многие его законы носили весьма глобальный характер. Мехмед даже готовил администрацию

для территорий будущих завоеваний, и для подрастающей административной и военной верхушки были созданы дворцовые школы.

31 октября 1455 года войска Мехмеда заняли Новую Фокею. Богатые генуэзские купцы, владевшие там квасцовыми рудниками, были захвачены в плен, а население обложено поголовной податью. Сто самых красивых юношей и девушек были преподнесены в дар султану.

Затем наступила очередь Эноса – крупного торгового центра около устья Марицы. Жители, наученные чужим опытом, сдали город без сопротивления. Турецкий флот атаковал принадлежавшие Дорино острова – Имврос и Самофракию. На Имвресе, кстати, наместником Мехмед поставил известного историка Критовула. Но культурные предпочтения султана мы затронем чуть ниже.

Подобные завоевания островов были, скорее, исключениями: турецкий флот был пока что очень слаб, чтобы воевать с островными государствами, весьма богатыми и хорошо оснащенными. Мехмед старался покорять острова в основном дипломатией. Он, например, признал Гильельмо II, правителя Наксоса, герцогом Архипелага и подписал с ним договор, по которому Наксос должен был выплачивать ежегодную дань. Таким образом, одно из наиболее сильных государств Эгейского моря получило гарантии безопасности и даже прибыль, и потому Гильельмо на судьбы соседей взирал, как минимум, равнодушно. Но когда с теми было покончено, то и Наксосу пришлось признать турецкую власть.

Владевшие Родосом члены католического ордена госпитальеров отказались платить дань туркам, и Османская эскадра, посланная в 1455 году, не смогла заставить их это сделать. В следующий раз Мехмед атаковал орден лишь через 25 лет, в 1480 году. Османы высадились на острове, осадили крепость и начали обстреливать стены из пушек. Были собраны штурмовые машины, и 28 июля начался приступ. 40-тысячное мусульманское войско вошло на крепостные валы, госпитальеры были опрокинуты и почти побежали, но тут командующий штурмом адмирал Месих-паша объявил, что грабеж воспрещается, и вся колоссальная казна Ордена переходит султану. Натиск изумленных таким предательством турецких войск ослаб, и госпитальеры отбили приступ. Османами было потеряно 9000 убитыми и 14 000 ранеными. Потери были слишком велики, и осада была снята. Родосом Османская империя овладела лишь в 1522 году.

Завоевав уже Фракию и Македонию, Мехмед отправился в Сербию, но здесь знаменитый венгерский полководец Янош Хуньяди в 1454 году вынудил его сначала снять осаду Семендрии, а затем, в 1456-м, разбил при Белграде.

До смерти Хуньяди оставалось три года, и в 1459-м Сербия все равно оказалась в руках Мехмеда.

В 1460 году Мехмед занял Морею и посетил венецианские владения на Пелопоннесе, где его подобострастно встречали подданные Республики Святого Марка. Морейское государство перестало существовать, лишь неприступная крепость Монемихия не была взята.

В это же время в руки турок перешел и Трапезунд.

В 1462 году эскадра Мехмеда отправилась к острову Лесбос. Весь остров был ограблен, держалась лишь крепость. Но после обстрела, продолжавшегося на протяжении месяца, правитель Лесбоса Николо Гаттелузи сдался и поклялся султану, что всю жизнь был его верным слугой, и даже принял ислам. Но, несмотря на такие проявления лояльности, он был увезен в Стамбул, где затем брошен в тюрьму и задушен. Мехмед придавал этой победе большое значение и торжественно отпраздновал покорение острова.

В 1470 году Мехмед атаковал венецианскую колонию Негропонт на острове Эвбея. С материка был сооружен понтонный мост, и по нему турецкие войска переправились на остров. Венецианский флот не решился вмешаться, а с помощью

предателей Мехмед сумел вычислить слабые места крепости и взял ее без большого труда. Город защищали не только воины, но и все население, включая женщин, но все это было бесполезно. Негропонт был разграблен, а выжившие жители обращены в рабство.

В 1476 году была подчинена Валахия, сохранившая, правда, некую степень автономии, хотя и в пределах Турции. В 1479-м Мехмед вошел в Албанию и захватил большую часть ее территории. Длительная война с Венецией в 1479-м завершилась миром, и венецианцы получили право торговли в пределах всей Турецкой империи. Генуэзские колонии Крыма, вечного конкурента Венеции, вместе с Кафой (ныне Феодосия) вошли в Османскую империю.

Крымское ханство, предпочитавшее разбойничать в странах Восточной Европы, в 1475 году перешло под протекторат султана, что дополнительно усилило мощь татарских набегов.

В 1479 году Венеция признала потерю Негропонта и ряда других островных владений и крепостей на побережье в обмен на право торговли с османами. Только несколько островов, входивших ранее в состав Византийской империи, сумели сохранить полунезависимость до середины XVI столетия.

Болезнь Мехмеда

В тридцать лет Мехмед стал стремительно полнеть. Любитель роскошной и обильной пищи, султан становился все более и более тучным. Его здоровье, и так не слишком хорошее, было к этому времени окончательно подорвано. В 1479 году у сорокалетнего Мехмеда на ноге появилась опухоль, и даже прекрасные мусульманские врачи ничего не смогли с ней сделать. Через год здоровье султана еще более ухудшилось. Однако, не обращая внимания на уговоры врачей, в 1480 году Мехмед с войсками высадился в Южной Италии, где разорил город Отранто. Далее Мехмед нацеливался и на Рим.

Весной 1481 года он переправился со своей армией в Азию и начал продвижение в южном направлении. Подобно Тамерлану, он никогда не сообщал своим военачальникам, куда собирается отправиться с завоеванием. Возможно, он снова решил атаковать Родос или разобраться с Египтом: он давно смотрел с завистью на владения мамлюков. Но в пути у Мехмеда началось обострение колита, усилившее проявления подагры и артрита. Личный врач-перс дал султану лекарство, то ли оказавшееся неэффективным, то ли это вовсе было не лекарство, а чрезмерная доза опиума, выданная Мехмеду по приказанию его сына Баязеда. Но как бы то ни было, Мехмед Завоеватель скончался в возрасте сорока девяти лет 4 мая 1481 года, в час полуденной молитвы.

Похититель дынь и другие «милые» странности

Как было уже сказано, придя на престол, Мехмед II начал осуществлять свою власть с братоубийства. Но это, скорее, все-таки было в традициях Османской империи и даже в чем-то являлось суровой необходимостью, и по одному этому факту делать выводы о характере Мехмеда не стоит. Но простые бытовые истории, о которых рассказывали современники, приводили слушателей в состояние ступора.

Например, как-то Мехмед, весьма раздосадованный воровством из собственного сада и желавший разыскать злостного похитителя дынь, приказал (подозревая в этом рабов) распороть животы 14 подозреваемым, пока не нашел, по остаткам обеда, виновного. Когда же к нему приехал знаменитый итальянский художник Джентили Беллини, чтобы писать его портрет, и зашел разговор об анатомии и, в частности, о конвульсиях шейных позвонков, то султан продемонстрировал художнику анатомические подробности, приказав тут же отрубить рабу голову.

Впрочем, целый ряд османских писателей относился к этому бытовому садизму весьма мягко, говоря, что такие вещи можно простить ввиду несомненных военных и политических талантов Мехмеда; его заботе о внутреннем благоустройстве государства; массе построенных им школ, мечетей, приютов и даже целых городов; а также обширному покровительству наукам и поэзии. Ну, впрочем, российского читателя подобными жестокостями, наверное, не удивишь, как и оправданием тирана за строительство нескольких школ. Мехмет и в самом деле активно покровительствовал наукам, был весьма образован и, владея несколькими языками, в том числе и греческим, изучал математику и увлекался астрономией. Также он был большим поклонником философии, неплохо знал труды греческих философов и под руководством византийских ученых даже занимался составлением к ним комментариев. Султан очень любил поэзию, предпочитая всем остальным поэтам персов, щедро одаривая их и предоставляя им доходные и почетные места. Более того, султан даже сам писал стихи под псевдонимом Авни.

Утверждают, что он, подражая Гарун аль-Рашиду, а вернее, как мы уже знаем, всего лишь легенде о нем, любил переодеваться и бродить по трущобам города, никем не признанный, слушая разговоры горожан. Правда, порою его узнавали, но эту проблему решить было очень просто... Ну, вы поняли: в спутниках у Мехмеда всегда был палач.

ГЛАВА 23. ЗАКАТ ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

«Испанский сапог»: возникновение инквизиции

Последний оплот ислама в Европе, Гранада, сдалась 2 января 1492 года после восьмимесячной осады. Именно здесь впоследствии развернула свои знамена зловещая инквизиция.

Термин «инквизиция» произошел от латинского слова *inquisitio*, означающего «исследование», и был весьма распространен в правовой сфере, означая выяснение обстоятельств дела путем допросов, порою с применением силы. Но со временем это слово переключалось в церковный словарь, и под этим термином стали понимать духовные суды над теми, кого обвиняли в антихристианских ересях.

В 1184 году папа Луций III и император Фридрих I Барбаросса установили порядок розыска еретиков, методику разбирательства, обязав светские власти исполнять вынесенные епископами приговоры. В 1215 году Папа Иннокентий III на четвертом Латеранском соборе впервые заговорил об инквизиции как об учреждении.

Испанская инквизиция возникла в XIII веке, но в конце XV она словно обрела «второе дыхание». Преследование «подозрительных» христиан началось при Изабелле Кастильской и Фердинанде Католике, но вряд ли религиозный фанатизм можно назвать единственной причиной подобных процессов. Скорее всего, главной причиной преследований инакомыслящих было желание упрочить национальное единство и увеличить государственные доходы за счет конфискации имущества осужденных.

Главой реформированной инквизиции стал духовник Изабеллы, доминиканец Торквемада. В 1480 году в Севилье был учрежден первый трибунал, а к концу года по результатам многочисленных процессов казнили уже 298 еретиков. В 1484-м Торквемада провел в Севилье общий съезд всех членов испанских инквизиционных трибуналов, и был выработан кодекс, регулировавший процесс дознания.

В 1492 году Торквемада добился разрешения на изгнание из Испании всех евреев. Великий инквизитор умер в 1498-м, в период его правления с 1481 по 1498 год было сожжено на костре около 8800 человек, 90 тысяч подверглось конфискации имущества и церковным наказаниям, а 6500 скрылись от казни посредством бегства, внезапной смерти или самоубийства.

В 1502 году маврам, несмотря на обещание свободы совести (по условиям капитуляционного договора 1492 года), было предписано или креститься, или покинуть Испанию. Мечети были перестроены в христианские храмы. Часть мусульман покинула полуостров, но большинство крестилось, после чего их стали называть мориски. Однако, крестившись, многие продолжали исповедовать веру своих отцов, но уже втайне. Филипп II (1527 – 1598), яростный борец со всякими ересями, решил положить конец такому двуличию. В 1568 он издал указ о морисках, где потребовал множество регламентаций их быта. В частности, в указе было оглашено требование, чтобы женщины морисков не закрывали лицо на улице, чтобы мориски умели разговаривать на испанском (все мориски в течение трех лет были обязаны выучить испанский язык) и так далее. Возмущенные мориски подняли восстание. Бунт длился около двух лет, но в итоге был жестоко подавлен Филиппом путем массовых казней. После чего он приказал выслать всех морисков из страны. Мориски, занимавшиеся в основном товарным производством и торговлей и державшие основную часть этих отраслей на юге Испании, были частично переселены во внутренние районы страны, частично высланы.

Пытка водой. Факсимиле гравюры по дереву Дж. Дамудэра (1556)

Империя Великих Моголов: распад

Индия была разбита на множество мелких государств и ждала человека, который сможет объединить ее. Им стал Захиреддин Мухаммед Бабур (14 февраля 1483 – 26 декабря 1530), происходивший из рода Тимуридов. Впрочем, «моголы» – название европейское, бабуриды этого термина не употребляли, имея к монголам уже весьма малое отношение. Бабур считал себя турком, гордился этим, монгольского совершенно не знал, а записи вел на тюркском (джагатайском) языке.

Титулом у бабуридов также был не могол, а падишах, заимствованный ими у персов и принятый Бабуром в 1506 году вместо прежнего «султан». Но сын Бабура, Гумаюн, получив в наследство от отца империю от Ганга до Амударьи, не смог сохранить ее, и больше четверти века здесь правила афганская династия Шир Шаха, хотя и сохраняя номинального падишаха. Поэтому многие историки считают подлинным основателем империи сына Гумаюна Акбара (14 октября 1542 – 1605).

Акбар стал правителем в возрасте 14 лет, после смерти отца. Через четыре года он изгнал регента Байрам-хана, подавил объявшую страну смуту и приступил к объединению страны, пытаясь урезонить непокорных правителей северной Индии. Также стал Акбар осуществлять и внутренние реформы, снижая налоги и развивая культуру и науку. Акбар интересовался духовностью, при его дворце жили христианские миссионеры, с которыми он проводил время за долгими богословскими беседами. Акбар разрешил исповедовать любые религии и уничтожил налог на «немусульман». Но сам он выбрал так называемую «дин-и-илахи» («Божественную веру»), разработав ее вместе с ближайшим сподвижником, визирем Абу-аль-Фазилем, и называя себя ее Пророком и основателем новой церкви. Его вера представляла собой сочетание элементов индуизма, зороастризма, ислама и отчасти христианства.

В 1580 году крупные феодалы, недовольные религиозными реформами, подняли мятеж, и последние годы Акбар провел во дворце, окруженный недоброжелателями и интригами, исходящими в основном от его сына и наследника Селима. Когда отец умер, тот принял титул Джахангира (завоеватель мира), но, в отличие от отца, не проигравшего ни одного сражения, Селим все свое правление (1605 – 1627) провел в усмирении восстававших сыновей и оргиях. Османы отвоевали у него Кандагар.

Сын Селима, Джахан, восстававший в свое время против отца, но прощенный им, начал свое правление с умерщвления всех родственников – это не помешало ему остаться в летописях справедливым монархом, успешным завоевателем и строителем. Он покорил Декан, умелой экономической политикой обогатил страну, и роскошь его дворцов, по описаниям европейцев, не знала предела. Восседал он на троне, сделанном в виде павлина из драгоценных камней и стоившего шесть с половиной миллионов фунтов стерлингов. Сам он, несмотря на окружающую его роскошь, вел весьма скромную и аскетичную жизнь. Он прославился еще и тем, что построил легендарный Тадж Махал, усыпальницу для своей любимой жены, и еще ряд шедевров зодчества, строительство которых, по некоторым источникам, весьма разорительно сказалось на бюджете страны. Когда вспыхнуло народное недовольство, его сверг собственный сын, Аурангзеб (1618 – 1707), и заточил в

сокровищнице дворца, где Джахан, проведя восемь лет в заточении, в 1666 году умер.

Во времена правления Аурангзеба империя выросла до наибольших размеров за всю историю существования. Но он запомнился современникам тем, что отменил веротерпимость, снова ввел джизью, осквернил многие индуистские святилища, а популярный в Индии суфизм преследовал как ересь. Это привело страну на грань развала: в Декане вождь племени маратхов Сиваджи (1627 – 1680), индуист, провозгласил себя царем, и взять столицу маратхов смог только сын Сиваджи – Сибхаджи в 1701 году. В 1677 году от империи Моголов отложились раджпуты, а в 1680-м к ним присоединился и мятежный сын Аурангзеба – Акбар со своим отрядом. Маратхи, после жестокой партизанской войны, в 1705 году вернули себе царство, а Аурангзев, истощивший свои богатства в войнах, вскоре умер. Его потомки так и не смогли вывести страну из смуты: они были лишь марионетками, которых сажали на трон и убивали при неповиновении сначала министр Зульфикар Хан, а потом и вовсе два авантюриста, братья Саиды (Гуссейн и Абдалла), прозванные «делателями царей».

В 1720 году начался окончательный распад империи. Ее грабили и раздирали на части маратхи, персы, афганцы...

В 1761 – 1765 годах империя Моголов перестала существовать.

Египетские ночи

После окончания Реконкисты христианские лидеры Пиренейского полуострова стали пристально смотреть на противоположный берег Гибралтара – в страны Магриба. Близость их и богатство, а к тому же и выигранная Реконкиста разжигали аппетит. Атаки испанских и португальских мореплавателей на мусульманские владения становились все чаще и все масштабнее. Уже на рубеже XV – XVI веков христиане захватили целый ряд опорных пунктов в Африке. В конце XV века португальцы фактически контролировали все западное африканское побережье, и вскоре они начинают активную работоторговлю. Вслед за ними в Африку устремляются практически все основные европейские державы: Англия, Голландия, Франция... Мелкие арабские государства попали в зависимость от христиан. Постепенно они будут лишены многих основных источников дохода и возможности развиваться.

ГЛАВА 24. ОСМАНЫ

Последняя война Османской империи и Венеции

Султан Сулейман I Великолепный (правил в 1520 – 1566) договорился с Венецией и заключил с ней в 1521 году договор, признававший за венецианцами право торговли на турецкой территории и обещавший им безопасность. Сын и преемник Сулеймана Селим II (правил в 1566 – 1574) был, в отличие от отца, весьма слабым владыкой. Большой поклонник вина, целые дни он проводил в гареме. Но, однако, назначенный им великий визирь Мехмед Соколли был очень умелым руководителем и дипломатом. Он окончательно подчинил Порте Аравию, а затем потребовал от Венеции, в 1570 году, уступки Кипра. Началась война, которая длилась три года. Сначала османы потерпели тяжелое поражение в морской битве при Лепанто (1571), но, в итоге, все-таки захватили Кипр и, даже более, – заставили Венецию уплатить 300 тысяч дукатов военной контрибуции, а также выплатить дань за обладание островом Занте в размере 1500 дукатов. Вскоре султану подчинились империи Алжир и Триполи, а в 1574 году османы овладели Тунисом, отбив его у испанцев.

Соколли хотел увековечить свое правление двумя великими делами: соединить каналом Волгу и Дон и тем самым упрочить власть Османской империи в Крыму (и потом отбить у Москвы Астраханское ханство) и прорыть канал через Суэцкий перешеек. Однако ни один из этих пунктов он так и не смог выполнить.

При наследнике Селима Мураде III (1574 – 1595) Османская империя захватила весь Западный Иран и Кавказ. Сын Мурада Мехмед III (1595 – 1603) казнил при вступлении на престол 19 братьев, но вошел в историю под прозвищем Справедливый. Государством, впрочем, управлял не столько он, сколько его мать с помощью часто сменяющихся визирей (всего на этот пост за восемь лет царствования Мехмеда возводилось двенадцать человек). Османскую империю не раз потрясали народные волнения, вызванные тяжелым экономическим положением из-за войны с Австрией, которая началась еще в 1593 году при Мураде. Закончилась она в 1606 году, уже при следующем султани Ахмеди I (1603 – 1617). Ситваторокский мир, подписанный между Османской империей и Европой, не только не наложил на Австрию новой дани, но и освободил ее от старой подати. Правителем Трансильвании был назначен Стефан Бочкай, враждебный Австрии, – но это был последний большой успех Османской империи. С этих пор, если ее территория и расширялась, то весьма ненадолго.

В 1603 году началась война с Персией, и по мирному договору 1612 года турки потеряли Восточно-Грузинские земли, Восточную Армению, Ширван, Карабах, Азербайджан с Тавризом и еще ряд местностей.

Наследник Ахмеда I его брат Мустафа I (1617 – 1618) был ставленником янычар и начал преподносить им такие подарки, что уже через три месяца был объявлен умалишенным и заменен на сына Ахмеда Османа II (1618 – 1622). Осман попытался решить сразу две проблемы: разобраться с казаками, регулярно опустошающими владения империи на черноморском побережье, и усмирить янычар, столкнув их с казаками. Янычары с казаками не справились, и Осман попытался самостоятельно разогнать их, но был за это убит. Янычары вновь возвели на престол Мустафу I, но спустя несколько месяцев он был свергнут, а еще через несколько лет – отравлен.

Занявший трон младший брат Османа Мурад IV (1623 – 1640) прославился как весьма жестокий правитель (при нем было казнено двадцать пять тысяч человек) и

завоеватель. Он отвоевал у персов в войне 1623 – 1639 годов Тавриз и Багдад и сумел заключить выгодный мир с венецианцами.

Но при его брате и наследнике Ибрагиме (1640 – 1648) все достижения пошли прахом. Новый султан также был свергнут и задушен янычарами, а на престол сел семилетний сын Мехмеда IV (1648 – 1687). Фактически, это было подтверждением абсолютной власти янычаров, страна погрузилась в хаос. Венеция попыталась этим воспользоваться и нанесла империи сильный удар в Дарданеллах (1656), однако пока на могуществе империи это никак не сказалось.

«Священный союз»

В 1656 году пост великого визиря Османской империи захватил Мехмет Кепрюлю. Он сумел провести реформу в армии и нанес несколько чувствительных поражений врагам.

Через семь лет после начала его правления Австрия подписала невыгодный для нее мир в Васваре, в 1669 году османы завоевали Крит, а в 1672 году, по мирному договору в Бучаче, получили от Польши Подолию и часть Украины. Этот договор вызвал в Польше волнения, и война началась снова. В ней приняла участие и Россия. Ахмет-паша Кепрюлю во время этой войны умер, и через некоторое время был заключен мирный договор в Бахчисарае на 20 лет, который оставил западную часть Украины и Подолию у Османской империи.

Османе тут же начали войну с Австрией и даже 24 июля 1683 года осадили Вену. Вскоре польский король Ян Собеский подписал с Австрией «Священный союз», и 12 сентября, после победы поляков над османским войском, осада была снята. В 1684 году к «Священному союзу» примкнула Венеция.

Русско-турецкая война 1686-1700

При царице Софье, дочери русского царя Алексея Михайловича, которая была регентом при младших братьях Петре и Иване, Россия присоединилась к так называемому «Священному союзу» против Османской империи.

До этого у России был заключен с Османской империей Бахчисарайский мирный договор 1681 года, но крымские татары, нарушив его, в мае – июне 1682-го атаковали русские границы.

Переговоры со «Священным союзом» шли весьма долго, стороны хотели добиться друг от друга как можно больших уступок, и в итоге, после передачи Речью Посполитой за вознаграждение в 146 000 рублей Киева России, Софья согласилась в 1700 году разорвать мир с Османской империей и перейти от оборонительных действий к наступательным.

Османская империя впервые держала оборону на своей территории, и это совсем не устраивало ее население, испытывавшее на себе все тяготы военного быта. В 1686 году герцог Лотарингский взял Офен, а на следующий год великий визирь Сулейман-паша был разбит при Мохаче. Янычары подняли в Константинополе бунт, свергли Мехмеда IV и насильно возвели на престол его брата, Сулеймана III.

В 1687 году русские войска под началом князя Василия Голицына вместе с украинскими казаками под начальством гетмана Самойловича направились в Крым. Но во время их похода были подожжены степи, и недостаток фуража и воды заставил Голицына вернуться назад. Самойлович, изначально не сочувствовавший походу, был свергнут, а на его место был избран Иван Мазепа. Весной 1689 года Голицын вновь, на этот раз с 112-тысячным войском, отправился в Крым, выиграл одно сражение, но снова недостаток воды и болезнь заставили его вернуться.

Взошедший на трон Петр I в начале 1695 года предпринял поход на Азов. Часть войска под началом Бориса Петровича Шереметьева пошла к низовьям Днепра, где соединилась с полками Мазепы, а полки Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов и стрельцы (всего около 31 тысячи человек), под началом Автонома Головина, Лефорта и Гордона, отправились к Азову. Сам Петр был в этих полках в чине бомбардира. 29 июня полки осадили крепость Азов, но крепость получала припасы с моря, и Петр был вынужден снять осаду и вернуться ни с чем.

Петр Первый

Шереметьев и Мазепа взяли Газы-Кермен, Таган, а еще несколько небольших городов сдались сами. Петр понял, что война с Османской империей без флота невозможна, и сосредоточил все силы государства на строительстве судов. К апрелю следующего года были спущены на воду 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера, а в мае флот двинулся к Азову. Было перегорожено устье Дона, и Азов остался без защиты и припасов. 16 июня началась осада Азова, а 18 июля 1696 года османы сдали город, получив разрешение уйти из Азова в полном вооружении, с женами, детьми и всеми пожитками. После взятия Азов был дополнительно укреплен, его мечети обращены в церкви, а город заселили стрельцы и городовые казаки. Петр принял решение построить на берегу Азовского моря, на мысе Таганрог, гавань.

Вскоре Петр отправился в Голландию, пытаясь уговорить ее и Англию принять участие в войне с Османской империей, но понял, что эти державы не только не собираются воевать, но и хотят прекратить эту войну. Петр прибыл в Вену и попытался договориться с австрийским императором об условиях заключения мира с Османской империей, но, прервав переговоры, был вынужден вернуться в Москву из-за стрелецкого бунта. Между тем австрийцы в 1697 году одержали победу при Зенте, и в октябре 1698 года в Карловице был заключен мирный договор, по которому Австрия получила Венгрию и Трансильванию, Морея перешла к Венеции, Польша получила Подолию и Украину. Османская империя не получила ни дани, ни временной контрибуции, и стало ясно, что ее могуществу пришел конец.

Требования России об уступке Керчи и всех владений по берегу Азовского и Черного морей, находившихся в данный момент в руках русских, османами были отвергнуты, и с Россией было заключено перемирие на два года. Вскоре Россия начала новые переговоры с Османской империей, которые длились с ноября 1699 по июнь 1700 года. Заключенный 3 июля тридцатилетний мирный договор оставлял России Азов и построенные Петром города Таганрог, Павловский город и Мюс. Керчь осталась у турок.

После Карловицкого мира христианам в Сербии и Банате были прощены подати за год, и также издан ряд законов, ослабляющих притеснения христиан на территории Османской империи. Эти действия, равно как и проигрыш в войне, вызвали недовольство населения Османской империи.

Великая Северная война

Мустафу при поддержке влиятельных янычар на троне сменил его брат Ахмед III (правил в 1703 – 1730 годах). Но опыт неудачного правления предыдущих султанов его многому научил, и он начал свое царствование с ареста и казни множества видных янычар и назначения нового визиря, никак от них не зависящего, которого звали Дамад-Гассан паша. Тот усмирил восстания, охватившие империю, ввел льготы для иностранных купцов, которые уже не горели желанием ехать в империю, но был свергнут в результате дворцового заговора. После этого визири стали меняться с калейдоскопической быстротой; один, например, провел на почетной должности всего две недели.

В 1709 году в Османскую империю, в город Бендеры, бежал из-под Полтавы Карл XII, который после недолгих переговоров уговорил османов вновь начать войну с Россией. На некоторое время боевые действия с османской стороны ограничились набегом крымских татар на Украину. В июне 1711 года Петр с армией перешел границу Молдавии, но уже 20 июля 190 тысяч турок и крымских татар окружили 38-тысячную русскую армию у реки Прут. Петр заключил Прутский мирный договор, вернув Азов, – взамен на свободу для себя и для армии, – Османской империи. Мир, собственно, был заключен вследствие счастливой случайности: прорусская партия османов, желающих объединения с Россией против Австрии, возглавляемая визирем Балтаджой-Мехмедом, сумела продавить свободу и жизнь для Петра в обмен на малозначительный для османов Азов. Понятно, что для Османской империи гораздо выгоднее была бы смерть русского государя. Балтаджа был свергнут и сослан на Лемнос.

В июне 1713 года был заключен окончательный Андрианопольский мир, подтвердивший условия Прутского соглашения.

В 1714 – 1718 годах османцы продолжали ведение войн с Венецией и с Австрией. По Пассаровицкому миру Османская империя получила обратно Морею, но была вынуждена отдать Австрии Белград со значительной частью Сербии, Банат и часть Валахии.

В 1722 году, желая вознаградить себя за потери в Европе, турки вторглись в Персию, охваченную смутами, но весьма скоро проиграли несколько битв, и персы вошли на территорию Османской империи. Это вызвало восстание в Константинополе, и престол занял племянник Ахмеда, сын Мустафы II, Махмуд I. Махмуд I, правивший с 1730 по 1754 год, был образцом мягкости. Он всячески избегал казней и даже оставил в живых свергнутого султана и его сыновей. С Австрией был подписан в 1739 году Белградский мир (1739), по которому Османская империя завладела Сербией с Белградом и Орсовой.

Россия, в принципе, вела успешные боевые действия и выигрывала, но освободившаяся от бремени войны с Австрией Османская империя смогла собрать

силы, и было решено подписать мирный договор, по которому России из всех ее завоеваний оставался лишь Азов, с условием срытия укреплений.

Вслед за Махмудом I на трон сел его брат Осман III (который правил в 1754 – 1757 годах), а ему наследовал Мустафа III (правил в 1757 – 1774), сын Ахмеда III. И если годы правления первых двух упомянутых султанов прошли весьма мирно, то Мустафа решил возродить былой блеск Османской империи. Снова возникла идея прорытия каналов и завоевания новых территорий. Но, впрочем, Мустафа начал свое правление с открытия в Константинополе первой публичной библиотеки, нескольких больниц и школ. Прусским купцам было позволено свободно плавать в Османских водах, а в самой империи они отныне подчинялись только своему консулу. Это был весьма мощный шаг, выгодный как для Пруссии, так и для турок. Но, увы, вскоре реформы были прерваны: Мустафа был вынужден в 1768 году объявить войну России. Дело было так. В Польше случился разлад между шляхтой и королем Станиславом Августом Понятовским, креатурой России. Российские казаки, преследуя повстанцев, вошли в город Балта, находящийся на территории Османской империи, и якобы устроили там резню местного населения. Россия этот инцидент отрицала, но Мустафа все равно решился на объявление войны, соединившись с польскими повстанцами. Россию поддержала Великобритания, выслав своих советников. Польские повстанцы вскоре были разбиты войсками под управлением Александра Суворова, и его назначили руководить действиями против Турции. В 1773 и 1774 годах он выиграл несколько крупных сражений, а граф Алексей Орлов боевыми действиями на море подкрепил его успех.

Сила Османской империи была подорвана бунтами в Египте и Сирии, и османы были вынуждены в июле 1774 года подписать с Россией Кючук-Кайнарджийский мир, по которому Крымское ханство обрело независимость, но, по сути, стало российской колонией. Также России достались северное побережье Черного моря вместе с двумя важными портами и 4,5 миллиона рублей контрибуции. Это знаковое событие произошло уже при наследнике Мустафы, Абдул-Хамиде I, который правил с 1774 по 1789 год. Османская империя досталась ему в сложном положении: как уже было сказано, Северная Албания, которой управлял Махмуд, паша Скутариийский, восстала, а Египет под управлением Мухаммеда Али отказался платить дань. Также были волнения в Греции, багдадский наместник Ахмед-паша объявил независимость, также отложились Галилея с Акрой и греческие Янины. Положение империи было настолько плохо, что впервые она была вынуждена обратиться к населению за деньгами: это было некое подобие советских облигаций, только на гораздо более невыгодных для государства условиях. Несмотря на приложенные усилия, Абдул-Хамид так и не смог успокоить эти волнения, за исключением греческого, а вскоре началась новая война с Россией и Австрией (1787 – 1791), которая закончилась Ясским миром с Россией (1792), по которому та окончательно получила Крым и пространство между Бугом и Днестром.

Систовский мир, подписанный в 1791 году с Австрией, был более благоприятен: Австрия возвратила почти все полученные в ходе боевых действий территории. Мирный договор с Австрией был заключен уже при племяннике Абдул-Хамида, Селиме III, правившем с 1789 по 1807 год. Великим визирем при нем стал, с 1792 года, Кучук-Гуссейн-паша. С первых же дней своего правления Селим III начал пользоваться изрядной популярностью в народе. Начал он с реформ в областях торговли и образования. Продолжил реформой в армии, начав, в том числе, развивать артиллерию, качество которой не соответствовало требуемому уровню. Были приглашены французские военные консультанты, и во Франции же был заказан и новый флот. Но реформы довести до конца было трудно: сначала, в 1797 году, восстал виддинский паша Пасван-Оглу, который, в итоге, после длительной и

тяжелой войны получил пожизненные права на управление Виддинским пашалыком и фактически – после этого – откололся.

А в 1798 году на Египет и Сирию напал генерал Бонапарт.

Мухаммед Али

Когда в 1803 году Селим III отправил в Египет армию, пытаясь восстановить контроль над страной, то исход этой кампании оказался печальным: сам полководец вскоре был убит, а его место занял его подчиненный, Мухаммед Али. Он не стал воевать с египтянами, а, наоборот, при поддержке местной знати сам сел на египетский трон. Он пригласил к себе видных мамлюков на торжественный обед и всех умертвил, начав править страной единовластно.

Мухаммед Али родился, скорее всего, в албанской семье в турецкой (на тот момент) Македонии в 1769 году. Грамоту он выучил только после сорока лет, и тем удивительнее то, что он начал очень умело модернизировать Египет, ориентируясь на западные ценности. Он создал армию нового типа, вооружив ее современным оружием, затем поднял мощную хлопкообрабатывающую индустрию, которая притянула в страну иностранные инвестиции. Получили мощное развитие отрасли сахарной и стеклодувной промышленности. Деньги, идущие в бюджет, вкладывались в постройку школ и колледжей для поднятия общего уровня образования. Другое дело, что делалось это методами отнюдь не европейскими, а традиционно восточными. Школы, например, строили за счет общественных работ, на которых должен был трудиться каждый гражданин Египта. Бюджет страны поддерживался тем, что с целью его упрочения были конфискованы все богатства Египта, начиная с имущества мамлюков и заканчивая религиозными пожертвованиями. Египет стал мощнейшей страной, а Каир и Александрия стали при нем европейскими туристическими центрами. Сын Мухаммеда Али Ибрахим в 1832 году отправился на завоевание Константинополя (Мухаммед Али запросил у Константинополя права на управление Сирией, но ему было отказано), вошел в Анатолию и занял Конью, но получил от отца приказ вернуться.

Второй раз Мухаммед Али попытался подчинить себе Османскую империю в 1840 году, но тут вмешались западные державы, которым слабая империя Османов была выгоднее, нежели сильный Египет.

Всемогущий корсиканец

Будущий «покоритель мира» родился в 1769 году в городе Аяччо, на острове Корсика, который за год до этого был продан Италией Франции, после долгой войны за независимость. Отец Наполеона был адвокатом и секретарем корсиканского революционера Паскуале Паоли.

Наполеон поступил на военную службу в 1785 году в чине младшего лейтенанта артиллерии. В 1788 году, будучи уже в звании поручика, пытался записаться в волонтеры для участия в войне с Турцией в русскую армию, но руководящий набором генерал-поручик Заборовский ему отказал. В период Великой французской революции Бонапарт достиг чина сначала дивизионного генерала (и получил должность командующего военными силами тыла), а затем и командующего армией.

В ноябре 1799 года он совершил государственный переворот, став первым консулом, но фактически – властителем Франции. В 1804-м Наполеон провозгласил себя императором и повел Европейские завоевательные кампании.

Медальон с портретом Наполеона

В 1814 году войска антифранцузской коалиции вошли в Париж, и Наполеон I был вынужден отречься от престола, после чего был сослан на остров Эльба. Но в марте 1815-го (через легендарные «Сто дней») он снова занял престол, а после поражения при Ватерлоо вторично отрекся и был сослан на остров Святой Елены.

Египетские походы

23 февраля 1796 года Бонапарт стал командующим Итальянской армией, а в 1798 – 1801 годах по его инициативе и под непосредственным его руководством была совершена попытка завоевания Египта.

Англичане, все еще находившиеся с Францией в состоянии войны, в это время активно утверждали свое влияние в Азии и Северной Африке; и Франция, их основной враг, попыталась также занять достойные позиции в «новых землях». Выбор был невелик: или Индия, но туда слабый французский флот вряд ли бы смог доставить армию, либо Османская империя. Османы намекнули Франции, что благосклонно отнесутся к любым действиям против Египта, и вскоре экспедиционные французские войска были тайно сосредоточены в Тулоне, Генуе, Аяччо и Чивитавеккье, а 11 июня 1798 года их суда бросили якоря около острова Мальта, во владениях Мальтийского ордена. Орден был основан для борьбы с алжирскими пиратами и мусульманским флотом в целом. В это время он был союзником врагов Франции – Англии и России, а английский флот иногда использовал остров как свою временную базу. Французы попросили у ордена дать

им набрать питьевой воды. Всего было около четырехсот кораблей, и потому мальтийцы позволили набрать воду только одному. С французской стороны был выдвинут ультиматум, мальтийцы начали готовиться к обороне, затем французы высадились на остров, и орден сложил оружие.

Наполеон, оставив на острове двухтысячный гарнизон, двинулся в Египет. Нельсон, узнав о движении флота французов, отправился в Александрию, но обогнал их и, не обнаружив французского флота, пошел в Константинополь. Французов не было и там, и Нельсон стал прикрывать Дарданеллы, пока с торгового корабля ему не сообщили, что французы, пока он маневрировал, уже высадились и захватили Александрию.

Бонапарт начал высадку вечером 1 июля, а на следующий день город был уже захвачен. Флот остался охранять захваченный город, а армия двинулась на Каир. 21 июля французские войска встретились с египетским войском под управлением мамлюков Мурад-бея и Ибрагим-бея. В «Битве у Пирамид» французы с незначительными потерями разгромили войска мамлюков, а потом подавили разрозненное сопротивление в Нижнем Египте. После взятия Каира Наполеон отправил одну дивизию на завоевание Верхнего Египта, а сам постарался найти общий язык с местной знатью и вызвать симпатии у местного населения.

Вскоре Нельсон разбил французский флот при Абукире, но Египет к этому времени уже был под французским протекторатом. Но, как оказалось, французы сами загнали себя в ловушку: с одной стороны, англичане и турки вряд ли смогли бы их выбить отсюда, но и французы оказались лишены связи с родиной и поддержки.

Вскоре в Каире вспыхнуло восстание, и Наполеон, поняв, что его не подавить, в феврале 1799 года вошел в Сирию. Штурмом он взял Яффу, затем осадил Акру, но город не сдавался. 20 мая 1799 года Наполеон приказал отступить и двигаться к Абукиру, где расположилась армия турок. 25 июля туркам был нанесен мощный удар, но завоевание Египта не было продолжено: Наполеон получил известия о волнениях в стране и внешних угрозах и, оставив армию на генерала Клебера, 23 августа отбыл во Францию.

Франция не смогла удержаться в Египте при отсутствии флота и сложном международном положении и в 1800 году была вынуждена, после ряда успешных операций, вывести войска.

ГЛАВА 26. РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

На фронтах Грузии и Ирана

При Екатерине II Грузия стала вассалом России, а Александр I в 1801 – 1804 годах окончательно присоединил ее к империи. Это произошло в ходе ирано-

русской войны, которая началась после персидского вторжения в Грузию и разграбления Тифлиса в 1795 году. В мае 1796 года русские войска взяли Дербент и затем Баку, но вскоре император Павел приказал оставить Грузию и Иран, и боевые действия против иранской армии велись параллельно с войной против Турции.

Уже при Александре (в январе 1804 года) была взята Гянджа, и русские войска двинулись к Эривани – столице вассального Ирану ханства. В июне была разбита (у крепости Гумри) иранская кавалерия Сулейман-хана, а 2 июля у Эчмиадзинского монастыря было выиграно сражение у 20-тысячного войска во главе с сыном шаха Аббас-Мирзой.

16 июля русские осадили Эривань, и в этот же день Имеретия и Мингрелия были приняты в состав России. Спустя десять дней Аббас-Мирза попытался снять осаду с Эривани, но был разбит. Но вскоре осада с Эривани все равно была вынужденно снята: причинами для такого решения послужил недостаток пороха и продовольствия и также то, что иранцы разбили 2 сентября у Серали отряд Тифлисского полка.

Русская армия двинулась на Баку, но 20 февраля 1806 года бакинский хан Хусейн Кули-хан предательски убил во время переговоров генерала Цицианова, командующего армией. Возмущенная армия пошла на Баку, но ее атака была отражена. В Ширване, Шуше и Нухе после этого началось антирусское восстание, и на помощь повстанцам пошло двадцатитысячное войско Аббас-Мирзы. Генерал Небольсин разбил его в Ханашипском ущелье, а в октябре восстание было подавлено войсками сменившего Цицианова графа Гудовича. Дербент и Нуха вновь оказались в руках русских, и Баку 14 ноября был взят.

В 1807 году на иранском фронте наблюдалось затишье, и только в сентябре 1808 года Гудович начал наступление на Эривань. 29 ноября крепость была осаждена, но 10 декабря после неудачного штурма русским пришлось отступить. В сентябре следующего года иранцы взяли крепость Ленкорань.

Следующие годы в основном шла партизанская война, ведущаяся против русских азербайджанскими племенами и небольшими отрядами других мусульман Северного Кавказа. Но в конце июня 1810 года отряд полковника П. С. Котляревского захватил крепость Мигри и, выйдя на берег Аракса, разбил авангард армии Аббас-Мирзы. 18 сентября у крепости было разгромлено войско Исмаил-хана.

26 сентября отряд Котляревского нанес мощный удар по коннице Аббас-Мирзы и затем овладел турецкой крепостью Ахалкалаки.

1811 год прошел тихо, а в 1812-м, когда большинство русских войск было отвлечено на борьбу с Наполеоном, Аббас-Мирза захватил Ленкорань. Но после осенней серии боев в январе 1813 года Ленкорань была отбита. В ноябре 1813 года был подписан Гюлистанский мир, по которому к России отошли Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Талышское, Кубанское, Шекинское и Ширванское ханства.

Спустя 13 лет, в июле 1826 года, эриванский сардар вошел на русские земли, и 6 августа была осаждена крепость Шушу.

Началась новая ирано-русская война.

Главкомандующий на Кавказе генерал Ермолов выдвинул к крепости восьмитысячный отряд полковника В. Г. Мадатова, и 15 сентября 18-тысячная иранская армия отступила. 25 сентября Аббас-Мирза был разбит под Елизаветполем, и иранские войска стали отступать к границе.

19 октября была занята Старая Шемаха, 31 октября – Нуха, и на зиму боевые действия затихли. Но уже в апреле, под командованием Паскевича, они начались вновь. 25 апреля был взят Эчмиадзин, а 8 июля захвачена Нахичевань. 26 октября без боя пал Тавриз, где был пленен великий визирь Персии Аллаяр-хан. Начались

мирные переговоры, но в январе 1828 года шах приказал их прекратить. Русские войска возобновили наступление, заняв 27 января Урмию, а 6 февраля – Арде-биль. Вскоре весь Азербайджан оказался под российским контролем, и 22 февраля 1828 года был заключен Туркманчайский мир.

Он подтверждал территориальные приобретения России по Гюлистанскому мирному договору 1813 года, а также к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства. Россия получала эксклюзивное право держать военный флот на Каспийском море, а на Персию налагалась контрибуция в 20 миллионов рублей серебром. Плюс к этому русские купцы получили право свободной торговли на всей территории Ирана. Было обговорено и свободное переселение армян в Россию.

Потери русской армии в этой войне убитыми составили 1530 человек. О потерях Ирана достоверных данных нет, но, по разным оценкам, они превышают потери русских в несколько раз. Впрочем, боевые потери были меньше потерь от других причин: сказывался переменчивый климат, и от лихорадки с обеих сторон погибло больше, чем от пуль.

После 1829 года Иран стал полностью зависим от двух империй – Британской и Российской.

Крымская война

В 1853 – 1856 годах разразилась Крымская, или Восточная, война. России пришлось сражаться с коалицией Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинии за господство в бассейне Черного моря, на Кавказе и на Балканах.

Николай I, осознавая сложное положение Османской империи, которую атаковал Мухаммед Али, решил этим воспользоваться и разделить земли османов. Он предложил принять в этом участие Англии, но та отказалась. Проблема, впрочем, была не только в новых землях. Уже несколько десятилетий Россия и Франция не могли разделить храм Гроба Господня в Иерусалиме, апеллируя к разным договорам о его принадлежности, Османы же кивали и тем, и другим. С этого небольшого эпизода и начался конфликт. Николай I рассчитывал на поддержку Пруссии и Австрии, считая невозможным союз между Британией и Францией, но ошибся: усиление России не было нужно никому.

В 1853 году Россия потребовала от Порты разобраться с собственностью в Святой земле, а также предоставить ей право протекции над 12 миллионами христиан в Османской империи (то есть над третью ее населения). Узнав об этом, Англия и Франция выслали свои эскадры в Черное море. Порты уступила частично и права на протекцию не дала.

После этого Николай занял подчиненные султану дунайские княжества Молдавию и Валахию «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». В Вене тут же была созвана конференция дипломатических уполномоченных Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Итогом стала Венская нота, требовавшая от России вывести войска из Молдавии и Валахии, но позволяющая ей номинальное право защиты православных в Османской империи и такой же (номинальный) контроль над святыми местами.

В принципе, это был достойный компромисс, но он не понравился султану, который стал вносить в ноту изменения, на которые русский царь не мог согласиться. Султан, в частности, потребовал освободить свои земли в двухнедельный срок и после его истечения, 4 (16) октября 1853 года, объявил России войну. 20 октября (1 ноября) Россия также объявила Порте войну. В итоге, в Крыму высадился десантный корпус коалиции и после ряда боев занял Севастополь – главную базу российского Черноморского флота.

На кавказском фронте Россия нанесла ряд поражений туркам и захватила Карс. Но вскоре западные державы вынудили Россию начать переговоры о мире и подписать в 1856 году Парижский мирный договор, по которому Османской империи были отданы территории южной Бессарабии и устья реки Дунай, а Черное море было признано нейтральной территорией.

Завоевание Туркестана

После неудачной Крымской войны Россия решила продвигаться на юго-восток, ища новые рынки сбыта и сырья, а также желая потеснить непререкаемое английское господство в Азии. Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства находились в весьма сложном положении и вряд ли могли оказать сопротивление.

В мае 1864 года отряды полковников Н. А. Веревкина и М. Г. Черняева двинулись на Ташкент. Отряд Веревкина через две недели достиг крепости и города Туркестан, принадлежащего Кокандскому ханству. Местный бек отверг требование о капитуляции и бежал из города, но местные жители неожиданно оказали упорное сопротивление, несмотря на которое 12 июня крепость была взята.

Черняев в начале июня 1864 года занял Аулиэ-Ата, укрепление, расположенное на левом берегу реки Талас по дороге из Верного в Ташкент, 27 сентября он вошел в Чимкент и затем двинулся на Ташкент. Осада началась 2 октября, и практически сразу, буквально через два дня, полковник попробовал взять город штурмом. Население Ташкента составляло около ста тысяч, а крепостная стена – более 20 километров. Неудивительно, что штурм вышел неудачным, и Черняев вернулся в Чимкент.

В следующем году Черняев был произведен в генерал-майоры и назначен Туркестанским военным губернатором. В начале июня он занял позицию в девяти километрах от Ташкента, кокандский хан отправил на выручку осажденным мощное войско, но оно было разбито. Ташкентцы запросили помощи в Бухаре, и вскоре прибыл новый отряд. Он не стал выходить на открытый бой, а укрепился в городе. 14 июня 1865 года Черняев начал штурм города. С помощью артиллерии в стене была пробита дыра, и через несколько часов Ташкент пал.

В начале 1866 года бухарский эмир Сеид Музаффар при поддержке кокандского правителя Худояр-хана потребовал от России освободить Ташкент. Переговоры ни к чему не привели, и вновь начались новые боевые действия. В мае 1866 года бухарская армия была разгромлена при урочище Ирджар, 24 мая был взят расположенный на берегу реки Сырдарья город-крепость Ходжент. Осенью были взяты еще две крепости – Ура-Тюбе и Джизак. Джизакский и Ходжентский округа были после этого присоединены к России. Вскоре завоеванные территории были

объединены в Сырдарьинскую область, которая вместе с Семиреченской были соединены в Туркестанское генерал-губернаторство.

Весь 1867 год прошел практически без боев: обе стороны копили силы. Весной 1868 года российские войска в Туркестане насчитывали около 250 офицеров и 10,5 тысяч солдат, унтер-офицеров и казаков. Армия Бухарского эмира состояла из 15 тысяч человек, а кроме того, ее регулярно поддерживало местное ополчение. В апреле 1868 года эмир Сеид Музаффар провозгласил «газават» против русских. Но восточные союзники не спешили с помощью, а отряд афганских наемников Искандер-Ахмет-хана и вовсе покинул крепость Нурат и перешел на сторону русских войск.

Российские войска, численностью около 3,5 тысяч человек, 30 апреля выступили по Самаркандской дороге к реке Зеравшану. На подходе к реке авангард русских был атакован бухарской конницей. После контратаки конница была разбита, а после боя начали паническое отступление и все остальные находящиеся здесь бухарские части. Штурмовать Самарканд, к которому шел отряд, уже не понадобилось: представители мусульманского духовенства и администрации города уже утром пришли с просьбой принять город «в подданство Белого Царя». Вскоре сдались русским и окрестности Самарканда.

Русские войска пошли далее к Бухаре, занимая без особых потерь местные города и крепости. Однако активизировавшееся в противостоянии оккупантам местное население стало пытаться атаковать Самарканд, и бухарское ополчение начало подтягиваться к Зерабулакским высотам, расположенным в 12 километрах от Катта-Кургана. Общее количество собравшихся там ополченцев достигало 30 тысяч человек. Бухарское ополчение собиралось в Чилеке и в Кара-Тюбе, запланировав 1 июня одновременно напасть на русские войска с трех сторон и уничтожить их.

К. П. Кауфман, оставив Самарканд на небольшой гарнизон численностью около 500 человек, 30 мая вышел с основными силами к Катта-Кургану. Бухарская армия была разбита: «Около 4 тысяч трупов покрывало поле сражения, – писал А. Н. Куропаткин. – Все орудия были взяты. Регулярное войско эмира перестало существовать, и путь на Бухару был открыт...» Но на следующий день отряд из Шахрисабза занял Самарканд и при поддержке восставших горожан осадил цитадель, где укрылся русский гарнизон. Первый приступ был отбит, но осажденные несли значительные потери. Бой шел всю ночь, но наутро гарнизон смог отогнать бухарцев за пределы города. Людские потери были весьма тяжелыми. Руководитель обороны отправил к ушедшему войску 20 курьеров из местного населения. Все они были или перехвачены и убиты, либо сдались противнику сами. Добрался только один с запиской: «Мы окружены, штурмы непрерывны, потери большие, нужна помощь...» Тут же отряд направился в Самарканд. 7 июня в 11 часов он вступил в город, и узбеко-таджикские отряды покинули Самарканд практически без боя.

Присутствовавший здесь русский художник-баталист В. В. Верещагин посвятил этой осаде серию живописных картин.

10 июня в Самарканд прибыл представитель бухарского эмира, и 23 июня 1868 года был подписан мирный договор, по которому Бухара признала за Россией все ее завоевания с 1865 года, обязалась уплатить 500 тысяч рублей контрибуции и предоставляла русским купцам право свободной торговли.

Из захваченных в 1868 году территорий был образован Зеравшанский округ. Бухарский эмират попал в вассальную зависимость от России, а через пять лет под протекторат России попало еще и Хивинское ханство.

ГЛАВА 27. ДЖИХАД ШАМИЛЯ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кавказская война

Узел взаимоотношений России с народами Кавказа завязался весьма давно. Еще в 1561 году царь Иоанн Грозный вступил в брак с кабардинской княжной Марией Темрюковной, и это стало началом сближения России с Кавказом.

В 1582 году жители окрестностей Бештау, страдавшие от набегов татар, попросились «под руку» русского царя. Через четыре года кахетинский царь Александр II, атакуемый Шамхалом Тарковским, попросил царя Феодора дать ему русское подданство. Присягал России и Карталинский царь Георгий Симонович. Россия, впрочем, не в состоянии была тогда оказать существенной помощи закавказским единоверцам и ограничивалась ходатайством за них перед персидским шахом.

В Смутное время дипломатические сношения с Закавказьем прекратились и были возобновлены лишь при Петре I. Петр даже завоевал прикаспийские области, но скоро был вынужден вернуть их Персии. Границей обеих держав остался северо-восточный рукав Терека, так называемый старый Терек.

Анна Иоанновна трактатом 1739 года, заключенным с Портой, положила начало Кавказской линии: кабардинцы были признаны независимым народом и должны были служить «барьером между обеих держав». Но начавший как раз в это время распространяться на Кавказе ислам надолго разделил соседние народы. После первой турецкой войны, в 1783 году, царь Ираклий II был принят под покровительство России. В Грузии было решено держать два русских батальона и четыре орудия.

Осенью 1784 года был предпринят поход к селениям Джары и Белоканы, с целью урезонить лезгин, нападающих на Грузию. Через год Грузии стал угрожать аварский хан Омар, и Ираклий попросил у России помощи, но ему было отказано: в это время правительственные войска разбирались с появившимся в Чечне новым проповедником Священной войны – Мансуром.

Шейх Мансур

Шейх Мансур (от турецкого слова «победоносный»), настоящее имя которого было Ушурма, родился в 1765 году в селении Алды в Большой Чечне. Еще в детстве он начал изучать Коран под руководством дагестанского муллы, и ему начали являться откровения: он часто слышал мистические голоса, призывавшие его объединить горцев в единый народ для борьбы с «неверными», что на Кавказе значило «с Россией».

Уже в юном возрасте он начал проповедовать свое религиозное учение среди чеченцев, и в 1785 году в Алды начались вызванные им волнения. Своими главными целями Мансур называл борьбу с рабством, феодалами, кровной мстью и замену горских адатов на законы шариата. Россия выслала для ареста Мансура и его единомышленников отряд численностью в 2000 человек, вооруженных 2 орудиями, под руководством полковника Де Пиери. В начале июля 1785 года отряд подошел к Алды, начался бой, который закончился поражением для русских. Пиери погиб, а в числе плененных чеченцами воинов оказался его адъютант Багратион, позже прославившийся в войне 1812 года.

Обрадованный успехом, Мансур стал предпринимать наступательные операции против российских укреплений и станиц Кавказской линии, оборонительного рубежа, созданного против Турции и горцев. При нападении на Кизляр отряд Мансура был разбит в Малой Кабарде отрядом полковника Нагеля, но российские войска на Кавказской линии продолжали оставаться в состоянии боеготовности.

Движение Мансура быстро охватило весь Северный Кавказ, а вскоре к нему на помощь пришли турецкие войска. Началась Вторая турецкая война 1787 – 1791 годов, которая оказалась для России весьма тяжелой. Мансур совершил несколько неудачных походов и к 1790 году укрылся в занятой турецкими войсками Анапе. 22 июня 1791 года войсками генерала Гудовича Анапа была захвачена, и после неудачной попытки взорвать погреб с порохом раненого Шейха Мансура взяли в плен.

Его доставили в Царское Село, так как Екатерина желала посмотреть на знаменитого горца. Его водили около дворцовой колоннады взад и вперед, а двор смотрел на него из окон. После этого он был отправлен, по одним данным, в Шлиссельбургскую крепость, по другим – в Соловецкий монастырь, где и умер 13 апреля 1794 года.

По другой версии, также заслуживающей внимания, Мансуром себя называл итальянский авантюрист Джованни Батиста Бозетти. Уроженец Монферата, сын нотариуса, он получил в Италии медицинское образование, послужил в армии и даже состоял в доминиканском монашеском ордене. Страстно мечтая о приключениях, он уговорил настоятеля отправить его миссионером на Восток. Но уже в Венеции он был арестован, так как слишком усердно проповедовал против девиц легкого поведения и закончил проповедь дракой с сутенерами. Девицы, впрочем, утверждали, что он всего лишь не хотел оплатить полученные услуги. Впоследствии Бозетти удалось бежать из венецианской тюрьмы, но он снова был арестован на Кипре, уже за хулу на Пророка Мухаммеда. Бежал он и оттуда и, оказавшись в Багдаде, выучил на память весь Коран. Далее он отправился в Петербург, где предложил Потемкину план захвата Константинополя. Но тот не захотел связываться с подозрительным итальянцем, и Бозетти сначала отправился в Турцию, а оттуда, поняв, что турки недостаточно пассионарны, в Чечню.

В целом война, хотя и закончилась разгромом мусульман, но оставила под их владычеством Чечню, часть Дагестана и Черкесии. Война на Кавказе, если не считать не очень крупных сражений, затихла и возобновилась только с назначением туда генерала Ермолова.

Алексей Петрович Ермолов

Назначенный в 1816 году новым начальником всех войск в Грузии и на Кавказской линии Алексей Петрович Ермолов, оценив ситуацию, убедил государя в необходимости применения силы для решения кавказской проблемы. Он предложил занимать только те места, которые Россия в силах удержать, и не продвигаться дальше, пока не появится уверенность в спокойствии тыла.

Свои планы Ермолов начал воплощать в 1818 году, начал с Чечни, усилив Назрановский редут, находившийся на Сунже, и заложив в низовье этой реки крепость Грозную. Это заставило присмиреть местных чеченцев, которые хотя сами и не участвовали в набегах на линию, но частенько оказывали посильную помощь своим соплеменникам. В Дагестане в 1819 году была основана крепость Внезапная, которую тут же попытался осадить аварский хан, но потерпел неудачу.

Русские отряды в Чечне прорубили через лес просеку до аула Герменчука, считавшегося одним из главных разбойничьих притонов. Непокорные племена отходили от Сунжи все дальше в горы. В 1821 году была построена крепость Бурная и разбит аварский хан Ахмет, пытавшийся помешать ее строительству.

В 1823 году бухарец Хасс-Мохаммед принес на Кавказ персидское учение, ставшее известным как мюридизм. На самом деле за этим термином скрывался обыкновенный суфизм, но совмещенный с политической программой, которая состояла в Священной войне против неверных и построении исламского государства.

;Мюридизм стал стремительно распространяться по Кавказу.

Ермолов, в 1824 году, приказал Асланхану казикамухскому прекратить волнения, но главные проповедники мюридизма, Мулла-Магомет, а потом Кази-Мулла, продолжали возвещать близость газавата. В 1825 году произошло общее восстание Чечни, и 8 июля мусульмане захватили пост Амир-Аджи-Юрт, а 15 июля попытались взять укрепление Герзель-аул. На помощь Герзель-аулу пришел генерал Лисаневич и сумел отбить атаку, но уже на следующий день и он, и бывший при нем генерал Греков были убиты шахидом.

Кубань снова начала подвергаться замершим после прихода Ермолова набегам, и в 1826 году был совершен ряд экспедиций в Чечню, с вырубкою просек, прокладкой новых дорог и наказанием непокорных аулов. В 1827 году Ермолов оставил Кавказ.

Начало газавата

После окончания войн с Персией и Турцией у российских военных появились время и военные силы для наведения порядка на Кавказе, который уже весь был

захвачен фанатиками мюридизма. Многие укрепленные крепости пали. Кази-Мулла, преследуемый войсками, перенес свою резиденцию в малодоступное урочище Чумкесент. Армия попыталась выбить его войска из нескольких крепостей, но потерпела неудачу. Это сильно вдохновило мюридов, и Кази-Мулла разграбил Кизляр и даже пытался атаковать Дербент, но был вынужден отступить в Гимры. Новый начальник кавказского корпуса, барон Розен, в октябре 1832 года взял Гимры, но пленить Кази-Муллу не удалось: он погиб. Его преемником стал Гамзатбек, который через два года вторгся в Аварию, взял Хунзахом, но погиб во внутренней разборке с хунзахцами.

18 октября 1834 года аул Гоцатль, главная ставка мюридов, был взят и разорен. Пытаясь упрочить победу, барон Розен попробовал запереть на замок границу, благодаря открытости которой мюриды не только получали помощь от Турции, но и продавали туда рабов. Война казалась уже выигранной, но новым имамом был назначен Шамиль.

Имам Шамиль

Шамиль родился в селении Гимры около 1797 года. Обладатель блестящих способностей, он обучался у лучших преподавателей Дагестана грамматике, логике и риторике арабского языка. Услышав проповеди своего односельчанина, Кази-муллы, он скоро стал его верным учеником и ярким сторонником. Прошедший вместе с Кази-муллой все сражения и будучи вместе с ним осажден в 1832 году в башне близ селения Гимры, Шамиль сумел, хотя и был сильно ранен (сломаны рука, ребра, ключица, проколото легкое), вырваться из окружения.

Выздоровел он как раз ко времени убийства Гамзатбека и стал третьим имамом Чечни и Дагестана. Шамиль был превосходным полководцем: он 25 лет успешно сражался против количественно превосходивших его российских войск. Он, безусловно, обладал не только военным талантом, но и большими организаторскими способностями. Шамиль соединил под своей властью все чеченские и аваро-андоцезские джамааты и начал яростно истреблять языческие обычаи. Его время горцы даже называли «временем шариата», а его пленение – «падением шариата».

Стражу Шамиля, находившуюся при нем неотлучно, составляли 120 мюридов. Военную службу, по приказу Шамиля, были обязаны нести все мужчины, способные держать в руках оружие. Шамиль завел порядок полков в 1000 человек, делившихся на 2 пятисотенных, 10 сотенных и 100 отрядов по 10 человек, со своими командирами. Аулы, контролируемые правительственной армией, которые не могли предоставить ему людей, были обязаны снабжать армию Шамиля продовольствием, серой, селитрой и другими товарами. Всего же в мюридской армии было порядка 30 тысяч человек.

В 1842 – 1843 годах Шамиль даже завел себе артиллерию, частью набранную из трофейных пушек, а частично изготовленную на его собственном заводе в Ведено. Впрочем, из 50 отлитых там стволов оказались годными в дело чуть больше десятка.

Весь мусульманский Кавказ был обложен закятom – десятой частью дохода с хлеба, овец и денег – и хараджем – податью с горных пастбищ и с некоторых

селений. Точный доход Шамиля не известен, но это была весьма значительная сумма.

Северокавказский имамат просуществовал в общей сложности 30 лет. Помимо хорошо поставленного сбора налогов, там был свой диван, некое подобие парламента, система наказаний – от штрафа и знаков позора до смертной казни или ссылки в «аул без солнца» – Четль в горном Дагестане, система наград: в начале 1840-х годов появились даже медали, представлявшие собой серебряные или позолоченные бляхи различной формы, носившиеся на черкеске.

Необходимо отметить, что Шамиль немало внимания уделял и развитию образования, и по его приказу в каждом ауле должно было быть медресе.

В 1837 году на Кавказ прибыл император Николай I и остался весьма недоволен сложившимся положением. Барон Розен был снят, а его место занял генерал Головин. В следующем году на черноморском побережье были выстроены укрепления Навагинское, Вельяминовское и Тенгинское, а также начата крепость Новороссийская. В 1839 году начались активные боевые действия по вытеснению армии Шамиля в горы. Отряд под командованием генерала Граббе двинулся против главных сил Шамиля, укрепившихся у села Аргвани. Шамиль, потерпев поражение, был вынужден уйти в дагестанский аул Ахульго, который представлял собой труднодоступную горную крепость, стоявшую на склонах с крутизной до 50 градусов и высотой более 100 метров. Только с пятого раза и с большими потерями, составлявшими около двух с половиной тысяч воинов, крепость была взята, но Шамиль, сумев прорваться через окружение, ушел в Чечню. Там он через три года поднял новое восстание.

В начале февраля 1840 года горцы овладели причерноморским фортом Лазарев и истребили всех его защитников, 29 февраля ими было взято укрепление Вельяминовское, а 23 марта укрепление Михайловское. Остаток гарнизона Михайловского, поняв, что мюриды уже в крепости, взорвал пороховой погреб, погибнув вместе с захватчиками.

2 апреля Шамилем был взят Николаевский форт, но форты Навагинский и укрепления Абинского выстояли.

Русские войска занялись поголовным разоружением чеченцев, что вызвало крайнее озлобление населения и сыграло на руку Шамилю, который в это время завоевал Салатавию и вторгся в Аварию. К осени уже вся Чечня снова была на стороне Шамиля, и он распространил свои набеги до Терека и чуть не овладел Моздоком.

Весною 1842 года Шамиль безуспешно пытался взволновать южный Дагестан, а генерал Граббе попытался в это время овладеть резиденцией Шамиля, аулом Дарго. Поход оказался неудачным, и было потеряно около 60 офицеров и 1700 нижних чинов.

Военный министр Чернышев, будучи на Кавказе и увидев возвращение отряда Граббе, запретил на 1843 год любые наступательные экспедиции. Бездействие войск ободрило мюридов, и набеги участились. Связи между регионами Кавказа были практически прерваны, несколько укреплений пали.

В конце 1844 года был назначен новый главнокомандующий на Кавказе, граф М. С. Воронцов. В июне 1845-го он двинулся с большим отрядом в Андию и затем к резиденции Шамиля – Дарго. Дарго был взят, но потери превышали разумные пределы.

В Чечне началась массовая вырубка лесов, сопровождаемая постоянными стычками в разных местах региона.

Слухи, разнесшиеся в 1853 году о предстоящем разрыве отношений России с Турцией, вновь активизировали горцев, но пара набегов окончилась неудачами, и

энтузиазм пропал. Шамиль стал заставлять горцев воевать под угрозой жестоких наказаний.

В 1854 году начальник турецкой анатолийской армии предложил Шамилю двинуться на соединение с ним со стороны Дагестана, и в конце июня тот вошел в Кахетию, но, узнав о приближении русских войск, горцы обратились в бегство.

В начале 1855 года главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал Н. И. Муравьев, а весной 1856 года, после заключения мира с Турцией, было решено начать окончательное завоевание Кавказа.

Войска Шамиля стали вытесняться, и он сначала бежал в Аргунское ущелье, а потом в Ведень – свою новую резиденцию. Но 1 апреля 1859 года она была взята штурмом.

Шамиль двинулся за Андийское Койсу, Чечня была усмирена. Шамиль, поселившийся в ауле Карата, укрепил гору Килитль, а правый берег Андийского Койсу, против Конхидатля, покрыл сплошными каменными завалами, вверив их оборону своему сыну Кази-Магоме. Но ему во фланг вышел дагестанский отряд, и Шамиль бежал на гору Гуниб. С ним оставалось 332 фанатичных мюрида. В августе 1859 года Гуниб был осажден, и князь Барятинский, российский главнокомандующий, начал вести с Шамилем переговоры. 25 августа произошло взятие Гуниба и почетное пленение Шамиля.

В начале 1860 года в усмирённой, вроде бы, Чечне снова вспыхнуло восстание, подавление которого затянулось до конца следующего года.

Начало 1864 года также ознаменовалось новыми волнениями в Чечне, но они были быстро подавлены, и 21 мая 1864 года был отслужен благодарственный молебен по случаю окончания войны.

Шамиль же еще 3 сентября 1859 года был отправлен в Россию и лично встретился 15 сентября с Александром II в Чугуеве, а 22 сентября состоялась его встреча с генералом Ермоловым в Москве. Встречался он и с императрицей, находившейся в Царском Селе.

10 октября Шамиль прибыл на почетную ссылку в Калугу, а 5 января 1860 года к нему присоединилась его семья. В апреле 1861 года сын Шамиля Магомед-Шапи поступил на службу в Собственный Его Императорского Величества конвой.

Через шесть лет после начала ссылки (26 августа 1866 года) Шамиль принял присягу на верноподданство России. Через два года он переехал в Киев, а 12 мая 1869 года, получив личное разрешение от Александра, отбыл на паломничество в Мекку. 30 августа Александр II возвел Шамиля в потомственное дворянство.

4 февраля 1871 года Шамиль умер и был похоронен на кладбище Джаннат аль-Бакия в Медине.

ГЛАВА 28. ЧУЖИЕ ТРАДИЦИИ

Первая и вторая Балканские войны

9 октября 1912 года вспыхнула первая Балканская война. Балканский союз (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) пытался противостоять Османской империи и добиться создания национальных государств с преобладающим христианским населением. Болгария и Сербия, возглавлявшие Балканский союз, были намерены разделить между собой Македонию, а Болгария к тому же планировала, через присоединение Салоник и Западной Фракии, получить выход к Эгейскому морю. Сербия намечала совместно с Грецией разделить Албанию и выйти к Адриатическому морю.

Первая Балканская война началась с антитурецкого восстания в Албании и Македонии, начавшегося в августе 1912 года. Турция отказалась предоставить автономию Македонии и Фракии, а также остановить мобилизацию армии. Война была довольно масштабной, в ней участвовали значительные силы противников: со стороны союзников в ней было задействовано более миллиона человек, а со стороны империи – 420 тысяч человек.

Военные действия 9 октября 1912 года объявила Черногория. Болгария, Сербия и Греция вступили в войну через девять дней, 18 октября.

Силы Османской империи на этот момент составляли около 300 тысяч военнослужащих, но поскольку была возможна переброска подкреплений из Малой Азии, союзники стали пытаться разбить основные османские силы до прихода помощи. После нескольких мощных ударов союзникам удалось обратить восточную армию в паническое бегство. 26 октября было занято Скопье, 8 ноября завоёван Эпир и осаждена Янина, 9 ноября взяты Салоники. 17 – 18 ноября болгарские войска попытались взять штурмом Чаталджинские позиции западнее Стамбула, весьма укрепленные, но потерпели неудачу.

18 ноября был занят Битоль и практически уничтожена турецкая Западная армия. Октябрь и ноябрь стали месяцами завоевания господства греческого флота в Эгейском море, был блокирован выход из Дарданелл и заняты острова Хиос, Лесбос и некоторые другие.

28 ноября Албания объявила независимость.

Великие державы, понимая, что дележ земель происходит без них, попытались вмешаться. Россия, которой был нужен контроль черноморских побережий, предложила Болгарии свое посредничество в переговорах, если та остановит наступление. Австро-Венгрия, которой был невыгоден выход Сербии к Адриатическому морю, начала при поддержке Германии военные приготовления у ее границ. В итоге союзники, в частности Болгария и Сербия, были вынуждены в декабре 1912 года заключить с Османской империей мир. Но 23 января 1913 года младотурки сменили правительство, и пришедшие к власти новые руководители страны отказались принять условия мира.

3 февраля 1913 года война началась снова. Но Османская империя продолжала терпеть поражение за поражением: 6 марта 1913-го была потеряна Янина, 26 марта – Адрианополь (Эдирне), и в апреле 1913 года Порты была вынуждена снова подписать с союзниками (за исключением Черногории, продолжавшей осаду Шкодера) мир.

30 мая 1913 года был подписан окончательный договор в Лондоне, по которому Турция теряла все европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии. Черногория, под давлением европейских держав, была вынуждена снять осаду Шкодера.

Бывшие владения Османов были разделены между Грецией (часть Македонии и район Салоник), Сербией (часть Македонии и Косово), которая так и не получила

выхода к Адриатическому морю, и Болгарией (Фракия с Эгейским побережьем и часть Македонии). Была также признана и независимость Албании.

Вторая Балканская война

1 июня 1913 года Греция, недовольная разделом земель, и Сербия, так и не получившая выход к морю, заключили антиболгарский военный союз. Позже в него вступила Румыния, желающая получить часть болгарской Добруджи. Болгария же потребовала от бывших союзников вывести до сих пор находящиеся в Македонии сербские и греческие войска.

В ночь с 29 на 30 июня болгарская армия без объявления войны вошла в Македонию и атаковала позиции бывших союзников. Но уже через три дня греки и сербы перешли в контрнаступление, и болгары были разбиты на реке Брегалнице. 14 июля Румыния пересекла Дунай и двинулась к Софии. 12 июля войну Болгарии объявила Турция, и через десять дней турецкие войска заняли Адрианополь.

Несмотря на то что в Кресненском ущелье (Родопы) болгары сумели окружить 40-тысячную группировку греков, 29 июля Болгария капитулировала.

Итогом второй Балканской войны стал Бухарестский мир от 10 августа 1913 года, который признал потерю Болгарией всех ее приобретений в предыдущей войне. Также Сербии и Греции досталась почти вся Македония, а Румыния получила Южную Добруджу. Османы вернули себе часть западной Фракии с Адрианополем.

Египет уходит под британский протекторат

Правительство хедива Тевфика контролировалось Великобританией и Францией. Но национально-освободительное движение, возглавляемое полковником Ахмедом Ораби-пашой, переросло в итоге в революцию 1881 года.

Хотя англо-французская эскадра и прибыла к берегам Египта, Франция отвергла идею высадки. 11 июля 1882 года английские войска атаковали с моря Александрию, а 15 июля вошли в город. Началась англо-египетская война 1882 года.

13 сентября англичане в сражении при Эль-Кебуре разгромили силы Ораби-паши, а 14 сентября вошли в Каир. Ораби-пашу сослали на остров Цейлон, а Египет на целых полвека был превращен в колонию Великобритании. Англичане, взяв полностью под свой контроль финансы страны, сумели стабилизировать положение с накопившимися долгами, при них стали активно развиваться здравоохранение, сельское хозяйство и торговля.

С 1881 года в Судане, завоеванном Мухаммедом Али, развивалось антиегипетское восстание. В 1898-м англо-египетские вооруженные силы подавили его, и там было установлено совместное управление Англии и Египта. Но на

практике Судан перешел к англичанам. Под их протекторатом была реконструирована дамба в районе дельты Нила и сооружена Асуанская плотина. Объем внешней торговли Египта в это время утроился, а население страны выросло с 6,8 миллиона человек в 1883 до 12,3 миллиона в 1914 году.

В ноябре 1914-го Великобритания объявила войну Османской империи как союзнику Германии, а 18 декабря Египту был придан статус британского протектората. В Египте стали расти национальные движения, но ни по итогам первой мировой, ни на последующих мирных конференциях никто из европейских стран не обращал на это внимания.

Вскоре Лондон объявил о своем намерении предоставить Египту независимость в 1922 году, и хотя 22 февраля 1922-го Декларацией английского правительства протекторат был отменен, Великобритания оставила за собой право вмешиваться во внутренние дела Египта по вопросам обеспечения безопасности Суэцкого канала и коммуникаций, принадлежащих Британской империи, защиты иностранцев и национальных меньшинств, а также совместного управления Суданом.

15 марта 1922 года Ахмед Фуад I был объявлен султаном Египта.

Распад Османской империи

Распад великой империи, что характерно, произошел под аккомпанемент ура-патриотических лозунгов.

В конце XIX – начале XX века в Османской империи зародилось антиабсолютистское, буржуазно-помещичье националистическое движение младотурков. Первые тайные его группы возникли в Стамбуле в 1889 году в военных учебных заведениях. Их политической платформой была борьба за восстановление первой турецкой конституции 1876 года и свержение Абдул Гамида II. Несмотря на то, что весьма быстро, уже в 1892-м, последовали первые аресты и ссылки участников, движение стало развиваться. Турецкие эмигранты в Европе стали разрабатывать соответствующую их целям идеологию, и вскоре младотурки, назвавшие себя «Османское общество единения и прогресса», уже имели устав и программные установки. Суть, вкратце, сводилась к борьбе за прогресс страны, освобождение ее от экономической и политической зависимости от империалистических держав и обеспечение всем подданным равенства и свободы. Все это печаталось в издаваемых в Европе подпольных газетах и брошюрах, которые контрабандой провозились в империю и распространялись среди населения.

В 1896 – 1897 годах в Стамбуле снова были произведены аресты членов младотурецких групп, но, несмотря на репрессии, в феврале 1902 года в Париже состоялся первый конгресс младотурок. Впрочем, к единому мнению они так и не смогли прийти, и партия раскололась на «большевиков» («Общество прогресса и единения» под руководством Ахмеда Ризы), которые требовали жесткой централизованной власти и целостности империи, и «меньшевиков» («Общество личной инициативы и децентрализации» под руководством Сабахэддина), выступавших за децентрализацию административного управления.

Весной 1908 года в Македонии офицеры-младотурки подняли мятеж, и это стало началом переворота, вошедшего в историю под названием «младотурецкой

революции», по результатам которой монархия в империи стала носить декоративный характер. Придя к власти под лозунгами свободы, младотурки организовали партию «Единение и прогресс» и установили в стране жесткий диктаторский режим, вряд ли уступающий тирании Абдул Гамида II. В стране начала проводиться жесткая национальная политика по притеснению арабов, албанцев, греков и курдов. Ее финалом в 1915-м стал геноцид армянского населения (1,5 миллиона жертв).

Выступив в мировой войне на стороне кайзеровской Германии, младотурки привели Османскую империю осенью 1918-го к полному краху. Сирия и Ливан после войны перешли под контроль Франции; Палестина, Иордания и Ирак – Великобритании; а на западе Аравийского полуострова появились независимые государства – Хиджаз, Неджд, Асир и Йемен.

В Лозаннском договоре 1923 года были признаны новые границы Турции, 29 октября 1923-го была провозглашена Турецкая республика, а Мустафа Кемаль, принявший впоследствии фамилию Ататюрк (отец турок), стал ее первым президентом.

ГЛАВА 29. ФУНДАМЕНТ ВЕЛИКОГО БУДУЩЕГО

Создание Саудовской Аравии

Саудовскую Аравию называют Страной двух мечетей, имея в виду Мекку и Медину – два главных священных города ислама. Название страны происходит от имени правящей династии – династии Саудитов.

Страна занимает историческую часть Аравийского полуострова, которую обобщенно называют Хиджаз.

Основателями Саудовского государства считаются местный правитель Мухаммед ибн Сауд и исламский проповедник Мухаммед Абдель-Ваххаб, которые в 1744 году заключили союз с целью создания единого мощного государства, который и положил начало династии Саудов. В 1817-м османский султан, обеспокоенный усилением арабов, отправил на аравийский полуостров войска, и первое Саудовское государство просуществовало всего 73 года.

Но через 7 лет, в 1824 году, было основано Второе Саудовское государство со столицей в Эр-Рияде. Просуществовав 67 лет, оно было уничтожено давними врагами Саудов – династией Рашиди родом из Хаиля. Саудам пришлось бежать в Кувейт.

В 1902 году 22-летний Абдель Азиз из семьи Саудов захватил Эр-Рияд, убив губернатора из рода Рашиди. Но представители клана Рашиди договорились с Османской империей, и та в 1904-м ввела войска, которые на сей раз потерпели

поражение. В 1912-м Абдель Азиз присоединил к себе весь регион Неджд. В 1920 году, заручившись поддержкой англичан, он разбил Рашиди, а в 1925 году была захвачена Мекка.

10 января 1926 года Абдель Азиз аль-Сауд был провозглашен королем Хиджаза, и через несколько лет под его предводительством был захвачен почти весь Аравийский полуостров, а 23 сентября 1932-го Неджд и Хиджаз были объединены в одно государство, названное Саудовской Аравией. Абдель Азиз стал королем Саудовской Аравии.

В марте 1938 года в Саудовской Аравии были обнаружены нефтяные месторождения, но их разработка из-за начала Второй мировой войны началась лишь в 1946-м. К 1949 году Саудовская Аравия уже обладала мощной нефтяной индустрией.

Наследником Абделя Азиза стал его сын Сауд, который спровоцировал государственный переворот, и ему пришлось бежать в Европу. Королем стал его брат Фейсал, который внес огромный вклад в развитие страны. Он не только многократно увеличил объем нефтедобычи, но и сумел направить эти деньги на социальные реформы, на нужды простого народа и в развитие экономики страны. В 1973 году он спровоцировал общемировой нефтяной кризис, сняв саудовскую нефть со всех торговых площадок. Через два года он был застрелен племянником. Страну возглавил король Халид, и внешняя политика Саудовской Аравии стала более умеренной. Затем трон унаследовал его брат Фахд, а в 2005-м – Абдалла.

Саудовская Аравия является абсолютной монархией, и власть в ней передается по наследству. Конституцией страны служит Коран, а все законы основаны на шариате.

Все органы власти в Саудовской Аравии назначаются, но в 2005 году были проведены первые муниципальные выборы. Женщины и военнослужащие голосовать не могли. Избирался к тому же не весь состав местных законодательных собраний, а лишь половина, вторая половина назначалась правительством.

В качестве уголовного кодекса в королевстве действует шариат, и потому в мировых правозащитных организациях бытует точка зрения, что Саудовская Аравия одна из самых проблемных стран в области соблюдения прав человека. Здесь законом запрещены любые, устные или письменные, обсуждения государственного строя. За воровство, употребление наркотиков, алкоголя и за контрабанду – отрубает руки. Супружеская измена или внебрачные половые связи наказываются плетью. За такое преступление, как умышленное убийство, полагается высшая мера, как и за гомосексуализм. Высшая мера в Саудовской Аравии – обезглавливание. Кстати, сегодня это единственная страна в мире, где сохранилось такое наказание.

Саудовская Аравия занимает первое место в мире по добыче и экспорту нефти. 75 процентов доходов страна получает за счет экспорта «черного золота». Уровень жизни населения здесь весьма высокий.

Создание Израиля

Главным врагом мусульман стало государство Израиль (находящееся в их окружении), государство, основанное резолюцией ООН № 181 от 29 ноября 1947

года. Собственно, в этот достопамятный день и было решено разделить Палестину на два государства – еврейское и арабское. Иерусалим оставляли под контролем ООН.

14 мая 1948 года вспыхнула арабо-израильская война (в самом Израиле она называется «Война за независимость»). Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия, Ирак и Йемен напали на только что провозглашенный Израиль с целью уничтожения нового государства.

Благодаря поставкам оружия из СССР и Чехословакии, а также финансовой помощи еврейских организаций США уже в июне 1948 года Израиль смог начать контрнаступление. В итоге около половины территорий, выделенных под арабское государство, а также Западный Иерусалим оказались под контролем Израиля. С апреля по декабрь 1948-го около 720 тысяч арабов стали беженцами. Остальные арабские территории и Восточный Иерусалим оказались под контролем Иордании и Египта вплоть до Шестидневной войны.

Возмущенные войной жители Йемена, Египта, Ливии, Сирии и Ирака провели антиеврейские демонстрации и еврейские погромы. Около 800 тысяч евреев стали беженцами и переехали в Израиль.

До начала 1980-х годов арабские государства, кроме Египта, не признавали Израиль.

Суэцкий кризис

Суэцкий кризис, или вторая арабо-израильская война, связан с определением статуса Администрации Суэцкого канала.

В июле 1956 года правительство Египта национализировало Суэцкий канал, и его основные прежние владельцы – финансово-промышленные группы Великобритании и Франции – стали искать способы вернуть себе доход. К военной операции присоединился и Израиль, которого беспокоила направленность Насера на уничтожение нового государства.

29 октября 1956 года в рамках операции израильские войска атаковали позиции египетской армии на Синайском полуострове, а через день британские и французские вооруженные силы начали бомбардировку Египта. 5 ноября союзники высадились в районе Порт-Саида, а израильтяне в этот же день заняли Шарм-эль-Шейх, расположенный на южной оконечности полуострова.

СССР занял весьма активную позицию, поддерживая Египет; потребовали прекратить агрессию и Соединенные Штаты Америки, которым национализация также не была выгодна. 2 ноября 1956 года того же потребовала чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, обязавшая Великобританию и Францию вывести войска из Египта в декабре 1956-го, а Израиль – в марте 1957 года.

2 ноября 1956 года в район Суэцкого канала были введены миротворцы ООН, и это была первая подобная миротворческая акция.

Создание ОПЕК

Организация стран – экспортеров нефти, или сокращенно – ОПЕК (англ. The Organization of the Petroleum Exporting Countries), – картель, созданный державами с крупной нефтедобычей для поддержания стабильных цен на нефть.

ОПЕК была создана на конференции в Багдаде 10 – 14 сентября 1960 года, и в ее состав вошли Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла, которая являлась инициатором создания. Позже к ним присоединились Катар (1961), Индонезия (1962), Ливия (1962), Объединенные Арабские Эмираты (1967), Алжир (1969), Нигерия (1971), Эквадор (1973-1992, 2007), Габон (1975-1994), Ангола (2007).

Страны – члены ОПЕК контролируют около двух третей мировых запасов нефти, около 40 процентов от добычи и половину мирового экспорта черного золота.

Шестидневная война

Шестидневная война – война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с другой, шедшая шесть дней – с 5 по 10 июня 1967 года.

К лету 1967 года обстановка на Ближнем Востоке весьма накалилась. Египет добился вывода с территории Синайского полуострова войск ООН и заключил ряд военных альянсов с другими арабскими странами. Президент Египта Гамаль Абдель Насер обещал положить конец существованию Израиля. На Синайском полуострове, у границ Израиля, начали разворачиваться египетские войска. Палестинские террористические группировки, базирующиеся в арабских странах, стали переходить израильскую границу и наносить удары.

Но Израиль решил нанести решающий удар первым: рано утром 5 июня израильская авиация атаковала один сирийский, три иорданских и 11 египетских военных аэродромов. Этот удар вывел авиацию арабских стран из дальнейших боевых действий. Вслед за этим израильские танки и мотопехота перешли границу с Египтом и к вечеру продвинулись на десятки километров, захватив несколько городов. Бои также развернулись и в окрестностях Иерусалима: армия Израиля взяла под свой контроль стратегические позиции вокруг города.

Иордания обстреляла Тель-Авив из дальнобойной артиллерии, но это не принесло никакого эффекта.

На второй день израильская армия продвинулась еще глубже на территорию Египта, и Насер, чтобы сохранить хоть какие-то силы, отдал приказ начать общее отступление. Причем солдатам было рекомендовано бросать тяжелые вооружения, чтобы не замедлять ход. В египетских войсках началась паника, и ближе к ночи израильцы взяли Газу, а остатки египетской армии прижали к Суэцкому проливу.

Доминирующее положение позволило перебросить 55-ю парашютно-десантную бригаду Израиля с Синая к Иерусалиму, где шли бои против иорданцев.

Вечером 6 июня были взяты города Хеврон и Вифлеем. Сирийские войска попытались перейти в наступление в районе Голанских высот, но были разбиты.

В этот же день состоялась экстренная сессия Совета Безопасности ООН, где США предложили объявить перемирие и вернуть войска на довоенные позиции, но СССР, поддерживающий Египет, надеясь на то, что Насер сможет еще что-либо предпринять, отверг предложение.

На третий день израильтяне захватили город-порт Шарм эль-Шейх и вышли к Суэцкому проливу, разбив остатки египетской армии. Иорданские войска были выбиты из Иерихона, а Иерусалимский гарнизон капитулировал.

8 июня Каир стал просить мира, и было заключено соглашение о прекращении огня между Израилем и Египтом.

9 июня Насер выступил с телеобращением к населению о своей отставке. Но Национальная ассамблея страны отказалась ее принять.

Израильтяне, нейтрализовав египетскую и иорданскую армии, приступили к бомбардировкам Дамаска и сирийских военных позиций. Наземные войска Израиля перешли в наступление на Голанские высоты, которые спустя сутки были заняты, и затем приблизилась к Дамаску на расстояние в 60 километров. Остатки сирийской армии занимали оборону под городом. Но Израиль прекратил наступление, и вечером война была официально окончена. Израильские потери составили 776 военнослужащих. Союзники количества потерь не раскрыли, но, по некоторым данным, Египет потерял 11,5 тысячи, Иордания – около шести тысяч, а Сирия – около тысячи человек.

По итогам Шестидневной войны Израиль получил Иерусалим и территории, население которых до сих пор не может принять этого решения.

22 ноября Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242, требующую вывода «израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта».

С тех пор так ничего и не изменилось.

ГЛАВА 30. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА

Возникновение исламского фундаментализма

Исламский фундаментализм можно рассматривать как попытку очистить ислам от побочного влияния. Это политическое и религиозное движение появилось не в нашем веке, и трудно даже сказать, когда среди мусульман пошли разговоры о том, что это необходимо сделать. Исламский фундаментализм может привести к изменениям политического и социального строя, экономики государства, он также содержит свод юридических и нравственных норм, называемых шариатом.

Считается, что в наше время фундаментализм был возрожден в конце XIX века афганцем Джамал аль-Дином, который считал, что «разделение, которое произошло

в мусульманских странах, было следствием отказа их правителей от принципов ислама. Когда руководители мусульман вернуться к законам раннего мусульманства, они смогут стать сопоставимы с прежними халифами», и призывал к единому панисламскому государству.

После Второй мировой войны и краха колониализма мусульманские страны обнаружили, что пока не могут самостоятельно решить стоящие перед ними задачи. Появились организации недовольных, типа Хезболлах (Hizbollah), ХАМАС, FIS (Исламский Фронт Спасения), состоящие из молодых людей, желающих радикально улучшить жизнь в своих странах и видящих единственный выход только в возрождении исконного ислама. Но эти организации пользуются весьма неоднородной поддержкой в разных слоях общества, и к тому же многие из них ушли если и не в терроризм, то, по крайней мере, в экстремизм.

Исламская революция аятоллы Хомейни

Поворотной точкой в развитии исламского фундаментализма стал февраль 1979 года, год Иранской революции, которую возглавил Рухолла Мусави Хомейни (родился 17 мая 1900 года в городке Хомейн, ныне провинция Центральный Остан, Персия; умер 3 июня 1989 года в Тегеране).

Рухолла аль-Мусави аль-Хомейни родился в семье священнослужителя-шиита. Когда он был еще младенцем, его отец был убит наемником правившей шахской династии, а когда Хомейни исполнилось 15 лет, умерла его мать. Он учился в религиозных школах сначала в Араке, затем в Куме, и в возрасте 23 лет получил звание моджтахиды, дающего право преподавать.

Еще в молодости он увлекся политической борьбой против светского режима шахов династии Пехлеви и к середине 1930-х был лишен права читать лекции по исламскому праву и философии. Его преподавательская деятельность перешла в подполье, и он стал писать вероучительные книги.

Между тем, в 1941 году в Иране пришел к власти главный, пожалуй, враг Хомейни, последний иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви. За 38 лет его правление прерывалось лишь однажды, в 1953 году, когда он был вынужден покинуть страну из-за непримиримых противоречий с премьер-министром Мохаммедом Моссадыком. Тот национализировал нефтедобывающие компании, принадлежавшие, в основном, англичанам. США и Великобритания объявили бойкот иранской нефти, и вскоре, 19 августа 1953 года, произошел переворот, в результате которого Мосаддык был свергнут и помещен в тюрьму, а возвращенный на трон Пехлеви вновь приватизировал нефтяную промышленность.

Во внешней политике шах ориентировался на США, проводя радикальную вестернизацию Ирана. Любая оппозиция, как левая, так и фундаментальная, была запрещена и жестоко подавлялась. Главным врагом шаха, как уже сказано, был Хомейни. Его популярность среди народа Ирана была весьма высока, и в конце 1950-х он получил звание «аятоллы» – высший духовный титул в иранском исламе.

В 1962 году Хомейни организовал забастовку духовенства, вследствие которой правительство было вынуждено отказаться от законопроекта о региональных и местных обществах, в которых право голоса и право быть избранным должны были быть предоставлены женщинам и представителям религиозных меньшинств. В

январе 1963-го Хомейни призвал бойкотировать референдум по вопросам проведения реформ (так называемая «белая революция»), считая, что тот не соответствует исламским нормам и Конституции страны.

Страну охватили выступления в его поддержку, которые были подавлены полицией, а сам Хомейни 5 июня 1963 года был арестован. По Ирану прошла серия демонстраций и акций протеста, которые были разогнаны силами полиции, и при этом погибло, по официальной статистике, – 86 человек, и до 15 тысяч погибших по информации протестовавших. Хомейни был перемещен под домашний арест, но уже через 8 месяцев он вышел на свободу и продолжил антишахскую деятельность.

В октябре 1964-го Хомейни был вновь арестован и выслан в Турцию. На этот раз причиной высылки послужило его выступление против закона об особом статусе американских граждан в Иране. Уже из Турции Хомейни перебрался вначале в священный шиитский город Неджеф в Ираке, а в 1978-м уехал в Париж, откуда продолжал борьбу против режима. Книги и аудиокассеты с его выступлениями контрабандой переправлялись в Иран, где зачитывались в мечетях и распространялись среди населения.

Между тем, положение шаха становилось все более неустойчивым. Все: начиная с таких эпизодов, негативно сказывавшихся на его политическом имидже, как прием в 1971 году в честь 2500-летия персидской монархии (на котором зарубежным гостям было подано более тонны осетровой икры, когда Систан и Белуджистан стояли на пороге голода) и заканчивая нефтяным бумом, после кризиса 1973 года, за которым последовала небывалая инфляция, – все работало против шаха. К тому же в 1977 году, под давлением избранного в США президентом Джимми Картера, шах был вынужден выпустить из тюрем несколько сотен революционеров, которые развернули мощную антишахскую деятельность.

В 1978 году при невыясненных обстоятельствах погиб сын аятоллы Мустафа Хомейни. Официальной версией был сердечный приступ, но распространялись слухи, что он был убит. Затем в иранской прессе появилась оскорбительная статья в адрес самого Хомейни.

Непосредственным началом Исламской революции принято считать события января 1978 года в Куме, когда демонстрация студентов, направленная против клеветнической статьи о Хомейни, была расстреляна полицией. По официальным данным, во время разгона демонстрации два студента погибли (оппозиция говорила о 70 погибших). 18 февраля вспыхнул бунт в Тебризе, и снова были жертвы. 29 марта и 10 мая стали возникать волнения во всех крупных городах.

Пехлеви пообещал провести в июне свободные выборы и показательно расстрелял председателя САВАКа, руководителя спецслужбы «Иранская национальная организация сведений и безопасности». Также шах предпринял срочные антиинфляционные меры, но они привели лишь к массовым увольнениям. Начались массовые забастовки, и к ноябрю 1978 года экономика Ирана практически обрушилась.

2 декабря в Тегеране на демонстрацию с требованием сместить шаха пришло более двух миллионов человек. Режим Пехлеви смог продержаться чуть больше месяца, и в январе 1979 года шах с семьей покинул страну.

Премьер-министр Шапур Бахтияр распустил САВАК, освободил политических заключенных, разрешил демонстрации и пообещал в ближайшее время провести свободные выборы. Также он связался с Хомейни и попросил того вернуться для помощи в составлении новой конституции. 31 января 1979 года Хомейни вместе с группой своих сторонников вернулся в Иран. На улицы Тегерана вышли миллионы людей с портретами аятоллы и лозунгом: «Шах ушел, Имам пришел!»

Хомейни тут же отверг предложение Бахтияра о создании правительства «национального единства» и назначил 4 февраля нового премьер-министра, своего

сторонника Мехди Базаргана. Премьер не мог ничего противопоставить этому решению: армия и силы правопорядка массово переходили на сторону аятоллы.

9 февраля в аэропорту Тегерана произошла драка, начавшаяся с мелкого спора бой между «хомейнистами» и лояльными премьеру гвардейцами. Она перекинулась на улицы города, и народ пошел на штурм полицейских участков, военных частей... Высший военный совет 11 февраля был вынужден объявить о своем нейтралитете, что было равносильно признанию власти аятоллы. Бахтияр бежал во Францию и основал там Национальное движение сопротивления. Он был убит в 1991 году.

14 февраля партия Хомейни «Национальный фронт» сформировала свое правительство, и большинство участников референдума 31 мая поддержало создание Исламской Республики Иран. Была разработана и принята новая Конституция, предоставившая Хомейни верховную власть как «высшему духовному авторитету». В стране были введены законы шариата. Созданный Хомейни мощный репрессивный аппарат начал борьбу с левой оппозицией и организациями национальных меньшинств.

4 ноября 1979 года сторонники аятоллы захватили посольство США в Тегеране, требуя вернуть в страну бывшего шаха Ирана Мухаммеда Резу Пехлеви (нашедшего пристанище в Америке), для расправы над ним. 52 американских заложника, захваченных восставшими, были отпущены лишь через 444 дня, в январе 1981 года, спустя несколько минут после инаугурации нового президента США Рональда Рейгана, сменившего Джеймса Картера.

Поселившись в Куме, аятолла лично руководил политикой страны, назначая членов Совета по наблюдению за осуществлением конституции. Начавшаяся в 1980-м и длившаяся до 1988 года Ирано-Иракская война еще более сплотила приверженцев Хомейни, хотя Иран и вынужден был под давлением ООН согласиться с условиями мирного договора, максимально учитывавшего интересы Ирака.

14 февраля 1989 года аятолла Хомейни отдал приказ о физическом уничтожении писателя Салмана Рушди, автора книги «Сатанинские стихи», которая была сочтена оскорбительной для ислама.

3 июня 1989 года аятолла Хомейни скончался и был захоронен в мавзолее, расположенном в 8 километрах к югу от Тегерана.

СССР вводит войска в Афганистан

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что «наша» Афганская война (1979 – 1989) была всего лишь одним из эпизодов афганской гражданской войны, начавшейся после Апрельской или Саурской революции.

В апреле 1978 года был убит видный деятель афганской коммунистической партии, член фракции Парчам Мир Акбар Хайбер. Его похороны вылились в демонстрацию против режима президента Мухаммеда Дауда, так как коммунисты подозревали в причастности к убийству тайную полицию. В ночь на 26 апреля Дауд приказал арестовать марксистских лидеров: Тараки и Кармаль были отправлены в тюрьму, а через четыре часа к ним присоединили уже находившегося под домашним арестом Амина. Но он сумел передать преданным Народно-демократической партии

Афганистана воинским частям заготовленный еще в марте приказ о начале вооруженного восстания.

27 апреля 1978 года, около 10 часов утра, на улицы Кабула вышли танки, которые окружили президентский дворец. Там проходило заседание кабинета министров, и Дауд дал приказ выяснить, что происходит на площади. Командир танкового подразделения ответил, что это меры по усилению охраны президентского дворца, и этот ответ министров и президента устроил. Но уже через несколько часов подтянулись новые подразделения, дворец был окружен, и начался его обстрел. Вскоре по дворцу был нанесен авиационный удар. К Кабулу пыталась прорваться верная Дауду гвардия, но атаками с воздуха она была рассеяна. Весь день и всю ночь шла осада дворца, и утром он пал. Президент и вся его семья были убиты, а вечером 27 апреля по радио объявили о «Саурской революции».

Тараки и Кармаль, а также другие политзаключенные были освобождены, а Афганистан объявлен Демократической Республикой Афганистан. Главой государства и премьер-министром стал Нур Мохаммад Тараки, его заместителем – Бабрак Кармаль, а Хафизулла Амин – первым заместителем премьера и министром иностранных дел.

В книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал Ляховский отмечает: «Для советских представителей в Кабуле, а также для наших спецслужб военный переворот 27 апреля 1978-го явился как „гром среди ясного неба“, они попросту „проспали“ его. Руководители Народно-Демократической партии Афганистана скрывали от советской стороны свои планы по свержению Дауда и тем более не советовались по этим вопросам, так как были уверены, что в Москве негативно отнеслись бы к их намерениям».

В Афганистане начался первый этап гражданской войны, когда прокоммунистическое правительство пыталось побороть оппозицию, в основном исламскую. СССР решил поддержать демократический режим, опасаясь, что в свете событий в соседнем Иране Афганистан также может выбрать путь фундаментализма.

9 – 12 декабря 1979 года в Афганистан прибыл первый советский «мусульманский батальон». 25 декабря советская 40-я армия пересекла афганскую границу по понтонному мосту через реку Амударью. Амин выразил благодарность советскому руководству и дал приказ об оказании содействия вводимым войскам.

27 декабря произошел штурм дворца Амина, в ходе которого отряд группы «А» КГБ СССР («Альфа») провел операцию по уничтожению президента Афганистана Хафизуллы Амина в резиденции Тадж-бек. Это решение было принято главой КГБ Андроповым еще до ввода войск, а формальным предлогом послужило обвинение, что Амин якобы является агентом ЦРУ, хотя именно он настаивал на вводе советских войск.

Начался второй этап гражданской войны, в котором участвовал контингент советских войск. Помощь оппозиции оказывали объединенные силы США, Пакистана, Ирана, Китая и ряда других государств.

После вывода советских войск в 1989 году наступил третий этап гражданской войны, когда правительственная армия сражалась против вооруженной оппозиции, по-прежнему финансируемой из-за рубежа. В 1992-м начался очередной виток войны, ставший последствием конфликта между победившими группировками оппозиции. Сначала конфликт развивался между полевыми командирами, потом между коалицией полевых командиров, носившей название Северный Альянс, и движением религиозных фундаменталистов, известным как Талибан.

И пятый, на сегодняшний день последний этап ведет свой отсчет с начала военных действий США и их союзников по блоку НАТО при поддержке Северного Альянса против Талибана. Официальной причиной ввода войск НАТО послужили

результаты расследования терактов 11 сентября 2001 года в США, согласно которым Талибан был обвинен в укрывательстве террористов и пособничестве распространению фундаментализма.

ГЛАВА 31. НОВЫЕ ВОЙНЫ

Кризис в Персидском заливе

Война в Персидском заливе, длившаяся с 17 января до 28 февраля 1991 года между Ираком и многонациональными силами во главе с США, по мнению многих специалистов, знаменовала новую эпоху в военном искусстве. Союзники сражались за независимость Кувейта, оккупированного Ираком в августе 1990 года.

Ирак предъявил претензии на управление эмиратом, так как тот по иракской традиции считается бывшей частью Османской империи, а также обвинил Кувейт в воровстве нефти из приграничных месторождений. Плюс к этому было выдвинуто мало чем подкрепленное обвинение в участии Кувейта в некоем международном противоиракском заговоре.

Во второй половине 1989 года иракская пресса начала пропагандистскую кампанию против политики стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в ОПЕК, говоря, что ОПЕК не пошла на увеличение квоты Ирака и тем самым блокировала восстановление иракской экономики после недавней Ирано-Иракской войны, квалифицируя это как «экономическую войну».

Саддам Хусейн потребовал от Кувейта выплаты 2,4 миллиарда долларов, а затем и 10 миллиардов долларов за понесенные им экономические потери. Правительство Кувейта пообещало выделить Ираку заем в размере 9 миллиардов долларов и обсудить спорные вопросы, но, несмотря на предложенный компромисс, в ночь 2 августа 1990 года иракская армия вторглась в Кувейт. Несмотря на ожесточенное сопротивление слабо подготовленной кувейтской армии, к исходу дня Эль-Кувейт находился под контролем иракских сил.

Иракскому спецназу не удалось лишь захватить кувейтского эмира Ас-Сабаха: тот успел эвакуироваться в Саудовскую Аравию.

Уже 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой потребовал от Ирака немедленно вывести свои войска. Но в Кувейте было создано «временное правительство», которое обратилось к Ираку с просьбой включить Кувейт в свой состав. 8 августа было объявлено о присоединении части страны к иракской провинции Басра, а остальная территория была провозглашена 19-й провинцией Ирака.

На Ирак был наложен ряд санкций, но в ответ на это в Ираке были задержаны и фактически превращены в заложников подданные тех стран, которые приняли участие в санкциях.

Вскоре армия Ирака стала скапливаться у кувейтско-саудовской границы. Намерения Саддама были туманны, но было ясно, что армия Саудовской Аравии не сможет оказать сопротивление гораздо более мощной и профессиональной армии Ирака. Многие аналитики предположили, что если Саддам возьмет и Эмираты, то он сможет всему миру диктовать цены на нефть. США, уже давно объявившие Персидский залив зоной своих национальных интересов, предложили Саудовской Аравии разместить на ее территории свои воинские подразделения. Король Фейсал дал разрешение, и 7 августа в Саудовскую Аравию начали прибывать американские войска.

29 ноября 1990 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию, предоставляющую Ираку полтора месяца для вывода войск из Кувейта. Иначе государства – члены ООН, сотрудничающие с правительством Кувейта, будут уполномочены «использовать все необходимые средства, с тем чтобы поддержать и выполнить резолюцию». На самом деле коалиция Многонациональных Сил для освобождения Кувейта была уже сформирована. В нее вошли 42 страны, в том числе и мусульманские, такие как Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Египет, Катар, ОАЭ, Пакистан, Сирия, Турция и другие.

С 17 по 24 января коалиция нанесла массированные удары с воздуха, в которых было задействовано до 1000 самолетов. Ирак ответил ударом баллистических ракет по территории Израиля, который не принимал участия в войне, и сливом нефти в Персидский залив, что было расценено как «экологический терроризм».

С 24 по 28 февраля прошла наземная операция, завершившаяся освобождением Кувейта. Коалиция понесла незначительные потери в людской силе – менее 500 человек, и довольно значительные в боевой технике. Только США потеряли 40 самолетов (28 от действий противника) и 23 вертолета (в том числе 5 от действий противника).

Потери Ирака оценить сложно, никаких официальных данных Багдадом предоставлено не было, но, по разным подсчетам, Саддам потерял убитыми от 100 до 200 тысяч человек. Потери в технике также были весьма большие: было выведено из строя или захвачено 3700 танков и 2400 других единиц бронетехники, 2600 стволов артиллерии и 19 кораблей ВМС Ирака. В плен только к подразделениям США попало 71 204 иракских военнослужащих. Экономике страны был нанесен тяжелый удар.

Усама Бен Ладен и атака на ВТЦ

Террористический акт 11 сентября 2001 года, произошедший в Соединенных Штатах Америки, когда подверглись атаке Всемирный торговый Центр и Пентагон, по версиям некоторых аналитиков, лежит на исламистской террористической организации «Аль-Каида».

Четыре коммерческих авиалайнера, следующих в Калифорнию из аэропортов Логан, Даллас и Ньюарк, были примерно в одно и то же время в полете захвачены террористами, которые направили их на военные и гражданские объекты.

- Рейс 11 American Airlines, самолет Boeing 767-200, врезался в северную сторону северной башни ВТЦ (WTC 1) в 8:46:30, приблизительно на уровне 94 – 98 этажей.
- Рейс 175 United Airlines, самолет Boeing 767-200 врезался в южную сторону южной башни ВТЦ (WTC 2) в 9:02:59, приблизительно на уровне 78 – 85 этажей.
- Рейс 77 American Airlines, самолет Boeing 757-200, врезался в здание Пентагона в 9:37:46.
- Рейс 93 United Airlines, самолет Boeing 757-200 упал на поле в юго-западной части Пенсильвании, около города Шанксвилль в 10:03:11. Это примерно в 240 км к северу от Вашингтона. Падение стало результатом попытки экипажа и пассажиров вернуть контроль над лайнером.

Три здания Всемирного Торгового центра были разрушены. Южная башня обрушилась приблизительно в 9:59, после пожара, длившегося 56 минут, Северная – в 10:28, после пожара, который продолжался 102 минуты. Третье здание, башня WTC 7 обрушилась в 17:20 в результате пожара и повреждений, полученных в момент обрушения основных башен ВТЦ.

Жертвами терактов стали 2974 человека: 246 пассажиров и членов экипажей самолетов, 2603 в Нью-Йорке, в зданиях ВТЦ и на земле, 125 в здании Пентагона. 24 человека до сих пор считаются пропавшими без вести.

Взявшая ответственность за теракт организация «Аль-Каида», предтечей которой была организация «Мактаб аль-Хидадат», была основана через некоторое время после ввода советских войск в Афганистан. Ее основателем и руководителем считается Усама бен Ладен.

Усама родился в Джидде в 1957 году в семье йеменских крестьян, перебравшихся в Саудовскую Аравию. В годы нефтяного бума семья разбогатела, и сегодня ее активы оцениваются в несколько миллиардов долларов. Усама – семнадцатый ребенок из 52 детей от 20 жен строительного магната Мухаммеда бен Ладена (1908 – 1967) и единственный сын 10-й жены. Воспитанный в строгих правилах суннизма, Усама в возрасте 16 лет примкнул к фундаменталистской группировке. Затем некоторое время он служил в шариатской полиции королевства, а после гибели в авиакатастрофе отца стал одним из распорядителей «Саудовской группы бен Ладена», одной из крупнейших на Ближнем Востоке компаний. (Сегодня, например, эта компания контролирует от 17 до 48 процентов процветающей саудовской экономики в сферах строительства, нефтедобычи, судостроения и так далее.)

Закончив в 1979 году факультет экономики и менеджмента университета имени короля Абдель Азиза в Джидде, Усама начал карьеру в строительном бизнесе. Но после вторжения Советской Армии в Афганистан он присоединился к исламскому сопротивлению и прибыл в Афганистан в последние дни 1979 года. Вскоре он установил первые контакты с лидерами исламских группировок, оппозиционных правительству Кабула, и стал оказывать им финансовую помощь. Также он создал организацию по набору мусульманских добровольцев из арабских стран и оплачивал их проезд в Афганистан и подготовку в тренировочных лагерях. Также в 1984 году он создал совместно с Абдуллой Аззамом организацию «Мактаб аль-Хидадат», «Бюро услуг», для поддержки диверсионных акций против советских войск. По некоторым данным, Усама лично участвовал в качестве полевого командира, возглавлявшего отряд из двух тысяч человек, в операциях против советских войск.

В 1989 году, после вывода советских войск из Афганистана, Усама вернулся в Джидду, возглавив семейный бизнес, а его организация продолжила помогать оппозиционному движению в Саудовской Аравии и Йемене.

Во время иракской агрессии против Кувейта Усама предложил своей стране услуги своих моджахедов и собственный план обороны, но его услуги не понадобились. Но вскоре он обвинил правительство Саудовской Аравии в

пособничестве США, в 1991-м его выслали из страны, а в 1994-м лишили гражданства. Усама поселился в Судане. Начиная с 1989 года, он готовил здесь создание «Объединенного исламского государства», в которое должны были войти около 50 стран Азии, Африки и Европы. При поддержке американских специалистов, преследовавших собственные цели, он основал подпольную организацию «Аль-Каида», потомка «Бюро услуг».

В 1991-м, уже обосновавшись в Судане, он занялся здесь бизнесом, начав прокладывать шоссейные дороги, обеспечивая работой десятки тысяч суданцев и впервые соединив деревни и поселки страны со столицей Хартумом и Порт-Суданом. Помимо этого занимался он и фармакологией, построив в Хартуме крупнейший в Африке фармацевтический завод и исследовательский центр при нем. Еще одна сфера бизнеса, которую освоил Усама в Судане, – работоторговля, которая процветает здесь с давних времен.

Поняв, что с империей СССР покончено, Усама решил начать собственную войну против США. Он спонсировал борьбу сомалийских боевиков в 1993-м, организовавших взрывы посольств США в Кении и Танзании в 1998 году.

В 1996 году Усама выпустил фетву (то есть решение уважаемого человека, проистекающее из шариата), которая предписывала уничтожать американских военных в Саудовской Аравии и Сомали.

В мае того же года Судан выслал бен Ладена, и вскоре тот возник в горах Афганистана, где продолжил экстремистскую деятельность. В 1998 году получила распространение его вторая фетва, предписывавшая уничтожение американских гражданских лиц повсюду.

После проведенного американцами расследования событий 11 сентября и выдвижения обвинений «Аль-Каиде» были арестованы и допрошены только второстепенные лица этой организации. Усама продолжает скрываться, изредка выпуская в мир видеозаписи, и американцы до сих пор не выдвинули ему никаких официальных обвинений.

После 11 сентября

11 сентября повлекло за собой обширные политические последствия. Мы все слышали о волне поддержки американцев, прокатившейся по всему миру, но намного больший резонанс вызвала реакция простых палестинцев, видеозапись которой увидел весь мир – люди на улицах Палестины праздновали атаку 9/11. Мир снова разделился по оси координат на две половины: христиане и руководство многих мусульманских стран соболезновали Америке, многие же простые мусульмане праздновали гибель «неверных».

Крупнейшие мусульманские организации США, такие как «Исламское Общество Северной Америки», «Американский Мусульманский Альянс», «Совет Американских Мусульман», «Совет по Американско-Мусульманским Отношениям», «Исламский Круг Северной Америки» и «Шариатская Ассоциация Северной Америки», не только осудили теракты, но и призвали американских мусульман «помочь облегчить горе пострадавших людей и их семей». В дополнение к значительным денежным пожертвованиям, многие мусульмане сдавали кровь, организовывали приготовление пищи и предоставление жилья для пострадавших.

Вскоре после атаки власти США собрали и возглавили коалицию международных сил, целью которой было свержение режима талибов в Афганистане, где базировалась «Аль-Каида».

Пакистанские власти оказали США поддержку, предоставив коалиции свои военные аэродромы. Также в Пакистане было арестовано около 600 предполагаемых членов «Аль-Каиды», которые впоследствии были переданы в США. Во многих странах были заблокированы банковские счета подозрительных лиц, и правительства большинства европейских стран внесли в свои законодательства «антитеррористические» поправки.

Афганская и Иракская операции

Война в Афганистане началась в 2001 году и длится по настоящее время. С 1996-го Кабул и большая часть территории страны оказались под контролем движения Талибан. Уже тогда власти США просили выдать им Усаму бен Ладена, разыскиваемого после взрывов американских посольств в Кении и Танзании в 1998-м, но получили отказ.

После событий 11 сентября Джордж Буш выдвинул талибам ультиматум: в кратчайшие сроки выдать бен Ладена, а также все руководство «Аль-Каиды». Спустя десять дней талибы ответили категорическим отказом, заявив, что американцы не могут предоставить веских доказательств причастности «Аль-Каиды» к теракту.

На следующий день ОАЭ и Саудовская Аравия, два мировых государства, которые признавали режим Талибан, разорвали с Афганистаном дипломатические отношения.

Талибы несколько раз предлагали США судить бен Ладена в Афганистане в шариатском суде либо выдать его правосудию третьей страны, но те ответили отказом.

7 октября 2001 года началась военная операция против движения Талибан, которая ставила своей целью свержение режима талибов и установление в Афганистане демократического правления. Началось все как обычно с воздушного удара: базы талибов атаковали 40 самолетов, а с американских и британских кораблей было выпущено около 50 крылатых ракет. Бомбардировки различных объектов талибов продолжались около месяца. Была уничтожена система ПВО, а также вся имевшаяся у них авиация.

9 ноября 2001 года Северный Альянс провел первую с начала воздушной кампании наступательную операцию и взял город Мазари-Шариф. Неожиданно это стало серьезным ударом для режима: многие полевые командиры, поддерживавшие талибов, перешли на сторону Северного Альянса. 13 ноября талибы без боя оставили Кабул, и вскоре они контролировали только южную часть Афганистана и Кундуз на севере. Осада Кундуза началась 16 ноября, и через девять дней город был взят. К концу ноября под контролем талибов оставался лишь один крупный город – Кандагар, откуда и взял свое начало Талибан. Здесь находился и лидер движения мулла Омар.

25 ноября в Афганистане высадился первый крупный воинский контингент США – около 1000 морских пехотинцев (до этого здесь работали лишь сотрудники ЦРУ).

Южнее Кандагара была создана американская передовая оперативная база Кэмп-Рино. Уже на следующий день к ней выдвинулась колонна бронетехники талибов, но была уничтожена с воздуха. 7 декабря Кандагар пал. Часть боевиков бежала в соседний Пакистан, часть ушла в горы, включая и главу Талибана муллу Омара. Большинство талибов сдались в плен Северному Альянсу. Американцы отправились в горный район Тора-Бора на юго-востоке Афганистана, где располагался крупный пещерный комплекс, в котором мог скрываться Усама бен Ладен. Сражение за Тора-Бору продолжалось с 12 по 17 декабря, но, как выяснилось, бен Ладен успел покинуть пещеры накануне сражения.

Во главе Афганистана встал Хамид Карзай, назначенный главой переходной афганской администрации в декабре 2001 года и утвержденный временным президентом в июне 2002 года.

Но в 2003 году американцы, захватившие страну в несколько дней, ощутили на себе, что такое афганская партизанская война. Талибан стал собирать силы, используя для этого прославившуюся еще во время советско-афганской войны «племенную зону» на афгано-пакистанской границе. Этот район не контролировался пакистанскими властями, а попытка ввести в 2004 году сюда войска привела к вооруженному конфликту, продолжавшемуся два года.

Первым свидетельством возродившейся мощи талибов стал бой 27 января 2003 года. Затем прошла череда террористических акций в городах, которые проводили террористы-смертники.

В январе 2004 года была принята новая конституция Афганистана, а 9 октября прошли первые свободные президентские выборы в истории страны, на которых победил Хамид Карзай.

Несмотря на экономический рост, начавшийся в Афганистане благодаря поддержке коалиции, партизанская война не прекращается, и вряд ли в ближайшее время можно ожидать, что в ней появится очевидное преимущество одной из сторон.

Иракская война

Иракская война началась 20 марта 2003 года и длится по настоящее время. Формальным ее поводом послужила информация ЦРУ о наличии в Ираке запасов оружия массового поражения, так и не нашедшая впоследствии полноценного фактического подтверждения. Ряд аналитиков полагает, что целью этой военной операции было установление контроля США над нефтяными месторождениями Ирака.

После войны в Персидском заливе в Ирак прибыла Специальная комиссия ООН для надзора за ликвидацией иракского оружия массового поражения и прекращением программ по разработке химического, ядерного, бактериологического оружия и ракет большой дальности. Но в 1998 году она была вынуждена покинуть Ирак из-за отказа иракской стороны от дальнейшего сотрудничества.

После войны 1991 года были введены воздушные зоны, в которых запрещались полеты боевой авиации Ирака. Эти зоны были созданы на севере и юге страны для защиты соответственно курдов и шиитов, которые подвергались репрессиям. Зоны патрулировала американская и британская авиация. В январе 1993 года союзниками

были нанесены два ракетно-бомбовых удара по позициям иракских зенитно-ракетных комплексов на юге страны, представлявших угрозу для союзной авиации. А в декабре 1998 года, после отказа Ирака от сотрудничества с международными инспекторами, США и Великобритания провели операцию «Лис пустыни», еще один эпизод воздушной войны. После этого иракская система ПВО начала регулярно обстреливать американско-британские самолеты в неполетных зонах, что привело к ответным ударам. Это противостояние длилось с декабря 1998 по март 2003 года и особенно обострилось с середины 2002 года.

После того как талибы в Афганистане были разбиты, США начали присматриваться к положению в Ираке, и в течение лета-осени 2002 года ситуация вокруг возвращения инспекторов в Ирак приобрела черты американско-иракского кризиса. В ноябре 2002 года Саддам Хусейн дал согласие на возвращение международных инспекторов, и объединенная комиссия проводила поиск оружия массового поражения вплоть до начала Иракской войны. Но, как уже сказано выше, ничего так и не было найдено.

Военная операция «Иракская свобода» началась утром 20 марта 2003 года. Ошибочно ее называют «Шок и трепет», но это название всей военной доктрины, разработанной в 1996 году для «общения» с Ираком. Американцы изменили своему принципу ведения последних войн, и наземное наступление началось без проведения длительной воздушной кампании. Плацдармом для вторжения стал Кувейт, а планируемый дополнительно северный фронт развернуть не удалось из-за отказа Турции размещать войска на своей территории.

9 апреля был взят Багдад, а 15 апреля – Тикрит, и активная фаза боевых действий была завершена. За полтора месяца войны потери коалиции составили 172 человека погибшими, потери Ирака, по некоторым данным, составили 9200 военнослужащих и 7300 гражданских лиц.

По подсчетам главного экономиста Всемирного банка Джозефа Стиглица, первые 10 дней боевых действий обошлись США в 5 миллиардов долларов. Он также предполагает, что прямые и косвенные потери от этой войны составят 6 триллионов долларов, причем половина этой суммы легла на экономику США.

В конце апреля была создана Временная коалиционная администрация, и одним из ее первых шагов стал роспуск иракской армии и полиции. Вскоре в стране началась партизанская война, которая длится до сегодняшнего дня.

В конце 2003 года лидеры иракских шиитов, преследуемых при режиме Хусейна, потребовали провести всеобщие выборы и передать власть избранному правительству. Они рассчитывали получить в свои руки власть в стране, ранее находившуюся у суннитского меньшинства. Но временная коалиционная администрация планировала уступить место специально сформированному переходному правительству, которое должно было управлять Ираком до будущих выборов, и шиитам было отказано, что вызвало новый виток напряженности и вспышку партизанской войны, уже с шиитской стороны.

30 января 2005 года, впервые за полвека, в Ираке состоялись многопартийные парламентские выборы, и победу на них одержал шиитский Объединенный Иракский Альянс, набравший 48 процентов голосов. В апреле было сформировано Переходное правительство, но в процессе разработки новой конституции обострились противоречия между политическими партиями шиитов и курдов с одной стороны и суннитов с другой. Но конституция все же была принята, и 15 декабря состоялись новые парламентские выборы, в которых победу вновь одержал Объединенный Иракский Альянс, получивший 128 мест в Национальном собрании. Сунниты получили 58 мест, а курды – 53.

22 февраля неизвестные взорвали одну из главных шиитских святынь, мечеть Аль-Аскария в Самарре. Страну захлестнула волна насилия на межрелигиозной

почве. Взрывались шиитские и суннитские мечети, постоянно происходили убийства «еретиков», и в Ираке фактически началась гражданская война.

20 мая премьер-министром страны стал Нури Малики.

В октябре 2005 года состоялся суд над Саддамом Хусейном, которого обвиняли в массовом убийстве шиитов в деревне аль-Дуджейль в 1982 году. Отдельный суд был проведен по делу о кампании аль-Анфаль против курдов. Хусейн был приговорен к смертной казни и 30 декабря повешен.

Партизанская война в Ираке то затихает, то вспыхивает вновь, несмотря на все усилия коалиции. Сколько будет еще продолжаться это противостояние, предположить сложно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кто бы мог подумать, что давно оставшееся в анналах истории мировое противостояние «христиане против мусульман» вспыхнет вновь уже в XXI веке. Первым, кстати, предсказал это, еще в начале 90-х годов XX века, американский исследователь Самьюэл Хантингтон. Не слишком многие серьезно отнеслись к его пророчеству о том, что после падения коммунизма и завершения противостояния двух великих держав мир разделится по новой оси координат. Но, тем не менее, похоже, что его предсказание оправдалось. И что бы ни происходило сейчас, можно быть уверенным, что это только начало грандиозных геополитических процессов. Пусть прогноз этот слишком мрачен, но, как показывает практика, именно самые мрачные прогнозы имеют обыкновение сбываться.

Естественно, любой человек, интересующийся историей великой исламской цивилизации, задастся вопросом: что же происходит в нашем многополярном мире сегодня? Что будет дальше? Когда начался новый виток противостояния? Почему европейские ценности вызывают у части мусульман такую агрессию?

Не стоит, естественно, говорить пока о глобальном противостоянии мусульман ценностям «христианского мира». Противостояние пока обостряется во многом благодаря лишь радикальной части мусульманского сообщества, очень часто стыкующейся с экстремистами и террористами. Обо всей мусульманской общине, как, впрочем, и об общине любой другой мировой религии, в этом случае разговор идти не может. Беда в том, что на стороне мусульманских экстремистов весьма часто выступает социальный и экономический фактор.

Чем лучше живет так называемый «золотой миллиард» (страны Европы, Северной Америки и некоторые страны Азии), тем более ущемленными чувствуют себя обитатели третьего мира.

Но, увы, как весьма часто это бывает, вопрос, который ставится этими странами, звучит не «что мы сделали не так?», а «кто виноват в наших бедах?». Понятно, что вторая постановка вопроса контрпродуктивна. Но, увы, она сегодня распространена в подавляющем большинстве стран, отстающих в своем экономическом развитии от «золотого миллиарда», вне зависимости от религии, исповедуемой основной массой населения.

Можно лишь предполагать, когда и почему произошел этот разрыв, который из сегодняшнего дня кажется столь необратимым. Как вы могли узнать из первых глав книги, наука и культура мусульман еще в том же, например, X веке значительно обгоняла культурные достижения Европы. Но уже в XIX веке преобладание христиан «по всем фронтам», особенно в области экономической и социальной политики, стало очевидным.

Некоторые видят корни экономического и социального падения арабов в монгольском нашествии. Стоит признать, что некое рациональное зерно в этой точке зрения присутствует, но не стоит забывать, например, о том, что персидская культура, – которую знает весь мир, и которая является одной из культурных вершин человечества, – родилась уже после монгольского нашествия.

Нет единства в озвучиваемых причинах даже и среди самих мусульман. Турки винят арабов, персы – арабов и турок, арабы – турок...

Причина, видимо, не в этом.

Даже сегодняшнее экономическое изобилие ряда мусульманских государств основано в основном на нефти, которая, собственно, начала добываться по западным технологиям, при помощи западных консультантов и, в итоге, в основном тому же Западу и продается. Что будет, когда она закончится, – предположить, с одной стороны, несложно, но с другой – это слишком мрачные прогнозы, которые даже не хочется озвучивать. А ведь природные ресурсы не бесконечны, и даты «окончания» добычи нефти различные ученые варьируют в пределах 20 – 50 лет.

Некоторые аналитики считают, что виновен в возникшем противостоянии Запад, который навязывал многим исламским странам чуждые им ценности. С этим тоже можно отчасти согласиться: влияние англо-французской колонизации было весьма велико. Условия существования многих народов в этот период, и в самом деле, развернулись в новом направлении, появилась другая политическая и экономическая культура. Другой вопрос в том, насколько чужда она мусульманскому духу? Тот же Наполеон вполне находил общий язык и с жителями мусульманских городов, и с кочевыми племенами. Отчего же не могут найти общий язык современные политики, как с этой, так и с другой стороны?

Да и вряд ли можно говорить о каком-то едином направлении развития исламских стран. В качестве иллюстрации можно вспомнить две державы: Турцию, выбравшую, условно говоря, западный путь демократии, и Иран,двигающийся путем исламского фундаментализма. Экономическое развитие обеих стран говорит само за себя.

Как будто бы в противовес былому навязыванию «белой» культуры мусульманам, сегодня уже мусульмане пытаются заставить Европу жить по своим правилам. Это и разрешение хиджабов в светских учебных заведениях, и запрет на иллюстрации к детским книгам о Мухаммаде, откуда, собственно, и вылился скандал с карикатурами на Пророка (к вполне лояльной детской книге ни один художник не захотел делать иллюстрации, все соглашались только на условиях анонимности). Между тем, в исламской традиции Пророк изображался неоднократно, порою с закрытым лицом, но и то не всегда. И в те годы никто не считал это кощунством.

Часть людей обвиняют в отсталости Востока сам ислам. Но стоит вспомнить, что он в Средние века давал гораздо большую свободу, чем, например, современное ему христианство. Многие научные открытия на Востоке были сделаны на сотни лет раньше, чем до этих же истин дошли на Западе. Так что, по всей видимости, и религиозные догматы здесь ни при чем.

В чем же дело?

По всей видимости, в совокупности факторов, которые необходимо преодолеть. Но сделать это и христиане, и мусульмане смогут, только объединив усилия.

Очередной небольшой шаг в этом направлении попытался сделать и автор этой книги.

Насколько он выполнил свою задачу – судить вам, уважаемый читатель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мусульманское летосчисление и основные праздники

Последовательный отсчет времени от выдающейся даты – летосчисление – у разных народов всегда был неодинаковым. В зависимости от политических и религиозных мотивов каждое государство или народ решали эту задачу автономно.

Например, римляне начали вести свой календарь с момента основания первого города империи; индийцы вели отсчет времен от времени вступления на трон «Великого Могола» Акбара (в 1550 году); на Руси до указа Петра I (20 декабря 1699 года) имело хождение византийское летосчисление со дня Сотворения мира, которое Петр заменил на принятие летосчисления от Рождества Христова, и т. д.

Исламский лунный календарь считается самым «молодым» из религиозных календарей. Летосчисление мусульман ведется от переселения («переселение» по-арабски «хиджра») Пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует!) из Мекки в Ясриб, названный позже Мединой. Это случилось в 622 году.

Каждый мусульманин считает обязательным следование Календарю хиджры и в этом видит проявление своей покорности и любви к Пророку.

Основу мусульманского календаря составляет лунный год, состоящий из 12 месяцев, причем из-за того, что один лунный месяц составляет 29 суток 12 часов и 44 минуты, обычный лунный год содержит 354 дня (точнее 354,367), а високосный – приблизительно 355 (дополнительный день добавляется к последнему месяцу). Поэтому даты лунного года относительно солнечного календаря перемещаются примерно на 11 – 12 дней вперед, и начало мусульманского года, как и даты мусульманских праздников, приходятся на разные дни солнечного года.

19 обычных лет и 11 високосных составляют один полный цикл – 30 лет.

Еще одно отличие мусульманского летосчисления в том, что мусульманский год не привязан к сезонам, месяцы могут приходиться на разные времена года.

Мусульмане называют солнечный календарь милади, и для того, чтобы переводить года из одного календаря в другой, существуют определенные формулы.

Чтобы перевести год по хиджры в милади, год хиджры умножается на 0,97, к полученному числу прибавляется 621,6 и получается год по солнечному календарю.

$1431 \times 0,97 = 1388,07 + 621,6 = 2009,67$ (или 2009 год).

Для того чтобы перевести год по солнечному исчислению в хиджру, от года по милади отнимается 621,6, к результату добавляется частное от деления этого числа на 32,5. Пример:

$2001 - 621,6 = 1379,4 + (1379,4 : 32,5) = 1421,84$ (или 1421 год).

Год по мусульманскому календарю начинается с месяца Мухаррам, а отсчет года начинается с первого числа месяца Мухаррам. Из-за того, что один лунный месяц состоит из 29 суток и нескольких часов, принято четные месяцы считать по 29 дней, а нечетные состоят из 30 дней.

Первый месяц – МУХАРРАМ (Muharram).

Второй месяц – САФАР (Safar).

Третий – РАБИ-УЛЬ-АВВАЛЬ (Rabi Al-Awal), или первый Раби.

Четвертый – РАБИ-УЛЬ-АХИР (Rabi Al-Akher), или второй Раби.

Пятый – ДЖУМАД-УЛЬ-АВВАЛЬ (Jumada Al-Awal (Jumada I)), или первая джумада.

Шестой – ДЖУМАД-УЛЬ-АХИР (Jumada Al-Akher (Jumada II)), или вторая джумада.

Седьмой – РАДЖАБ (Rajab).

Восьмой – ШААБАН (Sha"ban).

Девятый священный месяц – РАМАДАН (Ramadan) на персидском, или РАМАЗАН на тюркском.

Десятый – ШАВВАЛЬ (Shawal).

Одиннадцатый – ЗУЛЬ-КААДА (Zul-Qa"dah).

Двенадцатый – ЗУЛЬ-ХИДЖЖА (Zul-Hijjah).

К последнему месяцу в високосные годы прибавляется один день (30).

Так как Луна движется по очень сложной траектории, состоящей из 223 различных орбит в виде эллипсов с разными параметрами, то астрономическое новолуние не всегда означает начало одного из месяцев хиджры.

Сегодня существуют два мнения по поводу того, как определять начало лунного месяца: в некоторых мусульманских странах учитывают местную видимость Луны (начало месяца должно приходиться на тот день, когда после новолуния серп молодой луны становится видимым после захода Солнца), в то время как в других полагаются на свидетельства авторитетных людей.

Мусульмане, говоря о преимуществах своего календаря перед солнечным, обращают внимание на то, что лунный месяц – это естественный природный период, с которым связаны циклические изменения в природе.

С Луной связаны морские и океанские приливы, мощность которых увеличивается или уменьшается в зависимости от дня лунного месяца; состояние магнитного поля Земли; в организме растений, животных и человека тоже происходят изменения, связанные с лунными циклами. Из-за гравитационного воздействия Луны заметно меняются такие физические параметры, как атмосферное давление, влажность, состояние магнитного поля. Наверное, не зря народная медицина рекомендует больным соотносить лечение многих болезней с лунным циклом.

Дневное светило тоже играет немаловажную роль в жизни мусульманской общины, в зависимости от точного времени восхода или захода Солнца исчисляется время обязательных в исламе намазов (молитв), которые верующие исполняют в течение суток пять раз.

Праздник Разговения и Праздник Жертвоприношения

Главными мусульманскими праздниками являются

1) ИД АЛЬ-ФИТР или Ид ас-сагир (Эйде-фетр – перс, Ураза-байрам, Кучук-байрам – тюркск.) – ПРАЗДНИК РАЗГОВЕНИЯ;

2) ИД АЛЬ-АДХА (Ид-аль-курбан, Ид аль-кабир – перс, Курбан-байрам – тюркск.) – ПРАЗДНИК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.

Праздник разговения – Ид аль-фитр – отмечается по завершении поста в Священный месяц рамазан (или рамадан) трехдневным праздником, больше известным у нас в стране как Курбан-байрам.

Ид аль-фитр называется Малым праздником в противоположность Большому празднику (празднику жертвоприношения). Этот праздник связан с тем, что Всевышний в этот месяц явил своему Пророку откровения Корана.

Месяц рамадан является самым важным месяцем в году для мусульманина. Весь месяц он очищает душу и тело, в светлое время суток отказываясь принимать воду, еду и близость с женщиной. Этот строгий пост называется ураза: «О те, которые уверовали! Пост является для вас таким же обязательным предписанием, как и для тех, кто был до вас. Возможно, вы будете богобоязненными [выполнив это божественное предписание]» (Священный Коран, 2:183).

Пост – это не только воздержание, но и время, данное для того, чтобы укрепиться в вере, духовно вырасти и осмыслить свою жизнь.

Пост в рамадан является одним из пяти столпов ислама.

Строгий пост в течение всего месяца рамадан, называемый по-арабски саум (или ураза), обязателен для всех взрослых, здоровых, чистых (в ритуальном смысле) людей. От поста освобождают беременных и кормящих женщин, детей, престарелых, больных женщин и тех мужчин, которые заняты на тяжелых работах или воюют. Но временное освобождение обычно возмещается постом в течение других месяцев, исключая дни больших праздников и пятницу (выходной день для всех мусульман).

Считается, что пост во время рамадана является лучшим средством для искупления всех грехов, которые человек совершил в течение года. Ведь в исламе нет посредников между Богом и человеком (как священники в христианстве), которые могут отпускать грехи, и мусульманин сам отвечает за свои грешные поступки или мысли перед Аллахом.

Мусульманин должен поститься в светлое время суток – от зари и до заката, а ночью можно есть и пить. В светлое время суток, помимо супружеской близости, запрещается курить, вдыхать ароматные запахи, закапывать капли, пускать кровь или ставить банки.

После заката постящийся принимает легкую пищу – фитур, второй прием пищи – сахур – принимается на заре. Во время первой ночной трапезы (ифтар) мусульманин может пригласить родственников или соседей, считается, что тому, кто угощает в это время гостей, простится много грехов. Иногда приглашают муллу, который рассказывает о жизни Пророка или читает молитвы.

Начало поста, момент, когда на небе появляется молодой серп луны, отмечают выстрелами из пушек, звуками труб, а над минаретом поднимают знамя.

Конец поста отмечают в первый день месяца шавваль, который следует за рамаданом.

Целых три дня отмечается праздник разговения. Все мусульмане надевают самую красивую одежду, веселятся, поздравляют друг друга, ходят в гости, собирают пышное и обильное застолье. Соседи обмениваются наиболее удачными блюдами, все обмениваются подарками. Устраиваются уличные представления с певцами, жонглерами и другими артистами, базары заполнены оживленной праздничной толпой.

Во время праздника разговения каждый должен посетить общие молитвы в мечети или на особых площадках – намазгах. Во время общего богослужения мулла или имам читают хутбу, в которой объявляется о действительном или подлинном прохождении поста. По окончании богослужения все отправляются на кладбище помянуть умерших, идут к усыпальницам местных святых, а потом мужчины посещают дома всех недавно умерших и выражают соболезнование.

Все приветствуют друг друга словами: «Таккабаль Алла мина ва минкум» («Да одобрит Господь старания наши во имя Его»).

Праздник жертвоприношения – Ид аль-Адха – отмечается на десятый день двенадцатого месяца 12. Ид аль-Адха, как и праздник разговения, отмечается в течение трех дней.

Он также имеет истоки в Коране. Согласно Священной книге мусульман, Ангел Джабрил явился к Ибрахиму во сне и передал ему повеление Аллаха, который приказал человеку принести ему в жертву своего первенца Исмаила. Послушный воле Всевышнего, Ибрахим отправился в долину Мина (к тому месту, где сегодня находится Мекка) и начал приготовления для жертвоприношения. Но такая страшная жертва была лишь испытанием веры, и Аллах заменил сына Ибрахима на ягненка (агнец). Праздник жертвоприношения призван символизировать милосердие Бога и осознание того, что вера – самая лучшая жертва.

Праздник Ид аль-Адха обычно является кульминацией паломничества (хаджа) в Мекку. Туда стараются раз в жизни попасть все мусульмане, но далеко не всегда даже самым верующим удается совершать хадж каждый год, поэтому по мусульманским канонам можно исполнять жертвоприношение не только в Мекке, но всюду, где могут оказаться мусульмане.

Праздник дня жертвоприношения начинается с раннего утра. На заре мусульмане отправляются в мечеть к утренней молитве (есть перед ней не рекомендуется), совершив перед этим полное омовение, надев новую одежду и умаслив себя благовониями. После утреннего намаза (молитвы) все возвращаются домой, а затем обычно собираются группами на улице и поют славословие Аллаху. После этого мусульмане снова идут в мечеть, и мулла произносит проповедь, которая начинается с прославления Аллаха и его Пророка, затем следует небольшой рассказ о происхождении и значении обряда жертвоприношения.

После проповеди мусульмане посещают кладбища и молятся об умерших. После возвращения с кладбища приступают к жертвенному обряду.

Все, кто имеют такую возможность, в этот день режут жертвенное животное – барана, верблюда, корову.

Жертвенному животному должно быть не менее года (обычно режут двухлеток), оно должно быть здорово и не иметь физических недостатков. Баран или коза может считаться жертвой только от одного человека, семь человек могут вместе принести в жертву корову, быка или верблюда (верблюдов берется, как правило, пяти лет), можно приносить жертвы и за усопших. Иногда жертвенных животных украшают амулетами и ожерельями, раскрашивают краской.

Перед закланием животное валят на землю головой в сторону Мекки, а в рот кладут набод (леденец, который потом становится благословенным, и его

вынимают). Мусульманин произносит короткую молитву: «Бисмиллах, Аллах Акбар», то есть: «Во имя Аллаха, Аллах велик!» Если на церемонии присутствует мулла, он читает специальную молитву, в которой вспоминается жертвоприношение Ибрахима. Шкуры жертвенных животных часто отдают в мечеть.

Совершив заклание, обязательно следует угостить едой бедных и голодных, нельзя скупиться на угощение (садака), которое служит дополнительной защитой владельца животного от всевозможных бед и несчастий.

Сочное мясо готовится в больших котлах, из него делают самые разнообразные и изысканные мясные кушанья с массой ароматных специй, которые едят за общей трапезой, на которой также должно быть много сладостей.

В следующие дни посещают друзей и родных, обмениваясь подарками.

По мнению некоторых исламоведов, остальные праздники в исламской традиции не имеют канонических основ.

Но это не мешает мусульманам во многих странах мира прославлять Аллаха, торжественно отмечая такие даты.

Другие праздники

ДЕНЬ АШУРА (месяц мухаррам, десятый день)

Мухаррам – первый месяц нового года, его наступление, как правило, отмечают все мусульмане-шииты. Месяц Мухаррам называется «священным», ведь именно в Мухаррам Мухаммед вместе с семьей и близкими совершил свое знаменитое переселение (хиджру) из Мекки в Ясриб. В течение месяца богоугодным делом считается купить мухр – прессованную маленькую таблетку, сделанную из священной земли Кербелы или Мекки, на которой пушут изречения из Корана.

Десятый день месяца Мухаррам – День Ашура. В этот день, согласно Корану, были сотворены Небеса, Земля, ангелы и первый человек – Адам. В этот день (но в разные эпохи) свершились и другие чудесные события: корабль Нуха причалил к горе Джуди после Потопа, родился Пророк Ибрахим, Муса и его последователи спаслись от преследования фараона, и происходили многие другие чудесные явления.

Сунниты десятый день Муххарам считают особенным днем еще и потому, что, согласно преданию, именно в этот день Пророк сказал: «О люди, спешите делать добро в этот день, ибо этот день великий, благословенный. Аллах благословил в этот день Адама».

Еще со времен династии Омейядов в этот день сунниты надевали красивую и обязательно новую одежду, подводили сурьмой глаза, устраивали празднества и угощали дорогих гостей за праздничным столом, вкушали различные сласти. Со временем в праздновании этого дня мусульманами-суннитами и шиитами проявились некоторые различия.

Шииты раньше также отмечали десятый день месяца Мухаррам – Ашуру – как великий и благословенный день. Но когда в этот день в 61 год хиджры (10 октября 680 года) в Кербеле был убит аль-Хусейн, младший сын Али ибн Абу-Талиба и внук Пророка Мухаммеда – «поступили с ним и его сподвижниками так, как не поступали у всех народов с худшими из людей: их убивали жаждой и мечом, сжигали, прибавляли их головы к кресту, пускали по их телам лошадей», – то десятый день

стал для шиитов днем траура. Первую декаду месяца шииты оплакивают мученическую смерть Хусейна, а на протяжении всего месяца проводят театрализованные обряды – тазийе, символически воспроизводящие события (поминки, оплакивания) десятого дня Мухаррама. Непременные атрибуты этого представления – пустые кувшины и меха для воды (символизируют жажду мучеников), печь (по преданию, туда была спрятана голова Хусейна) и траурные саваны. Иногда особенно верующие шииты наносят себе раны, а их женщины много рыдают, ведь слезы, пролитые в дни траура, считаются благословенными. Траур длится до конца месяца.

В таких странах, как Марокко, Ливия, Алжир и Тунис, день Ашура является традиционным народным праздником, во время которого пост необязателен.

МЯУЛИД (Мавлид) АЛЬ-НАБИ (рождение Пророка Мухаммеда, месяц раби уль-авваль, двенадцатый день)

Великий для всех мусульман праздник, День рождения Пророка – Мавлид аль-Наби – отмечается в третьем месяце по хиджре, в двенадцатый день раби уль-авваль. Рождение Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует!) начали праздновать спустя три столетия после прихода ислама. До сих пор точная дата рождения Мухаммеда вызывает много споров, поэтому этот памятный день решили приурочить ко дню его смерти, который доподлинно известен.

В один день – праздник рождения и праздник смерти. Следует отметить, что в мусульманской традиции дни рождения обычно отмечаются очень скромно, если отмечаются вообще, а вот дни смерти близких, которая есть не что иное, как рождение для вечной жизни, справляются намного более патетично.

Этот праздник не похож на праздник в европейском понимании этого слова: Маулид отмечается чтением молитв и вознесением слов поминания Аллаха, день проводится в славословиях Пророку, внимательном выслушивании публичных рассказов и лекций о его жизни и рождении, публичным чтением вслух поэм, посвященных Пророку (которые называются мавалид).

На протяжении всего празднования принято эмоционально выражать радость от того, что Мухаммед пришел в этот мир как Божий посланник, возносить за это благодарность Всевышнему, раздавать милостыню нищим и вести исключительно духовные и благочестивые разговоры.

Сегодня Мавлид ан-Наби очень популярен в Сирии, Марокко, Алжире, Тунисе. В Пакистане этот день объявлен государственным праздником, который отмечают три выходных дня. Египетские малыши очень любят этот праздник за то, что в городах в этот день появляются разноцветные будки, в которых продают сахарные фигурки. Например, у малышей очень популярна фигурка всадника с саблей или «арусат аль-наби» – «невеста Пророка», украшенная цветным бумажным веером.

МИРАДЖ (Лайлат аль Исраа Уа аль Мирадж) – (видение Пророка Мухаммеда, представшего пред Аллахом и узревшего Рай, ночь 27 рад жаба)

Один из самых популярных сюжетов мусульманских преданий – это путешествие Мухаммеда из Мекки в Иерусалим (кудс) и его чудесное вознесение (мирадж) к небесному престолу Аллаха.

Согласно сказанию, Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует!) случайно заснул возле мечети и тут же чудесным молниеносным способом на крылатом коне Бураке с помощью Архангела Джабраила совершил путешествие в Иерусалим, оставил там Бурака и в сопровождении Джабраила прошел через семь небес. На первом Адам открыл ему небесные врата, на остальных (до седьмого) –

Пророки, а с седьмого неба Мухаммед явился к престолу Аллаха и, беседуя с ним, сказал 99 тысяч слов... Когда Мухаммед вернулся на землю, к мечети в Мекке, Мухаммед увидел, что постель его еще теплая, а из опрокинутого им кувшина не успела вытечь вода.

Праздник, посвященный этому событию, произошел 27 раджаба 621 года, и до сих пор он отмечается во многих мусульманских странах. Ночь 27 раджаба мусульмане проводят в бдении, пересказывая друг другу предание о чудесном вознесении Пророка, читая Коран и молясь.

ЛЕЙЛЯТ АЛЬ-КАДР (Ночь Предопределения, 27 день рамадан)

Святой Коран был послан Пророку как божественное откровение, что изменило ход истории. В конце поста месяца рамадан одну ночь мусульмане посвящают молитвам о перемене своей судьбы, а Всемогущий принимает решение, учитывая благочестие человека и его просьбы, высказанные в молитве. Зачастую эту ночь полностью проводят в мечети. Считается, что в другое время Аллаха можно беспокоить только просьбами о здоровье и душевном покое.

Ночь на 27-е число месяца рамадан считается ночью предопределения, решения судьбы, могущества. Святость Лейлят аль-кадр заключается в том, что этой ночью началось ниспослание Корана Мухаммеду. Считается, что в эту ночь Аллах принимает решение о судьбе каждого человека, учитывая его благочестие и просьбы, высказанные в молитвах. Поэтому Лейлят аль-кадр принято проводить в мечети, читая Коран и вознося Аллаху и ангелам мольбы и просьбы.

Иногда к мусульманским праздникам ошибочно относят Ноуруз (Нооруз, Навруз) – праздник Нового года. Его действительно широко отмечают в мусульманском мире, но он не связан с Кораном, а унаследован от доисламских древнейших народов. Ноуруз празднуется не по лунному, а по солнечному календарю – в день весеннего равноденствия. Праздник символизирует весеннее пробуждение природы и связан с началом полевых работ. Празднуют Ноуруз очень весело. На улице можно встретить Аму Навруза – дядюшку Навруза в яркой одежде и остроконечной шапке. Он играет на накоре, поет песни, декламирует стихи. Люди ходят друг к другу в гости, на улицах и площадях устраиваются массовые народные гулянья, на ярмарках выступают певцы, силачи, канатоходцы.

ДЕНЬ АРАФАТ (9 день зуль-хиджа)

В девятый день зуль-хиджа отмечается День Арафат, когда к подножию горы Арафат возле Мекки (считается, что это именно то место, где оказались Адам и Ева после изгнания из рая) прибывают бесчисленные толпы паломников и совершают у подножия горы намаз.

До самого заката солнца сотни тысяч людей будут возносить молитвы, помня о словах Пророка, когда его спросили о посте в день Арафат: «Это очищение грехов за предыдущий и последующий год».

В начале хаджа мусульманин обязан:

– облачиться в одеяния паломника, что символизирует его вступление в состояние ритуальной чистоты, и произнести молитву, обращаясь к Всевышнему со словами: «Вот я перед Тобой, Господи! Нет равного Тебе! Вот я перед Тобой! Воистину хвала Тебе, милость и могущество! Нет равного Тебе!»;

– обойти вокруг Каабы;

– совершить стояние у подножья Арафат, вознося молитву;

– совершить прощальный обход вокруг Каабы после стояния.

За благие поступки и богоугодное поведение в этот день вознаграждение будет усилено многократно, также как и воздаяние за грехи в этот день будет усилено многократно.

Помимо упомянутых праздников, различные направления ислама имеют свои, особые торжества. Турецкое суфийское братство Бекташийя отмечает Навруз, Новый год, совпадающий с началом весны 21 марта, толкуя его как день рождения Али. Навруз празднуют башкиры, казахи, татары, турки, азербайджанцы, персы, афганцы и другие народы, исповедующие ислам.

Шиитская община кроме ашуры в восемнадцатый день зу-л-хиджжа отмечает «праздник пруда» (Ид аль-гадир) в память о дне, когда Пророк назначил Али своим преемником около пруда Хумм. Торжественно отмечают шииты и годовщины своих имамов, а суфии считают праздничными днями памятные даты своих великих шейхов.

Но мы должны упомянуть еще об одном празднике, который все мусульмане отмечают раз в неделю. Это пятница.

ПЯТНИЦА

Пятница (йаум аль-джум'а, «день собрания») считается самым благословенным из дней недели.

Даже Пророк Мухаммед, утверждают мусульмане, чтит пятницу, совершая в этот день публичную молитву.

По легенде, Мухаммед и его зять Али родились в пятницу, именно в пятницу начал распространяться «свет ислама», да и день Страшного суда придется на пятницу.

Именно пятница (как у христиан воскресенье, а у евреев суббота) считается у мусульман днем отдыха и празднуется еженедельно.

В большинстве мусульманских стран пятница – официальный выходной день, когда можно посетить мечеть для совершения молитвы, которая выглядит более торжественно, чем в обычные дни. По пятницам происходят и большие полуденные общественные молитвы, после которых люди облачаются в праздничные одежды, готовят праздничное застолье, приглашают друг друга в гости. Считается, что ночь на пятницу – самое счастливое и благоприятное время для заключения браков.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ИМЕНА (ИСЛАМСКИЕ ИМЕНА)

Выбор имени

Разумеется, любящие мать и отец хотят дать ребенку самое красивое и достойное имя. Но в любом вероисповедании это вопрос непростой. В исламском мире существуют определенные правила, определяющие выбор имени.

В согласии с шариатом детей предпочтительнее называть арабскими именами, не персидскими или тюркскими, или, скажем, европейскими.

Особо почитаются имена Пророков, некоторое затруднение вызывает только имя Абу-Бакир, так как по шариату детям следует давать по возможности имена с одним корнем. К тому же в переводе с арабского Абу-Бакир значит «отец Бакира».

Слово «абд» (абдуль) в составе слова также приветствуется. Хотя его значение переводится как «раб», но в сочетании с именами Аллаха (которых насчитывается около сотни) это имя будет означать «раб божий». Например, Абдулла – абд-эль-Алла – значит раб Всевышнего. В сочетании с именами святых и Пророков приставка «абд» обычно не употребляется.

Имя Пророка Мухаммеда – святое имя для каждого мусульманина. Но если ребенку дали такое имя, то его родители не должны его бить или оскорблять. К тому же если ребенок не оправдает возложенных на него надежд, не оправдает святое имя, которое ему дали родители, если опорочит его, то он покроет себя позором и унижением, а на жизненном пути его будут ждать тяжелые испытания.

Некоторые святыя книги, толкующие шариат, поэтому осуждают родителей, дающих детям имена святых, Пророков или ангелов. В них говорит гордыня. Лучше дать малышу имя скромное, но отражающее его наклонности и приятное для слуха.

У мусульман есть обряд наречения имени. Начинается он с произнесения слова «азан» и чтения молитвы азана. Потом следует предварительная молитва (камэт), ребенку говорят его имя (сначала в одно ухо, потом в другое). Затем читают другую молитву, которая в переводе звучит так: «Боже! Пусть этому ребенку будет суждено стать поборником ислама и вырасти добропорядочным сыном своих отца и матери, милосердным и сострадательным, в добром здравии тела и духа!»

Имена мужчин

Аасим – заступник обиженных, защитник.

Аамир – благоденствующий, преуспевающий.

Аариф – обладающий нужными знаниями.

Абан – древнее арабское имя.

Аббас – угрюмый, мрачный, суровый.

Абд – раб (раб Всевышнего).

Абдулла (Абдул) – раб Божий.

Абдульалим – раб Всезнающего.

Абдульали – раб Высочайшего.

Абдульазым – раб Величайшего.

Абдульазиз – раб Могучего, Обладателя особого величия.

Абдульбари – раб Создателя.

Абдульбасыт – раб Дающего людям жизнь.

Абдульвадуд – раб Любящего.

Абдульвахид – раб Единственного.

Абдульгафар – раб Всепрощающего.

Абдульджабар – раб Могущественного.

Абдульджалиль – раб Величественного.

Абдулькадир – раб Всемогущего.

Абдулькарим – раб Щедрого.
Абдулькахар – раб Господствующего.
Абдулькудус – раб Священного, Чистейшего от всех недостатков.
Абдульлатыф – раб Доброго, Милостивого, Милующего.
Абдульмуджиб – раб Отвечающего.
Абдульмуиз – раб Дающего мощь и силу.
Абдульмуталь – раб Высочайшего.
Абдульмухаймин – раб Охраняющего Свои творения.
Абдульхади – раб Ведущего истинным путем.
Абдульхафиз – раб Унижающего тех, кто не подчиняется Его Закону.
Абдульхакк – раб Истинного, Учреждающего истинность.
Абдульхакам – раб Судьи.
Абдульхаким – раб Самого Мудрого.
Абдульхалим – раб Ласкового, Мягкого.
Абдульхамид – раб Достойного всех похвал.
Абдульхалик – раб Творца.
Абдуннасер – раб Дарующего помощь, победу.
Абдурразак – раб Создающего блага.
Абдуррауф – раб Снисходительного, Нежного, Милостивого.
Абдуррафи – раб Возвышающего уверовавших.
Абдуррахим – раб Всемилосердного.
Абдуррахман – раб Всемилоостивого.
Абдуррашид – раб Направляющего на правильный путь.
Абдуссабур – раб Терпеливого.
Абдуссалям – раб Миротворящего.
Абдуссамад – раб Вечного.
Абдуссами – раб Всеслышащего.
Абдутавааб – раб Принимающего покаяния.
Абдушцакур – раб Благодарного, Воздающего награду своим рабам.
Абид – поклоняющийся, молящийся.
Абидин – рабы (преданные Богу).
Абрек – избранный, самый благодатный.
Абу-Бакр – имя Сподвижника Пророка Мухаммеда, Мир Ему.
Абульхайр – творящий добро, совершающий доброе.
Авад – достойная награда, вознаграждение.
Агиль – мудрый, знающий.
Адиль (Адыль) – честный, справедливый.
Адель – праведник.
Азад (Азат) – свободный.
Азам – черный.
Азер – пламя, огонь, жар.
Аззам – решительный.
Азхар – самый яркий.
Айдын – светлый, ясный.
Айман – удачливый во всем.
Айрат – дорогой, любимый.
Айюб – имя Пророка.
Акбар – великий, величайший.
Акиф – работающий, трудолюбивый.
Акрам – щедрый, наищедрейший.
Акшин – сильный, могучий, смелый.
Али – высокий духом, возвышенный.

Алим – ученый, знающий, осведомленный.
Алпан – храбрый.
Алхан – великий хан.
Аля – благородство.
Аляуддин – благородство религии.
Амаль – надежда, ожидание.
Амджад – самый знаменитый.
Амин – верный, надежный.
Амир – правитель, принц.
Амирхан (Эмирхан) – главный начальник, руководитель.
Аммар – процветающий, успешный.
Анвер (Анвар) – самый светлый, самый яркий.
Анзор – очень заботливый.
Ансар – помощники, сторонники.
Анис – близкий друг.
Аран – выдержанный, спокойный, хладнокровный.
Ареф – мудрый.
Арман – совершенный.
Арсен – бесстрашный.
Арслан (Арсан, Асад) – лев.
Артур – крепкий, крупный мужчина.
Арш – трон, престол.
Асим – защитник.
Асиф – помилование.
Аслан – бесстрашный.
Асхаб – очень дружелюбный.
Атаа – дар, подарок.
Ауранг – мудрость, постижение.
Аус – вид дерева.
Афиф – целомудренный, скромный.
Ахмад (Ахмед) – достойный похвалы, заслуживающий похвалы.
Ашраф – самый благородный.
Аяз – сообразительный, смекалистый.

* * *

Багдат – дар, подарок Всевышнего.
Бадруддин – полная луна веры.
Баллы – сладкий, как мед.
Бамдад – раннее утро.
Басам (Баасым) – улыбающийся.
Басыль – храбрый.
Баха – прекрасный.
Бахауддин – прекрасный в вере.
Бахир – блестящий, сияющий.
Бахиуддин – сияние, красота веры.
Башаар – говорящий благие вести.
Бегенч – радость.
Бексолтан (Бексолт) – верховный султан.
Бекхан – главный князь.
Бехнам – имеющий хорошую репутацию и доброе имя.
Бехроз – счастливый.
Билаль – имя первого муэдзина (созывающего на молитву).
Бишр – радость.

Борна – юный, юность.
Бугдай – ведущий за собой, лидер.
Бурхан – свидетельство.

* * *

Вади – смирный, миролюбивый.
Ваиль – тот, кто возвращается.
Ваджих – благородный.
Вазир (Визирь) – министр.
Вакиль – защитник, покровитель.
Валид – новорожденный.
Валиуддин – покровитель религии.
Валиулла – набожный, богобоязненный человек.
Васим – изящный.
Вафик – благоденствующий.
Вахид – незаурядный, исключительный.
Вели – близкий, родной.
Видади – любовь и дружба.

* * *

Гази – целеустремленный.
Галиб – победитель.
Гаплан – воин, храбрец.
Гасан – древнее арабское имя.
Гачай – воин, храбрец.
Гашкай – счастливый.
Гая – прочный, стойкий.
Гияс – плодотворный, изобильный.
Горгуд – свет огня.
Гошгар – царственный.
Гуйч – мощь.
Гюльджан – «роза души».

* * *

Дамир – совесть, соvestливый.
Дангатар – рассвет.
Даниэль (Даниил) – божественный дар.
Данияр – обладающий знаниями, ученый.
Дашгын – сильный, кипучий.
Дауд – имя Пророка.
Давуд – любимый, дорогой.
Дестегюль – букет цветов.
Джабир – утешитель, успокаивающий.
Джавад – великодушный, щедрый.
Джавид – долгожитель.
Джалаль – «слава веры», величие.
Джамаль – красивый.
Джамальуддин – «красота веры».
Джафар – река, родник.
Дженг – битва, сражение.
Джихад – борьба за веру, сражаться за веру.
Дияуддин – «сияние веры».
Довлет – богатство, достаток.

* * *

Ерфан (Ирфан) – знание, постижение.

* * *

Забит – тот, кто приказывает.
Зайд – благоденствие.
Закарийя – имя Пророка.
Заки – непорочный.
Зафир – одерживать победу.
Захид – воздержанный.
Зия – свет.
Зульфикар – название меча Пророка, Мир Ему.
Зухайр – яркий, светлый.

* * *

Ибрагим (Ибрахим) – имя Пророка.
Идрис – имя Пророка.
Иззуддин – «величие веры».
Икрам – почет, уважение.
Икрима – голубь.
Илкин – первый, главный.
Илмаз (Иылмаз) – храбрец.
Ильдар (Эльдар) – хозяин, владелец.
Ильнур (Ильнар) – свет отечества.
Ильяс – он приходит на помощь.
Имад – опора, столп.
Имадуддин – «столп веры».
Имран – имя Пророка.
Инал – повелитель.
Ирфан – признательность.
Иса – имя Пророка.
Исам – защитник.
Искандер – одерживающий победу.
Ислам – покорность Всевышнему.
Исмаил – имя Пророка.
Исматулла – находящийся под защитой Аллаха.
Исхак – имя Пророка.
Ихсан – искренность, благородство.

* * *

Кайс – твердый, стойкий.
Камиль (Камаль) – совершенный, безупречный.
Карим – щедрый, великодушный.
Камран – счастливый, везучий.
Камшад – «счастливая мечта».
Карим – щедрый, великодушный.
Касым – твердый, крепкий.
Катада – «крепкое дерево».
Киа – царь, заступник.
Кирман – крепкий.
Комек – помощник.
Кудама – отвага, храбрость.
Кутайба – нетерпеливый.
Кямиль – совершенный.

* * *

Лабиб – восприимчивый, осмотрительный.
Лачин – рыцарь.

Лукман – имя Пророка.
Лютфи – добрый к людям, дружелюбный.

* * *

Маахир – искусный.
Маджид – великий, благородный.
Мажд – слава.
Маждуддин – «слава веры».
Мажди – славный, милый.
Майсара – удобство, комфорт.
Макин – сильный, стойкий.
Максуд – желанный.
Мамдух – прославляемый.
Мамнун – заслуживающий доверия.
Манаф – стоящий высоко над людьми.
Мансур – поддерживаемый Богом, несущий победу, победоносный.
Мардан – воин.
Марзук – благословенный Богом.
Масуд – удачливый.
Махди – устремленный по правильному пути.
Махмуд – достойный похвалы.
Мири – начальник, руководитель.
Мисбах – зажженная лампа, светильник.
Мохсен – делающий добро.
Муавийя – имя первого Халифа из династии Омейядов.
Муаз – защищенный.
Муайид – кого поддерживают.
Мувафак – преуспевающий.
Муджахид – ведущий борьбу (джихад), воин Бога, борец за веру.
Мунир – блестящий, яркий, сияющий.
Мунзир – предвестник.
Мунтасир – победоносный.
Мурад – цель, учитель.
Муртади – довольный, удовлетворенный.
Муса – имя Пророка.
Муслим – покорившийся воле Бога.
Мустафа – Избранный (одно из имен Пророка Мухаммеда, Мир Ему).
Мутасим – принимающий веру.
Мутаз – гордый.
Мухаммад (Мухаммед) – Достойный похвалы.
Муханнад – меч.
Муфид – полезный.
Мухсин – творящий благое, доброе дело.
Мухтади – праведный.
Мухтар – избранный.
Мюрид – последователь, ученик.

* * *

Наасим – улаживающий споры, миротворец.
Набиль (Набхан, Набих) – благородный, знатный, знаменитый.
Навид – добрые вести.
Наджи – спасающий.
Наджиб – благородного происхождения.
Наджмуддин – «звезда веры».

Надим – друг.
Надир – особенный, дорогой сердцу.
Назар – предусмотрительный.
Назир – предотвращающий.
Назих – непорочный.
Наиб – помощник.
Наиль – дар, подарок; исполнение желания.
Наим – тихий, безмятежный.
Намдар (Намвар) – известный.
Насим – свежий воздух.
Насих – помощник, советчик.
Нассеруддин – «защитник веры».
Насыр – друг.
Науфаль – благородный.
Неймат (Нимат) – благо.
Нияз – милосердие.
Нури – светлый.
Нурлан – блистающий.
Нуруддин – «сияние веры».
Нух – имя Пророка.

* * *

Октай – судья, служитель закона.
Омар – долгожитель (жизнь).
Омейр – долгожитель.
Омид – упование.
Омран – крепко сложенный.
Онер – первый, передовой.
Орхан – полководец, военачальник.

* * *

Пайам – хорошая весть.
Паша – хозяин, владелец.
Пейман – обещание.
Полад – сильный, могучий.
Пуджман – мечта.
Пуйа – искатель.

* * *

Рабах – одерживающий победу.
Раби – весна.
Равиль – подросток; путешественник.
Рагиб – желающий, жаждущий.
Раджаб – Седьмой месяц мусульманского лунного календаря.
Рази – секрет, загадка.
Раид – лидер, вождь.
Ракин – уважительный.
Рамиз – символизирующий благое дело.
Рамиль – волшебный, магический.
Расул – предвестник.
Ратиб – размеренный.
Рашид – осмысленный, благоразумный.
Рафик (Рафи) – милый друг.
Реза – решимость в смирении.
Рида – доброжелательность.

Ридван – довольствующийся, желающий (имя Ангела, охраняющего Рай).
Ринат – обновленный, словно заново рожденный.
Рифат – высокое положение, знать.
Рияд – сады.
Рузиль – удачливый.
Руслан – лев.
Рустам – очень крупного сложения, с мощным телом, «великан».

* * *

Саад – везение.
Сабир – терпимый.
Сабит – крепкий, прочный.
Сабих – прекрасный.
Савалан – величавый.
Саджид – совершающий суджуд, преклоняющийся перед Богом.
Садык (Садых) – искренний, преданный.
Саид – счастливый.
Сайфуддин – «меч веры».
Сакиб – комета, падающая звезда.
Сакит – миролюбивый, умеренный.
Салар – вождь.
Салах – справедливость.
Салахуддин – «справедливость веры».
Салих – праведный.
Салман (Салем, Салим) – миролюбивый, тихий.
Сами – благородный.
Самир – приятный собеседник.
Санджар – принц.
Сани – превозносящий, сияющий.
Сардар (Сардор) – начальник, руководитель.
Сарийя – ночные облака.
Сархан – великий хан.
Сафи – лучший друг.
Сахидям – ясный, безоблачный.
Сахир – бдительный.
Сепехр – небосвод.
Сирадж – свет.
Соялп – из племени храбрецов.
Сохель – звездочка.
Субхи – раннее утро.
Сулейман – живущий в здравии и богатстве.
Сууд – везение.
Сухайб – приятельский.

* * *

Таахир – скромный.
Таир – летящий.
Таймулла – слуга Господа.
Тайсир – подмога, поддержка.
Такый – благочестивый.
Талаль – пригожий.
Талгат – привлекательность.
Тамам – безупречный.
Тарик – утренняя звезда.

Тариф – особенный.
Тархан – властитель.
Тауфик – согласие, мир.
Тахир – непорочный, целомудренный.
Тимерлан (Тамерлан) – железный, непреклонный.
Тимур (Теймур) – крепкий.
Токай – боец.
Тофик (Тауфик) – удача, счастье.
Туган – сокол.
Туран – отечество.
Туркел – тюрки, тюркский народ.

* * *

Убай – древнее арабское имя.
Убайда – слуга Господа.
Умайр – древнее арабское имя.
Умар – древнее арабское имя, имя второго Праведного Халифа.
Улус – народ.
Уруз – высокий титул.
Урфан – багаж знаний, умение.
Усама – лев.

* * *

Фавуаз – процветающий.
Фадль – уважаемый.
Фида – жертвующий.
Фаик – превосходный, изумительный.
Файль – как добрая примета.
Файсал – решительный.
Фараз – благородный.
Фарбод – не идущий на компромиссы.
Фарзан – мудрый.
Фарид – выдающийся, уникальный.
Фарис – проницательность.
Фарук – счастливый.
Фатех – победитель.
Фатин – обладающий знаниями.
Фахад – рысь.
Фахир – гордый.
Фахри – почтенный, уважаемый.
Фирдаус – райская обитель.
Фироз (Фируз) – победитель.
Форухар – благоухание.
Фуад – сердце.
Фудейль – достоинство, честь.

* * *

Хабиб – любимое дитя, любимец.
Хагани – властелин.
Хади – лидер.
Хайрат – изумительный.
Хайри – творящий благое дело.
Хайруддин – благодеяние, добро веры.
Хайсам – ястреб.
Халид – вечный (в свершение праведного).

Халиль – друг; возлюбленный.
Хамза – лев.
Хамзат – быстрый.
Хами – покровитель.
Хамид – восхваляющий Бога, любящий Бога.
Ханджар – кинжал.
Хани – везучий.
Харун – упрямый, своевольный.
Хасан – прекрасный, хороший, добрый.
Хассан – красивый.
Хатим – судья, служитель закона.
Хатиф – голос совести.
Хашим (Хаашим) – великодушие, имя деда Пророка Мухаммеда, Мир Ему.
Хикмет – мудрость.
Хирад – хорошее здоровье.
Хосров – филантроп.
Хумам – отважный, великодушный.
Худ – имя Пророка.
Хусам – меч.
Хусамуддин – «меч веры».
Хуссейн – прекрасный.
Хушманд – мудрый, разумный.

* * *

Чингиз – великий, могучий.

* * *

Шади – певец.
Шайа (Шайан) – достойный.
Шамиль – охватывающий все.
Шариф – возвышенный.
Шафи – животворный, целительный.
Шафик – сердобольный.
Шихаб (Шахаб) – метеор, падающая звезда.
Шахбаз – королевский сокол.
Шахбулат – лучший, первый во всем.
Шахин – сокол.
Шахлар – сила многих повелителей.
Шахрияр – коронованная особа.
Шахьяр – друг и приближенный царя.
Шенер – веселый удалец.
Шир – царь зверей (лев).
Шухрат – слава, популярность.

* * *

Эзиз (Азиз) – дорогой.
Эль дар – властитель.
Эльман – человек народа.
Эльмир – повелевающий народом.
Эльчин – храбрец.
Эльшад – властелин народа.
Эмир – главный начальник, первый руководитель.

* * *

Юнус – (голубь) имя Пророка.
Юсуф – имя Пророка.

* * *

Явуз – грозный.

Ялчин – величавый.

Янар – пламенный.

Ясин – одно из имен Пророка Мухаммеда, Мир Ему.

Ясир (Ясар) – легкий, непринужденный.

Яхья – имя Пророка.

Яшар – существующий.

Имена женщин

Аалия – благородная, возвышенная.

Аамаль – надежная.

Абир (Анбар) – благоухание, благовоние.

Аблаа – безупречная.

Адаб – уважительная, учтивая.

Айда (Аида) – возвращающаяся (к благу).

Айе – редкостная, уникальная.

Айла (Айлы) – лунная, красивая, подобно луне.

Аиша – благоденствующая.

Айша – живущая, живая; имя жены Пророка Мухаммеда, Мир Ему.

Азза – царственная.

Азиза – дорогая, ненаглядная.

Азхар – цветущая, цветы, бутоны.

Алсу – прекрасная, розоволицая, красавица.

Алия – величавая, благородная.

Альмас – алмаз.

Альфия – дружелюбная, вызывающая симпатию.

Амаль – надежда.

Амани – желанная.

Аматулла – раба Божия.

Амина – верная, надежная.

Амира – принцесса.

Анан – облака.

Анвар – лучи света, светящаяся.

Аниса – приветливая.

Арва – горная козочка.

Арибах – благоразумная, проникательная.

Аруб – любящая своего мужа.

Асалах – целомудрие, благочестие.

Асах – зеленое плодоносное дерево.

Асиля – благородная.

Асия – помогающая слабым и излечивающая их.

Асма – дочь Абу-Бакра, добродетельная.

Афраа – белая.

Афрах – везучая.

Афаф – целомудрие, безгрешность.

Ахд – верная.

Ахлям – мечтательная.

* * *

Баасыма (Басма) – улыбка, улыбающаяся.

Бадрия – лицом подобная полной луне, луноликая.

Бара – прекрасная.

Батуль – девушка, девственница.

Бахийя – прекрасная, сияющая.

Башира – приносящая хорошие вести.

Бахира – блистающая.

Бусайна – красивая телосложением.

Бушра – хорошее предзнаменование.

* * *

Варда – роза.

Вафа – верность.

Видад – любовь.

* * *

Гада – прекрасная.

Гайда – юная и нежная.

Галия – драгоценная, любимая.

Гульнара – гранатовый цветок.

Гульфия – похожая на цветок.

Гуля – цветок.

* * *

Джаля – безоблачность, прояснение.

Джумана – серебряная жемчужина.

Джамия – прекрасная.

Джаннат – райская обитель.

Дельфуза – серебро души.

Духа – утро.

* * *

Заира – гостья.

Зайна – прекрасная.

Зайнаб – имя дочери Пророка Мухаммеда, Мир Ему.

Зайнап – обладательница крепкого, крупного телосложения.

Закия – смекалистая, смышленная, догадливая.

Зарима (Зарема) – воспламеняющая, воодушевляющая.

Зафира – победительница, везучая.

Захидат (Захида) – женщина, принимающая аскетический образ жизни.

Захира – сверкающая, блестящая.

Зиля – милосердная, с чистым сердцем.

Зульфия – девушка с кудрявыми волосами; симпатичная, миловидная.

Зухра – цветок, звезда.

* * *

Ибтихадж – веселье.

Издихар – цветущая.

Икрам – гостеприимство, щедрость, великодушие.

Ильнара (Эльнара) – родной свет, свет отчизны.

Иль хам – вдохновение.

Иман – вера.

Имтисаль – учтивая, уважительная.

Инайа – забота.
Инам – благотворительность, благодеяние.
Инас – дружелюбие, общительность.
Интисар – триумф, победа.

* * *

Камиля – безукоризненная.
Камля – совершенная.
Карима – щедрая.
Кяукаб – звезда.
Кяусар – река в Раю.
Кульсум – имя дочери Пророка Мухаммеда, Мир Ему.

* * *

Ламис – кроткая, беззлобная.
Латыфа – мягкая, нежная.
Лейла – черноволосая.
Лина – ласковая.
Любаба – мягкосердечная.
Ляля – тюльпан.
Лямья – красавица.

* * *

Маджида – величественная, царственная.
Мадиха – заслуживающая похвалы.
Маймуна – благословенная.
Майса – горделивая, достойная.
Майсун – имеющая красивое лицо и тело.
Макарим – с хорошим и благородным характером.
Малика – царица, повелительница.
Маляк – ангел.
Маналь – достижение, созидание.
Манар – блистающая.
Марам – стремление.
Марифа – багаж знаний, познание.
Марьям – имя матери Иисуса, Мир Ему.
Маха – газель.
Муна – мечта.
Мунира – озаряющая.
Муфида – нужная, полезная.
Мухджа – душа.
Махфуза – сберегаемая.
Мушира – советница.

* * *

Набиля – царственная.
Набиха – благоразумная.
Наваль – подарок.
Навар – цветок.
Нада – роса.
Надва – советующая.
Наджа – успех.
Наджат – невредимая.
Наджиба – благородная (по происхождению).
Наджия – миролюбивая, спокойная.
Наджля – широкоглазая.

Надида – равная.
Надира – драгоценная, дорогая.
Надия – первая.
Найрият – освещающая, блистающая.
Назаха – чистота, праведность, непорочность.
Назиха – честность.
Назия – жизнелюбка.
Наиля – добывающаяся, достигающая.
Найма – аристократичная.
Насира – победительница.
Науваль – подарок, дар.
Наувар – цветок.
Нафиса – бесценная.
Нахля – пчелка.
Нашида – песня.
Нашита – энергичная, полная жизни.
Нашиха – помощник, советчик.
Несаим – красивый цветок.
Нибааль – возвышенная.
Нигара – милостивая, привлекательная.
Нида – призывающая.
Нимат – благословение.
Нисайем – цветок.
Нузар – золото.
Нур – свет.
Нуха – разумная.

* * *

Рабаб – белое облако.
Рабия – весна.
Рагд – милая.
Раджа – надежда.
Радуа – название горы в городе Медина.
Радыйя – довольная, убогаторенная.
Райда – вождь, лидер.
Райхана – услада, блаженство.
Райя – утолившая жажду.
Рана – веселая, жизнерадостная.
Ранд – дерево, пахнущее приятно.
Ранийя – радостная.
Рауда – сад.
Рафа – удача, процветание.
Раша – молодая газель.
Рашида – благоразумная, мудрая.
Рим – газель.
Рима – белая антилопа.
Римма – нравится всем.
Роза – цветок розы, букет.
Рукан – уверенная, твердая.
Руфина – верная подруга.

* * *

Саадат (Сагадат) – удача, благополучие, успех.
Сабира – терпеливая, покорная.

Савсан – лилия.
Сакина – смиренная, тихая.
Салима – невинная, полная здоровья.
Салиха – славная, полезная.
Салма – тихая, спокойная.
Сальва – утешение.
Самийя – благородная.
Самиха (Самах) – щедрая.
Сана – великолепие.
Санаа – признательность.
Сараа – роскошь, достаток.
Сафа – ясность, чистота.
Сахар – рассвет.
София (Сафия) – беззаботная, спокойная.
Сумайя (Самия) – благородная, величавая.
Сумув – вершина, величие.
Суха – звезда.
Сухайля – полнотелая, плавная.

* * *

Талия – приятная, радостная.
Тана – признательность.
Тара – состоятельность.
Таруб – оживленная, веселая.
Тарут – праздничная.
Тахира (Тагера) – невинная, непорочная.
Турайа – звезда.

* * *

Уаджиха – выделяющаяся.
Уарда – роза.
Уафа – верность.
Уафика – везучая.
Уафия – преданная.
Уидад – дружелюбие, дружба.
Уиджан – впечатлительная, ранимая.
Уисааль – союз любви.

* * *

Фавзия – везучая.
Фадилья – добродетели.
Фадуа – приносящая себя в жертву.
Файза – победительница.
Факия – остроумная, забавная.
Фаляк – заря.
Фарида (Фаридэ) – уникальная, единственная.
Фариха – удачливая, радостная.
Фатин (Фатина) – пленительная, прелестная.
Фатыма – имя дочери Пророка Мухаммеда, Мир Ему; зрелая, понимающая.
Фаузия – счастливая, побеждающая.
Фирдаус – рай.

* * *

Хаадия – указывающая праведный путь.
Хадиджа – имя жены Пророка Мухаммеда, Мир Ему.
Хадийя – подарок, дар.

Хайрийя – щедрая, изобильная.
Хайям – любящая очень сильно.
Хайят – жизнь.
Хайфа – стройная, изящная.
Халида – бессмертная.
Халима – нежная, мягкая, терпеливая.
Хамида – достойная похвалы.
Хана – счастье.
Ханан – милосердие.
Ханийя – удовлетворенная, счастливая.
Ханифа – воистину верующая.
Хасна – ладная, милая.
Хесса – судьба.
Худа – прямой путь.
Хулюк – бессмертие.
Хума – приносящая радость людям.
Хурийя – свободная.
Хусн – красавица.

* * *

Шадиа – певица.
Шарифа – знатная.
Шатха – ароматная, приятно пахнущая.

* * *

Эльвира – оберегающая, защищающая.
Эльмира – порядочная, совестливая.

* * *

Якутах – изумруд.
Ямха – голубка.
Ясира – кроткая, тихая.
Ясмин – жасмин.
Яфья – благородная, возвышенная.